

ПРАВО И ИНТЕРНЕТ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

2-е издание, дополненное

И.М. РАССОЛОВ

Рассолов Илья Михайлович - доктор юридических наук, специалист в области информационного права, права и управления. Заведующий кафедрой информационного, предпринимательского и торгового права Российского государственного торгово-экономического университета, член Общественного совета Московского бюро по правам человека. Член Союза писателей Москвы.

За последние годы автором написаны и изданы следующие монографии и учебные пособия: "Интернет-право" (М., 2004), "Позитивное право и виртуальное пространство" (М., 2005), "Проблемы интернет-права" (М., 2007), "Право и киберпространство" (М., 2008). Очередная работа И.М. Рассолова посвящена актуальным теоретическим проблемам нового комплексного института права - интернет-права. В ней исследуется концепция Интернета в свете современного правоведения, дается характеристика нового типа общественных отношений - интернет-отношений, показаны роль и место интернет-права в системе права и системе юридических наук.

Репензенты:

Сектор информационного права Института государства и права РАН (заведующая сектором доктор юридических наук, профессор И.Л. Бачило).

Кафедра информационного права, информатики и математики Российской правовой академии Министерства юстиции РФ (заведующий кафедрой доктор юридических наук, профессор А.В. Морозов).

А.С. Брод - директор Московского бюро по правам человека, член Общественной палаты РФ.

Предисловие

Интернет прочно вошел в нашу повседневную жизнь, стал ее неотъемлемой частью. Сегодня трудно представить, что совсем недавно его еще не было. Не было тех фантастических возможностей, которые он нам предоставляет в любой области. Например, товарооборот в российском сегменте Интернета в 2008 г. составил порядка 8 млрд. долл. США.

Но вместе с Интернетом возник и новый тип общественных отношений - интернетотношения. Деятельность в Сети рождает множество проблем - этических, экономических, социальных и правовых. И все их нужно исследовать и упорядочить. Поэтому мне представляется интересной книга молодого исследователя И.М. Рассолова "Право и Интернет".

В работе впервые предпринята попытка представить интернет-право как современное направление юридической науки. Для обоснования этого положения автору потребовалось проанализировать целый круг проблем: исследовать понятие и содержание интернет-права в свете современной юридической науки; охарактеризовать отношения, регулируемые интернет-правом; рассмотреть общую концепцию Интернета с точки зрения информационного права; исследовать понятие, основные черты и формы проявления права виртуального пространства; изучить поведение субъектов в цифровой

среде; исследовать отдельные проблемы правосознания и правовой культуры участников интернет-отношений.

В исследовании предложено решение важных проблем в сфере защиты интеллектуальной собственности. Одна из таких проблем - пресечение распространения контрафактной продукции. Автор справедливо указывает, что существующий механизм правового регулирования защиты интеллектуальной собственности (литературной, художественной, промышленной) не должен быть поставлен под сомнение развитием Интернета и других информационных сетей.

И.М. Рассолов полагает, что у обладателей интеллектуальных прав существуют общие средства защиты в данной сфере, в частности, при поддержке публичных властей. Он обосновывает положение, согласно которому механизмы защиты информационных продуктов должны ощутимо ограничить подделки. На провайдеров предлагается также воздействовать мерами гражданской и уголовной ответственности, побуждая их блокировать доступ к контрафактной продукции или информации подобного содержания, когда она уже "схвачена" и преследуется законными владельцами. Значительное внимание уделяется разработке юридических процедур в этой области, что позволит развить систему технической защиты.

В книге И.М. Рассолова решен важнейший теоретический вопрос о подсудности споров в случае нарушения права интеллектуальной собственности, в том числе и когда эта деятельность осуществляется гражданами разных стран. В зависимости от доли ущерба следует, по мнению автора, применять законодательство места пребывания пострадавшей стороны.

И.М. Рассолов предлагает пересмотреть существующий механизм вознаграждения и гонораров наемных работников на так называемом удаленном доступе. Действительно, увеличение числа продуктов, произведенных наемными работниками в цифровой форме, с учетом роста числа мультимедийных произведений в Интернете выдвигает на первый план множество юридических проблем в сфере трудового и гражданского права. Кроме поправок в российское законодательство, в первую очередь в Трудовой кодекс, следует определиться с понятиями "автор" и "соавтор" в электронной среде. Защита интеллектуальной собственности на информационные продукты должна найти точку равновесия между запросами авторов, права которых должны быть обеспечены в среде сетей, и экономическими интересами корпораций.

Автор уже опубликовал ряд работ по теме исследования, которые активно используются преподавателями и студентами юридических вузов: например, "Право и Интернет. Теоретические проблемы" (М., 2003); "Право и киберпространство" (М., 2007) и др.

Отдельная тема, которая могла бы найти отражение в последующих исследованиях автора, - интернет-право в интеллектуальных играх: человек и машина, в частности в шахматах. Ее глубокая разработка вызвала бы большой теоретический резонанс и внесла бы значительный практический вклад в правовое просвещение любителей, профессионалов, тренеров и судей. Заслуживает также серьезного исследования проблема влияния новых технологий на окружающую среду (киберсреду).

Анатолий Евгеньевич Карпов, Президент Международной ассоциации фондов мира, 12-й чемпион мира по шахматам

Глава 1. ИНТЕРНЕТ-ПРАВО КАК ОБЛАСТЬ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

§ 1. Киберпространство и позитивное право

Интернет представляет собой часть мировой коммуникационной технологии, которая активно развивается и эволюционирует в нынешнем столетии в совершенно новую информационную индустрию. Выход Интернета в космическое пространство, названное объединением глобальных пространств, лишь первый шаг такой модификации. Вполне очевидно, что мы переживаем переходный период, то, что можно назвать технологической "разминкой".

Сегодня можно пересчитать по пальцам монографические и диссертационные работы, посвященные проблемам права и Интернета, правовому регулированию отношений в виртуальном пространстве. В большинстве опубликованных работ по информационному праву основное внимание уделяется прикладным аспектам Интернета и права, акцентируется внимание на естественнонаучной характеристике самого Всемирной информационной сети, или Паутины, Интернета (как информационной системы) и на исследовании частных проблем интернет-права (вопросов электронной торговли, оказания интернет-услуг, использования электронной цифровой подписи в киберпространстве) <1>. В то же время в юридической литературе пока почти не разработана проблема системного исследования интернет-права как комплексного института, который связан и взаимодействует не только с информационным правом, но и с международным частным правом, международным публичным правом, гражданским, уголовным и другими отраслями права, проистекает от них и одновременно является новым направлением современной юридической науки.

<1> Понятия "Сеть", "Всемирная информационная паутина", "виртуальное "информационные пространство", "виртуальная среда", отношения", "сегмент" юридической недостаточно рассмотрены литературе. Понятия "виртуальное В пространство" и "киберпространство" в данной работе употребляются как равнозначные. Основные черты, признаки и формы проявления права виртуального пространства будут исследованы далее.

Эта работа нацелена на комплексное исследование теоретических проблем современного права и Интернета в условиях осуществляемых в нашей стране реформ, обновления правовой системы общества и ее подсистем, перевода юридической науки в свете всеохватывающей информатизации в качественно новое состояние.

Действительно, Интернет формирует новое информационное, предпринимательское и коммерческое пространство, связанное с оборотом информации. Мировые сети дают нам многие преимущества: в возможности общаться друг с другом, покупать товар, расположенный в другой части света, причем "в одно касание"; в распространении информации - в Интернете это происходит быстрее и дешевле (скорость, дешевизна и мобильность - это главный "мотор" развития электронных обменов); в относительно низкой стоимости каналов связи; в возможности обслуживать клиентов 24 часа в сутки, семь дней в неделю; в распространении рекламы и ее стоимости в Сети; в возможностях электронного документооборота, быстроте расчетов между клиентами электронными платежами; в минимизации налогообложения, упрощении бухгалтерского учета.

Количество пользователей Сети в мире превышает 1,5 млрд. человек, в России эта цифра стремительно приближается к 40 млн. человек. Если степень проникновения Интернета увеличится (пока им охвачено примерно 26% всего населения), Россия может занять второе место в Европе по числу пользователей Сети после Германии <1>. Мировые сети стирают границы и расстояния между людьми. Они создают равные возможности по доступу к информации, накопленной многими поколениями. Таким образом, исчезает

культурный разрыв между федеральным центром и регионами РФ. В настоящее время Интернет и интернет-право являются следствием экономического подъема многих стран, который связывается с развитием электронных средств связи, появлением новых рабочих мест и профессий. Сейчас уже можно говорить о коммерческих преимуществах и существенных доходах от использования Интернета в банковской сфере, в сфере распределения, доставки товаров, страховании.

<1> Министерство связи и массовых коммуникаций РФ прогнозирует, что распространение Интернета в России в 2010 г. может составить 51% пользователей от населения страны, на 100 россиян будет приходиться 43 персональных компьютера.

Все эти удобства порождают, однако, многие юридические проблемы. Среди них: разработка понятийного аппарата юридической науки в свете информатизации и Интернета; проблема идентификации лиц, повышения уровня правосознания пользователей, проблема профессиональной этики и качества поведения субъектов права; проблема более четкого определения источников права; уточнения характера действия права в пространстве и по кругу лиц; проблема сбора доказательств и подтверждения так называемых сетевых юридических фактов, которые перестают существовать в доступной форме к моменту рассмотрения дела в суде; допустимость таких доказательств, их достоверность; проблема противодействия киберпреступности и др.

последние годы во всем мире значительно увеличилось законодательных коллизий, связанных с электронной экономикой. Человечество впервые столкнулось с ситуацией, когда циркуляция информации приобрела масштабный характер и осуществляется в электронно-цифровой форме, а существующие законы, регулирующие вещные отношения, не всегда подходят для разрешения коллизий, связанных с этим новым видом регулирования отношений. В Российской Федерации ситуация усугубляется еще и тем, что нет хорошо проработанной законодательной традиции регулирования chepe информатики электронной экономики. **Действующее** отношений И законодательство в этой сфере явно недостаточно, имеет грубые нарушения в юридической технике, что не способствует формированию информационного общества.

Киберпространство <1> представляет собой очень сложное явление. По нашему мнению, это явление может быть рассмотрено в единстве социальной и технической сторон.

<1> Одной из первых удачных работ, посвященных анализу данной категории с позиции теории права, является диссертация Д.В. Грибанова. См. подробнее: Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

Социальная его сторона состоит в том, что киберпространство - это совокупность общественных отношений, возникающих в процессе использования Интернета и других сетей, складывающихся по поводу информации, обрабатываемой при помощи ЭВМ. Следует отметить, что объектом данных отношений выступает не всякая информация, а только та, которая обращается в Сети.

Информация в данной работе рассматривается как мера организации материальных, энергетических, пространственных факторов объекта; как совокупность различных сообщений о событиях, действиях, происходящих в киберпространстве и внешней по отношению к нему среде; как средство уменьшения неопределенности (Клод Элвуд Шеннон); не энергия и не материя, а обозначение содержания, полученного от внешнего мира в процессе приспособления к нему (Норберт Винер). Информация может быть правовой и неправовой; открытой и ограниченного доступа.

Техническая сторона заключается в том, что киберпространство - это одновременно и сложный технический объект (набор технических и программных средств; совокупность

информационных ресурсов и информационной инфраструктуры), обеспечивающий движение потоков информации. Поэтому следует обратить внимание на базовые принципы построения данной инфраструктуры информации (Интернета): децентрализация, планетарность и доступность из любой точки земного шара, деление на структурные зоны или сегменты, конвергенция, быстрота и мгновенность международных обменов и др. В этой связи следует дать определение компьютерной сети.

Компьютерная сеть - это специальное средство связи, которое обеспечивает обмен, передачу, иное движение информации в значительных объемах и с большой скоростью за счет действия ЭВМ и специального программного обеспечения. Таким образом, Интернет представляет собой крупную (но не единственную) международную компьютерную сеть, которая позволяет осуществлять передачу цифровой информации в значительных объемах с большой скоростью посредством ЭВМ и различного программного обеспечения. Интернет и другие коммуникационные сети формируют всемирное кибернетическое пространство.

Когда говорят о киберпространстве, имеется в виду именно пространство, а не территория. В соответствии с современной правовой доктриной территория хоть и не всегда связана с поверхностью земли, но имеет связь с национальными географическими границами, которые, в свою очередь, влияют на компетенцию государств и юрисдикцию судов. Поэтому ошибочно считать, что киберпространство - это территория, даже со смешанным международно-правовым статусом. Это все же международное планетарное пространство.

В действующем законодательстве существует несколько определений пространства. Так, под воздушным пространством Российской Федерации понимается воздушное пространство над территорией РФ, в том числе воздушное пространство над внутренними водами и территориальным морем (ст. 1 Воздушного кодекса РФ). Космическое пространство - это расположенное за пределами земной атмосферы пространство, включая Луну и другие небесные тела; пространство за пределами земной атмосферы. Эта граница между атмосферой Земли и космическим пространством находится на высоте 100 км (возможная высота спутника на околоземной орбите). С 1959 г. действует Комитет ООН по использованию космического пространства. В мире обсуждается вопрос о создании аналогичной международной координационной структуры и для Интернета.

Пространством в физике называют ту "арену действий", на которой разворачиваются физические процессы и явления и которую мы субъективно ощущаем как "вместилище предметов". Пространство в математике - это логически мыслимая форма (или структура), служащая средой, в которой осуществляются другие формы и те или иные конструкции. То есть это состояние материи, характеризующееся наличием протяженности и объема (например, правовое пространство, векторное пространство, функциональное пространство, топологическое пространство, метрическое пространство).

Исходя из данных определений, можно сделать вывод, что пространство - это состояние материи, характеризующееся наличием протяженности и объема и способное что-либо вместить.

Итак, **киберпространство** - это сфера социальной деятельности, связанная с оборотом информации во Всемирной информационной паутине, а также в других информационно-коммуникационных сетях (региональных, опорных, ведомственных, корпоративных).

К сожалению, в настоящее время не существует "легального", или общепринятого, определения ни кибернетического, ни виртуального пространства. Однако киберпространство может быть нами рассмотрено в трактовке Верховного суда США как "уникальная среда, не расположенная в географическом пространстве, но доступная каждому в любой точке мира, посредством доступа в Интернет".

В свете теории права и информационного права кибернетическое пространство может быть представлено как:

- 1) глобальное объединение компьютерных сетей и информационных ресурсов, не имеющих четко определенного собственника и служащих для интерактивного соединения (коммуникации) физических и юридических лиц;
- 2) новое пространство человеческого самовыражения и общения; международное пространство, пересекающее любые границы;
- 3) децентрализованное пространство, которым никакой оператор, никакое государство полностью не владеет и не управляет;
- 4) разнородное (гетерогенное) пространство, где каждый может свободно действовать, высказываться и работать (говоря образным языком пространство "разума и свободы").

Проводя дальнейший анализ, следует разграничить Интернет как важный институт информационного общества, глобальную информационно-коммуникационную сеть от отдельных информационных ресурсов, наполнений, которые его составляют, в частности порталов, сайтов и др. Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. "Об информации, информатизации и защите информации" <1> рассматривал информационные ресурсы как отдельные документы и отдельные массивы документов в информационных системах: библиотеках, архивах, фондах, банках данных и т.п. (ст. 2 Закона). Несмотря на некоторую уязвимость данной формулировки, ее все же можно принять за основу. Итак, информационные ресурсы Интернета - это совокупность информационных технологий и баз данных, которые доступны при помощи Всемирной сети (электронная почта, файлообмен и т.д.).

<1> C3 РФ. 1995. N 8. Ст. 609.

Структура Интернета будет неполной, если не сказать о ее главной составляющей - сайтах. Сайт согласно ст. 2 Закона г. Москвы от 31 марта 2004 г. "О гарантиях доступности информации о деятельности органов власти города Москвы" <1> есть совокупность информационных ресурсов, размещаемых в соответствии с законом или решением соответствующего органа власти в Интернете по определенному адресу, опубликованному для всеобщего сведения. В киберпространстве существует единая система доменных имен, с использованием которых субъекты интернет-права могут обращаться к информационным ресурсам в целях поиска и систематизации информации. Таким образом, домен - это уникальное символьное имя (наименование), предназначенное для навигации в киберпространстве и идентификации информационного ресурса в сети Интернет.

<1> Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2004. 7 мая.

Вполне закономерно возникает вопрос: что именно регулирует позитивное право общественные отношения или само киберпространство? И на какую, собственно, социальную сферу (или ее часть) воздействует интернет-право? Сошлемся на мнение известного теоретика права профессора В.Н. Протасова, который считает, что социальная сфера включает три компонента. В нее входят: люди, общественные отношения, деятельность <1>.

<1> См.: Протасов В.Н. Что и как регулирует право: Учеб. пособие. М., 1995.

Таким образом, позитивное право здесь воздействует на общественные отношения субъектов (людей) в процессе осуществления ими своей деятельности с использованием мировой инфраструктуры Интернета. Причем под правовым регулированием интернетотношений мы понимаем целенаправленное воздействие на процессы в цифровой среде Интернета правовыми средствами в целях их упорядочения и прогрессивного развития;

это также воздействие на поведение субъектов права с помощью норм права, которое обеспечивает их нормальную и правильную работу.

На наш взгляд, Интернет формирует особую информационную сферу, связанную с оборотом цифровой информации. Ее можно назвать интернет-сферой <1>. Сама интернет-сфера может быть рассмотрена нами как определенный срез в исследуемом объекте (инфосфере). Она в определенных условиях может быть представлена и как виртуально окружающая нас среда. Среда, на наш взгляд, представляет собой функциональное понятие и обозначает все другие системы, которые окружают исследуемую.

<1> Интернет-сфера, в свою очередь, также может быть дифференцирована нами на отдельные составляющие части, например в нее входит блогосфера (интернет-пространство, формируемое сообществом блоггеров).

И еще один важный момент. Интернет - это не только средство доставки информации, провода, базы данных и компьютерные системы. Это также средство сосуществования и взаимодействия людей. Поэтому можно говорить о некотором сообществе лиц, которые активно действуют в этой среде для достижения своих собственных целей. Цифры сами говорят за себя. Точкой отсчета для "жизни" российской доменной зоны можно считать 1994 г. Прошло более 10 лет, и в сентябре 2007 г. был зарегистрирован уже миллионный домен в зоне Рунета. Оптимисты считают, что к 2015 г. 80% населения нашей страны будет охвачено Интернетом. Таким образом, будет решена важная проблема цифрового неравенства и информационного (технологического) разрыва между центром и регионами Российской Федерации. На наш взгляд, если прогнозы оправдаются и задача "цифрового выравнивания" будет решена, то это окажет существенное влияние на улучшение качества жизни россиян. Пока что Россия отстает по степени проникновения информационных технологий в повседневную жизнь граждан от многих европейских стран, США, Японии и Китая <1>.

<1> Например, на 2008 г. в США число пользователей составило 223 млн. человек (всего жителей США 302 млн. 87 тыс. человек), т.е. охвачено Интернетом 71% взрослого населения страны; в Китае из 1 млрд. 300 млн. общего числа жителей охвачено Интернетом 253 млн., т.е. 19% взрослого населения страны. Для сравнения: в России число пользователей 29 млн. 4 тыс. человек, а всего жителей - 142 млн. 8 тыс.

Если допустить, что интернет-пространство - это не только сложный технический объект, но и сообщество лиц, вступающих друг с другом в различные связи и различные отношения по поводу информации, циркулирующей в мировой инфраструктуре, то можно говорить о формировании определенного общества граждан разных стран и континентов, существующего без четко определенных национальных границ, а также территории и обладающего зачатками (пока еще!) коллективного разума. Таким образом, вопрос о правовом статусе такого лица (виртуального или пространственно реального) является ключевым вопросом интернет-права.

Итак, всеохватывающее информационное пространство, основанное на широком применении компьютерной техники, информационных технологий и Интернета, объединяет людей из разных стран и всех уголков земного шара в единое мировое сообщество без географических и геополитических границ. Роль обмена информацией в таком сообществе неумолимо возрастает.

Несмотря на положительные изменения в последние годы в сфере правового регулирования информационных технологий, пока еще отсутствует однозначно сложившаяся правовая терминология. Поэтому следует определиться с понятийным аппаратом, используемым в данной работе. Надо заметить, что такие понятия, как "интернет-законодательство", "субъекты интернет-отношений", "интернет-споры", "кибербезопасность", вводятся в литературе по теории права и информационному праву

впервые, в контексте анализа новых подходов к интернет-праву. И им в литературе не даются определения.

На наш взгляд, интернет-законодательство - это совокупность законов, иных нормативных актов (национальных, например России и зарубежных государств), регулирующих отношения в виртуальном пространстве Интернета. В качестве интернетотношений выступают только те отношения, которые связаны с социально-правовым регулированием виртуального пространства (т.е. с регулированием этого пространства на основе норм права, морали, этики и других средств). Субъекты интернет-отношений - это провайдеры, владельцы серверов и другие лица, которые пользуются Интернетом. Кибербезопасность определяется нами как состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз в киберпространстве (части информационной сферы) на основе обшепризнанных и норм международного и национального права. При ЭТОМ защищенностью следует понимать активные действия субъектов интернет-права, направленные на достижение определенной степени безопасности объекта охраны в целях сохранения конфиденциальности, целостности и недоступности информации для третьих лиц во всемирном виртуальном пространстве. Интернет-спор - это неурегулированное разногласие, возникающее между различными субъектами права в виртуальном пространстве Интернета и рассматриваемое в судах общей юрисдикции, третейских судах, специальных комиссиях и т.д.

Для уяснения сути новой концепции права для киберпространства следует принять во внимание не только позитивистский подход к правопониманию, но и обратить свой взор на другие точки зрения. Так, А.Б. Венгеров выделил два подхода к пониманию права: узкий (монистический), согласно которому право есть система правил поведения, обладающих необходимыми признаками, и широкий (плюралистический), где право рассматривается как "мера свободы личности, опять же с учетом проблем, связанных со свободой воли, свободой выбора, соотношения свобод и интересов разных индивидов и т.д." <1>. По мнению академика В.С. Нерсесянца, право может быть рассмотрено как мера свободы, формальное равенство, получившее благодаря законодательному признанию официальную государственную защиту <2>. Опираясь на данные позиции, можно сделать важные выводы. По нашему мнению, право в этой среде может трактоваться как интернет-право; как общеобязательные нормы о правовой информации; как общая воля субъектов (участников) интернет-отношений; как результат согласования и сочетания их интересов в виртуальном пространстве; как всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях людей; как нормативно выраженная свобода, равный масштаб (мера) поведения различных указанных субъектов.

(1) D A F T W 1000 C 222

Несмотря на то что Интернет - это явление искусственное, созданное людьми, вместе с тем в этой среде мы видим яркое проявление всего естественного, в том числе и естественного права (права на свободу слова, выражение мнений, право на объединение и т.д.).

Между правом и Интернетом существуют прямые и обратные связи. Они, на наш взгляд, состоят в следующем.

Первое. Деятельность физических и юридических лиц с использованием Сети является серьезным фактором правообразования во многих странах.

Второе. Действующие законы и подзаконные акты способны ограничивать поведение субъектов в этом пространстве, придавая тем самым им направленность, упорядоченность, вводя их в определенные рамки.

<1> Венгеров А.Б. Теория государства и права. М., 1999. С. 323.

<2> См.: Нерсесянц В.С. Проблемы общей теории права и государства. М., 2008.

Третье. Позитивное право является важным средством укрепления правосознания участников информационных обменов. При этом сами участники интернет-отношений выдвигают собственные требования к позитивному праву.

§ 2. Основные подходы к пониманию интернет-права

Анализ современной юридической литературы показывает, что теоретики права в настоящее время пока лишь в общем плане рассуждают о проблемах права и Интернета, их взаимосвязи и взаимодействии, выделяя незначительную совокупность аспектов и задач Интернета в юридической сфере. При этом многие из них вообще не используют "интернет-право". Некоторые исследователи и практики неоднозначно трактуют сам термин "Интернет" и в связи с ним механизм правового регулирования информационных отношений. В основном этот термин в научнотеоретическом аспекте они связывают с информационным правом как формирующейся новой отраслью юриспруденции, естественнонаучной сущностью Всемирной виртуальной среды (Сети) или с правовым регулированием отношений в информационном обществе в целом.

В частности, И.Л. Бачило <1>, характеризуя актуальные проблемы информационного права на современном этапе и ссылаясь на специальные публикации по тематике "Право и Интернет", подготовленные в Институте государства и права РАН (сектор информационного права), специально не употребляет термин "интернет-право". Она говорит об Интернете как о распределенной всемирной базе знаний и об информационном праве как о формирующейся отрасли права, которая набирает силу и сегодня реализуется в формах доктрины, законодательства, правоприменения, правосознания и учебной дисциплины. Интернет-право, как видно из публикаций, рассматривается в общем плане как часть информационного законодательства, норм морали, этики и др., с помощью которых регулируется Всемирная паутина, содержащая многочисленные базы и банки данных. Вместе с тем автор отмечает, что Интернет является особой сферой и многие стороны социальной жизни приобретают здесь виртуальный характер, а отношения реализуются в так называемом нулевом пространстве. И.Л. Бачило считает, что регулирование отношений в данном пространстве должно опираться преимущественно на национальное законодательство, вместе с тем в ближайшее время следует ставить вопрос о создании наднационального права для всех государств, основанного на авторитете признанных международным сообществом стандартов <2>. Одновременно автор определяет пути правового влияния на формирование инфраструктуры информационной сферы, проблемы обеспечения интересов пользователей - потребителей продукции современной информатики и механизм правового регулирования в наиболее чувствительных областях информационной безопасности.

системе права Российской Федерации // Государство и право. 2001. N 2. C. 5 - 14. <2> См.: Бачило И.Л. Свободный доступ к информации и Интернет //

Информационное общество. 2000. Вып. 4. С. 42 - 44.

Ю.Г. Просвирнин в своем крупном научном труде "Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном Российском государстве" тоже не употребляет специальное понятие "интернет-право", но в общем плане рассуждает о таком новом феномене в теории права, как Интернет, который трактуется как множество различных информационных массивов, объединенных Международной информационной паутиной, или сетями. В то же время, как отмечается в работе, правовое регулирование Интернета

<1> См., например: Бачило И.Л. Актуальные проблемы информационного права // НТИ (теоретические проблемы информационного права). 2001. N 9. C. 3 - 4; Она же. Информационное право. М., 2001; Она же. Информационное право. Роль и место в

принципиально ничем не отличается от правового регулирования других видов телекоммуникационных средств и систем. Исключение составляет лишь особенность, которая связана с международным и глобальным характером Всемирной телекоммуникационной сети, а посему основные проблемы, требующие законодательного регулирования в России в связи с развитием Интернета, практически не отличаются от таковых в других развитых странах мира. В связи с этим Ю.Г. Просвирнин выделяет многие актуальные правовые аспекты Интернета: определение государственной политики Российской Федерации в отношении развития российского сегмента этой Сети; создание нормативной базы для электронного документооборота, в том числе законодательное закрепление электронной коммерции; охрана авторских и иных исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности; проблемы обеспечения информационной безопасности, применения средств криптозащиты, защиты персональных данных, а также электронных почтовых ящиков, серверов и сайтов от информационных атак; предотвращение общественно опасных деяний и создание нормативных условий для эффективного выявления и наказания лиц, совершивших такие правонарушения, организации системы оперативно-розыскных мероприятий; определение юрисдикции государств при разрешении правовых споров и дел о правонарушениях в Сети <1>.

<1> См.: Просвирнин Ю.Г. Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном Российском государстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 28 - 30; Он же. Информационное законодательство: современное состояние и пути совершенствования. Воронеж, 2000. С. 209 - 277.

Наряду с этими общими можно поставить здесь и специфические проблемы. Среди них - низкий уровень информационной культуры российского населения и вместе с тем высокий уровень квалификации отечественных компьютерных мошенников, осуществляющих многочисленные попытки противоправного вмешательства в работу национальных и международных сетей, правовой нигилизм и отсутствие однозначно установленного правового статуса различных информационных объектов, в силу чего происходит бесконтрольное их использование, а также недостаточные уровень и пропускная способность, низкая надежность линий связи и коммуникационного оборудования в стране.

В.А. Копылов, продолжая эту тенденцию, тоже специально не оперирует понятием "интернет-право". Однако в общем плане он исследует взаимоотношения Интернета и права как разнопорядковых социальных явлений, характеризует Интернет как Всемирную информационную паутину, включающую бесчисленное число сетей, в рамках информационного права предлагает рассматривать проблемы правового регулирования отношений в виртуальном пространстве (среде) Интернета.

Параллельно увязываются некоторые проблемы теории права и Интернета. Например, с помощью юридических методов и средств описывается естественнонаучная сущность Интернета как виртуальной сферы существования человечества, предлагается исследовать электронную среду с помощью модели информационной сферы. Рассматриваются особенности правоотношений, возникающих в предметных областях информационной сферы. При этом В.А. Копылов рассматривает доменные имена сайтов в Интернете как особые информационные объекты и обсуждает правовой режим этих объектов, делая вывод о необходимости правового регулирования отношений в среде Интернета путем адаптации его к условиям виртуального пространства. Утверждается, что основной объем норм, подлежащих адаптации, содержится в актах информационного законодательства - основного источника информационного права. Однако адаптации подлежат нормы и других отраслей права в зависимости от видов деятельности в Интернете. Отмечается, что основная проблема правового регулирования электронной среды Интернета связана с содержанием информации и информационных объектов;

определяются основные институты информационного права, нормы актов которых подлежат адаптации, и приводится перечень проектов актов, подлежащих первоочередному принятию <1>. В связи с этим закономерно предложить провести систематизацию и кодификацию информационного законодательства и сформировать информационный кодекс Российской Федерации, включив в него и нормы интернетправа, и проблемы Интернета.

<1> См.: Копылов В.А. Интернет и право // НТИ (Теоретические проблемы информационного права). 2001. N 9. C. 8; Он же. Информационное право. М., 1997. C. 232 - 250.

А.В. Морозов исследует отрасль информационного законодательства в связи с функционированием Интернета, т.е. в связи с прямым действием бесчисленного множества систем информации, компьютеров, сетей, программных средств, ресурсов, объектов связи. Он тоже не употребляет термин "интернет-право", но останавливается на возможностях Интернета в правовой сфере, а также подчеркивает, что Интернет позволяет решать проблемы транснациональной передачи данных и сокращает до минимума время, требуемое для предоставления правовой и иной информации. Внедрение интернеттехнологий в правовую практику позволит обеспечить доступ к информационным ресурсам максимальному количеству заинтересованных пользователей (субъектов права) независимо от того, является ли пользователь органом государства, коммерческой организацией или физическим лицом. Это положение важно в контексте реализации прав граждан на информацию, сформулированных в Декларации прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 г. <1> и ст. 29 Конституции РФ. А.В. Морозов характеризует возможности Интернета в системе Министерства юстиции РФ и несанкционированные противоправные атаки через Интернет информационные ресурсы органов и учреждений этого Министерства <2>.

<2> См.: Морозов А.В. Система правовой информатизации Минюста России. М., 1999. С. 15, 348 - 364.

В связи с этим возникает мысль о возможном появлении в ближайшее время "электронного правительства" <1>, или "электронного государства". А с позиции информационного права рассматриваются такие категории и понятия, как "доменное имя", "интернет-страница", "гиперссылка", "динамическая страница", "спам", "электронное произведение".

<1> Концепция "электронного правительства" предполагает круглосуточное информационное взаимодействие между государством и гражданином. Используя инфраструктуру Интернета и смежные технологии, любой гражданин в любое время может направить запрос в государственный орган (написать заявление, подать декларацию, оплатить услугу) и получить нужный ему ответ в кротчайшие сроки. См. об этом подробнее: Серго А.Г. Интернет и право. М., 2003. С. 13.

Анализ показал, что в последнее время появились и другие публикации относительно характеристики понятия и содержания интернет-права и его места в современной теории права и практике правового регулирования информационных отношений. В частности, в отдельных работах хотя и не дается определения Интернета, но это понятие активно используется при анализе проблем правовой информатизации общества (М.М. Рассолов). Оно употребляется в отрыве от информационного права и рассматривается как некое новое самостоятельное направление юридических наук (не одной науки!), и прежде всего международного частного права и информационного права

<1> Ведомости РСФСР. 1991. N 52. Ст. 1865.

<1>. С другой стороны, в некоторых работах (А.С. Солдатов) утверждается, что в связи с интенсивным развитием информационного права и внедрением информационных технологий в Интернет в России остро встает проблема разработки нового направления правовой науки - интернет-права <2>. Предлагается увязывать это направление с правом общемирового виртуального пространства, методологией понимания сетей и теоретико-правовыми аспектами регулирования электронной среды в Интернете <3>.

- <1> См.: Рассолов М.М. Проблемы теории государства и права. М., 2007. С. 22 23; Сборник методических материалов по курсам "Теория государства и права" и "Проблемы теории государства и права" / Сост. М.М. Рассолов. М., 2002. С. 5.
- <2> См.: Солдатов А.С. Право как инструмент социального управления. М., 2002. С. 143.
- <3> См. также: Васильев Г.В., Забегалин Д.А. Правовое регулирование электронного бизнеса в России и за рубежом // Электронный бизнес и реклама в Интернете. М., 2008. С. 106 114; Лукьянов А.А. Основные концепции интернет-права // Информационное право. 2007. N 3; Чибинев В.М., Кузьмин А.П. Перспективы правового регулирования интернетотношений // Информационное право. 2006. N 3.
- Р.В. Шагиева в своей крупной теоретической работе "Концепция правовой деятельности в современном обществе" признает и широко использует категорию "интернет-право", кроме того, она считает, что "комплексность интернет-права позволяет распространить полученные при изучении этой сферы выводы на информационноправовую деятельность в целом" <1>. Исследуя основные этапы, тенденции и перспективы информационно-правовой деятельности при переходе к информационному обществу, автор предлагает "с учетом имеющихся в юридической литературе высказываний следующие условные наименования... подразделениям права: право реального пространства и право виртуального пространства" <2>.

Параллельно с этими тенденциями в теоретическом аспекте ставятся и обсуждаются новые направления и подходы к решению проблем интернет-права. Скажем, правовед М.В. Якушев, практикующий в области правового регулирования электронной среды Интернета, предлагает сегодня теоретикам права осмыслить общие характеристики виртуального пространства и процессы, которые влияют в этой среде на образование права. Одновременно ставятся в теоретической плоскости проблемы развития интернет-законодательства (а не интернет-права!), которые требуют разработки для нужд практики новых подходов к "правовому регулированию интернет-отношений", к анализу состава субъектов последних, к характеристике информации как особого объекта гражданских прав; к охране в Сети объектов интеллектуальной собственности и к рассмотрению в судах интернет-споров <1>.

<1> Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань, 2005. С. 280; Она же. Концепция правовой деятельности в современном обществе: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 14.

<2> Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. С. 285.

<1> См. об этом: Якушев М.В. Интернет и право: новые проблемы, подходы, решения // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. М., 2000. С. 132 - 133.

В.Б. Наумов в работе "Право и Интернет" уделяет более пристальное внимание правовому регулированию общественных отношений, возникающих в виртуальном пространстве. Среди правовых проблем в этой сфере он выделяет три ключевых:

проблему юрисдикции государств в Интернете; проблему юридической ответственности провайдеров и проблему разработки и реализации инициатив в сфере саморегуляции отношений в Сети <1>.

<1> См.: Наумов В.Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики. М., 2002. С. 9 - 23.

М.Ю. Радченко и В.П. Горбунов, рассматривая пути эволюционного развития концепции современного права по отношению к виртуальному пространству, говорят о том, что наряду с исследованиями теоретических проблем правового регулирования Интернета необходимо скорейшее осмысление в рамках темы "Право и Интернет" острых проблем так называемого цифрового права (оно исследует цифровые сущности разнообразных явлений), которое они называют правом будущего в теоретико-правовой Среди этих проблем выделяются: право цифрового государственного строительства (формирование государственных органов - помимо обычной формы - в цифровой через виртуальное пространство); право цифрового государственного управления (использование цифровых сетей в качестве канала передачи информации в традиционном государственном управлении); авторское право на цифровые сущности (регистрационная защита прав на тексты, программы, видео, музыку, лицензирование этих объектов и т.д.); программное право (сертификация деятельности по созданию программ, регулирование их жизненного цикла и др.); право цифровых споров (рассмотрение цифровых споров в суде), право цифровых операций, право цифровых денег, проблема защиты цифровых данных и др. <1>.

<1> См., например: Радченко М.Ю., Горбунов В.П. Цифровое право будущего // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29

ноября 2000 г. С. 47 - 53.

Продолжая анализ, следует обратиться к позиции А.А. Тедеева, который акцентирует более пристальное внимание на предмете информационного права и, в частности, считает, что предметом информационного права выступают общественные отношения не просто по обороту информации, а только возникающие, изменяющиеся и (или) прекращающиеся в информационной среде сети Интернет (т.е. в киберпространстве), а в будущем и в иных глобальных компьютерных сетях. То есть информационное право, по его мнению, ограничивается, по сути, рамками интернет-права. Само информационное право (в действительности интернет-право) в авторской трактовке включает в свой предмет два блока общественных отношений: общественные отношения, формирующиеся в процессе электронной экономической деятельности, и общественные отношения, возникающие в процессе электронной гуманитарной (неэкономической) деятельности <1>.

<1> См.: Тедеев А.А. Информационное право (право Интернета). М., 2005. С. 8 - 9.

Л.В. Голоскоков в своей работе "Теория сетевого права" считает, что с учетом модернизации права Российское государство уже начало преобразовываться в сетевое государство, а это должно, соответственно, привести к формированию сетевого права. Концепция сетевого права предлагает особый метод, согласно которому происходит "использование сетевых технологий для комплексной автоматизации процессов правотворчества и правореализации с целью мгновенного доведения созданной нормы до субъекта и исполнения ее средствами автоматики точно так же, как она задумывалась законодателем" <1>. В связи с этим допускается, что в некоторых сферах нормы права могут создаваться "полуавтоматическим способом, т.е. компьютером, но в рамках, заданных человеком, и под его полным контролем" <2>. Автоматизм реализации норм сетевого права позволит в таких областях, как налогообложение, таможенное дело,

миграция, перепись населения, снизить произвол чиновников, контролеров, а также разрушит монополизм крупнейших сетевых корпораций. Появление сетевого права (и новой парадигмы "опережающего правотворчества"), по мнению автора, будет способствовать эффективной реализации именно коммуникативной функции права, активной связи личности с государством. В связи с этим Л.В. Голоскоков исследует влияние информационных технологий в сфере права и выступает за скорейшее введение в России электронных паспортов (метапаспортов) <3>, стационарных устройств идентификации и т.п. новинок, призванных сэкономить время, способствовать совершению сетевых сделок и расчетов.

«З> "Метапаспорт", по мнению Л.В. Голоскокова, должен представлять собой "интегрированный в сеть терминал (типа сотового телефона - коммуникатора), заменяющий все иные документы и идентификаторы лица: паспорт, трудовую книжку, ИНН, пенсионное страховое свидетельство, документы об образовании, водительские права, страховой и медицинские полисы, банковские карточки; он должен обеспечивать осуществление расчетов по сделкам; выполнять функции налогового агента, который автоматически исчисляет и перечисляет в бюджет налоги с каждой совершаемой лицом сделки, учитывая статус лица (судья, депутат, пенсионер, инвалид и т.п.) и полагающиеся ему льготы, налоговые вычеты, субсидии, компенсации и т.д. На самом деле вся информация будет находиться в ведомственных базах данных, а метапаспорт будет лишь извлекать ее из этих баз в необходимом объеме благодаря сетевым технологиям" (Голоскоков Л.В. Указ. соч. С. 43).

Анализ позволяет нам заключить, что сетевое право представляет собой более глобальное явление по сравнению с интернет-правом, так как оно относится не только к деятельности субъектов в сети Интернет, но и к их взаимодействию в других информационно-телекоммуникационных сетях.

Большой вклад в обоснование новой концепции права для киберпространства принадлежит Д.В. Грибанову. В своей диссертационной работе автор рассматривает киберпространство как совокупность информационных отношений и как сложный, обособленный объект правового регулирования. По его мнению, пространство включает две смысловые составляющие: техническую и информационную. Доказывается, что ведущее место принадлежит информационной составляющей, а целью существования киберпространства является организация движения потоков информации. Поэтому технические средства здесь играют важную, но не основную роль. Д.В. Грибанов считает, что "нормы права, регулирующие кибернетическое пространство, должны входить в систему права как институт комплексной отрасли права - информационного <1>. ABTOD доказывает, что общественные отношения, регулируемые традиционными отраслями права, не меняют своего содержания и сущности при взаимодействии с киберпространством, а нормы права, воздействующие на эти отношения, должны быть дополнены с учетом особенностей информационных отношений. Для этого предлагается принять федеральный закон "О кибернетическом пространстве", который бы установил базовые принципы регуляции этой среды, единый понятийный аппарат. В работе показано, что проблема правового регулирования киберпространства может быть также решена путем активного международного сотрудничества и последовательной унификации законодательства различных стран.

<1> Голоскоков Л.В. Теория сетевого права / Под ред. А.В. Малько. СПб., 2006. С. 32.

<2> Голоскоков Л.В. Указ. соч. С. 78.

<1> Грибанов Д.В. Указ. соч. С. 8.

При этом, обобщая новые разнообразные подходы к проблемам интернет-права, представляется возможным выделить и довольно широкий круг задач нового направления юридической науки. В частности, это: общая характеристика Интернета как явления нового времени; анализ правовых аспектов регулирования электронной среды Интернета; изучение актуальных проблем разработки информационного законодательства в сфере использования информационно-коммуникационных сетей в России; исследование отношений в сфере ведения предпринимательской деятельности и электронной торговли в российской зоне Интернета; исследование отношений в сфере правового регулирования рекламы и маркетинговых услуг в российской зоне Интернета; исследование отношений в сфере защиты объектов интеллектуальной собственности в российской зоне Интернета; исследование отношений в сфере правового регулирования СМИ, работающих с использованием Интернета в российской зоне; анализ ответственности субъектов интернет-права; исследование компьютерных преступлений и иных негативных явлений в Рунете; проблемы международно-правового сотрудничества в данной сфере <1>.

<1> Подробнее об этих проблемах и задачах см., например, в сборнике материалов Третьей Всероссийской конференции "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. (М., 2000): Пешин Н.Л. Правовые проблемы применения компьютерных технологий в системе российского права. С. 88 - 92; Тимофеев Д.А. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: общие проблемы правового регулирования. С. 117 - 119; Богдановская И.Ю. Правовое регулирование электронной коммерции. С. 37, 38; Федеральный закон (проект) "О сделках, совершаемых с помощью электронных средств". С. 17 - 26; Подшибихин Л.И. Некоторые проблемы правовой охраны объектов авторского права и смежных прав в Интернете. С. 94; Мещенков В. Основные юридические проблемы при оказании рекламных и маркетинговых услуг в Интернете. С. 70 - 72; Корзников А.М., Носова И.А. Вы создали сайт. Как его защитить? (Защита объектов интеллектуальной собственности, созданных при разработке сайта). С. 64 - 67; Наумов В.Б. Проблемы ответственности информационных провайдеров. С. 77 - 79; Ефремов А.А. Правовые аспекты применения информационных технологий при осуществлении правосудия в Российской Федерации. С. 55 - 58; Савельев Д.А. Международно-правовые принципы глобального информационного общества. С. 95 - 97.

Нужно отметить, что предметная область интернет-права и предмет информационного права пересекаются. И у этих областей знаний много общего. Поэтому интернет-право в настоящее время рассматривается, изучается и исследуется именно в рамках информационного права, и это имеет свои причины, которые касаются единства предметов исследования этих отраслей знаний.

Из приведенного анализа литературных источников видно, что проблема интернетправа актуальна и важна в современной теоретико-правовой мысли и практике. Она ставится, обсуждается и исследуется в рамках информационного права, теории права и некоторых других отраслевых юридических наук. И сегодня, когда очень мало теоретических и прикладных разработок по интернет-праву, не имеет принципиального значения, что одни ученые (И.Л. Бачило, Ю.Г. Просвирнин, А.В. Морозов, В.А. Копылов) специально не оперируют понятием интернет-права, а просто ставят и анализируют некоторые общеметодологические аспекты права и Интернета, правовые проблемы построения и функционирования электронной среды и виртуального пространства, не давая четких и строгих определений новым для теории права категориям и сущностным моментам. С другой стороны, как показал анализ литературы, в интересующей нас сфере наметились и другие тенденции, связанные не только с признанием и использованием понятия "интернет-право", но и с его становлением и развитием.

Другие же ученые (М.М. Рассолов, А.С. Солдатов, Р.В. Шагиева) специально выделяют и оперируют в ходе своих научных изысканий понятием "интернет-право",

правда, тоже не давая ему определения и не раскрывая его сущность и содержание, но они рассматривают данное понятие как самостоятельное направление в структуре таких отраслей юридических знаний, как международное частное право и информационное право, т.е. как некую комплексную проблему этих отраслей. При этом перед интернетправом ставятся задачи исследования правовых проблем функционирования общемирового виртуального пространства, методологии построения и работы сетей и правового воздействия на электронную среду в Интернете.

Третьи исследователи (в частности, М.В. Якушев) ратуют за разработку и развитие интернет-законодательства, которое позволит урегулировать интернет-отношения и выработать для правовой теории новую, столь важную терминологию, а именно: "Интернет", "глобальная сеть", "сайт", "доменный адрес", "интернет-отношение", "субъект интернет-отношений", "информация как особый объект гражданского права", "охрана интеллектуальной собственности в Сети", "судебный спор в Интернете" и многие другие.

И наконец, четвертые (Д.В. Грибанов, М.Ю. Радченко, В.П. Горбунов, В.Б. Наумов, Л.В. Голоскоков) рассуждают о дальнейшем развитии правовой теории в связи с исследованием всемирных проблем виртуального пространства (т.е. Интернета). Одновременно в свете формирующейся общей концепции интернет-права (М.Ю. Радченко, В.П. Горбунов) и в общих чертах характеризуют элементы цифрового права, такие, как право цифрового государственного строительства и государственного управления, авторское право на цифровые сущности, программное право, право цифровых денег, операций, споров и т.д. В свою очередь, Л.В. Голоскоков рассуждает о сетевом праве, а Д.В. Грибанов - о праве кибернетического пространства.

В свете сказанного определяется и довольно широкий круг задач интернет-права, которые в общем представлены обозначенными выше точками зрения ученых и специалистов в рассматриваемой области.

§ 3. Интернет-право как новое научное направление и межотраслевой институт права

Однако все же остаются открытыми вопросы: что сегодня необходимо вкладывать в понятие "интернет-право" и в чем состоит его содержание и основные компоненты?

Отталкиваясь от изложенных выше точек зрения, можно заключить, что в настоящее время интернет-право - это новое самостоятельное направление юридической науки, и прежде всего информационного права.

В качестве объекта изучения интернет-права будут выступать сами самостоятельные явления права и Интернета, а также все явления, связанные с их взаимодействием, функционированием и развитием как на международном, так и на национальном уровне.

В качестве предмета изучения интернет-права выступают правовые нормы, правовые и иные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются в области использования сети Интернет и всемирного виртуального пространства.

В связи с этим мы согласны с теми учеными, которые рассматривают интернет-право как самостоятельное направление юридической науки, прежде всего в структуре международного частного и публичного права и формирующегося информационного права. Хотя очевидно, что интернет-право связано со всей системой права и касается по существу всех отраслей юридических знаний.

Новое научное направление "интернет-право" характеризуется следующими чертами:

- 1) социальной потребностью в знаниях нового типа;
- 2) особым профессиональным объединением ученых, занимающихся данной проблематикой и разделяющих общие научные идеи, общие теоретические принципы, методологию исследования (научное сообщество);

- 3) наличием монографических и диссертационных работ по данной теме исследования; научных наработок, методов, накопленных знаний;
 - 4) высоким уровнем дисциплинарной организации и взаимодействия ученых;
- 5) подготовкой специалистов данного профиля в рамках информационного права (наличие специальности 12.00.14, учебных курсов, учебников, кафедр).

Таким образом, сегодня складываются все предпосылки для формирования интернет-права как центрального раздела и спецкурса информационного права, а, может быть, впоследствии и отдельной научной школы ("научное направление - научная школа"). Для этого по данной теме должен быть подготовлен не один доктор наук.

Сам термин "интернет-право", используемый в работе, по нашему мнению, имеет право на существование по ряду причин: во-первых, исследуемая сфера является не просто международной, а планетарной и интернациональной, во-вторых, этим термином пользуются специалисты (и юристы) многих стран и, в-третьих, он является равнозначным во многих государствах и переводится без потери смысла на многие языки. Например, во французском языке равнозначным этому понятию будет Le droit d'Internet, в английском - The Internet-law, в немецком - Des Internets - Rechtes, в испанском - El derecho del Internet и т.д.

Новые термины, так или иначе связанные с интернет-средой, по определению носят международный характер, формируются на базе разных языков, представителями разных стран. Поэтому термин "интернет-право" вполне, на наш взгляд, правомочен. Да, в большинстве случаев В правоведении используются термины, состоящие "информационное существительного прилагательного (например, "предпринимательское право"). Вместе c тем ДЛЯ обозначения межотраслевого института и нового научного направления, на наш взгляд, на сегодняшний день не существует подходящего прилагательного (например, "интернетное право", "интернетовское право" и т.п.). Кстати, в русском языке тоже есть термины, состоящие из двух существительных, причем одно из них - иностранное. Можно, конечно, в силу неразработанности понятийного аппарата равноценными и близкими понятию "интернет-право" в данной работе считать "кибернетическое право" и "право виртуального пространства". Однако анализ ст. 1 Федерального закона от 1 июня 2005 г. "О государственном языке Российской Федерации" <1> позволяет нам сделать заключение, что термин "интернет-право" - это неологизм и его можно определить как "иностранное слово, не имеющее общеупотребительных аналогов в русском языке". Следует также отметить, что исследуемая среда является планетарной, а Интернет - это огромный рынок товаров и услуг <2> и для того, чтобы быть конкурентными и эффективными, нам следует договариваться с другими странами на понятном всем языке. Для этого нам необходимы четкие и равнозначные понятия. Несмотря на некоторую неоднозначность словоупотребления, считаем, что использование данной категории в юридической науке будет способствовать унификации понятийного аппарата, кроме того, ее употребление весьма удобно. В связи с этим можно привести различные примеры общеупотребительных слов, образованных при помощи существительного "Интернет", например "интернет-торговля", "интернет-адрес", "интернет-образование", "интернетграмотность", "интернет-дневник", "интернет-технологии", "интернет-сообщество" и т.д. Повседневное использование многих из них и последовательное их закрепление в нормативных правовых актах - закономерный процесс.

<1> C3 РФ. 2005. N 23. Ст. 2199.

<2> Например, мировой рынок телекоммуникаций приносит в виде доходов порядка 600 млрд. долл. США в год, мировой товарооборот электронной торговли превышает 3,5 трлн. долл. США в год.

С другой стороны, интернет-право есть также некое системное объединение норм и на которые призваны воздействовать общественные складывающиеся по поводу использования совокупности компьютерных сетей и информационных ресурсов, принадлежащих множеству разнообразных субъектов организаций и граждан. Это объединение норм является децентрализованным. Оно не имеет единого свода законов пользования сетью Интернет. Исследуемые нормы права регулируют отношения субъектов в киберпространстве и содержат предписания, дозволения, запреты и рекомендации, которые относятся к информационной деятельности в Интернете в целом <1>. При этом данные нормы имеют свою специфику, так как касаются прежде всего Интернета в широком международном аспекте (т.е. всемирного виртуального пространства) и одновременно связаны с внутренними, национальными проблемами Интернета, например с вовлечением Российской Федерации, ее граждан (владельцев серверов, провайдеров, компьютеров и др.) в интернет-отношения, связанные с реализацией сделок в Интернете, соглашений, процессов обмена информацией и т.д.

<1> Правовые нормы в данной сфере имеют тесную связь и взаимодействие с морально-этическими нормами. Ниже мы будем рассматривать в основном нормы права, которые касаются функционирования Интернета. Морально-этическими и другими нормами предполагается оперировать лишь в необходимых случаях. Исследование применения данных норм в виртуальном пространстве Интернета - это большая специальная проблема, которую еще предстоит исследовать.

Однако может сложиться мнение, что интернет-право хоть и представляет собой децентрализованное объединение норм и правил, полностью самостоятельно и независимо от общих правовых воззрений, и прежде всего от сложившихся воззрений на систему права.

Мы считаем, что интернет-право не выступает таким самостоятельным явлением. Интернет-право - это часть или компонент всемирного виртуального пространства <1>. Одновременно интернет-право - часть общей системы права. Однако, с нашей точки зрения, оно не может считаться ни самостоятельной отраслью права, ни подотраслью какой-то одной отрасли права (скажем, формирующегося информационного права). Оно представляет собой менее крупное образование - институт права. Это заключение обусловлено рядом причин. Так, отрасль права выступает всегда как объективно обособившаяся внутри какой-то системы права совокупность взаимосвязанных между собой норм, объединенных общностью предмета и метода правового регулирования общественных отношений <2>.

<1> А.Б. Венгеров, говоря о сущности и назначении права, подчеркивал его "встроенность в само существование человеческой цивилизации, обеспечение стабильности, устойчивости, упорядоченности общества, смягчение агрессивности, нахождение и закрепление компромиссов вместо взаимоуничтожения, определение справедливости, гуманности..." (Венгеров А.Б. Теория государства и права. С. 319).

<2> См. об этом подробнее: Матузов Н.И. Система права // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997. С. 348 - 367.

И.Л. Бачило и В.Н. Лопатин из множества отраслей современного права выделяют: 1) отрасли права, которые характеризуются единством предмета и метода; 2) отрасли права, которые обособляются по их собственному предмету, а метод регулирования которых еще только вырабатывается или может быть смешанным или вообще может не иметь четкого содержания; 3) комплексные отрасли права, охватывающие несколько областей жизнедеятельности общества, т.е. могущие иметь несколько связанных между собой предметов регулирования <1>. С данной авторской классификацией трудно не согласиться.

<1> См.: Бачило И.Л., Лопатин В.Н. Предмет информационного права // Информационное право / Под ред. Б.Н. Топорнина. 2-е изд. СПб., 2005. С. 147.

По мнению В.Н. Протасова, к признакам отрасли относят: 1) особые предмет и метод; 2) специфические отраслевые принципы; 3) способность взаимодействовать с другими отраслями "на равных правах", т.е. быть одного с ним уровня; 4) потребность общества в регулировании данной социальной сферы именно на уровне отрасли; 5) количественную достаточность юридических норм, требующую перехода в особое, отраслевое качество; 6) наличие обособленного, как правило, кодифицированного законодательства <1>. А интернет-право, понятно, не обладает всеми указанными признаками первичной отрасли права и не может выступать в такой роли.

<1> См.: Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М., 1999. С. 36.

Подотрасль права есть объединение нескольких институтов одной и той же отрасли; это целостное образование, которым регламентируется специфический вид отношений в пределах сферы правового регулирования обособленной отрасли права <1>. Интернетправу эти свойства тоже не присущи. Кроме того, здесь количественно не так много норм, чтобы можно было ставить вопрос о подотрасли информационного права. Но вместе с тем, на наш взгляд, это лишь вопрос времени.

<1> См. об этом подробнее: Общая теория права / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1996. С. 184.

В последнее время в юридической литературе активно развивается концепция так называемых вторичных, комплексных отраслей права, существование которых признается такими учеными, как В.К. Райхер, О.А. Красавчиков, П.Б. Евграфов, В.П. Реутов, С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров, В.Н. Протасов и др. Не обходится и без дискуссий. Так, по мнению С.С. Алексеева, гигантский научно-технический прогресс, с которым человечество столкнулось в конце второго тысячелетия, вызвал к жизни новые "пласты социальности". Это прежде всего экологические отношения, отношения в сфере (интеллектуальная объективированных духовных ценностей собственность). информационные структуры, которые втягивают строго вещные отношения в своеобразные формы предпринимательской рыночной активности. Эти новые "пласты социальности" весьма основательно влияют на содержание права, на юридические особенности его отраслей и институтов, приводят к тому, что начинают складываться целые отрасли права, которые призваны стать основой для решения сложных экономических и социальных проблем, юридически опосредовать новые "пласты социальности" <1>. Среди таких вновь появившихся "пластов" можно выделить и возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся отношения в Интернете. По мнению С.С. Алексеева, комплексные отрасли имеют лишь особый предмет (рассматриваемый в иной плоскости, нежели предметы основных отраслей) и некоторые черты юридического своеобразия, а именно самостоятельную область законодательства, некоторые единые принципы, положения, приемы регулирования <2>.

<1> См. об этом: Алексеев С.С. Частное право. М., 1999. С. 60.

Анализируя теоретические проблемы системы права и системы законодательства, А.В. Мицкевич констатирует, что в России с давних пор формируется не только

<2> См. об этом: Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права: В 2 т. Т. 1. Свердловск, 1972. С. 144.

моноотраслевое законодательство, но и комплексное законодательство, включающее нормы различных отраслей права. Массивы комплексных актов организуются по транспорта, ключевым вопросам связи, информатики, сельского хозяйства, промышленности. Он считает, что нормы правового регулирования комплексных институтов и отраслей законодательства не должны противоречить нормам отраслевого законодательства, а должны соответствовать базовому принципу "Lex speciales derogat lex generales" ("Специальный закон отменяет общий"). По мнению А.В. Мицкевича, "комплексные массивы нормативных актов и норм естественным образом способны занять самостоятельное место в полимерной структуре системы законодательства в полном соответствии с общими положениями основных обособленных отраслей права и моноотраслевого закона" <1>.

<1> Мицкевич А.В. Система права и система законодательства Российской Федерации // Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. С. 342 - 343.

В.Н. Протасов считает, что комплексные отрасли права являются самостоятельными правовыми отраслями (а не отраслями законодательства!), а их существование в системе права свидетельствует о переходе ее на качественно новый и высокий уровень развития. Комплексные отрасли права строятся на качественно иных началах, нежели первичные отрасли права. В.Н. Протасов утверждает, что, достигнув определенного устойчивого развития, система права переходит к регулированию целостных социальных сфер независимо от их юридической однородности. Среди таких сфер автор выделяет здравоохранение, транспорт, образование, экологию, предпринимательство <1>, поэтому "...чем совершеннее право, тем дифференцированнее оно регламентирует конкретные вопросы общественной жизни" <2>.

По мнению В.Н. Протасова, право постепенно "переходит от функциональной организации социальной сферы к ее территориальной организации; если формирование основной отрасли идет от юридического начала - метода, то комплексной - от социального начала, т.е. от предмета. Предмет комплексной отрасли права юридически разнороден, но представляет собой определенную социальную систему. Предмет же основной отрасли хоть и однороден юридически, но "сплошного", единого образования не составляет: регулируемые основной отраслью отношения, участки как бы "разбросаны" по всему полю общественной деятельности, а "собираются" они в предмет лишь посредством метода" <1>. Методы же, которыми пользуются комплексные отрасли, по мнению автора, не просто юридически своеобразны, а уникальны, что каждый раз достигается за счет особого сочетания юридических приемов регулирования <2>. Таким комплексные отрасли права охватывают не одну, несколько областей жизнедеятельности общества, т.е. имеют несколько связанных между собой предметов регулирования <3>. Итак, в основе объединения таких комплексных отраслей и институтов лежит системная интеграция для той ли иной общественной сферы разнородных по своей сути норм. Это также вполне относиться и к интернет-праву.

<1> См.: Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. С. 37.

<2> Малько А.В. Проблемы льгот и поощрений в праве // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М., 2002. С. 392.

<1> Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. С. 37; Он же. Что и как регулирует право. С. 39 - 45.

<2> См.: Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. С. 38.

<3> См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. С. 381.

Следует подчеркнуть, что сам процесс развития системы права происходит не только за счет конкретизации имеющихся в ней научных выводов, но и по вполне объективным причинам, вследствие изменений, которые претерпевают сами общественные отношения. Так, одни отрасли и институты права утрачивают свое значение, поскольку устаревают регулируемые ими отношения. Здесь возможен и обратный процесс - появление новой сферы общественных отношений или усиление их значимости неизбежно влечет за собой создание новых структурных частей системы права <1>.

<1> См.: Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. М., 2006. С. 225 - 226.

И.Ф. Казьмин и В.М. Сырых утверждают, что правовой институт представляет собой систему "взаимосвязанных норм, регулирующих относительно самостоятельную совокупность общественных отношений или какие-то их компоненты, свойства" <1>. Юридическим критерием обособления определенной совокупности норм в конкретный институт права, по мнению ученых, служат три признака:

- <1> Казьмин И.Ф., Сырых В.М. Понятие системы права. Правовой институт, отрасль права // Общая теория права / Под ред. А.С. Пиголкина. С. 180.
- 1) юридическое единство правовых норм (правовой институт как целостное образование характеризуется единством содержания его норм, которое выражается в общих правовых понятиях, единстве правового режима регулируемых отношений, единых правовых принципах и т.д.);
- 2) полнота регулирования определенной совокупности общественных отношений (правовой институт может включать в себя различные виды норм права дефинитивные, запрещающие, обязывающие и т.д. Но в комплексе они выражают все аспекты правового регулирования соответствующей группы общественных отношений. Поэтому каждый правовой институт выполняет свои функции, уникален и не дублирует другие структурные элементы системы права);
- 3) обособление норм, образующих правовой институт, в главах, разделах, частях нормативных правовых актов.

Авторы выделяют разные виды правовых институтов. Среди них есть институты, которые регулируют лишь какое-то одно специфическое общественное отношение или даже один из его элементов (например, институт потерпевшего, или подозреваемого, или обвиняемого в уголовно-процессуальном праве). Они делают вывод, что обычно правовой институт выступает в виде сравнительно небольшой общности норм, "специфика и автономность которой не выходит за рамки одной отрасли права. В то же время отдельные так называемые смешанные институты могут содержать нормы, характерные для разных отраслей права" <1>. Стоит согласиться с подобным суждением авторов. Допустим, в трудовом и в административном праве таким институтом, на наш взгляд, может выступать межотраслевой институт охраны труда, в конституционном, гражданско-процессуальном и уголовно-процессуальном праве - институт подведомственности. Институт права государственной собственности находит свое закрепление в нормах конституционного, административного, гражданского и уголовного права. В историческом плане можно вспомнить также об институте конфискации, который имел закрепление в нормах гражданского, административного и уголовного права. Ряд исследователей включают в число межотраслевых институтов институты необходимой обороны, крайней необходимости, представительства и др.

⁻⁻⁻⁻⁻

<1> Казьмин И.Ф., Сырых В.М. Указ. соч. С. 182.

Существование таких институтов связано с тем, что "однородность регулируемых отношений является отнюдь не стерильной. В ней всегда (в одних случаях больше, в других меньше) присутствует некоторое количество иных отношений, отличных по форме, но тесно связанных с остальными по назначению" <1>. В связи с этим можно сделать вывод, что формирование и функционирование межотраслевых институтов в различных отраслях права происходит по-разному и неодинаково <2>.

<2> См. об этом подробнее: Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М., 1984. С. 126.

Интернет-право, на наш взгляд, является именно таким "пограничным" (смешанным или комплексным) институтом, поскольку здесь в определенных случаях одни и те же нормами отношения урегулированы различной принадлежности. И в этом смысле указанные нормы интернет-права образуют так межотраслевой институт права. Так, например, отношения называемый предоставлению доступа в Интернет и оказанию интернет-услуг регулируются одновременно нормами различных отраслей права, в частности Федеральным законом от 7 июля 2003 г. "О связи" <1>, Федеральным законом от 8 августа 2001 г. "О лицензировании отдельных видов деятельности" <2>, Федеральным законом от 27 декабря 2002 г. "О техническом регулировании" <3> (административное информационное право); положениями Гражданского кодекса РФ, Федерального закона от 13 марта 2006 г. "O рекламе" <4>, Закона РФ от 7 февраля 1992 г. "O защите прав потребителей" <5>, в ред. от 9 января 1996 г., Правилами продажи товаров дистанционным способом 2007 г. <6> (гражданское право) и др.

<6> См.: Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2007 г. N 612 "Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом" // СЗ РФ. 2007. N 41. Ст. 4894.

Однако интернет-право хотя и включает нормы различных отраслей права, тем не менее характеризуется единым предметом регулирования. Это свидетельствует о том, что данный институт все же обоснованное объединение норм информационного, международного частного и публичного права, административного, гражданского и финансового права. Существование интернет-права обусловлено специфическими потребностями правового регулирования отношений в интернет-сфере вообще.

Совершенно очевидно, что в интернет-праве просматривается некое единство предметов регулирования, касающихся правоотношений, связанных с Интернетом. В следующих параграфах мы выделим нормы, которые по своей первичной юридической природе являются нормами гражданского, административного, уголовного права. Вместе с тем узловым вопросом регулирования правоотношений здесь будет выступать само киберпространство, правовые связи субъектов по поводу движения потоков информации по каналам связи. Представим себе, что в киберпространстве отсутствует сама сеть Интернет, тогда не будет и киберпространства. В этом случае не будет существовать и интернет-права.

Данный институт регулирует специфические отношения, касающиеся правового положения субъектов, действующих в данной среде, и сопутствующие отношения, связанные с этим: право на доступ к информации в Сети, отношения по охране авторских

<1> Казьмин И.Ф., Сырых В.М. Указ. соч. С. 182.

<1> C3 РФ. 2003. N 28. Ст. 2895.

<2> C3 РФ. 2001. N 31. Ч. І. Ст. 3430.

<3> C3 РФ. 2002. N 52. Ч. 1. Ст. 5140.

<4> C3 РФ. 2006. N 12. Ст. 1232.

<5> C3 РФ. 1996. N 3. Ст. 140.

и смежных прав в Интернете, отношения по электронному документообороту в Интернете, отношения, возникающие в сфере интернет-торговли, отношения, связанные с регистрацией доменных имен, отношения по обеспечению кибербезопасности и т.д. Таким образом, системообразующими отношениями здесь выступают правоотношения субъектов права по поводу оборота информации в Интернете.

Интернет-право, являясь комплексным институтом, не может целиком входить в состав той или иной первичной (профильной) отрасли права, ибо всякая такая отрасль включает нормы, объединенные общностью не только предмета, но и метода правового регулирования. Поэтому этот институт не образует подсистему того же уровня, что и указанные выше отрасли. Интернет-право, как и другие институты, тоже включается в иные отрасли, но в конкретную отрасль (скажем, в международное право) входит лишь своей частью.

В связи с этим интернет-право в качестве комплексного межотраслевого института права можно определить как объективно обособившуюся внутри различных отраслей права (и, прежде всего, информационного, международного частного и публичного права) совокупность взаимосвязанных правовых норм, объединенных общностью регулирования отношений в виртуальном пространстве Интернета.

Для этого института характерны следующие черты: 1) нормы, которые его составляют, объединены общим содержанием; 2) несмотря на единство предмета регулирования, эти нормы разнообразны, переплетены, взаимодействуют, а порой и дополняют друг друга; 3) находят закрепление в различных нормативных актах (преимущественно международных), посвященных правовым аспектам Интернета; 4) регулируют общественные отношения в определенной сфере, т.е. в киберпространстве.

В завершение следует отметить, что процесс становления комплексных межотраслевых, или "пограничных", институтов, образующихся на стыке смежных отраслей права, например гражданского и семейного, административного и налогового, часто объясняют объективным перераспределением сферы правового регулирования между отраслями права <1>.

<1> См. об этом подробнее: Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. С. 426.

§ 4. Источники интернет-права

Однако все же не ясно: какие же сегодня источники присущи интернет-праву как новому комплексному институту права? С нашей точки зрения, интернет-право имеет собственные источники. Учитывая изложенное и тот факт, что интернет-право носит межгосударственный характер, к основным видам его источников можно отнести: международные договоры (соглашения, хартии, обращения и др.), касающиеся Интернета; внутреннее информационное законодательство и правовые обычаи.

Очевидно, что при определении содержания интернет-права важно в первую очередь определить совокупность норм, регулирующих отношения в виртуальном пространстве Интернета, и основные источники интернет-права, которые характеризуют его особенности. При этом данные нормы охватывают либо могут охватывать своим воздействием разнообразные "среды" интернет-отношений, в соответствии с которыми может строиться вся система норм и положений, регулирующих сферу виртуального пространства, и те разделы законодательства, с которыми оно связано <1>.

<1> См. об этом: Бачило И.Л. Информационное право; Она же. Информация как предмет правоотношений. С. 17 - 25; Морозов А.В. Интернет и проблемы правовой информатизации // Парламентские слушания в Государственной Думе РФ 17 декабря 1996 г.; Наумов В.Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики. С. 11 - 66; Feral-Schuhl Ch. Cyberdroit. Le droit a l'epreuve de l'internet. P., 2000. P. 257 - 271; Bertrand A., Piette-Coudol

Th. Internet et le droit. P., 1999. P. 4 - 27; Baillet F. Internet: le droit du cy-bercommerce. Issyles-Moulineaux. Strategies. 2000. P. 135 - 154; Johnson D.R., Post D.G. And How Shall the Net Be Governed? A Meditation on the Relative Virtues of Decentralized, Emergent Law // Coordinating the Internet, Massachusetts, 1997. P. 62 - 91 (http://www.cli.org/emdraft.html).

Кроме того, ряд норм, регулирующих отношения в виртуальном пространстве Интернета, может формулироваться в виде отдельных концепций, доктрин, деклараций. К их числу, скажем, можно отнести разработку актуальных проблем киберэкономики (электронные деньги, реклама, маркетинг, электронные публикации, электронные договоры, контракты, налог на передачу информации - см., например, ст. 160, 434, 847 ГК РФ); пожелания скорейшего разрешения проблем правового регулирования электронного документооборота, а также разработку проблем информационной безопасности, повышения юридической ответственности участников правоотношений в Интернете (в частности, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. <1>, Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 г. <2>, Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утвержденная Президентом РФ 7 февраля 2008 г. <3>) и др.

Иначе говоря, это в основном нормы российского права. Однако отношения в сфере виртуального пространства Интернета регулируются (причем в первую очередь!) и нормами международного права. Скажем, эти отношения сегодня регулируются Хартией глобального информационного общества, принятой в июле 2000 г. в Окинаве <1>, Конвенцией ООН об использовании электронных сообщений в международных договорах, принятой в Нью-Йорке 23 ноября 2005 г. <2>, Декларацией о свободе обмена информацией в Интернете, принятой Советом Европы 28 мая 2003 г. <3>, Европейской декларацией о правах человека и верховенстве права в информационном обществе 2005 г. <4>, Будапештской конвенцией о киберпреступности 2001 г. <5>, Европейской конвенцией о трансграничном телевидении от 5 мая 1989 г. <6>, с изменениями, внесенными Протоколом от 1 октября 1998 г., Европейской конвенцией о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия 2007 г., Соглашением между Правительством РФ и Европейским сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий от 16 ноября 2000 г. <7>, Соглашением между странами СНГ о сотрудничестве в области информации от 9 октября 1992 г. <8>, Соглашением между странами СНГ о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. <9>, Декларацией принципов построения информационного общества 2003 г. и Планом действий Тунисского обязательства 2005 г., принятыми Всемирным саммитом по информационному обществу, международными договорами между провайдерами России, США, Франции, Германии и других государств в сфере заключения и исполнения сделок, контрактов, оказания интернет-услуг и др.

<1> Российская газета. 2000. 28 сент.

<2> Российская газета. 2004. 7 окт.

<3> Российская газета. 2008. 16 февр.

<1> Дипломатический вестник. 2000. N 8. C. 51 - 56.

<2> Россия приняла решение подписать Конвенцию. См.: распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2006 г. N 1821-р // СЗ РФ. 2007. N 1. Ч. II. Ст. 346. Текст Конвенции официально опубликован не был.

<3> Документ в России официально опубликован не был. См. официальный текст на английском языке: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=37031&BackColorIntemet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75.

<4> Cm.: http://www.ifap.ru/ofdocs/eu/dhrrlis.pdf.

- <5> Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации (ЕТЅ N 185). (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) / Текст Конвенции официально опубликован не был (см. в справочной правовой системе "Гарант").
- <6> См. об этом: распоряжение Правительства РФ от 26 июля 2006 г. N 1060-р // СЗ РФ. 2006. N 31. Ч. II. Ст. 3529.
 - <7> Бюллетень международных договоров. 2001. N 11. C. 68 76.
 - <8> Бюллетень международных договоров. 1993. N 10.
- <9> Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав Правительств СНГ "Содружество". N 1(37). С. 138 145.

Одним из важнейших международных договоров, как уже отмечалось, является Хартия глобального информационного общества, принятая в Окинаве 22 июля 2000 г., в которой сказано, что все люди повсеместно, без исключения, должны иметь возможность пользоваться преимуществами глобального информационного общества. Устойчивость глобального информационного общества основывается на стимулирующих развитие человека демократических ценностях, таких, как свободный обмен информацией и знаниями, взаимная терпимость и уважение к особенностям других людей.

Базируясь на общепризнанных принципах международного права, договаривающиеся стороны обязались осуществлять руководство в продвижении усилий правительств по укреплению соответствующей политики и нормативной правовой базы, стимулирующих конкуренцию и новаторство, обеспечение экономической и финансовой стабильности, содействующих сотрудничеству по оптимизации глобальных сетей, борьбе со злоупотреблениями, которые подрывают целостность Сети, сокращению разрыва в цифровых технологиях, инвестированию в людей и обеспечению глобального доступа и участия в этом процессе.

Вполне очевидно, что Хартия является прежде всего призывом ко всем (как в государственном, так и в частном секторе) ликвидировать международный разрыв в области информации и знаний. Солидная основа политики и действий в сфере информационных технологий должна изменить методы нашего взаимодействия по продвижению социального и экономического прогресса во всем мире. Эффективное партнерство участников, включая совместное политическое и правовое сотрудничество, призвано стать ключевым элементом рационального развития информационного общества.

Исследование показало, что в настоящее время внутреннее информационное законодательство Российской Федерации и других стран весьма обширно <1>. Однако оно пока, к сожалению, далеко от совершенства и требует разработки и принятия новых актов (в частности, касающихся отношений в Интернете в целом и сохранения всемирного цифрового наследия каждым из государств в отдельности).

<1> См., например: Просвирнин Ю.Г. Информационное законодательство: современное состояние и пути совершенствования. С. 157 - 208.

Среди действующих в этой сфере источников права можно особо выделить Федеральные законы от 10 января 2002 г. "Об электронной цифровой подписи" <1>, от 27 июля 2006 г. "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" <2>, от 27 июля 2006 г. "О персональных данных" <3>, от 7 июля 2003 г. "О связи" <4>, от 27 декабря 2002 г. "О техническом регулировании", от 29 декабря 1994 г. "Об обязательном экземпляре документов" <5>, от 24 июля 2002 г. "О третейских судах в Российской Федерации" <6>, OT 10 января 2003 г. "O государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы" <7>, от 25 июля 2002 г. "О противодействии экстремистской деятельности" <8>, от 29 декабря 2006 г. "О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр

и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации" <9>, от 22 октября 2004 г. "Об архивном деле в Российской Федерации" <10>, от 13 марта 2006 г. "О рекламе", Гражданский кодекс РФ, Закон РФ от 7 февраля 1992 г. "О защите прав потребителей" и другие акты.

```
<1> C3 РФ. 2002. N 2. Ст. 127.
```

Важную роль в регулировании данной сферы играли утратившие с 1 января 2008 г. юридическую силу в связи с введением в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ <1> Законы: от 9 июля 1993 г. "Об авторском праве и смежных правах" <2>, от 23 сентября 1992 г. "О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных" <3>, от 23 сентября 1992 г. "О правовой охране топологий интегральных микросхем" <4>, от 23 сентября 1992 г. "О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров" <5>, от 23 сентября 1992 г. Патентный закон РФ <6>.

Отдельные рассматриваемые нормы представлены в виде норм морали и этических стандартов саморегулирования. Так, Национальный кодекс деятельности в области информатики и телекоммуникаций <1>, принятый 27 мая 1966 г. Торгово-промышленной палатой России, содержит этические стандарты саморегулирования, действующего на основе законодательства России и международного права. И он выступает лишь в роли средства самодисциплины, а также предназначен для использования судами в качестве справочного документа в рамках соответствующего законодательства (разд. 1 Кодекса). Большое практическое значение для этой сферы имеют также Резолюции Российского интернет-форума (РИФ), которые содержат синтез мнений и конкретные предложения специалистов в сфере регулирования Интернета <2>.

Большая совокупность рассматриваемых норм несет отпечаток сложившихся международных отношений, которые отражены в конкретных соглашениях и которыми пользовались и пользуются сейчас участники многообразных интернет-отношений.

Среди них, например, многочисленные международные соглашения по вопросам интеллектуальной собственности (в частности, Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 г. <1>). 23 декабря 1977 г. СССР ратифицировал

<2> C3 РФ. 2006. N 31. Ч. І. Ст. 3448.

<3> C3 РФ. 2006. N 31. Ч. І. Ст. 3451.

<4> C3 РФ. 2003. N 28. Ст. 2895.

<5> C3 РФ. 1995. N 1. Ст. 1.

<6> C3 РФ. 2002. N 30. Ст. 3019.

<7> C3 РФ. 2003. N 2. Ст. 172.

<8> C3 РФ. 2002. N 30. Ст. 3031.

<9> C3 РФ. 2007. N 1. Ч. І. Ст. 7.

<10> C3 РФ. 2004. N 43. Ст. 4169.

<1> C3 РФ. 2006. N 52. Ч. 1. Ст. 5496.

<2> Российская газета. 1993. 3 авг.

<3> Российская газета. 1992. 20 окт.

<4> Российская газета. 1992. 21 окт.

<5> Российская газета. 1992. 17 окт.

<6> Российская газета. 1992. 14 окт.

<1> Национальный кодекс деятельности в области информатики и телекоммуникаций // Копылов В.А. Информационное право. С. 306 - 308.

<2> См., например: http://2008.rif.ru/files/resolution-rif-2008.pdf.

Договор о патентной кооперации 1970 г. <2>. Помимо этого в отношениях между государствами - участниками СНГ с 1 января 1996 г. действует Евразийская патентная конвенция 1994 г. <3>.

- <1> СП СССР. 1965. N 4. Ст. 23.
- <2> Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 34. М., 1980. С. 55 89.
 - <3> C3 РФ. 1996. N 20. Ст. 2323.

Среди коллизионных норм, регулирующих отношения в этой сфере, можно особо выделить Соглашение между государствами - участниками СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, вступившее в силу для России 19 декабря 1992 г. <1>.

<1> ВВАС РФ. 1992. N 1.

Многосторонним соглашением в области авторского права выступает и Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 г. <1>, пересмотренная в Стокгольме в 1967 г. и Париже в 1971 г. Важным соглашением в этой области является Всемирная конвенция об авторском праве 1952 г., подписанная в Женеве и дополненная на Конференции в Париже в 1971 г. <2>.

- <1> Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М., 1993. С. 500 530.
- <2> СП СССР. 1973. N 24. Отдел второй. Ст. 139.

В отсутствие необходимых законов, регулирующих сферу Интернета и мирового виртуального пространства, необходимо признать источниками интернет-права также международные обычаи, основанные на последовательном и длительном применении одних и тех же правил в ходе правоприменительной информационной деятельности.

Мы считаем, что обычаи, в основе которых лежат принципы суверенитета и равенства государств, обязательны для всех стран. Что же касается других обычаев, то они обязательны для того или иного государства в случае, если они им в какой-либо форме признаны (например, правовой обычай делиться информацией между государствами о готовящихся киберпреступлениях, вытекающий из Конвенции по борьбе с киберпреступностью 2001 г.).

Кроме международно-правовых обычаев, в интернет-отношениях имеют место обычаи информационного обмена, контактов и др., которые в настоящее время широко применяются странами в виртуальном пространстве.

Процессы правообразования, наблюдающиеся в интернет-сфере, можно сравнить с тем, что происходило на протяжении веков с морским правом и правом вооруженных конфликтов. Например, долгое время морское право регулировалось исключительно обычаями. Лишь с появлением в 1958 г. Женевских конвенций о морском праве <1>можно говорить о системе специальных норм права, регулирующих безопасность мореплавания, охрану окружающей морской среды, а также другие вопросы судоходства <2>. Все эти отношения сегодня находятся в постоянной взаимосвязи и взаимозависимости и составляют единое целое благодаря воздействию на них правовых норм. Есть вероятность, что подобная ситуация может повториться и с теми отношениями, которые входят в предметную область интернет-права.

<1> См.: Конвенция о территориальном море и прилежащей зоне, подписанная в Нью-Йорке представителем СССР 30 октября 1958 г.; Конвенция об открытом море, подписанная в Нью-Йорке представителем СССР 30 октября 1958 г.; Конвенция о континентальном шельфе, подписанная в Нью-Йорке представителем СССР 31 октября

1958 г. (Указ Президиума Верховного Совета СССР "О ратификации Конвенций по морскому праву" от 20 октября 1960 г.) // Ведомости ВС СССР. 1960. N 42. Ст. 390.

<2> Следует отметить, что ряд государств, не присоединившихся к Конвенции, до сих пор пользуются нормами обычного права.

Принятые в мировой информационной практике обычаи должны использоваться арбитражным судом в тех случаях, когда это обусловлено в договоре, из которого возник интернет-спор, и тогда, когда к обычаям отсылает норма права, подлежащая применению в спорном деле, а также если обычай основывается на положениях международного договора, действующего в отношениях между государствами, к которым принадлежат стороны в споре. Кроме того, в арбитражной практике должно допускаться применение информационных обычаев в случаях, когда в нормах права, подлежащих применению в спорном деле, не содержится необходимых указаний, а обращение к обычаю вытекает из характера условия, относящегося к спору.

На сегодняшний день пока не выяснено: что следует понимать в интернет-праве под судебной практикой? А от этого страдает теория права и общая концепция интернет-права. Под судебной практикой здесь необходимо понимать проводимые в решениях взгляды судей на какой-либо правовой вопрос в отношении деятельности субъектов в киберпространстве, имеющие руководящее значение при рассмотрении судами аналогичных вопросов в дальнейшем <1>. Подобный источник права имеет особое значение в ряде стран, причем в некоторых из них он является основным. Такое положение существует в Великобритании, частично в США, Новой Зеландии, Канаде, Австралии, Индии.

<1> См. более подробно: Богуславский М.М. Международное частное право. М., 2002. С. 77 - 78.

Значение судебного прецедента в нашем случае состоит в придании нормативного (общеобязательного) характера решению суда по конкретному делу, касающемуся отношений субъектов в Интернете. Для признания судебной практики источником интернет-права (т.е. чтобы судебное решение приравнять к закону) необходимо существование действительно независимой и развитой судебной системы, высокого профессионализма судебного корпуса, а также устоявшихся традиций той или иной правовой системы.

В Российской Федерации судебная практика обычно не рассматривается как источник права вообще и интернет-права в отдельности, несмотря на то, что постановления Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ <1> фактически обязательны для нижестоящих судов. В связи с этим можно согласиться с мнением профессора М.Н. Марченко о том, что "применительно к отдельным отраслям права и соответствующим им отраслям юридической науки признание прецедента, а еще шире - судебной практики в качестве источника права, безусловно, будет создавать благоприятные ДЛЯ **V**СЛОВИЯ И предпосылки ИХ дальнейшего развития совершенствования" <2>.

<1> В отношении полномочий Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ по данному вопросу ситуация выглядит более определенной, так как его постановления обязательны для арбитражных судов в Российской Федерации (п. 2 ст. 13 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. "Об арбитражных судах в Российской Федерации" (СЗ РФ. 1995. N 18. Ст. 1589)).

<2> Марченко М.Н. Является ли судебная практика источником российского права? // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. С. 533.

Думается, что Российской Федерации в свете вхождения в мировое информационное сообщество важно хотя бы частично признать судебную практику в качестве источника интернет-права. И здесь еще предстоит немало поработать ученым и практикам для реализации этой идеи.

Однако судебная практика не является и источником международного частного права. В то же время для толкования норм в процессе их применения значение судебной (а в области интернет-права особенно арбитражной) практики несомненно <1>.

<1> Например, М.М. Богуславский справедливо утверждает, что под арбитражной практикой в области международного частного права понимается не практика государственных арбитражных судебных органов, а практика третейских судов, практика так называемого международного коммерческого арбитража (Богуславский М.М. Указ. соч. С. 78).

Как показывает анализ, удельный вес названных видов источников интернет-права в разных государствах неодинаков. Кроме того, в одной и той же стране, например в Российской Федерации, в зависимости от того, о каких отношениях в виртуальном пространстве идет речь, применяются нормы, содержащиеся в различных источниках.

В этом смысле нормы интернет-права выступают в виде определенных правил (образцов) поведения в виртуальном (и материальном, когда это необходимо) пространстве, которым должны следовать все субъекты права. Можно выделить признаки норм интернет-права: 1) они выступают правилами (образцами) поведения в Интернете; 2) регулируют общественные отношения в этой среде; 3) создаются в результате сознательно-волевой деятельности людей; 4) носят общеобязательный характер; 5) обеспечиваются в необходимых случаях соответствующими средствами воздействия (например, коллективного, корпоративного), в том числе принудительной силой государства; 6) содержат предписания, дозволения, запреты, а также рекомендации; 7) обусловлены уровнем развития общества.

Будучи образцами поведения, эти нормы при определенных обстоятельствах воздействуют на все виртуальное пространство, т.е. на всю сферу социальной связанную с созданием, распространением, деятельности, преобразованием потреблением информации в Интернете. Как сфера социально-правового воздействия она представляет собой совокупность субъектов, осуществляющих на основе норм интернетправа, иного законодательства такую деятельность, которая позволяет решать конкретные информационные задачи в правовой системе общества и ее подсистемах, включая и механизм правового регулирования отношений в виртуальном пространстве Интернета <1>. При этом сама эта сфера сегодня, являясь объектом социально-правового воздействия, на наш взгляд, может быть дифференцирована на множество областей и направлений исследования. Среди них наиболее актуальными являются: анализ интернетправа как права виртуального пространства; разработка общей методологии понимания Сети и теоретико-правовые аспекты регулирования электронной среды Интернета; применение на практике Окинавской хартии глобального информационного общества; анализ опыта правового регулирования и саморегулирования в Интернете; характеристика законодательства об авторском праве в эпоху цифровых технологий и глобальных сетей; изучение правового регулирования электронной торговли; характеристика предпринимательской деятельности в сети Интернет; анализ взаимоотношений Интернета и СМИ; исследование проблем ответственности субъектов права в Интернете; изучение проблем правовой охраны сайтов и баз данных; анализ правовых аспектов применения информационных технологий при осуществлении правосудия в Российской Федерации и др.

<1> См. более подробно: Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань, 2005. С. 260 - 300.

Отсюда можно сделать вывод, что содержание интернет-права характеризует также и специфическая информационно-правовая деятельность. Эта деятельность с правовой точки зрения является определенной совокупностью информационно-правовых действий, совершаемых конкретными субъектами требуемых информационным И законодательством. У этих действий есть юридическая цель, без констатации которой они теряют свое содержание. На практике информационно-правовые действия (шире информационно-правовая деятельность) направлены на сбор и обработку правовой и иной информации, ее оценку, принятие решений, создание программных продуктов, разрешение споров и т.д. В процессе этой деятельности решаются цели и задачи правового регулирования и в случае нарушения законодательства к нарушителям принимаются определенные меры в судебном порядке.

Кроме того, информационно-правовая деятельность направлена на обеспечение реальных условий для развития и защиты всех форм собственности на информационные создание и совершенствование федеральных И региональных информационных систем и сетей, обеспечение их совместимости и взаимодействия в едином мировом виртуальном пространстве, направлена на эффективное информационное граждан обеспечение И других потребителей на основе государственных информационных ресурсов, обеспечение национальной безопасности информации и информатизации и др.

Сказанное позволяет выделить следующие особенности регулирования отношений в виртуальном пространстве Интернета:

- 1) социальное регулирование этой среды является не чисто правовым, нормативным. Оно использует как нормативные (нормы морали, этики и др.), так и ненормативные регуляторы (ценностный, директивный, информационный, технический);
- 2) поскольку мировые сети не могут быть собственностью одного субъекта (человека, организации, страны и др.), то социальное регулирование основывается на принципах правового регулирования, саморегулирования и сорегулирования;
- 3) деятельность участников базируется на новых, ранее неизвестных для правовой науки понятиях "Интернет", "сайт", "провайдер", "доменные имена", "электронная торговля" и др., без использования которых наша страна не войдет в глобальные международные структуры;
- 4) информационно-правовая деятельность различных субъектов права в Интернете зачастую носит международную окраску и осуществляется на базе норм международных договоров и национального законодательства;
- 5) в процессе правоприменения выявляются компьютерные и иные правонарушения, а виновные наказываются на основе норм международного и национального законодательства;
- 6) оценка эффективности правового регулирования интернет-отношений осуществляется субъектами разных стран; можно прогнозировать, что в скором времени станет возможным выведение единых показателей эффективности регулирования в области всемирного виртуального пространства.

Однако этими особенностями регулирования отношений в сфере виртуального пространства характеристика особенностей интернет-права не исчерпывается. Необходимо иметь в виду, что в обозримом будущем перед Россией, как уже отмечалось, встанет непростая задача вхождения в цивилизованное информационное общество и ликвидации отставания в развитии информационно-коммуникативных технологий страны, в связи с чем предстоит большая законотворческая работа в области подготовки международных актов и договоров, касающихся регулирования своего сегмента всемирного виртуального пространства. Из этого следует, что интернет-право должно

стать важнейшим компонентом глобального информационного общества и правового демократического государства <1>.

<1> См. об этом подробнее: Федеральная целевая программа "Электронная Россия (2002 - 2010 годы)", утв. Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65 // СЗ РФ. 2002. N 5. Ст. 531; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г.

Кроме того, в условиях признания России страной с рыночной экономикой, вхождения в восьмерку крупнейших мировых держав и в краткосрочной перспективе во Всемирную торговую организацию (ВТО), нам предстоит решить ряд крупных проблем, которые связаны с дальнейшей демократизацией многих сфер общественной жизни. Прежде всего необходимо содействовать установлению благоприятных рыночных условий, необходимых для предоставления населению услуг в области коммуникаций; изыскать дополнительные возможности, включая доступ через учреждения, открытые для широкой публики; уделить приоритетное внимание совершенствованию сетевого доступа, в особенности в отсталых городских, сельских и отдаленных регионах; уделить особое внимание нуждам и возможностям людей с меньшей социальной защищенностью, людей с ограниченной трудоспособностью, а также пожилых граждан и осуществить меры, направленные на предоставление им более легкого доступа к информации; содействовать дальнейшему развитию "удобных для пользования", "беспрепятственных" технологий, включая мобильный доступ к сети Интернет, а также более широкое использование бесплатного, общедоступного информационного обмена и др. Все эти и другие обстоятельства должны учитываться при разработке теоретических и прикладных проблем интернет-права на современном этапе. Это, на наш взгляд, позволит с новых позиций взглянуть на понятие и характеристику этой области знаний, более оперативно ставить проблемы подготовки и принятия необходимых правовых актов и внедрения новых информационных технологий в юридическую деятельность.

Все это и предопределяет важность дальнейшего исследования всей системы интернет-права. В данном случае речь идет об интернет-праве как о новом комплексном институте российского права и учебной дисциплине. Но для того чтобы правильно определить место интернет-права в общей системе права, необходимо прежде всего остановиться на проблеме современных интернет-отношений в обществе, методах воздействия Интернета на юридическую жизнь, а также точно определить место интернет-права в современной системе права.

§ 5. Характеристика отношений, регулируемых интернет-правом

Вопрос о правовой природе отношений, возникающих, изменяющихся и прекращающихся в области использования сети Интернет, является самым дискуссионным и сложным. Для начала следует разграничить общественные отношения вообще и правовые отношения в частности, а также дать трактовку информационным отношениям и интернет-отношениям.

По нашему мнению, общественные отношения - это присущие именно человеческому обществу связи и зависимости, в которых осуществляется индивидуальная и коллективная деятельность. Категория "общественное отношение" всегда стояла в ряду таких понятий, как "связь", "взаимодействие", "движение", и нередко получала через них свое определение. Многие исследователи различают понятие связи и отношения вообще и общественного отношения и общественной связи в частности. Дело в том, что всякая связь предполагает отношение, но не всякое отношение есть только(!) связь. Вместе с тем в юридической литературе связь и отношение чаще всего отождествляются. Когда говорят, что связь есть отношение, то имеют в виду, что отношение основывается на

связи, включает связь. Однако на уровне отношения появляется нечто дополнительное, позволяющее говорить именно об отношении, а не только о связи.

Общественные отношения как отношения между людьми по поводу тех или иных социальных благ состоят из нескольких элементов: субъектов, между которыми складываются определенные отношения (участников отношений); объектов, т.е. тех социальных благ, по поводу которых возникает общественное отношение; и содержания отношений, т.е. прав и обязанностей, которые определяют поведение конкретных людей, индивидов.

Отношения объективны. Эта объективность носит специфический характер, ибо отношения не могут непосредственно восприниматься органами чувств. Общественные отношения не существуют сами по себе, вне соотносящихся сторон. Взаимодействие, осуществляемое в рамках общественных отношений, всегда оказывается выраженным вовне - в действиях и поступках людей. Различные исследователи указывают на ряд наиболее типичных разновидностей социального взаимодействия, многочисленных связей субъектов. Например, можно выделить корпоративную деятельность; эпизодическое сотрудничество; косвенную взаимосвязь (через продукты труда); взаимное информирование и противодействие. В целом общественные отношения представляют собой форму организации человеческой деятельности - практику <1>.

<1> См. об этом подробнее: Рассолов И.М. Общественные отношения // Машкин Н.А., Рассолов И.М. Обществознание. М., 2001. С. 11 - 15.

По мнению А.Б. Венгерова, информационными отношениями ("диагональными") выступают социальные отношения, имеющие техническо-организационную сторону и социальное содержание, которые выделяются на определенном этапе развития общества (для целей автоматизации управления); это отношения, которые складываются в сфере управления народным хозяйством между работниками, их коллективами в процессе регистрации, сбора, передачи, хранения и обработки информации. Они носят объективный характер, т.е. облекаются в объективную материальную форму <1>.

<1> См.: Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления. Теоретические проблемы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.

Информационное отношение (по сути "реальное", или "фактическое" <1>, отношение, входящее в предмет информационного права) можно также определить как волевое общественное отношение, в котором информация выступает благом, по поводу которого возникают права и обязанности субъектов. Поэтому информационное отношение как объект правового регулирования появляется не сразу, а на определенном этапе развития общества и технических средств обработки информации <2>.

<1> См. об этом подробнее: Алексеев С.С. Общая теория права. 2-е изд. М., 2008. С. 334 - 335.

<2> См.: Грибанов Д.В. Указ. соч. С. 13 - 14.

Правоотношение - это "возникающая на основе норм права индивидуализированная общественная связь между лицами, характеризуемая наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживаемая (гарантируемая) принудительной силой государства" <1>.

<1> Алексеев С.С. Общая теория права. С. 328.

Исходя из приведенных точек зрения, можно заключить, что информационное правоотношение - это собирательное понятие, включающее в себя урегулированные

информационным законодательством различные по правовой природе общественные отношения, объединенные связью с особым объектом - благом особого рода - информацией. Это благо особого рода состоит и проявляется в неразрывной связи (двуединстве) информации со своим носителем.

Т.А. Полякова среди особенностей информационных отношений называет следующие: эти отношения возникают, изменяются и прекращаются в информационной сфере в процессе обращения обособленной информации; они отражают особенности применения публично-правовых и гражданско-правовых методов регулирования при осуществлении прав и свобод граждан с учетом специфических особенностей и юридических свойств информации, информационных и иных объектов информационной среды; информационные отношения определяют государственную политику в области защиты информационных прав и свобод человека и гражданина. Автор считает, что многоотраслевой характер правовых отношений в информационной сфере предполагает их комплексное регулирование при сбалансированном применении различных отраслевых норм <1>.

<1> См.: Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 20.

Следует особо отметить, что административные отношения в информационном праве носят главным образом организационный характер. Они служат предпосылкой возникновения всего комплекса отношений между субъектами по поводу оборота информации. Например, отношения по регистрации сетевых средств массовой информации; отношения по использованию технических средств, Интернета (например, выдача лицензии сервис-провайдеру), создание федеральных баз данных, архивов, электронных библиотек, каталогов и т.д.

Таким образом, при регулировании информационных правоотношений в зависимости от их характера используются методы, применяемые гражданским и административным правом. Однако они базируются на предусмотренных информационным правом принципах. Поэтому в настоящее время сложились все предпосылки для признания информационного права одной из комплексных отраслей права.

Анализ показал, что в первую очередь следует разобраться с интернет-отношениями и выяснить их соотношение с информационными правоотношениями.

Следует отметить, что из-за слабой разработанности теории Интернета и отношения, регулируемые интернет-правом, трактуются учеными в общем плане и довольно неопределенно. Это отрицательно сказывается на формулировании общей концепции интернет-права и его особенностей на современном этапе, поэтому подробнее остановимся на этой непростой проблеме.

В частности, одни ученые (А.Б. Венгеров, М.М. Рассолов), говоря о необходимости разработки доктрины информационного права, наряду с исследованием законодательства, правоприменения и правосознания, рассуждают об информационных отношениях или об отношениях в информационной сфере, которые регулируются с помощью законов и других нормативных правовых актов. Эти нормы регулируют поведение людей в информационной сфере, обусловливают образование специальных информационных отношений, складывающихся между людьми <1>. Другие (Ю.Е. Булатецкий, В.А. Копылов) в ходе анализа взаимоотношений Интернета и права и проблем правового обеспечения электронной торговли специально выделяют понятия "правоотношения в Интернете" и "информационные отношения в Интернете", под которыми понимают урегулированные нормами права отношения в виртуальном пространстве Интернета. При этом они отмечают, что эти правоотношения имеют в своем составе субъектов

(разработчики сетей, провайдеры, потребители информации из Интернета и др.) и направлены на определенные объекты (информационные права и свободы, доменные имена, сайты, информационные системы и др.). Реализация правоотношений предполагает здесь распространение сведений, данных в реальности, в виртуальном пространстве, их использование, информационную безопасность сетей, собственников технических средств и т.д. <2> Отдельные же практикующие в области Интернета правоведы (например, М.В. Якушев) несколько отходят от традиционных понятий теории права ("отношение", "правоотношение" и др.) и вводят новое понятие "интернет-отношение". Они по смыслу определяют его как виртуальные отношения в Интернете, регламентированные нормами права и этики, и говорят о необходимости правового регулирования отношений в сетях, в области электронной торговли, при заключении внешнеэкономических сделок, в сфере сетевых СМИ, информационного обмена провайдеров, организаций <3>.

Особый интерес представляет точка зрения И.Л. Бачило. Среди правоотношений в информационной сфере профессор выделяет "виртуальные связи в Интернете" и "так называемые виртуальные отношения", которые от обычных правоотношений отличаются тем, что, "во-первых, формируются и реализуются на основе информационных технологий с минимальным потенциалом традиционных документированных ресурсов и, во-вторых, совершаются между виртуальными субъектами" <1>.

На наш взгляд, наиболее точной является позиция Д.В. Грибанова, который считает, общественные отношения, возникающие c использованием глобальных компьютерных сетей, выступают особыми информационными отношениями, направленными на организацию движения информации в обществе и обусловленными информационной природой самого общества. Эти особые отношения автор называет информационно-кибернетическими. Он доказывает, что участвовать в информационнокибернетических отношениях можно только посредством ЭВМ, подключенной к компьютерной сети <1>.

<1> См.: Грибанов Д.В. Указ. соч. С. 7 - 16.

можно выделить некоторые особенности исследуемых отношений: обязательное наличие технической компоненты, информационное наполнение данного вида отношений и особый субъектный состав. Кроме того, они не всегда гарантируются или обеспечиваются принудительной силой какого-то одного государства, так как исследуемая сфера планетарная по своей сути. Таким образом, исследуемые отношения характеризуются главным образом теми особенностями, которые вытекают из специфической среды их формирования и существования - информационной среды всемирной компьютерной сети Интернет. Поэтому это общественные отношения, существующие в электронной форме в киберпространстве <1>.

<1> См., например: Венгеров А.Б. Категория "информация" в понятийном аппарате юридической науки // Советское государство и право. 1977. N 10. C. 70 - 78; Рассолов М.М. Управление, информация и право. М., 1983. С. 94 - 115; Он же. Информационное право. М., 1999. С. 41 - 51.

<2> См.: Копылов В.А. Информационное право. С. 130 - 140; Булатецкий Ю.Е. Правовое обеспечение электронной торговли // Коммерческое (торговое) право / Под ред. Ю.Е. Булатецкого. М., 2002. С. 880 - 886.

<3> См.: Якушев М.В. Указ. соч. С. 132 - 133.

<1> Бачило И.Л. Методы информационного права и правоотношения информационной сфере // Информационное право / Под ред. Б.Н. Топорнина. 2-е изд. С. 163.

<1> См. также об этом: Тедеев А.А. Указ. соч. С. 8.

Все это, естественно, заставляет задуматься: как сегодня все же необходимо трактовать указанные выше отношения, причем не вообще и не применительно к какой-то одной отрасли права, а применительно к интернет-праву? Тем более некоторые ученые (например, А.Б. Венгеров, М.М. Рассолов) говорят об информационных отношениях (правоотношениях) вообще, опираясь на понятие правоотношений, выведенное из теории права.

На наш взгляд, в современных условиях все же логичнее говорить об интернетотношениях, используя, естественно, научные наработки по трактовке понятий "правоотношения в Интернете" и "информационные отношения в Интернете" (Ю.Е. Булатецкий, В.А. Копылов).

Основываясь на обозначенных научных определениях, в настоящее время интернетотношения можно определить таким образом: это часть отношений в виртуальном пространстве (включая моральные, этические и иные отношения), участники которых выступают как носители субъективных прав и обязанностей в Интернете.

Надо заметить, что интернет-отношения - это особые отношения, возникающие в результате воздействия норм международного и других отраслей права, международных договоров, решений судов на поведение людей и организаций (субъектов).

Специфика интернет-отношений состоит в том, что для тех или иных управомоченных субъектов возникают права (т.е. открывается предусмотренная правовыми нормами, международными договорами, соглашениями, решениями судов, обычаями и обеспечиваемая различными государствами возможность действовать определенным образом в виртуальном пространстве Интернета) и вместе с тем на других субъектов возлагаются обязанности, подразумевающие необходимое поведение, зафиксированное в источниках интернет-права и обеспеченное доброй волей сторон либо государственным принуждением.

Следовательно, интернет-отношения часто носят волевой характер. В них выражается сознательная воля субъектов этих отношений, той или иной группы лиц, а также государства и общества в целом. Например, согласно действующему в Швеции Закону об ответственности владельцев досок объявлений <1> содержание отношений в Интернете между провайдером и пользователем-клиентом на информационное обслуживание (скажем, видеоматериалами) оформляется договором. И обе стороны, исходя из собственной воли, фиксируют в этом договоре свои права и обязанности, оплату услуг, срок действия договора, ответственность за нарушение взятых обязательств. Согласно принятым обязательствам провайдер обеспечивает своевременный и качественный доступ клиента в Интернет, поставляет ему видеоматериалы, клиент вступает в Интернет опосредованно, оплачивает услуги, провайдер несет ответственность за действия, нарушающие международное и национальное законодательство, наносящее ущерб клиенту, третьим лицам, если иное не указано по воле сторон в договоре. Аналогичные положения заложены в проектах Федеральных законов "О сделках, совершаемых при помощи электронных средств" <2> и "Об электронной торговле" <3>.

<1> Cm.: Act (1998:112) on Responsibility for Electronic Bulletin Boards // http://dsv.su.se/jpalme/society/swedish-bbs-act.html.

<2> Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. М., 2000. С. 17 - 26.

<3> Федеральный закон (проект) "Об электронной торговле" N 310163-4 внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 16 июня 2006 г. 4 июля 2006 г. был рассмотрен Советом Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Отношения, регулируемые интернет-правом, это не только фактические, но и правовые, этические и др. И этому есть свое объяснение, которое вытекает из содержания информационно-правовой деятельности в целом. При соблюдении указанными субъектами норм права (в нашем случае при исполнении провайдерами и их клиентами условий договора на обслуживание видеоматериалами) правовые, фактические и иные отношения "не сталкиваются", а взаимодействуют. Коллизии между ними возникают тогда, когда кто-то из участников договора (допустим, провайдер в соответствии с вышеназванными актами) не выполняет своих обязательств (скажем, с опозданием осуществил доступ клиента к Интернету, поставил некачественные видеоматериалы). В этом случае договор (соответственно, соглашение и др.) и норма права не соблюдаются, и между сторонами интернет-отношений возникает спор, который меняет направление их взаимоотношений.

На наш взгляд, интернет-отношения - это новый тип общественных отношений, которые возникают, изменяются и прекращаются в киберпространстве. Это не правовые в чистом виде и не фактические отношения. Это социальные связи особой правовой, информационной и технической природы (энергетические "сгустки" материи).

Анализ правоприменительной практики разных стран показывает, что отношения, регулируемые интернет-правом, как и правоотношения в строгом смысле слова, возникают, изменяются и прекращаются при наличии следующих предпосылок: вопервых, если существует необходимая норма информационного, гражданского, иного права, которая распространяет свое действие международного И соответствующих субъектов (причем здесь речь идет о нормах как национального, так и зарубежного законодательства, например международные соглашения, договоры); вовторых, когда субъекты выступают в качестве носителей необходимых прав и обязанностей (например, физические лица должны обладать всеми качествами полноценной личности, правоспособностью и дееспособностью; это особенно важно при заключении внешнеэкономических сделок в виртуальном пространстве Интернета); втретьих, когда возникают юридические факты (скажем, имело место заключение договора купли-продажи через Интернет, открытие сайта, совершение субъектом компьютерного правонарушения и др.), т.е. конкретные обстоятельства, с которыми субъекты могут связывать возникновение, изменение или прекращение интернет-отношений <1>.

<1> См., например: Терещенко Л.К. Правовые проблемы использования Интернета в России // Журнал российского права. 1999. N 7-8. C. 32 - 37; Тимофеев Д.А. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: общие проблемы правового регулирования // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. С. 117 - 119; Подшибихин Л.И. Некоторые проблемы правовой охраны объектов авторского права и смежных прав в Интернете // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. С. 93 - 94; Chamoux J.-P. Droit de la communication. Р., 1994. Р. 3 - 10; Bertrand A., Piette-Coudol Th. Op. cit. 4 - 27.

Иными словами, сама структура рассматриваемых отношений включает следующие элементы: 1) субъекты; 2) объекты; 3) субъективное право; 4) обязанность субъекта; 5) информацию; 6) технические средства.

Рассмотрим подробнее состав отношений, регулируемых интернет-правом.

Субъекты являются участниками интернет-отношений. Под субъектами "понимаются люди и их объединения, выступающие в качестве носителей... прав и обязанностей" <1>. Их состав, количество, характер зависят от воли сторон, участников интернет-отношений.

<1> Матузов Н.И. Правовые отношения // Теория государства и права. С. 481.

Надо отметить, что среди ученых нет единства относительно состава и определения субъектов интернет-отношений.

Например, по мнению В.А. Копылова, в настоящее время можно выделить три группы субъектов, которые действуют в Интернете. Первая группа - это разработчики трансграничных информационных сетей, иных технических средств, которые составляют инфраструктуру Интернета. Во вторую группу входят специалисты, производящие и распространяющие информацию в Интернете и предоставляющие различные услуги. И третья группа - это разнообразные потребители (граждане, организации, фирмы и др.) <1>.

<1> См.: Копылов В.А. Интернет. С. 11.

Ю.Е. Булатецкий применительно к отношениям российского сегмента Интернета (Рунета) выделяет в качестве субъектов, с одной стороны, провайдера (оператора), т.е. юридическое лицо (физическое лицо - предприниматель), имеющее лицензию Министерства связи и массовых коммуникаций РФ на оказание соответствующих онлайновых услуг, включая почтовое обслуживание, хранение файловой информации и др. С другой стороны, пользователя-клиента, т.е. физическое или юридическое лицо, использующее Интернет для собственных нужд (рекламы, заключения сделок, поиска партнеров, заказов и т.д.). Эти субъекты могут находиться в разных частях света <1>.

<1> См.: Булатецкий Ю.Е. Указ. соч. С. 884 - 885.

С нашей точки зрения, это разные подходы, но они не противоречат друг другу и общей теории права. Поэтому их легко объединить, выделив главное. Оно состоит в том, что все указанные субъекты интернет-отношений (разработчики сетей, специалисты, провайдеры, клиенты и др.) - это обладатели или носители определенных прав и обязанностей в виртуальном пространстве Интернета. И субъектами здесь могут выступать как юридические лица (провайдеры, имеющие лицензии на оказание онлайновых услуг), так и физические лица (граждане - потребители информации: россияне, иностранцы, лица без гражданства, лица с двойным гражданством и др.). Причем указанные лица должны отвечать требованиям международного и национального законодательства в части правоспособности, дееспособности, деликтоспособности. Таким образом, основными участниками сети Интернет выступают: пользователи; операторы обеспечивающие сервис-провайдеры, доступ к Сети; хост-провайдеры, предоставляющие за плату дисковое пространство на своем сервере клиентам, а также другие базовые услуги Интернета; разработчики трансграничных информационных сетей и сетевых технологий; специалисты.

правоспособности В интернет-праве несколько отличается общепринятого. Конечно, правоспособность здесь - это тоже способность лица иметь юридические права (только в виртуальном пространстве) и нести соответствующие юридические обязанности. Но здесь, надо подчеркнуть, мы имеем дело не только с юридическими, но и с моральными, этическими и иными правами и обязанностями субъектов, т.е. с так называемой способностью последних. И этой способностью (как и правоспособностью) субъекты интернет-отношений теоретически обладают с момента рождения и до смерти. Вместе с тем правосубъектность в Интернете имеет свои особенности. Например, лишь с момента получения тем или иным провайдером лицензии Министерства связи и массовых коммуникаций РФ у него появляется право работы в электронной среде <1>. В этом случае все три способности - правоспособность, дееспособность и деликтоспособность у данного субъекта могут возникать и прекращаться одновременно. Поэтому правосубъектность провайдера может считаться специальной, что вытекает из его целей и задач. В некоторых случаях правосубъектность

в Интернете возникает по достижении определенного возраста. Например, право заниматься предпринимательской деятельностью, право заключать через Интернет внешнеэкономические сделки, учреждать сетевое средство массовой информации и т.д.

<1> Вопросами лицензирования занимается структурное подразделение Министерства - Федеральная служба по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций. См.: Постановление Правительства РФ от 2 июня 2008 г. N 419 "О Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций" // СЗ РФ. 2008. N 23. Ст. 2709.

Дееспособность в рассматриваемой области, в отличие от правоспособности, почти всегда возникает по достижении определенного возраста, который находит закрепление в нормах права.

Дееспособность в интернет-праве - это способность субъекта (физического лица, клиента - потребителя информации) как участника интернет-отношений своими действиями приобретать и осуществлять принадлежащие ему права и исполнять обязанности. В отраслях права, с которыми взаимодействует интернет-право, вопрос о моменте наступления дееспособности субъекта (того же клиента - потребителя информации) решается по-разному. Например, в российском гражданском праве, нормы которого используются субъектами в Интернете, дееспособность субъекта (гражданина) в полном объеме наступает по достижении совершеннолетия. Наряду с этим закон фиксирует и ограниченную дееспособность несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (ст. 26 ГК РФ). К сожалению, на практике в интернет-отношения часто вступают через компьютерные сети и недееспособные, и психически больные, и т.д.

Исследование показывает, что способность отвечать за совершенные правонарушения в виртуальном пространстве (деликтоспособность) определяется на основе тяжести последствий и охватывается понятием "правонарушения в Интернете". В российском уголовном праве ответственность за любые преступления, в том числе и в Интернете, совершенные нашими гражданами, наступает по достижении 16 лет, а за наиболее тяжкие - с 14. Вопрос о деликтоспособности субъектов в Интернете является нерешенным. Во многих странах он решается по-разному. Однако наиболее детально виды такой ответственности представлены в Конвенции о киберпреступности, подписанной в 2001 г. в Будапеште, по которой каждая сторона имеет право принимать любые ограничительные меры к преступникам вплоть до лишения свободы (см. подразд. 5 Конвенции о дополнительных видах ответственности и санкций).

На наш взгляд, правоспособность и дееспособность субъектов интернет-отношений характеризует отношение того или иного государства к правам человека и прогрессивным идеям Интернета. Надо заметить, что права участников интернет-отношений могут быть ограничены только судом или по воле самих участников. При этом данные ограничения допустимы лишь с учетом международного законодательства, регулирующего права человека.

В качестве объектов интернет-отношений выступают любые явления, испытывающие на себе воздействие со стороны субъектов в Интернете. Иначе говоря, здесь "объектом отношения выступает то, на что направлены субъективные права и... обязанности его участников" <1>.

<1> Матузов Н.И. Правовые отношения // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. С. 493.

Правда, В.А. Копылов в свое время сделал попытку привести строгий перечень объектов, по поводу которых возникают информационные отношения в Интернете. При этом он включил в число этих объектов: информационные права и свободы; интересы личности, общества и государства в информационной сфере; информационные

целостность и суверенитет государства; информацию, информационные ресурсы, информационные продукты и услуги; доменные имена, сайты, порталы; программнотехнические комплексы; информационную безопасность <1>.

<1> См.: Копылов В.А. Интернет и право. С. 11.

Думается, что сегодня здесь трудно четко определить круг объектов интернетотношений. Более того, если учесть, что через Интернет могут реализовываться все виды общественных отношений, то, скорее всего, необходимо признать правильным плюралистический подход к понятию объектов правовых отношений в Интернете. Поэтому в зависимости от характера и видов интернет-отношений их объектами могут выступать: поведение различных субъектов, разного рода информационные услуги и их результаты, продукты духовного творчества, включая произведения литературы, искусства, музыки и др., ценные бумаги, договоры, официальные документы, честь, достоинство, безопасность человека, вещи, предметы и иные ценности.

В то же время необходимо провести строгий анализ отношений, касающихся особых объектов в Интернете, в роли которых выступают доменные имена, сайты, информационные услуги, поведение субъектов и многое другое.

Однако субъекты и объекты будут "мертвы", если не будут здесь приведены в действие субъективные права и обязанности субъектов интернет-отношений. Социальное регулирование в виртуальном пространстве, включая нормы морали, этики и проч., как показывает опыт, осуществляется через механизм реализации субъективных прав и обязанностей. Указанные права и обязанности взаимодействуют друг с другом в рамках интернет-отношений, выступают содержанием этого механизма.

Субъективное право в рассматриваемой области - это гарантируемые нормами права вид и мера возможного или дозволенного поведения участника интернет-отношения. А обязанность есть вид или мера должного или требуемого поведения. В содержании названного права отражается обеспеченная указанными выше источниками интернетправа возможность, а в содержании обязанности - закрепленная этими источниками необходимость. Носитель возможности уполномочен на совершение определенных действий, а носитель обязанности выполняет конкретные поставленные задачи, функции.

Следовательно, субъективное право выступает в качестве определенной возможности в Интернете, которая разноаспектна и может включать в себя возможность положительного поведения субъекта в Интернете (например, провайдера при заключении договора поставки); возможность субъекта требовать необходимого поведения от своего партнера (например, от провайдера к клиенту - покупателю по договору), прибегнуть к определенным мерам воздействия (например, предусмотренным международным договором, соглашением, хартией в случае неисполнения противостоящей стороной - тем же клиентом - своей обязанности исполнять условия договора), пользоваться на основе своего права, моральных установок определенным благом, поощрением, преимуществом.

Иначе говоря, субъективное право в виртуальном пространстве может выступать в форме: права-поведения, права-пользования, права-требования и права-притязания.

В зависимости от ситуации в Интернете и вне его на первый план при реализации субъективного права может выходить одна из обозначенных форм. В общем все указанные аспекты составляют единое целое и саму структуру субъективного права в исследуемой сфере. Оно служит средством удовлетворения интересов субъектов интернет-отношений, и прежде всего уполномоченных лиц. Поэтому субъективное право может быть нами рассмотрено как определенный порядок реализации своих действий в рамках интернет-отношений.

Под стать субъективным правам выстраиваются и обязанности субъектов интернетотношений, которые тоже включают в себя разные компоненты. Это прежде всего необходимость совершать в Интернете определенные действия (скажем, со стороны

покупателя во внешнеэкономической сделке) либо воздержаться от их совершения; необходимость одного субъекта (например, поставщика в указанной сделке) отреагировать на обращенные к нему справедливые требования другой стороны (например, продавца, который требует соблюдения условий договора); необходимость нести ответственность за неисполнение взятых обязательств; необходимость не препятствовать другой стороне пользоваться преимуществами и благами, на которые та имеет право. Таким образом, в этой сфере можно выделить обязанность активного поведения; обязанность пассивного поведения (воздержания от определенных действий); обязанность претерпевания определенных мер воздействия, исходящих от государства. Обязанность устанавливается в интересах всех субъектов, участвующих в интернетотношениях. Это непременное условие и гарант их эффективной реализации.

Все сказанное, по существу, укладывается в понятия "правоотношение", "отношения в сфере морали, этики" и другие, применяемые в классической теории права и государства <1>.

<1> См.: Бачило И.Л. Актуальные проблемы информационного права. С. 7; Она же. Информационное право. Роль и место в системе права Российской Федерации. С. 5 - 14; Матузов Н.И. Правовые отношения. С. 493.

С нашей точки зрения, такой подход нельзя признать совершенным в области отношений, регулируемых интернет-правом. Он должен быть дополнен еще двумя важными компонентами - информацией и техническими средствами. Без этих элементов интернет-отношение невозможно.

В интернет-праве информация рассматривается как некоторая совокупность различных сообщений о событиях, происходящих в виртуальном пространстве и во внешней по отношению к нему среде, а также изменениях характеристик виртуального пространства и внешней среды или как "мера организации материальных, энергетических, пространственных и временных факторов объекта" <1>. Информация здесь рассматривается в процессе движения, передачи, она устраняет в виртуальном пространстве неопределенность и, как правило, связана с новыми, ранее неизвестными нам явлениями и фактами.

<1> Рассолов М.М. Элементы правовой кибернетики. М., 1976. С. 57.

Информация, циркулирующая в Интернете, разнообразна и разнородна. Она может быть представлена в виде закона, иных нормативных актов, решений, договоров, изданий, документов, сайтов и т.д.

Информацию в виртуальном пространстве можно классифицировать по следующим основаниям и признакам: функциональное назначение и характер информационных систем (информация правового регулирования интернет-отношений, правотворчества, организации борьбы с преступностью в Интернете, правосознания субъектов (участников) и т.п.); отношение сообщения к данному объекту (выделение внутренней, внешней и независимой информации в ходе обмена между субъектами); тип связи субъекта интернет-отношений и внешней среды (выделение информации, циркулирующей в прямой и обратной связи); отношение к целевой функции (выделение сообщений относительно заключения внешнеэкономической сделки и сообщений о средствах ее выполнения); физическая форма представления информации (текст закона, нормативный акт, документ, сайт, карта, таблицы, графики и др.); логическое содержание правовой и иной информации (информация об объектах, о свойствах, об отношениях); процедура преобразования информации в компьютерных сетях (моделирующие, вычислительные, нравственные и др.); степень преобразования эвристические, информации информационных системах (основная информация, которая характеризует понятие

показателя; совокупная информация, характеризующая понятие статистической совокупности); время и периодичность возникновения и обработки информации (оперативная и текущая правовая информация, информация о прошлых, настоящих, будущих юридических событиях и др.).

В сфере интернет-отношений могут быть найдены и другие основания и признаки классификации информации. Среди них можно назвать способ передачи информации (телефон, телеграф, человек, почта), вид преобразователя информации (человек, машина, человек-машина), степень достоверности информации (достоверные сообщения, недостоверные сообщения), участие в вычислительном процессе (исходная, постоянная, переменная, промежуточная, конечная и др.), алфавит информации (буквенная, цифровая, буквенно-цифровая) и др.

Приведенная классификация информации в общем-то проста. Но, вероятно, эта классификация информации в будущем будет достаточно сложной, поскольку она может иметь многоступенчатое строение, при котором отдельные группы информации, выделенные в пределах основного классификационного признака, дополнительно разбиваются на подгруппы по частным основаниям и признакам. Кроме того, не всегда мы будем иметь возможность четко дифференцировать сообщения по тем или иным основаниям и признакам, а затем сводить их в отдельные классы.

Классификация информации в сфере интернет-отношений очень важная научноисследовательская задача. Ее реализация позволяет получить весьма ценные сведения о той информации, которая содержится в виртуальном пространстве; дает данные, без которых невозможно решение многих принципиальных вопросов внутреннего и внешнего проектирования механизмов правового воздействия и без которых невозможен также анализ информационных потоков в Интернете. Не располагая исчерпывающими сведениями о важнейших свойствах и характеристиках информации в информационноправовых комплексах, нельзя найти их оптимальные структуры, обеспечить заданную точность, надежность и эффективность их работы.

Технические средства тоже важнейший компонент интернет-отношений. Они включают в себя глобальное объединение компьютерных сетей (региональных, опорных, ведомственных, корпоративных, локальных) и информационных ресурсов (сайтов, служб электронной почты, поисковых систем). И главной здесь является сеть самого Интернета. Она выросла из сети "Арпанет" <1>, созданной десятки лет назад для обмена информацией между рядом исследовательских центров военной промышленности США. В настоящее время Сеть насчитывает многие миллионы компьютеров и средств доставки информации <2>. Она может предложить потребителям многочисленные базы данных, включая базы юридической информации.

215 2 1000 7 DADDANIET

Сегодня к сети Интернет подсоединены все развитые страны мира. Активно начинают подсоединяться к Интернету и все государственные органы и учреждения России <1>. Информация, которая может в таких случаях использоваться, - это данные, документы, хранящиеся в центрах информации, в библиотеках других стран <2>.

<1> 2 января 1969 г. был реализован проект DARPANET.

<2> В России количество компьютеров приближается к 20 млн., а число пользователей в 2005 г. достигло 22 млн. человек, а к концу 2007 г. составило 28 млн. 700 тыс. человек. См. об этом: Мининформсвязи насчитало в России 17 млн. компьютеров // http://www.citcity.ru/11478.

<1> См., например: Указ Президента РФ от 21 февраля 1994 г. N 361 "О совершенствовании деятельности в области информатизации органов государственной власти Российской Федерации" // САПП РФ. 1994. N 9. Ст. 699; Перечень регулярной обязательной информации для размещения федеральными органами исполнительной власти в российском сегменте сети Интернет, утв. поручением Председателя

Правительства РФ от 27 июня 2001 г. N MK-П44-11243 // http://russianlaw.net/law/laws/t28.htm.

<2> См.: Гаврилов О.А. Основы правовой информатики. М., 1998; Булатецкий Ю.Е. Указ. соч. С. 880 - 887.

Важными вехами в развитии мировой инфраструктуры информации Интернета можно считать следующие исторические события:

- создание в 1945 г. учеными Пенсильванского университета Дж. Мокли и Д. Эккертом первой ЭВМ;
- появление в 1950 1960-е гг. больших вычислительных машин, ориентированных на решение оборонных проблем;
- производственный выпуск в 1974 г. американской фирмой MITS портативного электронного устройства "Altair 8800", которое может считаться образцом первого персонального компьютера;
 - массовая продажа компьютеров фирмы "Apple" и IBM в 1980-е гг.;
- начало 1990-х гг. ознаменовалось этапом глобальных информационных коммуникаций и сетей. В 1993 г. корпорация "Intel" выпускает процессор Intel(R) Репtium(R), число пользователей Интернета в США достигает 3 млн.;
 - в 1994 г. была создана доменная зона .ru;
- в 1997 г. корпорация "Intel" выпускает первый процессор Intel Pentium II, число пользователей Интернета в мире превышает 100 млн.;
- в 1999 г. корпорация "Intel" представляет процессор Intel(R) Pentium(R) III. Количество пользователей Интернета в мире превышает 201 млн.;
- в 2000 г. корпорация "Intel" представляет процессор Pentium 4, разработанный специально для поддержки потоковой передачи звука и изображения в Интернете, обработки изображений, создания видеоматериалов, обработки речи, трехмерных игр, мультимедийных приложений и работы в многозадачных средах;
- в 2001 г. персональным компьютерам более 20 лет. В период с 1981 по 2000 г. продано 835 млн. компьютеров;
- к 2006 г. во Всемирной паутине зарегистрировано более 100 млн. сайтов (для сравнения: в 2004 г. их было примерно 50 млн., а в 1996 г. всего 20 тыс.);
- в сентябре 2007 г. на всей планете более 1 млрд. 200 тыс. пользователей Интернета, в этом же году в российской зоне зарегистрирован миллионный домен (активно работает 800 тыс. сайтов), суммарный оборот российской торговли в Интернете превышает 5 млрд. долл. в год, более 60% российских пользователей выходят в Интернет из дома;
- в 2008 2009 гг. к Интернету подключены 80 тыс. российских школ, активно подключаются региональные библиотеки.

Надо заметить, что структура интернет-отношений будет неполной, если не упомянуть о юридических, этических, моральных и других фактах, которые имеют место в виртуальном пространстве <1>.

<1>См., например: Рассолов М.М. Информационное право. С. 41 - 51.

Думается, что юридические, этические, моральные и другие факты - это важнейшие компоненты интернет-отношений, связанные с их возникновением, изменением или прекращением. Это те конкретные жизненные обстоятельства, которые приводят в действие (движение) интернет-отношения.

Иногда для возникновения интернет-отношения необходимо наличие не одного юридического факта, а целого юридического состава, т.е. определенной совокупности юридических фактов (получение лицензии на осуществление онлайн деятельности, регистрация сетевого СМИ и т.д.).

Указанные факты отражаются обычно в нормах права, морали, этики и т.д. Наступление данных фактов вызывает предусмотренные той или иной нормой правовые, информационные, социальные и другие последствия. Поэтому для юриста, работающего в Интернете, всегда будет важен вопрос о наличии или отсутствии юридических, этических, моральных и иных фактов. Мнение и убежденность субъектов интернет-отношений по этому поводу может базироваться на: 1) бесспорности и очевидности существования или отсутствия данного факта в виртуальном пространстве; 2) доказанности наличия или отсутствия рассматриваемого факта; 3) презумпции наличия или отсутствия этого факта.

Почти бесспорными можно считать факты, которые признаются почти всеми субъектами интернет-отношений и воспринимаются ими единообразно. Например, сегодня так воспринимаются понятия электронного документа, электронной цифровой подписи и ее средств, пользователя сертификата ключа подписи и др., охарактеризованные в ст. 3 Федерального закона "Об электронной цифровой подписи".

Однако многие факты, с которыми юристы в настоящее время сталкиваются в виртуальном пространстве, нуждаются в специальном выделении и доказывании. Причем эти выделения и доказывания часто произвольные, "самостийные", хотя иногда, когда возникает спор в суде, они и регулируются законами, международными договорами, пактами и т.д. В этом смысле выделение и доказывание рассматриваемых фактов - это сложная аналитическая деятельность и многоступенчатый процесс. Перед субъектами интернет-отношений ставится задача: выделить факт; очертить рамки его действия, влияния и добиться истины по возникшему спору. Например, в случае совершения в Интернете противозаконного перехвата (ст. 3 Конвенции о киберпреступности) стороны (субъекты) квалифицируют правонарушение и в ходе доказывания вины принимают такие меры к правонарушителю, которые соответствуют их внутригосударственному праву.

Личный опыт работы в виртуальном пространстве показывает, что многие рассматриваемые факты нуждаются в презюмировании. Презумпция в этом случае приобретает функцию доказывания, и в этом смысле она требует обоснования утверждения, имеет место тот или иной факт или нет. И здесь, как и в теории права, целесообразно выделять такие виды презумпций, как знание норм права, морали, этики и невиновности. Например, если субъект, допустивший противозаконный перехват, не знал о норме, содержащейся в ст. 3 Конвенции о киберпреступности, он не освобождается от ответственности по закону конкретного государства.

Или, скажем, мы имеем дело с презумпцией невиновности субъекта интернетотношений. В этом случае суд призван доказать вину субъекта (в соответствии с той же ст. 3 или другой), и пока суд этого не сделает, субъект не будет считаться виновным.

Другое дело, что незнание субъектом норм морали, этики и проч. не освобождает его от моральной, этической ответственности и т.д.

Исследования показали, что все факты в Интернете можно классифицировать на события и действия. События происходят в виртуальном пространстве обычно помимо желания и воли субъектов (допустим, землетрясение, разрушившее сети, сооружения связи и др.). Действия же, напротив, связаны с желанием и волей субъектов интернетотношений (допустим, мошенничество с использованием компьютерных технологий (ст. 8 Конвенции о киберпреступности)). Иногда событие возникает в виде действия (субъект взломал через Интернет систему управления сейсмическими процессами в опасном регионе) и перерастает в плохо управляемое событие (в землетрясение). События в Интернете трудно контролируемы, и они часто вызывают конфликты между субъектами интернет-отношений.

Действия субъектов в Интернете можно дифференцировать на правомерные (например, оказание маркетинговых услуг по договору), неправомерные (противозаконный доступ к сайту), высоконравственные (оказание через Интернет помощи матери в поиске пропавшего ребенка), безнравственные (оскорбление в

Интернете партнера), этические (отправление поздравления партнеру) или нарушающие правила этики (умалчивание этической информации) и т.д.

Имеет место в виртуальном пространстве и бездействие разных видов, например безнравственное (неоказание врачом помощи умирающему больному несообщением ему о нужном лекарстве), противоречащее нормам этики.

Действия в Интернете могут делиться также на правовые, моральные и другие акты и поступки. Акты здесь связаны с достижением определенных юридических и других последствий (скажем, обращение провайдеров в третейский суд). Поступки в Интернете обусловлены активными действиями субъектов интернет-отношений и влекут за собой новые отношения, изменяют их характер либо предупреждают их (например, обнародование в Интернете автором своего научного труда).

В развитие этой темы следует отметить, что необходимо учитывать также ряд существенных обстоятельств, совокупность которых проливает свет на роль самого интернет-права в формировании и регулировании исследуемых отношений.

Во-первых, из сказанного видно, что свое регулятивное воздействие интернет-право оказывает на отношения в сфере виртуального пространства, придавая им тем самым упорядоченность, т.е. соответствующий интересам всех субъектов характер. В центре его внимания находятся те виды такого рода отношений, которые возникают в связи с практическим выполнением задач и функций информационно-правовой деятельности.

Во-вторых, интернет-право регулирует отношения с участием разнообразных субъектов (национальных, зарубежных), которые складываются в результате реализации ими своих информационных и иных задач.

В-третьих, следует особо подчеркнуть, что интернет-отношениями могут быть отношения, входящие в предмет, по существу, многочисленных отраслей права, и прежде всего международного частного, публичного и информационного права. Однако это не исключает их из механизма социального регулирования.

Таким образом, интернет-отношения - это особые отношения, возникающие в результате воздействия норм информационного, международного и других отраслей права на поведение людей в этой среде. Особенность этих отношений заключается в том, что они могут быть как правовыми, так и неправовыми, т.е. фактическими отношениями (моральными, этическими и др.). В зависимости от ситуации в Интернете и собственно характера информационного воздействия на эти отношения они могут быть информационными правоотношениями, а могут быть морально-этическими. В более узком смысле можно считать, что это информационные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются в киберпространстве. Их специфика заключается в следующем.

- 1. Они могут возникать между особыми субъектами (например, операторами связи, провайдерами, разработчиками сетей, международными организациями, отвечающими за развитие протоколов Интернета).
- 2. Эти субъекты могут находиться в разных странах, их деятельность может регулироваться законодательствами разных стран.
- 3. Интернет-отношения невозможны без использования информационнотелекоммуникационных технологий и сетей. Они имеют информационное наполнение, т.е. складываются по поводу информации в Интернете.
- 4. Они выделяются на определенном этапе развития общества, государства и технологий, как в свое время считал А.Б. Венгеров, для автоматизации управления.

Отношения, регулируемые интернет-правом, многообразны. Так, в зависимости от субъектов можно выделить следующие виды отношений:

- 1) между разработчиками трансграничных информационных сетей и их партнерами, которые находятся в договорных отношениях;
- 2) между специалистами, производящими и распространяющими информацию в Интернете;

- 3) между последними и специалистами, предоставляющими различные услуги;
- 4) между перечисленными выше субъектами и потребителями информации в Интернете;
 - 5) между гражданами, организациями, фирмами и иными потребителями;
- 6) между провайдерами (операторами) и Министерством связи и массовых коммуникаций РФ, выдающим лицензии на оказание онлайновых услуг;
- 7) между провайдерами (операторами) и пользователями (клиентами) сетями для своих собственных нужд.

Очевидно, что почти во всех видах названных отношений (кроме п. 6) не участвуют государственные органы. Значит, интернет-отношения могут обходиться и без их участия (т.е. будут частными), хотя известно, что определенные действия субъекты рассматриваемых отношений должны осуществлять на основе лицензий, которые выдаются органами государства (например, мы уже отмечали, что в нашей стране Министерство связи и массовых коммуникаций РФ выдает лицензии юридическим лицам на оказание онлайновых услуг). В этом случае без лицензии интернет-отношения возникать и развиваться не могут. Кроме того, сами органы государственной власти могут выступать инициаторами разработки сетей общего пользования.

Многие же отношения в сфере Интернета возникают на основе договоров, в которых фиксируются права и обязанности сторон, условия заключения договора, порядок его исполнения, оплата за услуги, ответственность сторон и др. Вместе с тем определенный круг отношений регулируется на основе установившихся традиций, обычаев, симпатий сторон.

В современных условиях отношения, регулируемые интернет-правом, могут быть классифицированы с учетом государственной принадлежности физических и юридических лиц. Основным критерием в данном случае служит принадлежность того или иного субъекта к определенному государству и то, что эта принадлежность закреплена в законодательных актах. По этому критерию можно выделить довольно широкий круг отношений: между отечественными и зарубежными юридическими лицами (провайдерами); между последними и отечественными пользователями Интернета; между отечественными юридическими лицами и иностранными гражданами; между нашими гражданами и лицами без гражданства; между отечественными и зарубежными разработчиками сетей; между специалистами и др.

Отношения, регулируемые интернет-правом, можно дифференцировать также в зависимости от конкретных целей их возникновения и, соответственно, информационного воздействия. По этому критерию можно выделить две группы таких отношений:

- 1) внутренние или внутрисистемные, внутриорганизационные. Такие отношения осуществляются в самом киберпространстве (например, купля-продажа при помощи сети Интернет программного обеспечения, обновление с использованием сети программного продукта);
- 2) внешние это отношения, связанные с непосредственным воздействием на объекты, входящие в виртуальное пространство Интернета извне (например, на результаты действий субъектов, доменные адреса, сайты и др.). В принципе сюда входят и отношения, связанные с оказанием внешних информационных услуг. Скажем, в соответствии с проектом федерального закона о предоставлении электронных финансовых услуг <1> это банковские операции и сделки в Интернете; договоры страхования, сделки с ценными бумагами, договоры финансовой аренды (лизинга), доверительного управления денежными кредитами и др. (ст. 1, 2).

<1> Законопроект был внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ. 3 октября 2000 г. он был рассмотрен Советом Государственной Думы Федерального Собрания РФ. 2 апреля 2002 г. снят с рассмотрения Советом Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Проект закона о предоставлении электронных финансовых

услуг несколько раз вносился на рассмотрение Государственной Думы, сначала депутатами А.Н. Шохиным и П.А. Медведевым, а затем депутатом В.Я. Комисаровым.

Изложенная точка зрения относительно общей характеристики интернет-отношений нуждается еще в определенных дополнениях.

Во-первых, в зафиксированных законодательными и иными актами отношениях, регулируемых интернет-правом, орган государства часто отсутствует и вместо него или от его имени действуют рядовые субъекты. В ряде других случаев этот орган есть и он решает многие проблемы международного сотрудничества, правового режима объектов в информационно-технической сфере (включая Интернет).

Так, в соответствии с Федеральным законом "О связи" в международной деятельности федеральный орган исполнительной власти в области связи выступает в качестве администрации связи в пределах полномочий, предусмотренных международным договором, представляет и защищает интересы Российской Федерации. Иностранные граждане и организации, осуществляющие деятельность в области связи на территории Российской Федерации, пользуются правовым режимом, установленным для физических и юридических лиц Российской Федерации, в той мере, в какой данный режим предоставляется государством соответствующим российским физическим и юридическим лицам (ст. 69 Закона "О связи").

Во-вторых, особо следует выделить интернет-отношения, которые возможны между различными звеньями системы исполнительной власти разных государств, включая их правительства. Например, в соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Республики Беларусь об обмене правовой информацией от 17 февраля 1995 г. <1> возможен регулярный обмен информацией между ними и их информационными центрами (НЦПИ) через Интернет. И эти правительства будут в этом случае выступать в роли субъектов интернет-отношений.

<1> Бюллетень международных договоров. 1995. N 6.

В-третьих, интернет-отношения имеют место не только между органами государства, но и между самими государствами. Так, согласно Соглашению о межгосударственном обмене научно-технической информацией <1> от 26 июня 1992 г. государства через свои координационные советы (используя сети Интернета) обеспечивают доступ к совместно созданным информационным ресурсам, способствуют развитию правовых, технических, технологических элементов информационной инфраструктуры, информационных систем и т.д. (ст. 1 - 3) <2>.

Очевидно, что подобного рода отношения также могут регулироваться интернетправом совместно с другими отраслями. При этом важно различать два вида интернетотношений, в которых участвуют государства: 1) интернет-отношения, возникающие между государствами; 2) интернет-отношения, в которых государство выступает только в качестве одной стороны, другой стороной в этих отношениях могут быть иностранные юридические лица, международные организации и отдельные граждане.

Отношения первого вида регулируются нормами международного публичного права и интернет-права, хотя они и связаны с отношениями второго вида. Что касается интернет-отношений второго вида, то ими могут быть отношения в Интернете по заключению договоров поставки товаров, оказания услуг, обмена информацией и др. Они могут регулироваться интернет-правом совместно с гражданским, коммерческим правом.

<1> Бюллетень международных договоров. 1993. N 6. C. 33 - 35.

<2> См. также: Соглашение о свободном доступе и порядке обмена открытой научно-технической информацией государств - участников СНГ (11 сентября 1998 г., г. Москва) // Российская газета. Экономический союз. 1998. 19 дек.

Следовательно, интернет-право охватывает довольно широкий круг отношений, причем многие из них разноплановы и четко не определены. Однако все они в известной мере характеризуют этот межотраслевой институт как совокупность норм, взятых из различных отраслей права и регулирующих конкретные отношения в киберпространстве.

§ 6. Методы и средства регулирования интернет-отношений

Для обоснования тезиса о том, что интернет-право является новым направлением юридической науки, необходимо также осветить проблему методов регулирования интернет-отношений и определить место самого интернет-права в системе права. Это и понятно, поскольку интернет-право как комплексный институт права должно рассматривать свой "определенный круг явлений природы или общества... и иметь свое место расположения в иерархии наук и направлений" <1>.

<1> Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М., 1994. С. 4 - 6.

Надо отметить, что проблема методов интернет-права теоретиками права широко не изучалась. Речь шла и до сегодняшнего дня идет лишь о способах и средствах саморегулирования и сорегулирования. Причем в одних случаях утверждается, что отношения в виртуальном пространстве вообще не нуждаются ни в каком регулировании (Джон Барлоу, Митчелл Капор), а в других - прямо противоположное, что эта сфера жизнедеятельности, как и все прочие сферы, все же нуждается в правовом регулировании (И.Л. Бачило, Д.В. Грибанов и др.).

Мы считаем, что с выходом Интернета на мировой уровень для регулирования интернет-отношений не достаточно только правил морали, этики, обычаев, обыкновений и традиций. Мораль и законопослушание субъектов должны находиться на высоком уровне, ограничивая допуск в Интернет террористов, экстремистов, преступников и психически больных лиц. В связи с этим саморегулирование, естественно, должно дополниться правовым регулированием как в международном, так и в национальном масштабах, создавая условия для дальнейшего эффективного развития Интернета <1>. Однако сегодня государства делают лишь скромные попытки воздействия с помощью норм права на цифровую среду. Процессы правообразования в этой сфере медлительны. Это порождает множество организационных, технических, правовых, материальных проблем и неувязок и, главное, огромное число правонарушений и преступлений в этой сфере. Трудно бороться с ними и предупреждать их, не имея соответствующей законодательной базы и общей концепции профилактики этих негативных проявлений.

<1> См.: Булатецкий Ю.Е. Указ. соч. С. 881, 882.

Бесспорно, для виртуального пространства Интернета должен быть разработан и поскорее принят необходимый комплекс законов и подзаконных актов (и, прежде всего, внутригосударственного характера), который позволил бы решать указанные выше проблемы, устраняя возникшие недостатки, "узкие места" и негативные проявления. Одновременно на базе данных законов и иных актов важно сформировать действенный механизм правового регулирования интернет-отношений и обозначить методы эффективного воздействия на поведение субъектов рассматриваемых отношений. Без этого вообще трудно будет прогрессировать международному сообществу в целом и развивать Интернет как бесценное достояние мировой цивилизации.

Необходимо заметить, что в Российской Федерации уже введен в действие ряд законодательных актов, которые можно использовать в Интернете <1>. 18 мая 2000 г. Комитет Государственной Думы по информационной политике провел специальные парламентские слушания "О правовом регулировании сети Интернет в Российской Федерации", на которых был выработан общий подход к формированию системы

законодательства, регулирующего проблемы Интернета. В начале 2008 г. Совет Федерации обсудил проект модельного закона "Об Интернете" <2>.

<1> например: Соглашение об обмене информацией области внешнеэкономической деятельности от 24 сентября 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1994. N 1; Федеральный закон от 10 января 2002 г. "Об электронной цифровой подписи" // СЗ РФ. 2002. N 2. Ст. 127; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" // СЗ РФ. 2006. N 31. Ч. 1. Ст. 3448; Федеральный закон от 27 июля 2006 г. "О персональных данных" // C3 РФ. 2006. N 31. Ч. 1. Ст. 3451; Указ Президента РФ от 20 января 1994 г. "Об основах государственной политики в сфере информатизации" // САПП РФ. 1994. N 4; Федеральная целевая программа "Электронная Россия (2002 - 2010 годы)", утв. Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65 // C3 РФ. 2002. N 5. Ст. 531; распоряжение Правительства РФ от 26 июля 2006 г. N 1060-р "О подписании Европейской конвенции о трансграничном телевидении" // СЗ РФ. 2006. N 31. Ч. II. Ст. 3529; Доктрина информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г. // Российская газета. 2000. 28 сент.

<2> Проект модельного закона "Об Интернете" // http://lenta.ru/articles/2008/01/29/project.

Но сейчас важно внедрить высказанные идеи на практике и развивать их далее. Однако работа в этом плане только разворачивается, в том числе и на научном уровне.

С нашей точки зрения, большая роль в этом направлении отводится интернет-праву. И сегодня мы можем исследовать целый ряд нормативных актов и проектов законов, касающихся сферы Интернета, включая Законы об электронной подписи, о персональных данных, о праве на информацию в Сети, об электронном документе, об электронных финансовых услугах и др. С учетом формирующихся нормативных актов выделяются и соответствующие методы регулирования интернет-отношений. Среди них так называемые действующие социальные (которые уже используются в Интернете, многие субъекты интернет-отношений к ним привыкли) и традиционно-правовые (которые давно признаны в теории права и в отраслевых юридических науках и выступают в качестве действенных способов воздействия на поведение субъектов правоотношений). Последними тоже пользуются субъекты в виртуальном пространстве. Рассмотрим их особенности.

Саморегулирование как метод интернет-права - это способ самостоятельного (без участия государственных органов и иных властных структур, законов, распоряжений, приказов и др.) воздействия различных субъектов интернет-отношений на поведение друг друга в виртуальном пространстве и, когда это необходимо, вне его. Понятие "саморегулирование" в этом случае мы трактуем шире, чем, скажем, "регулирование" или "правовое регулирование". Оно характеризует влияние субъектов интернет-отношений на самих себя при помощи всей системы социальных действий.

В структуре саморегулирования характеризуемых субъектов интернет-отношений большое место занимают общая культура, моральные и нравственные принципы, правосознание, правовое воспитание, юридические знания, а также образование и психология указанных субъектов. Образуя целостную систему действия в комплексе, названные явления помогают субъектам "без конфликтов" найти нужные способы поведения в Интернете, заключить полезные сделки, контракты, добиться их выполнения, оказать друг другу ценные услуги, поддержать третьих лиц, обменяться информацией и т.д. Здесь уже имеется положительный опыт (хотя одновременно, к сожалению, присутствуют и некоторые негативные моменты).

Так, на протяжении многих лет в Интернете действовал Клуб приличных сайтов <1>. Все началось с акции по привлечению внимания к проблеме нарушений норм закона и

морали в Интернете, позже эта инициатива автоматически переросла в виртуальное общественное объединение.

<1> В настоящее время деятельность Клуба по техническим причинам приостановлена. Однако временное бездействие Клуба обнаружило множество проблем правового и этического свойства. Представляется, что деятельность Клуба и подобных организаций должна получить широкую поддержку в СМИ и в скором времени возобновиться.

Клуб не ставил целью установление цензуры, он не старался что-либо запрещать, а лишь пытался регулировать интернет-отношения. Основная цель этой организации состояла в том, чтобы освободить часть информационного пространства Интернета от проявлений: нецензурной брани. нарушения авторских киберпреступлений. Для этого Клуб установил эффективную систему стимулирования этикета ДЛЯ субъектов интернет-отношений. Это почетные действительного участника Клуба, медали и другие средства. Клуб призывал именно к саморегулированию, делая ставку на самоцензуру веб-мастеров, на самостоятельное очищение своего собственного сайта от того, что может быть негативно воспринято посетителями (клеветы, оскорблений, порнографии и проч.).

Показательным примером саморегулирования в Рунете можно считать однодневную акцию бойкота, объявленную пользователями "Живого журнала" в ответ на отключение возможности создания страниц без рекламы и так называемых базовых аккаунтов (полностью бесплатных учетных записей без рекламы). Модернизированный аккаунт позволял пользователям интернет-страниц получить несколько дополнительных возможностей в обмен на рекламу в их журнале. Группа пользователей "Живого журнала" предложила своему сообществу 21 марта 2008 г. не обновлять свои дневники и не писать в них никаких комментариев, тем самым показав администрации сервиса, что именно они являются основными поставщиками контента. По данным сервиса "Поиск по блогам" поисковой системы "Яндекс", в период с 3 до 24 часов 21 марта акцию "Один день без контента" поддержало более 15% русскоязычных пользователей Интернета. За день до бойкота администрация сервиса принесла официальные извинения своим клиентам и пообещала, что в будущем примет необходимые меры, чтобы вернуть им возможность вести сетевой дневник бесплатно и без рекламы.

Саморегулирование в Интернете возможно только при определенной общественной и законодательной поддержке. Представим себе, что мы говорим о саморегулировании в области борьбы с преступностью. И при этом не существует Уголовного кодекса; не определено, что представляет собой преступление, какое наказание за его совершение должно следовать; не существует судов, органов прокуратуры, милиции; нет даже паспортов - каждый волен называть себя так, как вздумается, делать все, что захочется. Это же абсолютная анархия, характерная в настоящее время для Интернета <1>.

<1> См. об этом: Ефремов Н.В. Опыт саморегулирования в Интернете // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. С. 61.

Поэтому, отмечая значение саморегулирования в Интернете, необходимо заметить, что оно в одиночку не в состоянии справиться с многообразными видами действий субъектов, которые нередко ведут к коллизиям, неурегулированным разногласиям, конфликтным ситуациям, угрозам и преступлениям. Сегодня новые технологии влияют на отношения не только между отдельными людьми, но и между государствами. Специалисты предлагают саморегулирование Интернета сочетать с его законодательным регулированием, что составляет систему так называемого сорегулирования <1> (рис. 1).

<1> См.: Булатецкий Ю.Е. Указ. соч. С. 882; Рассолов И.М. Интернет-право. М., 2004. С. 49 - 61.

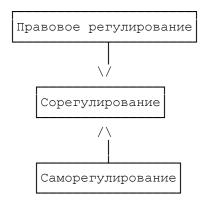

Рис. 1. Система урегулирования

На наш взгляд, урегулирование - это регулирование интернет-отношений с помощью как неправовых, так и законодательных средств. Структура сорегулирования помимо перечисленных компонентов саморегулирования может включать соответствующие нормы интернет-права; правовое сознание субъектов интернет-отношений, их правовую культуру и механизм правового регулирования интернет-отношений, правовые принципы, которыми руководствуются в виртуальном пространстве субъекты, правотворческий процесс, касающийся Интернета, и сами интернет-отношения.

Таким образом, сорегулирование может трактоваться не только как саморегулирование в Интернете, но и как нормативно-организационное влияние на интернет-отношения как специальной системы собственно правовых средств (норм интернет-права, правоотношений, субъективных прав и обязанностей субъектов, их реализации и др.), так и иных правовых явлений (правосознания субъектов, их правовой культуры, правовых принципов и т.д.).

Большую роль в регулировании интернет-отношений сегодня играют нормы или правила морали (нравственности), или так называемое моральное (нравственное) регулирование. И это действительно так, поскольку мораль (нравственность) в виртуальном пространстве выступает как совокупность действующих и общепризнанных в разных государствах норм интернет-права, правил поведения, согласно которым одни поступки субъектов интернет-отношений расцениваются как правильные, заслуживающие одобрения (скажем, реклама в Интернете, способствующая укреплению имиджа международных неправительственных организаций), другие - как недопустимые, вызывающие осуждение, порицание (допустим, распространение в Интернете сведений, порочащих глав государств СНГ). Нормы морали при этом служат критерием для оценки поведения субъектов в Интернете как нравственного или аморального (безнравственного), в зависимости от их поступков.

Мораль (нравственность) в виртуальном пространстве представляет собой сложное явление. Мораль, являясь одной из форм сознания и идеологии, воздействует на поведение, мысли и действия субъектов интернет-отношений и характеризует уровень нравственного состояния того государства, в котором живет субъект. Мораль здесь, в отличие от норм права, используется субъектом добровольно, по собственной воле и не обеспечивается государственным принуждением, силой властных структур и закона. Нормы морали (нравственности), регулирующие по-своему поведение субъектов интернет-отношений, не закрепляются в официальных источниках (законах, подзаконных актах). Они содержатся в самом сознании субъектов интернет-отношений, в распространенных в мировом сообществе взглядах и убеждениях на добро, зло, благо и проч., которые не сводятся к представлениям отдельных субъектов, а коренятся в

материальных условиях жизни обществ и государств и подпитываются отношением общественной среды к тем или иным действиям и поступкам людей в Интернете. Сила так называемого нравственного регулирования здесь опирается на убеждения субъектов интернет-отношений, отдельных граждан или на общественное мнение, выражающее господствующие в том или ином государстве и обществе взгляды и идеи, в том числе и информационного свойства.

В контексте сказанного важно также использование в виртуальном пространстве и средств так называемого этического регулирования (т.е. положений и норм этики). Это и понятно, поскольку субъекты этих интернет-отношений, общаясь между собой в цифровой среде, могут быть носителями определенных взглядов, идей, воззрений, соответствующих нравов и должны знать об их роли не только в обществе, но и в виртуальном пространстве. Следовательно, для системы Интернет еще предстоит выработать действенную унифицированную совокупность норм поведения в нем субъектов (т.е. специальный этический кодекс, веб-этикет). Думается, что он поможет упорядочить разноплановые отношения в Интернете и сделать их более устойчивыми. Подобные Кодексы уже действуют во многих странах (Франция, Канада, Новая Зеландия, Великобритания и др.). В ближайшее время владельцы крупнейших ресурсов Интернета планируют подписать специальную Хартию "Рунет против детской порнографии" <1>.

<1> Проект Хартии находится на доработке в МВД России. Сама Хартия в

<1> Проект Хартии находится на дораоотке в МВД России. Сама Хартия в ближайшее время будет открыта для подписания. См.: http://www.mvd.ru/news/12686/.

Особую роль сегодня, как уже отмечалось выше, играют в интернет-отношениях обычаи. Они тоже выступают в роли специфических регуляторов поведения различных субъектов интернет-отношений, сложившихся вследствие фактического их применения в течение длительного времени (скажем, обычаи направлять друг другу благодарственные письма после заключения сделки в Интернете). Их соблюдение обеспечивается общественным воздействием на субъекта-нарушителя (общее осуждение, изгнание из числа участников веб-форума, лишение льгот и др.) либо одобрением мер, которые применяются к обидчику пострадавшим, его родными, близкими и заинтересованными лицами. Санкционирование обычаев государством (например, в Англии) осуществляется либо в процессе судебной, либо административной деятельности, когда обычай служит основанием для решения спора в Интернете, либо путем включения обычая в издаваемые нормативные акты.

Мы уже отмечали, что правовой обычай сегодня должен быть признан во всех демократических обществах, включая и Россию, в качестве регулятора Интернета, так как при рассмотрении многих споров, касающихся пользования Интернетом, нет необходимых актов, регламентирующих данные споры, а их нужно разрешать. В таких случаях обычай должен считаться обязательным и равнозначным отсутствующему правовому требованию. И в этом смысле кажется справедливым утверждение, что "правовые обычаи возникают именно как правовые, что обычное право - это никакая не переходная форма, а фундаментальное явление, проходящее через всю правовую историю" <1>. Такой вывод также вполне подтверждается процессами правообразования в Интернете. Однако, на наш взгляд, в условиях нынешней России (Союза Беларуси и России, СНГ) все же не всякий обычай должен признаваться имеющим юридическую силу в Интернете. Обычай обязан дополнять, развивать и "оживлять" тот или иной закон, а не отменять уже имеющиеся законы. Для признания правовым требования в виртуальном пространстве (т.е. защищаемым судом) оно обязано: выражать продолжительную правовую практику в Интернете; отображать однообразную практику разных государств как действия, так и бездействия субъектов интернет-отношений; воплощать неотложную и разумную потребность в правовом регулировании ситуации в Интернете. Причем обычай в этом случае не должен презюмироваться в суде, а обязан доказываться. В качестве примеров наиболее распространенных обычаев в Интернете можно назвать обычаи: делиться информацией между государствами, извещать друг друга о начавшейся "компьютерной эпидемии", не распространять спам, открывать электронный почтовый ящик вместе с регистрацией на сайте. Обычаем делового оборота может считаться сама доставка "мягких" товаров в рамках интернет-торговли.

<1> Мальцев Г.В. Формы раннего права и государства // Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. С. 105.

Мы считаем, что регулирование этой среды (помимо классических правовых средств) должно осуществляться также и снизу, путем санкционирования обычаев. Мы уже приводили аналогию с морским и торговым правом. Замена обычаев государственноправовыми нормами может производиться разными способами. С.А. Авакьян утверждает, что часто это санкционирование обычая, при котором правило по сути остается прежним, но становится юридическим. В других случаях правовая норма, приходящая на смену обычаю, вносит определенные уточнения без изменения сути, делая правило поведения более четким. Возможен и третий вариант, когда правовая норма появляется как синтез нескольких обычаев. Таким образом, по мнению ученого, последовательная замена обычаев превращает их в положительное право <1>.

<1> См.: Авакьян С.А. Государственно-правовые нормы и обычаи: соотношение и регулятивная деятельность Советов // Советское государство и право. 1978. N 8. С. 16 - 17.

Кроме того, во многих странах было признано целесообразным привлекать сообщества провайдеров к разработке законодательных мер по борьбе с киберпреступностью. Например, в Италии, Армении, Греции существуют договоры между правоохранительными органами и провайдерами об обмене информацией в отношении сайтов с незаконной информацией. В Норвегии существует налаженное партнерство между Министерством юстиции и сервис-провайдерами.

Что касается сложившихся международных обычаев, то они должны быть регуляторами в Интернете в случаях, когда интернет-отношения не охвачены международным правом или договором (скажем, о предоставлении международных финансовых услуг). В этом свете под международным обычаем мы понимаем правило, сформировавшееся в процессе длительного применения в интернет-отношениях между всеми или некоторыми государствами. Но необходимым условием признания международного обычая регулятором Интернета является применение его всеми или некоторыми государствами, выраженное в активной форме (скажем, передача полезной международно-правовой информации В военной ситуации, террористических организациях, замышляющих преступления с использованием высоких технологий), либо, наоборот, воздержание от действий. Правило, содержащееся в международном обычае, действует только для тех государств, которые в определенной форме (скажем, в форме соглашения или обычая делового оборота) его признали.

Вместе с правовыми обычаями в Интернете в роли специфических регуляторов применяются и обыкновения. Под обыкновением здесь мы понимаем определение привычки субъектов интернет-отношений в виртуальном пространстве (скажем, правило тепло приветствовать друг друга в начале общения и вежливо прощаться в конце). Обыкновения тоже обычно не фиксируются в нормах права. Они признаются субъектами интернет-отношений по собственной воле и осуждают тех, кто идет против обыкновений. Поэтому принято считать, что поведение в виртуальном пространстве субъектов должно строиться по своему обыкновению, так, как все (или многие) к нему привыкли.

В качестве регуляторов в интернет-отношениях многими используются сегодня и собственные традиции, т.е. то, что перешло от одного субъекта к другому (от отца к сыну, от брата к сестре), от одной группы субъектов к другой (от одной группы пользователей

информации к другой). Здесь также важен процесс так называемого унаследования традиций от предшественников (например, идеи и взгляды разработчиков сетей, вкусы, образ действий их партнеров и др.).

Кроме τογο, интернет-право использует различные средства правового регулирования интернет-отношений. К этим средствам, в частности, можно отнести следующие юридические возможности: предписания, дозволения и запреты. Они все как целостное явление и составляют содержание средств правового воздействия на интернетотношения. Различия заключаются лишь в том, что в процессе применения в виртуальном пространстве в одних случаях эти средства реализуются чаще и активнее, а в других реже и пассивнее. Например, для норм российского уголовного права, касающихся преступлений в сфере компьютерной информации, взлома сетей Интернета, хищений информации и др., наиболее характерны запреты и предписания (ст. 272 - 274 УК РФ); для норм международного частного или гражданского права - дозволения.

Следует отметить, что охарактеризовать указанные средства правового воздействия на интернет-отношения довольно непросто. В научной литературе данный вопрос не разработан, поэтому остановимся на нем подробнее.

Предписания - это прежде всего возложение прямой обязанности на субъектов интернет-отношений совершить те или иные действия в виртуальном пространстве на основе имеющейся нормы права. Дозволения выступают здесь как правовое разрешение субъектам (позволение) совершать в виртуальном пространстве те или иные действия в условиях, предусмотренных в нормах права, либо воздержаться от их совершения по усмотрению сторон. Запреты - это фактически те же предписания, но иные по сути и содержанию: не совершать те или иные действия в виртуальном пространстве в условиях, предусмотренных правовыми нормами.

Вполне очевидно, что приведенные определения названных правовых средств едины и для других отраслей правовых знаний - они почти идентичны и в гражданском, и в международном, и в информационном праве. Однако они используются в каждом из них с учетом специфики регулируемых той или иной отраслью права общественных отношений. Это и является исходным моментом для более глубокого понимания современной сущности интернет-права и регулируемых им в виртуальном пространстве отношений. Отсюда следует, что правовое регулирование отношений в этом пространстве, его механизм являются определенной формой юридического опосредования интернетотношений, в которых есть относительно свободные субъекты - менеджеры (управленцы), авторы информации, ее потребители и др. Такого рода отношения обычно не предполагают определенное подчинение одних субъектов воле других. Хотя в виртуальном пространстве наблюдается и обратное: здесь появляются и действуют с развитием соответствующего информационного законодательства отношения подчинения, владельцы информационных допустим, ресурсов, провайдеры пользователям Интернета свои условия работы, оказания услуг и даже порядок заключения сделок <1>. Отсюда вытекает, что правовое регулирование виртуального пространства рассчитано на такие отношения, в которых наблюдается как равенство субъектов, так и их неравенство (сопряженное с понятием подчинения).

Однако в настоящее время чаще всего в виртуальном пространстве мы сталкиваемся с отношениями, для которых характерно равенство субъектов (сторон). Наглядным примером этого может служить ст. 5 проекта Федерального закона "О сделках, совершаемых при помощи электронных средств (об электронных сделках)" <1>, где прямо сказано, что правовое регулирование электронных сделок основывается на принципах юридического равенства участников, свободы договора, беспрепятственного осуществления предпринимательской деятельности с использованием электронных средств, свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств на всей территории Российской Федерации, а также гарантиях судебной защиты прав участников электронных сделок. Физические и юридические лица приобретают и осуществляют права

и обязанности по электронным сделкам своей волей и в своем интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора. Приобретение и осуществление физическими и юридическими лицами прав и обязанностей по электронным сделкам могут быть ограничены только федеральными законами.

<1> Проект внесен в Государственную Думу Федерального Собрания РФ 16 ноября 2000 г. депутатом С.А. Прощиным. Ответственный комитет - Комитет по экономической политике и предпринимательству. 21 ноября 2000 г. проект рассмотрен Советом Государственной Думы Федерального Собрания РФ; 3 апреля 2001 г. снят с рассмотрения Советом Государственной Думы Федерального Собрания РФ.

Исходя из этого, нередко те, кто занимается интернет-правом, пытаются противопоставлять два метода правового регулирования виртуального пространства: свободный, основанный на нормах международного частного, гражданского права, и жесткий, базирующийся на нормах административного, уголовного права. Первый метод рассчитан на интернет-отношения, в которых субъекты относительно свободны и равноправны, а второй - на интернет-отношения, где субъекты ограничены в поведении и часто не равноправны. Думается, сегодня это противопоставление неуместно. В силу неразработанности методологии Интернета и права названные методы объективны, они существуют и системно выражают признаки, характерные для регулируемых различными отраслями (и нормами права) интернет-отношений. Поэтому можно утверждать о существовании в рамках интернет-права некоего глобального, комплексного механизма правового регулирования.

Предметом этого механизма будет все многообразие интернет-отношений, меняющихся в зависимости от конкретных условий виртуального пространства, которое регулирует право.

Характер интернет-отношений определяет и ту комбинацию юридических приемов, способов воздействия на субъектов, которая именуется методами правового регулирования.

В связи с этим представляется правильным мнение А.В. Малько о том, что "определенное сочетание юридических средств в правовых режимах, методах правового регулирования придает специфику отраслям и институтам права, выражает особый порядок организации конкретных общественных отношений, что позволяет более гибко и дифференцированно их урегулировать" <1>.

<1> Малько А.В. Проблемы правовых средств // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. С. 357.

Отсюда представляется возможным выделить также следующие методы правового регулирования в Интернете:

- императивный (авторитарный) метод властных предписаний, основанный на запретах, обязанностях, наказаниях;
- диспозитивный (автономный) метод равноправия сторон, координации, основанный на дозволениях;

Конечно, в будущем в ходе последующего анализа правовых проблем Интернета теоретикам следует выработать особые методы, свойственные, например, для регулирования исключительно интернет-отношений. Однако для этого потребуется провести серьезные научные исследования с участием специалистов различных отраслей знаний. И при этом необходимо иметь в виду, что интернет-право как комплексный институт уже сегодня использует в своих регулятивных целях с учетом регулируемых интернет-отношений (предметная область) разные методы в их различном, нестрогом сочетании. Вышеназванные средства рассчитаны на интернет-отношения, субъекты

которых находятся либо в одном правовом статусе, т.е. равноправны, либо в разных правовых приоритетах, т.е. неравноправны. Это в настоящее время, на наш взгляд, является определяющим при характеристике методов правового регулирования виртуального пространства, ибо элементы равноправия и неравноправия здесь могут быть высвечены в отношениях, регулируемых как интернет-правом, так и международным частным, гражданским, уголовным, информационным и другими отраслями права.

Становится очевидным, что в области интернет-права вполне обоснован подход к проблеме методов правового регулирования с позиций, учитывающих следующие обстоятельства: 1) налицо системность используемых для регулирования интернетотношений правовых средств; 2) имеет место и специфика регулируемых интернетотношений.

На подобном основании представляется возможным обозначить особенности механизма правового регулирования интернет-отношений, которые вытекают из особенностей информационно-правовой деятельности и предмета (предметной области) интернет-права.

Во-первых, для механизма правового регулирования интернет-отношений наиболее характерны правовые методы и средства управленческого типа, т.е. предписания. Непосредственное проявление это находит в том, что одной стороне регулируемых отношений (скажем, российскому продавцу металла через Интернет) правительством предоставлен определенный объем юридических полномочий, которые адресуются другой стороне (например, американскому покупателю стали). Последняя обязана принять предписания, исходящие от продавца как носителя юридических полномочий, либо их отвергнуть. Такого рода полномочия не могут находиться в распоряжении обеих сторон, иначе трудно было бы определить, кто владелец товара (в данном случае стали).

Во-вторых, правовое регулирование интернет-отношений зачастую предполагает односторонность в изъявлении воли одного из субъектов интернет-отношений. Это волеизъявление имеет очертания властности (но не всегда), и часто в правовом регулировании ему принадлежит важная роль. Отсюда изъявление воли одного субъекта интернет-отношений не равнозначно изъявлению воли другого субъекта. Объясняется это тем, что правовые предписания в Интернете, как и прочие предписания права, относятся к компетенции соответствующих государственных органов, опосредованно участвующих в интернет-отношениях через своих представителей.

В-третьих, в конкретных интернет-отношениях, регулируемых правом, порой находит выражение следующая взаимосвязь между субъектами: либо у одного субъекта есть такие полномочия, каковыми не обладает другой субъект (например, тот же договор поставки стали через Интернет), либо объем таких полномочий у одного субъекта больше, чем у другого. Следовательно, здесь складывается такой механизм правового регулирования, который является не только результатом взаимного (на основе договорного или без него) изъявления воли одним и другим субъектом. Эта особенность, в частности, свидетельствует о том, что правовое регулирование интернет-отношений может допускать и наличие определенного государственного органа (разрешающего определенные действия в Интернете, выдающего лицензию, например согласно ст. 15, 29 - 40 Федерального закона "О связи" Минкомсвязь России выдает лицензию определенным физическим и юридическим лицам, а те уже на ее основании предоставляют соответствующие услуги связи) <1>, который помогает субъектам интернет-отношений вступать в контакты через виртуальное пространство и решать стоящие перед ними залачи.

<1> См. подробнее: Федеральный закон "О лицензировании отдельных видов деятельности"; Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2005 г. N 87 "Об утверждении Перечня наименований услуг связи, вносимых в лицензии, и Перечней лицензионных условий" // Российская газета. 2005. 3 марта.

В-четвертых, властность и односторонность - это все же не главные и не единственные признаки механизма правового регулирования интернет-отношений. Здесь очень широко используются (и пока являются определяющими) свободные, дозволительные методы и средства, в результате которых обычно возникают отношения равенства субъектов, т.е. их волеизъявлений. Использование дозволений в виртуальном пространстве не предписывается нормами права и не требует никаких разрешений.

Таким образом, суть методов и средств правового регулирования интернетотношений в виртуальном пространстве может быть сведена к следующему:

- а) установление определенного порядка действий и отношений в виртуальном пространстве это предписание к действию в соответствующих условиях и надлежащим образом, предусмотренным той или иной нормой права. Так, в ст. 5 Конвенции о киберпреступности установлено, что за противозаконное использование устройств каждая сторона (государство) принимает необходимые законодательные меры к правонарушителям. Однако меры наказания в указанной статье не определяются;
- б) запрещение определенных действий под угрозой применения соответствующих юридических средств воздействия. Так, в соответствии со ст. 9 Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных подписях 2001 г. <1> под угрозой ответственности поставщик сертификационных услуг предоставляет свои услуги и действует в соответствии с заверениями, проявляет осмотрительность и т.д.;

<1> Cm.: http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/ml-elecsig-r.pdf.

- в) предоставление возможности выбора одного из вариантов должного поведения, предусмотренного нормой интернет-права. Анализ информационного законодательства Франции и Германии показывает, что этот метод нередко рассчитан на регулирование поведения должностных лиц и крупных специалистов, участвующих в интернетотношениях. Причем последние не вправе отказываться от указанного выбора сотрудничества в виртуальном пространстве. Это "жестковатый" вариант дозволения, который дает возможность проявления самостоятельности при решении многих юридических вопросов. Например, согласно специальной Будапештской конвенции, касающейся борьбы с киберпреступностью и наведения порядка в Интернете, должностные лица и полиция обязаны вести борьбу с воровством, мошенничеством в цифровой среде и привлекать преступников к уголовной и иной ответственности за совершение компьютерных и иных преступлений;
- г) предоставление возможности действовать по своему усмотрению, свободно, т.е. совершать или не совершать предусмотренные тем или иным законом действия в определенных условиях. Обычно это имеет место при реализации норм интернет-права. Например, исходя из ст. 35 проекта Федерального закона "О сделках, совершаемых при помощи электронных средств (об электронных сделках)", субъект интернет-отношений (лицо) сам решает вопрос, нужно или нет ставить вопрос о привлечении к ответственности удостоверяющего центра, если центр не выполнил все требования закона. Это "мягкий" вариант дозволения. В связи с этим нужно отметить, что дозволительные варианты информационно-правового воздействия обладают порой чертами разрешения на совершение конкретных действий. Считаем, что разрешительный метод в упорядочении интернет-отношений может сыграть неоценимую роль.

Становится очевидным, что отличительные особенности правового регулирования интернет-отношений нередко носят в настоящее время и властную окраску, они могут в определенных условиях характеризоваться в качестве властеотношений. За этим их обозначением скрывается то, что во многих вариантах регулирующего воздействия (особенно в реакции на преступления в Интернете) интернет-право проявляет себя жестко, властно независимо от форм правового влияния на поведение субъектов рассматриваемых

отношений (предписание, разрешение, запрет, дозволение). Однако сегодня эти жесткость и властность не являются определяющими качествами правового регулирования интернет-отношений. Здесь главное - свобода действий в обмене информацией между субъектами в совершении различных сделок. Эти же качества сегодня мы легко обнаруживаем в механизме правового регулирования, используемом и другими отраслями российского права, в том числе и в формирующемся информационном праве.

Итак, особенности интернет-права проявляются:

1) в специфических научных понятиях, идеях, теоретических конструкциях и особых принципах <1>;

- <1> Общая характеристика принципов будет дана в гл. 2.
- 2) новых научных классификациях, которые отражают особенности предмета изучения;
- 3) особом правовом положении субъектов интернет-отношений (например, международных организаций, осуществляющих общественный и технический контроль за функционированием Сети, контент-провайдеров, разработчиков, специалистов и др.);
 - 4) особой форме и содержании интернет-отношений;
- 5) особой информационно-правовой деятельности участников международных информационных обменов.

§ 7. Место интернет-права в системе права и в системе юридических наук

Из сказанного выше очевидно, что интернет-право, сохраняя свое своеобразие, выраженное в его сущности как комплексного института права, а также в специфических интернет-отношениях, нормах, методах и средствах исследования, взаимодействует с другими отраслями права и другими юридическими науками и, соответственно, занимает среди них определенное место.

Прежде чем говорить о взаимодействии интернет-права с другими юридическими науками, определим его место среди них.

Анализ литературы по теории государства и права, другим отраслям права и формирующемуся информационному праву показывает, что при характеристике основ правового регулирования информационных отношений в обществе с точки зрения права обычно выделяют четыре группы наук: 1) общетеоретическая (теория государства и права); 2) отраслевые (гражданское, уголовное, административное и др.); 3) комплексные (криминалистика, криминология и др.) и 4) прикладные (судебная статистика, правовая информатика, кибернетика, правовая компьютерное право общетеоретическая наука разрабатывает теоретические проблемы права и государства, необходимые для всех юридических наук, отраслей и институтов. Каждая из отраслевых юридических наук исследует свою совокупность норм права, регулирующую конкретные общественные отношения. Комплексные юридические науки изучают правовые явления и процессы как правовыми, так и неправовыми методами и средствами. Прикладные науки обслуживают различные сферы юридической деятельности и, следовательно, определенные юридические науки <1>.

<1> См., например: Рассолов М.М. Информационное право. С. 14 - 18.

Приведенная классификация не является идеальной - можно создать и другую схему расположения юридических наук (в частности, комплексных и прикладных). Однако ее преимущество заключается в том, что она позволяет довольно легко определить место интернет-права в общей системе юридических наук и дисциплин и охарактеризовать взаимосвязи и взаимодействие указанных отраслей юридических знаний с интернет-

правом как комплексным институтом права и новым направлением правоведения на современном этапе.

Интернет-право, несмотря на то что его положения и нормы применяются в других отраслях права, в свою очередь, также широко использует исходные теоретические положения отраслевых наук и взаимодействует с другими отраслями в ходе правового регулирования поведения субъектов в виртуальном пространстве, являясь в то же время лишь комплексным институтом права.

Интернет-право в первую очередь широко использует в своем научно-теоретическом и прикладном арсенале общие концептуальные положения теории государства и права ведущей, фундаментальной науки, которая в отличие от других изучает право и государство в целом и вырабатывает для всех юридических наук и дисциплин исходные понятия, конструкции и положения.

Интернет-право, исследуя в основном проблемы правового регулирования виртуального пространства, широко использует при этом понятие и функции государства, источники права; применяет при анализе явлений в Интернете категории норм права, правовых отношений, механизма правового регулирования, правонарушений, правосознания и многие другие. Следовательно, в интернет-праве при характеристике проблем этого комплексного института мы выделяем и исследуем "парные" категории: государство и его организации как субъекты интернет-отношений; сущность норм интернет-права его источники, интернет-отношения И механизм компьютерные преступления регулирования последних; И ответственность правосознание провайдеров, потребителей информации и др.

Однако интернет-право при этом не вливается в теорию государства и права, а, лишь взаимодействуя с ней, оттачивает свой научный аппарат, обогащается и развивается как комплексный институт права.

Среди отраслевых юридических наук и дисциплин интернет-право тесно связано с международным частным и публичным правом, с формирующимся информационным правом, а также почти со всеми иными юридическими науками.

Например, международное частное право интересует интернет-право прежде всего потому, что оно позволяет при сохранении различий в правовых системах государств регулировать в виртуальном пространстве с помощью коллизионных норм деловые связи организаций и фирм различных стран. Опираясь на весь научный потенциал международного частного права, интернет-право берет на вооружение и использует источники этой отрасли знаний (международные договоры, внутреннее законодательство, обычаи и др.), нормы международного частного права (виды коллизионных норм, их применение, толкование, оговорки о публичном порядке и проч.), понятия гражданско-правового положения иностранцев, юридических лиц и государств в Интернете, характер внешнеэкономических сделок, международных перевозок грузов, кредитных и расчетных отношений, нормы авторского, патентного права, рассмотрение споров в арбитраже и др.

международным Интернет-право взаимосвязано И публичным c исследующим систему международных договорных и обычных норм, создаваемых государствами и иными субъектами для поддержания мира, укрепления международной безопасности и сотрудничества разных стран. Для Интернета здесь представляют интерес информационную выходящие Всемирную паутину суверенные государства, международные межправительственные организации государствоподобные образования, а также их информационные взаимоотношения (связи, контакты, договоры и др.).

Особенно тесно связано интернет-право с активно формирующейся ныне отраслью права - информационным правом. Эта отрасль права динамично развивается, и даже предлагается включить в ее предмет все правовые проблемы Интернета (т.е. интернетправо) <1>. И это, на наш взгляд, пока обоснованно по ряду причин. Во-первых, информационное право изучает совокупность норм права, регулирующих

информационные отношения в обществе. Этим же (т.е. исследованием информационных проблем в киберпространстве) занимается и интернет-право. Во-вторых, информационное право вырабатывает предписания, которые относятся к информационной деятельности в целом. Такую же примерно задачу преследует и интернет-право, но в своей области. Втретьих, информационное право уже признается многими, причем в соединении с правовыми аспектами функционирования Интернета.

<1> См.: Копылов В.А. Интернет и право. С. 8 - 16.

Поэтому интернет-право в настоящее время наиболее плодотворно взаимодействует именно с информационным правом и умело оперирует его научным категориальным аппаратом и практическими разработками. Среди них можно назвать: использование понятия информации, ее характеристику в виртуальном пространстве, изучение информационных систем при анализе Интернета, использование информационного законодательства субъектами интернет-отношений, характеристику норм информационного права в виртуальной среде, процесс их применения, анализ информационных правоотношений, ответственности правонарушения за информационной среде и др.

Однако, на наш взгляд, целиком включать интернет-право в информационное право, превращать его в одну из проблем этой формирующейся отрасли все-таки не совсем обоснованно. Интернет-право также является составной частью международного частного права. И это обусловлено конкретными причинами: во-первых, интернет-право изучает совокупность норм, регулирующих не просто информационные отношения в каком-то одном обществе, а отношения во всемирном виртуальном пространстве (т.е. интернетотношения планетарного масштаба, не связанные рамками какого-либо одного сообщества лиц), предмет информационного права намного уже; во-вторых, интернетправо в ходе своего формирования может вырабатывать и вырабатывает предписания и рекомендации мирового масштаба (хотя в этой работе мы в основном рассматриваем российский сегмент Интернета), а перед информационным правом стоят более ограниченные задачи; в-третьих, в интернет-праве доминирует частное право, частный интерес, тогда как информационное право в России традиционно относится больше к административному (публичному) <1>, в нем количественно больше норм, защищающих публичный интерес, и, в-четвертых, интернет-право набирает силу, обороты и недалек день его признания не только как независимого комплексного института права, но и как самостоятельной учебной дисциплины. В качестве учебной дисциплины это направление уже признано во Франции, Канаде, Бельгии, Новой Зеландии и других странах. Следует особо подчеркнуть, что понятие "интернет-право" переводится на многие языки без потери смысла, является равноценной категорией для многих стран, что существенно для унификации и совершенствования российского понятийного аппарата. Скорейшее введение в оборот данной категории также соответствует задачам России в условиях вхождения в глобальные международные организации.

<1> См., например: Информационное право / Под ред. Б.Н. Топорнина. 2-е изд. С. 19 - 21; Бачило И.Л. Свободный доступ к информации и Интернет. С. 42 - 44; Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права. М., 1991.

С другой стороны, интернет-право в настоящее время рассматривается, изучается и исследуется в рамках информационного права, и это пока справедливо, ибо имеет свои причины, которые связаны с единством предметов исследования этих отраслей знаний.

Вместе с тем интернет-право, исследуя проблемы правового регулирования виртуального пространства, взаимодействует и с другими отраслевыми юридическими науками, широко использует их категориальный аппарат и разработки. В частности, субъекты интернет-отношений, вступая через сети в гражданско-правовые отношения с

партнерами, оперируют понятиями субъектов и объектов гражданского собственности, исковой давности, договоров купли-продажи, поставки, коммерческой концессии, исполнения обязательств и т.д. (гражданское право); эти же субъекты, оказывая в Интернете электронные финансовые услуги, используют понятия уполномоченного лица, клиента, документа по сделке, финансовой услуги, налога с физических лиц, кредита, займа, электронной цифровой подписи и др. (финансовое и банковское право); субъекты интернет-отношений, получая лицензии на совершение определенных действий в виртуальном пространстве, взаимодействуют с органами государственного управления, связи и информатизации, при этом используют нормы, регулирующие организационно-распорядительную деятельность указанных органов (административное право); в процессе борьбы с преступлениями и другими негативными проявлениями в Интернете субъекты пользуются понятиями преступления, наказания, анализируют, когда это необходимо, те или иные составы компьютерных преступлений, в частности противозаконного доступа к информации в Сети, незаконного перехвата данных, противоправного воздействия на функционирование той или иной системы, использование устройств, мошенничества, клеветы (уголовное право) и др.

Интернет-право, естественно, непосредственно связано с информатизацией, которая "реализуется на основе широкого использования... информационных технологий, информационных систем и сетей" <1>. А отсюда можно заключить, что интернет-право соприкасается, но не объединяется с правовой информатикой, правовой кибернетикой и компьютерным правом. Думается, что все это разные области научного знания и исследования. Но интернет-право широко использует их положения и разработки в своих интересах.

<1> Гаврилов О.А. Основы правовой информатики. С. 1.

Так, в необходимых случаях (в частности, при исследовании теоретических и прикладных проблем Интернета в сфере права) ученые пользуются выводами правовой информатики <1> о закономерностях и особенностях информационных процессов в сфере юридической деятельности, об их компьютеризации, о принципах построения и использования правовых информационных систем, создания экспертных и консультационных систем на основе современных информационных технологий, методов формализации и управления. Правовая информатика здесь выступает также важным подспорьем в анализе информационных процессов в виртуальной среде.

<1> Правовая информатика - это прикладная наука и учебная дисциплина, занимающаяся изучением проблем сбора, регистрации, хранения, восприятия, обработки и использования правовой информации.

Интернет-право, изучающее всемирное кибернетическое пространство, безусловно, интересуют идеи, понятия, средства и разработки правовой кибернетики <1> (в частности, подходы правовой кибернетики к проблеме оптимального управления сложными динамическими системами в правовой сфере, которые базируются на использовании системных, математических и иных методов и средств, включая и Интернет). В процессе решения конкретных задач во Всемирной информационной паутине (оказание информационных услуг, заключение электронных сделок, обмен цифровой информацией и др.) субъектам интернет-отношений порой приходится оперировать понятиями оптимума в управлении, разнообразия, энтропии <2>, структурных и семантических мер информации, кодирования сообщений, пропускной способности каналов связи и т.д., а это все понятия кибернетики <3> и теории оптимального управления, которые используются в праве.

- <1> Правовая кибернетика современное научное направление, исследующее закономерности построения и оптимального функционирования государственно-правовых систем разной природы; решает задачи, связанные с автоматизацией юридической деятельности как в целом, так и отдельных ее видов.
- <2> Энтропия мера отклонения от эталонного состояния, когда отклонение проявляется в снижении уровня организации, эффективности функционирования системы.
- <3> Кибернетика (древнегреч. искусство управления) отрасль знания, занимающаяся изучением систем любой природы, способных воспринимать, хранить, перерабатывать информацию и использовать ее для управления. Суть кибернетики была сформулирована Н. Винером в книге "Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине" (1948), где он дал определение кибернетики и сделал попытку объединить различные науки, относящиеся к коммуникации и управлению под одной крышей.

Наконец, субъекты интернет-отношений применяют при решении отдельных задач и выводы так называемого компьютерного права <1>. Эта область знаний пересекается с информационным правом, посему в виртуальном пространстве сегодня ставятся и решаются "пересекающиеся" задачи - использование действенных компьютерных систем, сетей, баз данных, правовое регулирование сбора, обработки и использования компьютерной информации и др.

<1> Компьютерное право может быть нами рассмотрено как комплексная отрасль российского законодательства, включающая совокупность правовых норм, регулирующих разнообразные отношения, возникающие в процессе использования ЭВМ, системы ЭВМ и их сети. Согласно современной доктрине информационное право является более крупным образованием, чем компьютерное право, так как информационное право регулирует общественные отношения в информационной сфере в целом, для него не имеет значения вид технического средства, которым обрабатывается информация, и характер носителей, на которых она закрепляется.

Конечно, следует признать, что в связи с появлением информационного права и Интернета в научной литературе стали постепенно забывать о существовании правовой информатики, правовой кибернетики и компьютерного права. Так, в вузах преподается сейчас в основном правовая информатика, и даже высказано мнение об объединении указанных направлений научных знаний либо о включении всех их в предмет информационного права <1>.

<1> См., например: Рассолов М.М. Информационное право. С. 17; Он же. Информационное право: Анализ и решение практических задач. М., 1998. С. 6, 7.

На наш взгляд, это правильная постановка вопроса. У правовой информатики, правовой кибернетики, компьютерного права и информационного права много общего, и их разъединение идет не на пользу общему делу развития теории правовой науки и учения об информации в сфере права. Очевидно, что информационное право могло бы включить в себя эти отрасли знаний и тем самым способствовало бы скорейшему формированию своего собственного предмета, а также интернет-права как нового теоретико-прикладного направления юриспруденции.

Однако все сказанное не мешает нам заключить, что интернет-право - это специфический комплексный институт права (информационного права с компонентами международного частного, публичного и др.). Как новая область правовых знаний оно вбирает в себя и изучает свою совокупность норм, актов, законов, регулирующих интернет-отношения в виртуальном пространстве. Интернет-право существует в рамках информационного права, в тесной связи с международным частным правом и другими

отраслями права и способствует совершенствованию правового регулирования отношений в виртуальном пространстве.

С точки зрения выведенного понятия интернет-права в нем можно выделить четыре класса задач, напрямую связанных с правовым регулированием отношений в Интернете.

Первый класс - это в значительной мере общетеоретические проблемы: изучение понятия, сущности и общей характеристики интернет-права, анализ его норм и источников, исследование интернет-отношений в виртуальном пространстве, методов и средств его изучения, осмысления применения норм морали, этики и др. в Интернете, характеристика механизма правового регулирования интернет-отношений, его действия, анализ действенности регулирования и саморегулирования в виртуальном пространстве и др.

Второй класс задач - это анализ концепции права виртуального пространства и Интернета. К ним в первую очередь относятся задачи по изучению понятия и основных черт этого нового направления правовой теории и практики (т.е. исследование совокупности правил и нормативов, с помощью которых осуществляется справедливое регулирование деятельности в компьютерной сети, анализ взаимосвязи этих правил и нормативов с другими социальными нормами, изучение поведения субъектов этого права, анализ объектов, способов воздействия и др.). Сюда же можно отнести исследование самого Интернета как Всемирной информационной паутины в свете теории права и информационного права, характеристику его целей, задач, пространственных границ и форм проявления в социально-правовой действительности.

Третий класс задач связан с изучением многоаспектных проблем ответственности по интернет-праву. Среди них сегодня на первый план выходят проблемы понятия ответственности в области интернет-отношений, ее взаимосвязей с другими видами ответственности, правовое регулирование ответственности за качество информации, которая распространяется в российском сегменте Интернета, правовые аспекты этой ответственности за распространение разнообразной информации во Всемирной информационной паутине, исследование эффективности применения различных видов ответственности в Интернете. Значительное место отводится изучению законодательства об ответственности в сфере борьбы с киберпреступностью (т.е. в области борьбы с мошенничеством в Интернете, перехватом ценной информации, взломом сетей, распространением в виртуальном пространстве порнографии, вирусов клеветнических сведений о гражданах и т.д.).

Четвертый класс - это в основном проблемы правосознания, правовой культуры и правового воспитания субъектов (или участников) интернет-отношений (характеристика понятия, сущности и особенностей этих явлений в Интернете применительно к деятельности субъектов интернет-отношений, анализ осознания и понимания права, его отраслей, институтов и норм указанными субъектами, изучение правового поведения последних, включая взаимосвязь правосознания и правовой культуры субъектов интернетотношений с моралью, этикой поведения в Сети, а также характеристика функций правосознания в Интернете, их проявление в обществе и др.).

Думается, что в соответствии с обозначенными задачами должен быть построен и учебный курс по интернет-праву, который уже необходимо преподавать не только в юридических, но и во всех других вузах, где читают курсы информатики, управления и информационного права. При этом каждый из классов обозначенных задач мог бы составить раздел данного курса.

Становится очевидным, что интернет-право, проистекая из теории права, информационного, международного права и других отраслей, подходит к исследованию правовых аспектов функционирования Интернета с новых, самостоятельных позиций. Интернет-право рассматривает, по сути, теоретические и прикладные проблемы права виртуального пространства и в связи с этим правовое воздействие на это пространство и на поведение субъектов интернет-отношений. И оно в этом свете, в отличие от других

направлений юридической науки, есть право виртуального пространства в широком, глобальном смысле слова, а в узком понимании интернет-право касается различных правовых норм разной отраслевой направленности, регулирующих интернет-отношения в правовом, реальном (в рамках того или иного государства) пространстве.

В связи с этим актуальна характеристика права виртуального пространства и Интернета в свете общей теории права и информационного права. Остановимся на ней подробнее.

Глава 2. ИНТЕРНЕТ И ПРАВО ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

§ 1. Общая концепция Интернета в свете теории права

Процессы глобализации, новые экономические и социальные реалии наступившего тысячелетия не требуют "отбросить все старое" и создавать в области права все заново, конструировать новейшие понятия, опираясь лишь на сиюминутный опыт, либо слепо копировать западные модели. Напротив, "плодотворное осмысление фактов современной действительности может быть достигнуто на основе достижений мировой правовой культуры, фундаментальных научных ценностей, выработанных интеллектом и талантом специалистов многих поколений на основе трудной практики, в труде, порой в нелегкой борьбе, в столкновении интересов и разных подходов" <1>.

<1> Алексеев С.С. Частное право. С. 60 - 61.

Академик В.С. Нерсесянц считает, что с неологической точки зрения история юридической науки - это история новых понятий права и формирующихся на их основе новых юридических теорий, новых концепций права и государства <1>. И в этом смысле для развития полноценного юридического знания момент новизны должен быть непременно тесно связан с моментом преемственности. Поэтому новая концепция или категория права должна возникать и развиваться лишь на основе старого (всей совокупности прежних юридических знаний) как познавательно более глубокая, более содержательная и более адекватная форма постижения права и государства. Новое понятие права не перечеркивает прежние понятия права и соответствующие теории, а "диалектически "снимает" их, т.е. преодолевает ограниченную и устаревшую познавательную форму... и вместе с тем удерживает их теоретико-познавательный смысл и итоги" <2>.

Предпринятый анализ позволяет нам говорить о существовании в современной теории права таких новых понятий, как "Интернет" и "право виртуального пространства",

<1> См.: Нерсесянц В.С. Преемственность и новизна в развитии общей теории права и государства // Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. С. 16.

<2> Нерсесянц В.С. Указ. соч. С. 16.

Поэтому новая концепция интернет-права как комплексного института строится с учетом тех понятий, категорий, которые уже выработаны юридической наукой, вместе с тем дополняет и расширяет понятийный аппарат общей теории права и государства, а также отраслевых юридических наук (в первую очередь информационного, гражданского, уголовного и конституционного права). Сам процесс формирования новых научных направлений и правовых дисциплин является естественным и плодотворным направлением модернизации юриспруденции, существенным показателем ее соответствия современному уровню общенаучных достижений и ее способности к дальнейшему развитию.

и исследовать само интернет-право как учение об Интернете в сфере права и как учение о праве виртуального пространства. Но если это правомерная постановка новых проблем теории права, то тогда, естественно, возникает ряд серьезных принципиальных вопросов. Удовлетворяют ли существующие определения и характеристики права ученых и специалистов, занимающихся многообразными правовыми аспектами Интернета? Как необходимо понимать в теории права сам термин "Интернет", его цели, подходы к регулированию и сорегулированию сетей, их функционированию, а также в чем состоят проблемы, связанные с появлением мировой инфраструктуры информации? Как в этом свете необходимо трактовать в правовой теории термин "право виртуального пространства" и как это пространство сегодня воздействует на общую концепцию развития права и его реализацию в Интернете?

Не ответив на эти и многие другие вопросы, трудно будет говорить об интернетправе как о всеохватывающем комплексном институте и новой правовой теории, двигающей вперед многие положения юридической науки и выводящей ее (когда это нужно и целесообразно для нашего общества) из узконациональных, формализованных рамок. Право в этом смысле увязывается с Интернетом, с его структурой и функционированием, при этом оно трактуется как информация и обретает новое самовыражение в виде права виртуального пространства (как одна из частных теорий права). Неслучайно в ст. 5 Федерального закона от 27 июля 2006 г. "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" информация рассматривается как объект именно правовых отношений, а п. 3 ст. 12 данного Закона впервые в России на уровне высшего акта федерального значения определяет одним из направлений государственного(!) воздействия в сфере применения информационных технологий "создание условий для эффективного использования в Российской Федерации информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе и "Интернет" и иных подобных информационно-телекоммуникационных сетей". Итак, потребовалось немало подготовительной работы, того чтобы правовые ДЛЯ информационно-коммуникационных сетей (по сути, Интернета) стали актуальными и значимыми для Российского государства.

В целях предпринятого анализа следует охарактеризовать общую концепцию Интернета в теории права, так как без этого трудно будет исследовать проблемы права виртуального пространства и практические аспекты правового регулирования интернетотношений (в области заключения сделок, оказания финансовых и иных услуг, борьбы с правонарушениями в Интернете и др.).

Исследование показало, что в теории права общая концепция Интернета пока детально не рассматривалась. Ее отдельные положения исследовались в основном в рамках информационного права, и то в контексте общей теории информации, информатизации и защиты информации <1>.

<1> См., например: Мальцев Г.В. Развитие управления и право: взгляд в будущее // Влияние научно-технического прогресса на юридическую жизнь. М., 1988. С. 43 - 57; Бачило И.Л. Информационное право. Роль и место в системе права Российской Федерации. С. 5 - 14; Копылов В.А. Информационное право. С. 232 - 250.

Отталкиваясь от этих исходных теоретических положений, в настоящее время Интернет с точки зрения права можно определять по-разному: как "всемирную сеть сетей", как "новое средство получения всеохватывающей информации" (в том числе и правовой), как "мировую бесконечную консервацию", как "глобальное объединение компьютерных сетей и информационных ресурсов, не имеющих четко определенного собственника и служащих для интерактивного соединения (коммуникации) физических и юридических лиц" <1>. В то же время сегодня в науке выработано достаточно большое количество определений Интернета, где описывается это глобальное явление - феномен

конца XX в., который, безусловно, благотворно воздействует на традиционные способы коммуникаций современных обществ и способствует их развитию.

<1> Эти выражения приведены в решении Верховного суда США от 11 июня 1996 г., аннулировавшего Communication Decency Act - один из первых серьезных нормативных актов, посвященных правовому регулированию содержания информации в сетях. См.: Aiifderheide P.A. Communications Policy and the Public Interest: The Telecommunications Act of 1996. N.Y., 1999.

В частности, опираясь на эти определения, сегодня можно констатировать, что Интернет в свете теории права и информационного права - это прежде всего новое пространство человеческого самовыражения и общения; международное пространство, пересекающее любые границы; децентрализованное пространство, которым никакой оператор, никакое государство полностью не владеет и не управляет. Наконец, Интернет представляет собой разнородное (гетерогенное) пространство, где каждый может свободно действовать, высказываться и работать (говоря образным языком - пространство "разума и свободы").

С другой стороны, с точки зрения представленного выше механизма правового регулирования интернет-отношений Интернет сегодня есть также инфраструктура социального регулирования <1>. У Интернета есть свои специалисты, собственные правила функционирования, язык, сетевая культура. Но надо заметить, что такая инфраструктура не создается сама по себе. Она существует для поддержки определенных видов человеческой деятельности, включая и информационно-правовую. Через Интернет реальные лица (физические и юридические), располагаясь в разных точках планеты, ведут реальную работу (т.е. обмениваются информацией, заключают сделки, пересылают документы, создают блага, знакомятся и т.д.). Правовые и иные социальные нормы, регулирующие их поведение, одинаково применяются ко всем субъектам (участникам) интернет-отношений, в том числе и к иностранным гражданам. И поэтому, как показал анализ последних зарубежных докладов по Интернету, проведенный автором, многие специалисты, во Франции например, отмечают, что Интернет не может действовать без правовой регламентации. Интернет в этом смысле необходим всем (и юристам в том числе) и не ставит под сомнение концептуальные основы современного права <2>.

· -----

В то же время сети Интернета при ненадлежащем их использовании могут содержать угрозу правовому положению граждан; они порой ломают традиционные общественные (публичные) и частные устои жизни и в конечном счете ставят сложные проблемы перед западными демократиями, а также Россией, Союзом Беларуси и России и СНГ. Так, Комитет министров ОБСЕ 7 декабря 2004 г. принял специальное решение о противодействии использованию сети Интернет в террористических целях. В нем обращено внимание на то, что террористы используют сеть Интернет в следующих целях: вербовка потенциальных членов; сбор и перевод денежных средств; организация террористических актов; продвижение террористических идей, используя пропаганду.

<1> В связи с внутренним строением Интернета исследование инфраструктуры социального регулирования предполагает не просто дифференциацию данной инфраструктуры, а анализ сложившихся объективно, обусловленных внешних факторов построения этой структуры, выраженной в устойчивой модели нормативно-организационного воздействия. Инфраструктура предстает главным образом в виде организационного базиса или скелета регулирования, особого построения устойчивых нормативно-организационных форм. См. об этом: Алексеев С.С. Теория права. С. 32.

<2> См., например: Rapport du groupe preside par Mileo Thierry: Les reseaux de la societe de l'information. P., 1996; Rapport du groupe preside par Lasserre Bruno: L'Etat les technologies de information. Vers une administration a acces pluriel. P., 2000.

Совет министров ОБСЕ признал необходимым активизировать сотрудничество экспертов ОБСЕ с Интерполом, Советом Европы для выработки мер по противодействию указанным деяниям.

Мы уже отмечали выше, что Интернет как новое информационное явление и пространство не может существовать без права. И это бесспорное заключение. В работе С.С. Алексеева "Теория права" в разделе "Право в генезисе общества" дается весьма удачный, на наш взгляд, термин "неразвитое право", который указывает на то поле, где право "не раскрылось, не развернуло свои свойства как самостоятельного и "сильного" нормативного социального феномена, играющего свою особую роль" <1>. Такую характеристику можно дать и праву виртуального пространства, которое находится в процессе своего формирования. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что в интернетсфере социальное пока неотделимо от природного, естественного, а порой и стадного.

<1> Алексеев С.С. Указ. соч. С. 71.

В связи с этим в теории права уже сегодня возникли многочисленные проблемы, которые предстоит решать ученым в ближайшее время. Среди них проблемы более четкого определения источников права, уточнения характера действия права в пространстве и по кругу лиц, повышения уровня правосознания, профессиональной этики и качества поведения субъектов права, более детальной разработки категорий и понятий отраслей права и т.д. Все они пока не находят должного научного осмысления, и поэтому их разработка относительно Интернета необходима. Вместе с тем она сталкивается со значительными трудностями.

Успех и безудержное развитие Интернета заставляет и теоретиков права, и практиков ставить вопрос закрепления для него определенных правил функционирования (и, прежде всего, законодательного характера). Уже сегодня, на первых порах, можно было бы принять специальное международное соглашение об Интернете, которое разрешило бы многие противоречия. Первым шагом на пути к объединению позиций в отношении правового регулирования этой среды можно считать Декларацию о свободе обмена информацией в Интернете, принятую на 840-м заседании Комитета министров Совета Европы 28 мая 2003 г. Основной целью подписанного документа является достижение необходимого баланса между сетевой свободой слова и информации и другими правами, гарантированными Конвенцией о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. <1>, среди которых защита детей, борьба с киберпреступностью, охрана авторских прав. В Декларации провозглашаются семь основных принципов, согласно которым следует подходить к проблемам, касающимся информации в электронной среде.

4 GD D Y 4000 NY 60 G 6446

<1> C3 РФ. 1998. N 20. Ст. 2143.

Документ предписывает государствам - членам Совета Европы:

- не накладывать дополнительных ограничений на содержание информации в Интернете;
- поощрять саморегулирование или совместное регулирование (сорегулирование) распространения информации в Сети;
- отказаться от предварительного государственного контроля в Интернете: воздержаться от использования блокировок и фильтров, которые препятствуют доступу к информации, кроме фильтров, установленных для наиболее уязвимых групп населения (например, ограничение доступа для детей к некоторым интернет-сайтам, особенно в доступных местах, таких, как школы или библиотеки);
- воздержаться от использования регистрационных схем, которые ограничивают оказание услуг через Интернет (например, создание и развитие индивидуальных веб-

сайтов не должно становиться объектом какого-либо лицензирования или других дополнительных требований подобного рода);

- убрать препятствия, затрудняющие доступ к информации, содержащейся в Сети, или создание, функционирование интернет-сайтов для отдельных слоев общества (например, пенсионеров, малоимущих);
- не обязывать провайдеров проводить мониторинг всей информации, проходящей через их сервер;
 - гарантировать пользователям право на анонимность.

Следует, однако, подчеркнуть, что требования Декларации в каждом конкретном случае должны согласовываться с национальным законодательством, требованиями национальной безопасности, соображениями территориальной целостности и иными ценностями государств.

13 мая 2005 г. Комитет министров Совета Европы принял еще один основополагающий документ - Декларацию о правах человека и верховенстве права в информационном обществе, которая подтверждает, что все права, закрепленные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, полностью сохраняют свое действие и актуальность в информационном веке и должны быть соблюдаемы, несмотря на новейшие технические средства и достижения. Декларация вводит важный принцип информационного права, который может быть сформулирован так: все, что запрещено офлайн, должно быть запрещено онлайн, и наоборот, все, что разрешено офлайн, должно быть разрешено онлайн. Свобода слова, информации и общения должны одинаково уважаться в виртуальном и невиртуальном пространстве и не должны подвергаться другим ограничениям, кроме предусмотренных в ст. 10 Конвенции, только потому, что общение осуществляется в цифровой форме.

Помимо этого документ устанавливает, что данные о трафике электронных сообщений и само их содержание полностью подпадают под действие ст. 8 Конвенции (право на неприкосновенность частной жизни) и не должны быть никак ограничены, кроме случаев, предусмотренных в данной статьей. Поэтому при любой обработке персональных данных должно соблюдаться право на неприкосновенность частной жизни. Исходя из этого, представителям частного сектора рекомендуется обратить особое внимание на следующие вопросы: сбор, обработка и мониторинг данных о трафике; контроль личной переписки через электронную почту или другие формы электронной коммуникации; право на неприкосновенность частной жизни на рабочем месте; камеры видеонаблюдения; биометрическая идентификация; вредоносные программы (malware), в том числе спам; сбор и использование генетических данных и генетическое тестирование.

Если анализировать дальнейшие пути для выработки возможно более объемного акта не только в рамках ЕЭС, но и для других стран, то здесь возникают многочисленные вопросы. Кто это соглашение станет разрабатывать и кто будет фиксировать правила пользования в Сети? В каких условиях и насколько эффективно указанные правила будут применяться? Думается, что ответы на эти и многие другие вопросы отныне не могут больше быть прерогативой только узкого круга экспертов. Они должны обсуждаться разносторонними специалистами и практиками и стать предметом серьезного научного анализа. На наш взгляд, эти вопросы не только юридического или политического плана, а гораздо масштабнее, так как ответы на них во многом определят развитие мирового сообщества на будущие годы. И не случайно некоторые правительства зарубежных стран, таких, как Китай, Северная Корея, Куба, Иран, Зимбабве, Туркменистан, Узбекистан, опасаются этого нового способа информационного обмена <1>.

<1> Например, турецкий Закон о телекоммуникациях 2002 г. дает Правительству страны широкие возможности для контроля над местными интернет-провайдерами и владельцами сетевых СМИ. Этот акт высшей государственной власти предусматривает ощутимые наказания за распространение ложных сведений в Сети - от крупного штрафа

до тюремного заключения. По Закону открытие нового сайта должно сопровождаться одобрением органа Правительства, причем предварительно владельцам информационных ресурсов следует представить печатную копию веб-сайта на его рассмотрение.

Следует подчеркнуть, что ученые стран Западной Европы уже на протяжении многих лет осуществляют анализ правовых аспектов информационной среды Интернета. Многочисленные рапорты и отчеты, касающиеся электронных сетей, права и Интернета, подготовленные по просьбе государственных властей, в полном объеме опубликованы во Франции, Бельгии, Германии, США и Великобритании. Такая работа ведется постоянно. Ее цель - изучение динамики функционирования и развития Интернета как нового способа коммуникаций в мире и средства правового и этического воздействия на людей. Думается, что подобная аналитическая работа с привлечением широкого круга ученых и специалистов, юристов тоже должна регулярно осуществляться и в России, и в странах СНГ. И это неизбежно, поскольку наш рынок как неотъемлемая часть общего мирового рынка товаров и услуг уже сегодня сталкивается с острой потребностью в услугах Интернета и терпит существенные убытки из-за отсутствия научно обоснованного и гибкого правового регулирования интернет-отношений в обществе. Необходимо также как можно скорее выработать концепцию информационного развития Российской Федерации в сфере Интернета в рамках российско-белорусского союза, ЕврАзЭС. Имеющихся программных актов в этой сфере информатики и технологий явно недостаточно, а специальных документов, посвященных Интернету, вообще нет.

Однако следует отметить, что некоторые позитивные шаги в этом направлении уже предприняты как законодательными, так и исполнительными органами власти <1>. Как мы уже упоминали ранее, Государственная Дума 18 мая 2000 г. провела слушания "О правовом регулировании сети Интернет в Российской Федерации", где были поставлены и обсуждены многие правовые аспекты функционирования Интернета в обществе и выработаны общие идеи интернет-права. 29 января 2008 г. Комиссия Совета Федерации по информационной политике рассмотрела проект модельного закона "Об Интернете".

<1> См., например, Федеральную целевую программу "Электронная Россия (2002 - 2010 годы)", утв. Постановлением Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65, Доктрину информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г., Соглашение между странами СНГ о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г., Соглашение о свободном доступе и порядке обмена открытой научно-технической информацией государств - участников СНГ от 11 сентября 1998 г. См. также: Соглашение между странами СНГ о сотрудничестве в области информации от 9 октября 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. N 10.

Нет сомнения, что широкий круг специалистов и потребителей услуг сети Интернет желал бы иметь более ясное представление о возможностях развития этих правовых средств регулирования Интернета, которыми располагает Россия и наши партнеры в странах СНГ и "Большой восьмерке". Основное их внимание касается защиты (охраны) прав и свобод индивидов, а также общественного порядка, с одной стороны, и защиты интересов потребителей - с другой.

Обобщение зарубежного опыта показывает, что за границей в настоящее время активно обсуждаются указанные проблемы. Такие обсуждения, осуществляющиеся в значительной степени по инициативе североамериканских стран (США и Канада), определяют правила поведения в цифровых сетях, чтобы защищать идеи общепризнанных прав и свобод человека и гражданина в Сети. Российской Федерации также следует принять активное участие в этом мировом обсуждении, для того чтобы это пространство не было организовано только по строгой экономической логике.

Основным смыслом работы в этой сфере является стремление сделать так, чтобы новый мир коммуникаций, который рождается буквально на наших глазах, стал источником всеобщего обогащения, роста и обмена информацией между народами, сопровождался динамизмом развития предприятий, рынков товаров и услуг. Однако при этом должны соблюдаться правовые, нравственные и иные положения, включая защиту прав и свобод человека и гражданина. С экономической глобализацией должны соотноситься правовые, политические и этические выборы, иллюстрирующие тип современного общества, отношения между различными субъектами информационного обмена, а в конечном счете - вся иерархия ценностей, которую мы желаем видеть в виртуальном пространстве. Речь идет о том, чтобы доказать способность нашего общества представлять себя в будущем, учитывая мировое культурно-правовое разнообразие и свою приверженность идее защиты прав и свобод человека.

Однако с позиций теории права возникает закономерный вопрос: что может сделать в этом отношении Российская Федерация как субъект интернет-отношений?

Думается, что в ближайшее время необходимо провести в Государственной Думе, а также в Общественной палате новые слушания по проблемам правового регулирования сети Интернет, обсудить и принять четыре методологических постулата:

- 1) исключительно национальный и государственный подход к Интернету будет иллюзорен, обманчив и в конце концов ни к чему серьезному не приведет;
- 2) не существует единственного (единого) средства или решения, чтобы ответить на вопрос разумного контроля за содержанием информации в электронной среде Интернета. Правовое регулирование интернет-отношений должно сочетаться с общемировым договорным, консенсуальным, педагогическим, информационным и иными подходами. Эти подходы соответствуют социологии Сети и отвечают эффективно на ее требования;
- 3) в связи с этим последовательные и согласованные действия разных стран в сфере Интернета будут более эффективными. Нестабильность в пользовании Сети и уязвимость информационных технологий приводят к трудностям в выработке и овладении необходимыми юридическими средствами регулирования, в определении категорий всего юридического инструментария, позволяющего гарантировать соблюдение прав и основных свобод личности и общественного порядка на той или иной национальной территории. Следовательно, России предстоит в короткий срок понять и проанализировать характер эволюции рассматриваемого нового сегмента рынка;
- 4) наконец, вся наша политика в этой сфере должна ориентироваться на положительное наступательное общемировое развитие (т.е. на скорейшее внедрение нашего национального сервиса в систему Интернета, вместо того чтобы противиться внедрению новейших информационных технологий в общественную и правовую жизнь).

§ 2. "Дерево целей" в Интернете

Анализ зарубежного законодательства и аналитических материалов показал, что для современной общей теории права важен и анализ всей совокупности целей деятельности субъектов в Интернете <1>. Остановимся на них подробнее.

<1> Сегодня уже нельзя при исследовании правовых аспектов Интернета рассматривать лишь какие-либо юридические цели. Здесь необходим анализ экономических, социальных, культурных и иных целей субъектов в Интернете.

Очевидно, что деятельность субъектов во всемирной сети Интернет имеет такие же цели, что и в других информационных сетях. Основное отличие состоит в том, что эти цели здесь приобретают глобальный, межнациональный размер и характер. В связи с этим в свете теории права можно выделить целую совокупность целей деятельности субъектов

интернет-права в киберпространстве ("дерево целей"), среди которых важную роль играют экономические, политические, социальные и культурные.

В частности, экономические цели в Интернете ("вершина дерева") вначале были определены и исследованы специалистами (и юристами тоже) в США, а затем уже в странах Европы. Интернет является следствием экономического подъема многих из этих стран. Сейчас уже можно говорить о коммерческих преимуществах и существенных доходах, которые приносят странам предприятия и средства цифровой связи; можно отметить и существенные выгоды от использования Интернета в банковской сфере, сфере распределения, страхования, доставки товаров.

Наряду с экономическими целями субъекты в Интернете преследуют и **политические цели**. Политическая власть действительно заинтересована в его развитии как средства политического воздействия на людей и их мнения.

Многие исследователи-правоведы видят также в этой информационной среде некое средство сближения граждан и избранных ими органов государственной власти и управления. Некоторые правоведы серьезно переосмысливают понятия демократии и механизма государства в связи с возможностью электронного голосования, а также с концепцией "электронного государства" <1>. В настоящее время эти идеи кажутся еще преждевременными из-за присущей органам государственной власти внутренней инертности, но они вполне могут стать реальностью в недалеком будущем.

<1> См. об этом, например: Информационное право / Под ред. Б.К. Топорнина. 2-е изд. С. 67 - 71; Голоскоков Л.В. Указ. соч. С. 109 - 129.

Необходимо обратить внимание на участившуюся практику проведения голосования с использованием Интернета. Выборы с использованием Интернета проводились в некоторых штатах США, нескольких графствах Великобритании и нескольких кантонах Швейцарии.

В Европейском союзе действует Рекомендация N R (2004) 11 от 30 сентября 2004 г. <1> о правовых, эксплуатационных и технических стандартах электронного голосования, а также Рекомендация N R (2004) 15 от 15 декабря 2004 г. <2> по электронному управлению. В мае 2005 г. в Эстонии был принят Закон, позволяющий голосовать через Интернет на выборах органов местного самоуправления. Для участия в электронном голосовании избиратель должен обладать подключенным к Интернету персональным компьютером, а также дополнительным устройством (кард-ридером), которое считывает данные с персональной карточки избирателя. Персональные карточки (ID Card) стали удостоверением своего рода электронным личности: обязательный внутригосударственный документ для граждан Эстонии старше 15 лет, а также находящихся на территории этой страны иностранцев, имеющих вид на жительство. Их использование в процессе голосования - эстонское ноу-хау. Следует отметить, что, проводя голосования через Интернет, правительства многих стран рассчитывают прежде всего на молодежь. В случае если избиратель решил переголосовать привычным способом, его электронный голос удалят из системы и засчитают бумажный. По словам создателей эстонской новинки, их разработка сильно удешевит все существующие системы электронного голосования, существующие до сих пор. Она также является самой безопасной. Количество проголосовавших таким способом эстонцев на октябрьских выборах 2005 г. составило порядка 1 - 2% (около 9 тыс. человек), что для первого полобного опыта значительно <3>.

<1>

https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec(2004)11&Language=lanFrench&Ver=original&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75.

https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=802793&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75.

<3> См. более подробно: Некрасов Я. Выборы по карточкам // Огонек. 2005. N 46(4920); http://www.ogoniok.ru/4920/20/.

Особую роль и значение в исследовании этого вопроса играют сетевые средства массовой информации (СМИ) и электронный обмен документами.

Отчетности в электронном виде отправляют уже давно во многих развитых странах; успешнее всего электронный документооборот развит в США, Великобритании, Канаде, Франции, Германии и Австралии. К 2007 г. в США была поставлена стратегическая цельдовести количество поданных налоговых деклараций в электронной форме до 80%. Так, скажем, в Дании порядка 15% налогоплательщиков регулярно посылают свои налоговые декларации в налоговые органы либо по телефону-факсу, либо через Интернет. И это упрощает их общение с государством. У нас же число налогоплательщиков, перешедших на новый способ сдачи отчетности, составляет стабильно менее 5 - 7% <1>.

<1> См. об этом: Сдача отчетности по электронной почте // Финансовый директор. 2003. N 11 (ноябрь). C. 47; http://www.fd.ru/article/5629.html.

Следует отметить, что практика электронного документооборота стала внедряться и в нашей стране в соответствии со вторым этапом Федеральной целевой программы "Электронная Россия (2002 - 2010 годы)". Среди государственных органов первыми ввели у себя такой документооборот Федеральная налоговая служба и Федеральная таможенная служба.

Возможность предоставления налоговой декларации (отчетности) через Интернет у граждан РФ появилась сравнительно недавно. Нужно признать, что такой порядок несколько усложнен и имеет комплексное правовое регулирование. Так, ст. 4 Федерального закона от 10 января 2002 г. "Об электронной цифровой подписи" признает электронный документ, подписанный электронной цифровой подписью, равнозначным документу на бумажном носителе с собственноручной подписью. Статья 11 Федерального закона от 27 июля 2006 г. "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" устанавливает, что обмен электронными сообщениями, каждое из которых подписано электронной цифровой подписью с соблюдением закона или договора, рассматривается как обмен документами. В соответствии со ст. 80 Налогового кодекса РФ (в ред. от 2 февраля 2006 г.) налоговая декларация может представляется в налоговый орган по месту учета налогоплательщика по установленной форме как на бумажном носителе, так и в электронном виде. Статьи 13, 15 Федерального закона от 21 ноября 1996 г. "О бухгалтерском учете" <1> (в ред. от 30 июня 2003 г.) предоставляют такую же возможность организациям в отношении бухгалтерской отчетности. Федеральной налоговой службой разработан и утвержден специальный Порядок представления налоговой декларации в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи <2>.

С нашей точки зрения, было бы более рациональным, если бы российские государственные органы в ближайшее время смогли предложить гражданам всеобъемлющий сервис, получаемый населением посредством информационных сетей. Такие организации, как Федеральная налоговая служба, Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, уже сегодня располагают необходимыми средствами для

<1> C3 РФ. 1996. N 48. Ст. 5369.

<2> См.: Приказ от 2 апреля 2002 г. N БГ-3-32/169 "Об утверждении Порядка представления налоговой декларации в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи" // Российская газета. 2002. 25 мая.

работы в электронной среде и в состоянии улучшить информирование своих потребителей, автоматизировав и ускорив движение документооборота на территории всей страны. Думается, что и другие государственные органы и общественные организации могут найти свой интерес в развитии Интернета. Это также способствовало бы сокращению информационного разрыва между центром и регионами в Российской Федерации. Для этого необходимо разработать и принять специальный федеральный закон "Об информационном обслуживании граждан и юридических лиц в Российской Федерации", который бы установил порядок взаимодействия органов государственной власти в процессе использования информационных ресурсов, а также принципы оказания информационных услуг населению с помощью новейших технологий связи.

Что касается **социальных целей**, то они вытекают из самой сущности и характера Интернета. Этот общественный феномен в действительности оказывает существенное влияние на развитие многих ключевых аспектов социальной структуры общества.

Сегодня Интернет разрушает привычные социальные связи и резко меняет традиционные отношения между людьми, благоприятствуя многообразным формам коммуникаций без реального контакта. Этот элемент сам по себе не нов. Например, во Франции информационная система "Минитель" <1> и ее работа по передаче информации уже давно породили известный тип диалога лиц посредством экранов и клавиатуры. Следует в этой связи также отметить важную роль интернет-кафе, компьютерных салонов, которые напрямую через виртуальное пространство соединяют лиц, расположенных в разных частях планеты (социальные сети, сайты знакомств, веб-форумы) <2>.

<1> Французская сеть "Минитель" является, по сути, первой в мире комплексной электронной системой обслуживания конечных потребителей. В 1982 г. государственная компания "Пе-Те-Те" (ныне разделенная на две компании: "Ля Пост" и "ФрансТелеком") бесплатно предоставляла населению терминалы, представлявшие собой моноблок (экран с клавиатурой), подключаемый к обычной телефонной розетке. С помощью данного устройства абоненты, оплачивая доступ к Сети, могли не только обмениваться сообщениями, но и получать новости, производить операции со своим банковским счетом, заказывать билеты в театр, покупать бытовую технику и многое другое. Сеть являлась безопасной, а несанкционированный доступ к ней был практически исключен. Система оказалась столь удачной, что даже в 2000 г. услугами сети "Минитель" воспользовалось 40% населения Франции.

<2> Интернет-кафе (киберкафе) - это интерактивное кафе, в котором находятся несколько компьютеров, напрямую подключенных к Интернету. В кафе за довольно умеренную плату можно использовать Сеть в различных целях в течение определенного времени. Первое такое киберкафе появилось в 1994 г. в Лондоне и называлось "Cyberia". См.: http://www.cyberiacafe.net.

Особое внимание заслуживают интернет-блоги, которые создают форму "несрежиссированного" общественного диалога пользователей разных стран. Они дают возможность организовать общественную дискуссию без необходимости собирать публику в одном месте. Несомненно, эти обсуждения создают ощущение своеобразного "виртуального вече" в Интернете, "вече особого, где мы необязательно надеемся собрать все сразу, где разговоры могут быть и несвязанными" <1>. Нужно указать на отсутствие коммерческого "конфликта интересов" в блогосфере, так как здесь меньше возможностей финансового нажима на участников веб-дискуссий, которого трудно избежать другим масс-медиа. Следует отметить и демократический рейтинг цитирования блогов: чем популярнее информация в дневнике, тем быстрее растет количество ссылок на нее, а сам блог поднимается в рейтинге.

<1> Лессиг Л. Свободная культура. Пер. с англ. М., 2007. С. 65.

Культурные цели субъектов в Сети вытекают из возможности Интернета приобщить широкую аудиторию к мировым культурным традициям. Технические средства позволяют легко и действенно распространять информацию о культурных достижениях той или иной страны. Одним из важнейших компонентов культуры является язык. Следует указать на подавляющее господство английского языка в Интернете. В связи с этим необходимо усилить присутствие русского языка <1> и других национальных языков (скажем, татарского, башкирского или осетинского) в Сети путем разработки двуязычных сайтов (или, что эффективнее, многоязычных). Вместе с тем ведение того или иного сайта на нескольких языках порождает дополнительные экономические затраты и правовые проблемы по сравнению с англоязычными сайтами, которые и без того пользуются большим вниманием. Представляется также целесообразным с учетом положений Федерального закона от 1 июня 2005 г. "О государственном языке Российской Федерации" разработать и принять специальный закон о защите русского языка, который имел бы применение и в области распространения информации в сетях (на тех же условиях, что предусмотрены для любого другого языка и способа). Речь идет, в частности, о предложениях или инструкциях по эксплуатации товаров или продуктов, по организации рекламной, телефонной и аудиовизуальной службы, для которых русский язык стал бы обязательным. Как отмечается в разд. 4 Доктрины информационной безопасности Российской Федерации от 9 сентября 2000 г., на сегодняшний день государственная поддержка деятельности российских информационных агентств по продвижению их продукции на зарубежный информационный рынок явно недостаточна. Поэтому, на наш взгляд, следует внести дополнительные изменения и соответствующие статьи, усиливающие роль и значение русскоязычного контента в Интернете, в Законы о рекламе, связи, о языках народов России.

<1> Язык чатов и форумов мы рассматриваем как часть культурной среды Интернета. Это разновидность русского разговорного языка.

Помимо укрепления позиций родного языка у Интернета имеются широкие возможности по пропаганде национального культурного достояния и развития системы обмена и продажи художественных произведений. Виртуальные выставки, организованные нашим государством, а также гражданами и юридическими лицами, несомненно, смогут сыграть важную роль в развитии туристического, гостиничного и иного бизнеса. Повышенное внимание пользователей к недавно появившемуся в российском сегменте Интернета порталу "Открытие Кремля. Виртуальные экскурсии по государственной резиденции" <1> подтверждает этот наш вывод. Следует также обратить внимание на деятельность отечественной кинематографии, которая может иметь свой весомый экономический интерес в развитии Интернета.

<1> Новый интернет-проект (http://www.openkremlin.ru) предоставляет открытый доступ к достопримечательностям Кремля, в том числе к тем, которые в реальности считаются недоступными. Речь идет о зданиях, постройках, которые специально отведены под государственные учреждения и службы, обеспечивающие деятельность Президента РФ.

Изучение показало, что распространение Интернета в школах, широко внедряемое в США и странах Европы, стало важным фактором воспитания молодого поколения. На уровне среднего и высшего образования было бы весьма полезно, чтобы и российские учащиеся знали о технических средствах и возможных доступах к знанию через Сеть. С 1 апреля 2008 г. в рамках нацпроекта "Образование" российские школы обеспечены лицензионными компьютерными программами и системой фильтрации доступа в Интернет, ограждающей учащихся от экстремистских, фашистских и порнографических сайтов. Система контентной фильтрации призвана блокировать доступ к материалам с

призывами к насильственному изменению основ конституционного строя, нарушению целостности Российской Федерации, подрыву безопасности, созданию незаконных вооруженных формирований, сайтам с порнорекламой. К информации, не совместимой с задачами школы, относятся сведения, содержащие публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалы, оправдывающие терроризм, разжигание ненависти, пропаганду войны.

В итоговой Резолюции 11-го Российского интернет-форума (РИФ-2007) от 6 апреля 2007 г. в качестве конкретных мер предлагается ввести в общеобразовательный школьный курс (начиная с шестого класса) обязательную дисциплину "Интернет", а также обязательный курс под таким же названием для государственных технических вузов России <1>.

<1> См. об этом: http://2007.rif.ru/files/resolution.pdf.

Интернет - это часть мирового достояния. Обладая своей собственной так называемой киберкультурой, Интернет имеет свой особенный словарь, который используется субъектами интернет-отношений.

§ 3. Сущность интернет-права

Все сказанное относительно концепции развития Интернета в нашей стране, равно как и в других государствах, ставит новые, ранее неизвестные для теории права и юридических наук (и интернет-права) проблемы. Без решения этих проблем, без учета специфики функционирования сети Интернет в ближайшие годы правовое регулирование общественных отношений безнадежно отстанет от цивилизации и потребностей российского общества. С другой стороны, решение проблем правового регулирования интернет-отношений невозможно без разработки новых подходов к теоретико-правовым проблемам в целом, к их закреплению в соответствующих нормативных актах <1>.

<1> См.: Якушев М.В. Указ. соч. С. 132.

В связи с этим необходимо развить и дополнить существующие в теории права представление о праве как о нормативно-волевом явлении в системе социального регулирования Интернета, а также взгляды на виртуальное пространство, которые уже воздействуют на право, требуя внесения корректив в саму его сущность. Право в этом отношении может трактоваться как интернет-право, как право виртуального пространства или как общеобязательные нормы о правовой информации, как общая воля субъектов (участников) интернет-отношений, как результат согласования и сочетания их воль и интересов в виртуальном пространстве, как всеобщая и необходимая форма свободы в общественных отношениях людей <1>, равный масштаб (мера) поведения различных указанных субъектов <2>. В контексте высказанных теоретических идей об интернетправе предстоит всесторонне разобраться с терминологией общей теории права. И для этого есть веские причины.

<1>См.: Нерсесянц В.С. Сущность и понятие права // Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. С. 188 - 194.

<2> См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. С. 323.

В российском законодательстве отсутствует строгое определение понятий "Интернет", "виртуальное пространство", "субъект, участник информационного обмена", "глобальная (компьютерная, телекоммуникационная, информационная) сеть", "доменный адрес", "электронная торговля", "сетевое СМИ", "сайт" <1> и др., которые широко используются при характеристике интернет-отношений. В то же время содержащиеся в

действующих правовых актах определения понятий "информация", "информационные система", "связь", "информационный технологии", "информационная "информационно-телекоммуникационная сеть", "электронное сообщение" и иные отстают от потребностей времени, содержат уязвимые места, что негативно сказывается при характеристике интернет-права. Данные терминологические проблемы могут быть разрешены принятием специального модельного закона о правовом регулировании Интернета в рамках СНГ, об основах государственной политики по развитию Интернета в России, где было бы закреплено положение о том, что указанные в нем определения должны единообразно использоваться во всех нормативных актах, касающихся Интернета. Безусловно, это потребует приведения в соответствие с таким специальным законом понятийного аппарата действующих федеральных законов в области информации, информатизации и защиты информации.

<1> Отметим, что ситуация в отношении категории "сайт" выглядит более определенной. "Официальный сайт - совокупность информационных ресурсов, размещаемых в соответствии с законом или решением соответствующего органа власти в Интернете по определенному адресу, опубликованному для всеобщего сведения". Такое определение дает ст. 2 Закона г. Москвы от 31 марта 2004 г. N 20 "О гарантиях доступности информации о деятельности органов государственной власти города Москвы" (Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2004. N 27).

Необходимо также разобраться с субъектным составом интернет-отношений. Субъектный состав общественных отношений, возникающих в связи с использованием Сети, строго говоря, слабо коррелируется с теми видами субъектов правоотношений, которые зафиксированы в национальных законодательных системах. Предстоит серьезная работа по исследованию состава субъектов соответствующих отношений в понятиях теории права, действующего гражданского, административного, налогового права, по закреплению правового статуса операторов сетевых услуг (в частности, провайдеров), пользователей Сети (в том числе как потребителей сетевых услуг) и т.д. Как возможность анонимного использования, так и обязательность индивидуализации субъектов сетевой деятельности должны иметь четкие границы регулирования, при этом необходимо учитывать реально используемые способы индивидуализации, не сводимые только к применению электронной цифровой подписи, а связанные с использованием индивидуальных паролей, биометрических данных, применением кредитных карточек, смарт-карт, платежных технологий на базе мобильных телефонных устройств и т.п.

В рамках проводимого теоретико-правового анализа автором дана характеристика категории "интернет-отношение", с точки зрения права раскрыты его ключевые элементы, выявлены взаимосвязи с другими явлениями в виртуальном пространстве. В будущем ученым-юристам следует исследовать и предметный состав интернет-отношений. В Интернете появились и постепенно вовлекаются в гражданско-правовой оборот различные новые, прежде неизвестные объекты <1>. Часть из них можно (хотя бы по аналогии) соотнести с теми или иными существующими объектами регулирования (например, доменные адреса - со средствами индивидуализации или коммерческими обозначениями); часть из них представляют сложные, комплексные объекты с множественными составными элементами, разнородными по своему правовому статусу (например, веб-сайты или динамические страницы). Очевидно, что особенности правового статуса таких новых объектов должны быть корректно отражены в соответствующих специальных законодательных актах.

<1> См. об этом подробнее: Бабкин С.А. Общественные отношения, регулируемые правом интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность в сети Интернет. М., 2005. С. 7 - 74.

Здесь важен также анализ информации как объекта гражданских прав. Например, Гражданский кодекс РФ ранее рассматривал информацию как отдельный объект гражданских прав, впрочем, по сути не раскрывая это положение (ст. 128). Законодательство об информации вопреки принципам Гражданского кодекса РФ до недавнего времени распространяло на информацию режим вещных (имущественных) прав, приравнивая ее к имуществу <1>. К тому же под регулирование такого законодательства до сих пор подпадает фактически только документированная информация, что неоправданно сужает его рамки. При этом разнообразие и разнородность информационных объектов (услуг, продуктов), размещаемых или передаваемых в Сети, подтверждают необходимость срочного урегулирования правового содержательной информации в части четвертой Гражданского кодекса РФ (наряду с уточнением связанных с Интернетом аспектов охраны исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности). Думается, что здесь правомерно говорить о "собственности" на информационные объекты, но объем и содержание понятия "собственность на информацию" отличаются от "интеллектуальной собственности", равно как и от "права собственности" в качестве одного из вещных прав.

<1> См., например: Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. "Об информации, информатизации и защите информации".

Кроме того, развитие деятельности в Интернете порождает различные споры между субъектами соответствующих отношений. В свою очередь, разрешение интернет-споров вызывает необходимость уточнения ряда процессуальных положений, например, связанных с допустимостью совершения процессуальных действий с применением интернет-технологий, а также с применимостью тех доказательств "сетевых" юридических фактов (событий), которые перестают существовать "в материальной форме" к моменту рассмотрения дела. Следовательно, для более эффективного рассмотрения споров с "сетевой спецификой" должны шире применяться внесудебные способы, в том числе примирительные процедуры и специализированные третейские суды (например, ЮНЕТ <1> и др.).

<1> Электронный третейский суд ЮНЕТ: http://www.iunet.ru/.

Получила особую актуальность теоретическая проблема развития интернетзаконодательства, которая, к сожалению, не нашла отражения в реальной российской законотворческой практике, В плане законопроектной работы В частности РΦ Государственной Думы последнего созыва. Отсутствие законодательного процесса, а также внятно провозглашенной государственной политики по использованию Сети в нашей стране приводит лишь к появлению многочисленных проектов, противоречащих друг другу и действующим правовым актам и не имеющих шансов на действенное применение в будущем <1>.

<1> См.: Якушев М.В. Указ. соч. С. 132; Наумов В.Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики. С. 24 - 66.

§ 4. Возможные модели регулирования в Интернете

Все вышесказанное подводит к мысли, что Интернет обязывает нас переосмыслить с точки зрения теории права способы регулирования отношений в виртуальном пространстве.

Участие в международном обсуждении способов регулирования, анализ письменных докладов и электронных интерактивных обменов, проделанных автором, позволяют

сформулировать три достаточно полярные позиции по этой проблеме и уточнить наше мнение по ним.

Первая, представленная меньшинством, состоит в отказе от любого "внешнего" вмешательства в Интернет, которое было бы способно самостоятельно все регулировать (Джон Перри Барлоу, Митчелл Капор). Эта позиция опирается на двойное суждение о том, что киберпространство - это новая территория, качественно отличающаяся от физического пространства; нормативные регуляторы и судьи "реального мира" обречены быть неэффективными в этом "текучем" и неуловимом мире, существующем без формализма документов и без физических границ.

Мы считаем эту позицию довольно устаревшей. Пользователи Интернета - это реальные лица, которые имеют определенное расположение в Сети, местопребывание в реальной жизни и правовой статус. Так, у активных предприятий в Интернете есть свой юридический адрес, инфраструктура, банковские счета. Обмены, коммерческие сделки, правонарушения в этой среде весьма реальны, с ощутимыми последствиями для реальных лиц. И кроме того, последний опыт международного сотрудничества в этой среде показывает, что мы все чаще и чаще способны регулировать интернет-отношения с помощью норм права и обнаруживать правонарушителей. Недавние судебные процессы в странах Европы, в США и России еще раз подтверждают это <1>.

<1> Так, 3 октября 2006 г. в Балаковском городском суде (Саратовская обл.) был оглашен приговор по уголовному делу в отношении трех граждан России: балаковца Ивана Максакова, астраханца Александра Петрова и петербуржца Дениса Степанова. Они обвинялись в совершении компьютерных преступлений в сфере высоких технологий и вымогательстве (более 4 млн. долл.) у нескольких компаний Великобритании и Северной Ирландии с осени 2003 г. до весны 2004 г. К примеру, хакеры требовали накануне спортивных соревнований от владельцев букмекерских контор от 10 тыс. до 20 тыс. долл. США за то, что их сайты не будут подвергнуты атаке во время принятия ставок. Впервые по данной категории дел суд вынес суровый приговор. Он приговорил каждого из обвиняемых к восьми годам лишения свободы в колонии строгого режима и штрафу 100 тыс. руб. Обвиняемые были оправданы только по одному из пунктов обвинения - ст. 165 "Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием" УК РФ. Государственный обвинитель заявил, что этот процесс является "прецедентом мирового масштаба". Было собрано 11 томов уголовного дела, хакеры обвинялись по 19 статьям УК РФ. (См.: Российские хакеры ответили по-английски // Коммерсанта-Власть. 2006. 9 OKT.; http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=711275.)

Вторая позиция сводится к тому, что государства, их учреждения и институты в состоянии не лучшим образом регулировать деятельность в Интернете, потому что они слишком медлительны, мало что делают для технического и коммерческого развития Сети и имеют правомочия только в рамках своих границ. Сторонники этой точки зрения указывают на экономических участников интернет-отношений - на предприятия, практиков, специалистов, заинтересованных в том, чтобы их рентабельность базировалась на доверии потребителей. Именно они должны предлагать, разрабатывать, даже обязывать вводить сферу Интернета морально-этические кодексы И внедрять саморегулирования, которые закон и юриспруденция могут затем законодательно закрепить (Дэвид Джонсон, Дэвид Пост). Принимая во внимание результативность этого подхода, положения которого в общем-то правильны в таких областях, как реклама или дистанционная купля-продажа, становится ясно, что общественные отношения не ограничатся в этой среде лишь рыночными отношениями. Здесь необходимы иные способы регулирования.

Существуют и другие способы регулирования: государственные, корпоративные, индивидуальные. Но они иногда находятся в противоречии с формами рыночного

саморегулирования. И, с другой стороны, общественная польза от них не будет только точкой соприкосновения между интересами экономических агентов и интересами платежеспособных потребителей. Следовательно, саморегулирование в Интернете будет играть существенную роль, но не будет занимать все мировое пространство регулирования. Иными словами, оно будет иметь свое место в системе правовых воззрений на интернет-отношения.

Третья позиция (государство - "ночной сторож") сводится к следующему: существующие демократические учреждения и законодательные процессы вполне обнаруживают свою состоятельность в регулировании информационной среды. И только они одни легитимны обсуждать и решать юридические вопросы, стоящие перед теорией и практикой Интернета. Так, органы правосудия могут рассматривать индивидуальные споры в виртуальном пространстве и создавать понемногу судебную практику. Законодатель также должен менять и толковать нормы интернет-права, а там, где это необходимо, их исключать. Медлительность, некоторое несовершенство, противоречивость этого процесса есть нормальные проявления функционирования демократического общества. И это не должно вызывать у нас опасения.

§ 5. Интернет как объект правового регулирования

В связи с изложенным встает ряд на первый взгляд простых теоретических вопросов. Что есть Интернет с юридической точки зрения? Является ли Интернет субъектом права? Что следует понимать под термином "информационная сеть (среда) Интернет"? Не будет ли последняя формулировка ничтожной с точки зрения теории права?

Вначале сделаем два замечания. Надо, во-первых, признать специфический и глубоко новаторский характер Интернета, который сегодня не принадлежит только миру его распространения. Доктринально, для определения сущности Интернета, следует использовать классические определения коммуникационного права <1>, существующие в Европе и основанные на различии между частной корреспонденцией (частным правом) и аудиовизуальным сообщением (публичным правом), и отметить, что коммуникация в интернет-среде чаще всего носит смешанный частно-публичный характер. В правовой реальности Интернет представляет собой мир пользователей (субъектов правовых отношений), большей частью отождествленных, которые "проходят" через различные сети, не имея четко обозначенного собственника, и осуществляют свои функции благодаря протоколу сообщения в целях поиска необходимой информации. Именно эта логика запросов образует социологию Сети и позволяет ей пройти эволюцию от закрытого специалистов И экспертов до большого мирового общественного пользователя и мира торговли.

<1> Понятие и содержание коммуникационного права еще предстоит осмыслить в российской теории права. Наша теория пока, к сожалению, не приступила к исследованию этой острой проблемы. См. подробнее о коммуникационном праве: Chamowc J.-P. Op. cit.; Huet J., Maisi H. Droit de l'Informatique et des Telecommunications. P., 1989. P. 1 - 99; Телекоммуникации и право: вопросы стратегии / Под ред. Ю.М. Батурина. М., 2000; http://dbs100.indem.ru/baturin/mag26.htm.

Во-вторых, надо иметь в виду и то, что современное европейское право обладает небольшим набором правовых средств, используемых в данной сфере, которые тем не менее позволяют обеспечить необходимые юридические гарантии. Таким образом, нельзя говорить об отсутствии правовой регламентации в странах Евросоюза, а, скорее, можно вести речь о наличии общего законодательства о связи, коммуникациях и электронной торговле, применяемых сегодня в сфере Интернета. Специальных законов, посвященных Интернету, в ЕЭС немного <1>.

<1> По данным общественной организации "Transparency International Russia", около 100 государств в настоящее время имеют отдельные законы о праве на информацию в составе национального законодательства.

На наш взгляд, в России следует основное внимание уделить изменениям некоторых положений позитивного права, чтобы приспособить их к электронной службе передачи данных (Интернет); и сделать это необходимо, учитывая транснациональный характер Сети, изменчивость ее содержания и очень быструю эволюцию технических средств. Однако медлительность нашей законодательной и судебной системы вызывает специфические затруднения для применения норм уголовного и коммерческого права, связанные, например, с выбором применяемого закона, режимом ответственности и вопросами доказательств по тем или иным делам (системой доказательств и алгоритмами доказывания).

Эти методологические положения, на наш взгляд, имеют большое значение в определении целей и задач политики России в сфере интернет-коммуникаций и требуют скорейшего установления рамок регулирования поведения субъектов российских интернет-отношений. Это также соответствует нашим национальным приоритетам, так как развитие и обеспечение устойчивой и качественной работы российских средств информатизации и связи являются важнейшими условиями развития российского общества и государства <1>.

<1> Именно так определял назначение связи Федеральный закон от 16 февраля 1995 г. "О связи" (ст. 1); см. также: Рейман Л.Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении // Вопросы философии. 2001. N 3. C. 3 - 9.

Анализ теоретико-правовых аспектов Интернета не может осуществляться без характеристики предмета информационного права, который закрепляет "юридические правила игры" в области инфосферы. "Информационное право" как формирующаяся учебная дисциплина и комплексная отрасль российского права (а не только отрасль законодательства, как ее пытаются иногда представить) включает в себя нормы, институты и принципы права, регулирующие общественные отношения в информационной сфере общества и его составляющих частей. В информационное право входят законодательство о СМИ, институт информационной безопасности, часть норм, регулирующих вопросы интеллектуальной собственности, и многое другое <1>.

<1> См.: Копылов В.А. Информационное право. С. 81 - 121; Рассолов М.М. Информационное право. С. 9.

Справедливо мнение академика Б.Н. Топорнина о том, что "понятие "информационное право" выступает по меньшей мере в трех ипостасях. За этим понятием может скрываться: 1) отрасль права, регулирующая определенную группу общественных отношений; 2) область правоведения, концентрирующая свое внимание на изучении информационного права; 3) учебная дисциплина, связанная с преподаванием информационного права. Хотя эти три разновидности понятия "информационное право" взаимосвязаны, они тем не менее существуют раздельно друг от друга... В этом триединстве информационное право как отрасль права выступает в качестве главного, отправного понятия" <1>.

<1> Информационное право / Под ред. Б.Н. Топорнина. 2-е изд. С. 14.

Необходимо отметить, что в настоящее время среди ученых-юристов нет единого подхода к определению предмета информационного права. Это объясняется, на наш взгляд, тем, что эта комплексная отрасль права не является в чистом виде публичной, а

носит смешанный частно-публичный характер, так как "регулирует не только информационные отношения, вытекающие из деятельности государственных органов, средств массовой информации, общественных организаций, а также и частноправовые отношения различных субъектов информационной деятельности с гражданами, с предпринимательскими структурами" <1>.

<1> Рассолов М.М. Информационное право. С. 10.

Такой же смешанный характер, как мы уже отмечали, носят и нормы интернет-права, где преобладают частная инициатива и договорное регулирование (саморегулирование его участников), что является еще одним подтверждением сходства этих норм. Поэтому интернет-право на сегодняшний день целесообразно рассматривать, исследовать и изучать именно в рамках информационного права.

Это положение относится и к анализу правовых режимов, действующих в исследуемой сфере, который весьма важен для определения способов регламентации интернет-отношений. Правовой режим можно определить как определенный порядок регулирования, характеризующийся особым сочетанием взаимодействующих между собой дозволений, запретов, позитивных обязываний, создающих его особую направленность <1>. В целях дальнейшего исследования представляется правильным выделение в интернет-праве как целостной системе сфер публично-правового и частноправового регулирования. В связи с тем, что подавляющее число норм в Сети носит диспозитивный характер, определяющим, как было показано выше, является саморегулирование участников. Порой отсутствует детальная регламентация поведения субъектов права, а преобладает общедозволительный правовой режим. Вместе с тем в электронной среде Интернета действуют и немногочисленные императивные нормы, которые отличаются детальностью регулирования правил поведения ее субъектов (участников). Данные положения свидетельствуют в этом случае о сложном характере регулирования (а точнее, сорегулирования), сочетающего как диспозитивные, так и императивные начала <2>.

<1> См.: Алексеев С.С. Теория права. С. 170; Попондопуло В.Ф. Проблемы правового режима предпринимательства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994. С. 18.

<2> См. подробнее: Попондопуло В.Ф. Правовой режим предпринимательства. СПб., 1994. С. 15 - 152.

Проводя дальнейшее исследование, весьма важно обратиться к информационной среде, под которой мы понимаем сферу деятельности, связанную с созданием, распространением, преобразованием и потреблением информации <1>. Это также среда оборота информации (производство - распределение - потребление), при котором субъекты реализуют свои потребности в сложной кибернетической системе - Интернете.

<1> Данная правовая категория впервые была введена ст. 2 Федерального закона от 4 июля 1996 г. "Об участии в международном информационном обмене" (СЗ РФ. 1996. N 28. Ст. 3347).

Причем данная информационная среда с точки зрения информационного права может быть представлена как естественная (устная вербальная речь, жесты), так и искусственная (знаки, символы, письменность). В связи с тем, что Интернет является частью искусственной информационной среды (сферы) общества, созданной людьми - физическими и юридическими лицами, его можно рассматривать как объект правового регулирования, а нормы, регулирующие деятельность в киберпространстве, в качестве формирующегося комплексного института права - интернет-права.

Некоторые авторы выдвигают гипотезу о том, что инфраструктура Интернета может выступать в качестве средства массовой информации <1>, ссылаясь на положения ст. 24 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. "О средствах массовой информации" <2>. В Совете Федерации в феврале 2008 г. шла широкая дискуссия об обязательной регистрации интернет-сайтов с аудиторией не менее тысячи посещений в день в качестве СМИ. По мнению авторов готовящихся поправок, это вполне соответствует ст. 12 Закона. Цель подобных нововведений очевидна: российское законодательство о СМИ не допускает "распространения слухов под видом достоверных сообщений", требуя от журналистов тщательной проверки публикуемых материалов (ст. 51 Закона "О средствах массовой информации"). Нужно отметить, что на заключительной стадии обсуждения сенаторы пришли к выводу, что поправки не должны касаться сайтов знакомств, поисковых систем и блогов. Подобная полемика в то же время проходила в Израиле, правда, порог регистрации в этой стране начинался с 50-тысячной аудитории.

Статья 2 указанного Закона определяет, что под средством массовой информации периодическое печатное издание, радио-, теле-. видеопрограмма, кинохроникальная программа, иная форма периодического распространения массовой информации. Статья 24 Закона называет "иные средства массовой информации". Она констатирует, что правила, установленные этим Законом для периодических печатных изданий, применяются в отношении периодического распространения тиражом 1000 и более экземпляров текстов, созданных с помощью компьютеров и (или) хранящихся в их банках и базах данных, а равно в отношении иных средств массовой информации, продукция которых распространяется в виде печатных сообщений, материалов, изображений. Правила, установленные данным Законом для радио- и телепрограмм, применяются в отношении периодического распространения массовой информации через системы телетекста, видеотекста и иные телекоммуникационные сети, законодательством Российской Федерации не установлено иное.

Несомненно, Сеть является местом обращения разнообразной информации. Вместе с тем, на наш взгляд, Интернет в полной мере не может выступать средством массовой информации в смысле ст. 2 и 24 указанного Закона, прежде всего из-за своего глобального и транснационального характера. Это, скорее, инфраструктура, электронная среда или "полигон", где может размещаться и действовать огромное число электронных печатных, аудио- и видеоизданий.

Следует разграничить Интернет как инфраструктуру информации, т.е. информационно-коммуникационную сеть, и те отдельные информационные ресурсы, наполнения, которые ее составляют, в частности сайты. Поэтому инфраструктура Интернета в целом не может выступать СМИ, в смысле Закона "О средствах массовой информации", а сайт может быть таковым по желанию своего владельца. Если владелец сайта захочет его зарегистрировать в качестве СМИ и если этот сайт будет отвечать всем требованиям Закона о СМИ (обновление, массовость, периодичность выпуска, регистрация, выходные данные, соблюдение законодательства), у владельца не будет особых препятствий. В России провозглашена уведомительная регистрация СМИ. Однако нужно отметить, что предназначение сайтов может быть совершенно иным, например распространение биографии, электронный магазин, рекламная площадка и т.д.

В отсутствие специального законодательства об Интернете суды некоторых стран применяют по аналогии законодательство о СМИ. Это вполне объяснимо. Но они все больше и больше понимают специфику Интернета. В частности, уже сегодня есть

<1> См., например: Тенин М. Интернет и СМИ - общие вопросы необходимости регистрации и налогообложения сетевых СМИ // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. С. 44 - 46.

<2> Ведомости РФ. 1992. N 7. Ст. 300.

решения российских судов, где четко сказано, что Интернет не является СМИ, а услуги сети Интернет являются услугами связи. И к ним нужно применять Закон "О связи" <1>. Кроме того, распространение информации в Интернете осуществляется не всегда лицом, обладающим профессиональными знаниями в этой области (т.е. журналистом, представителем информационного агентства), но и самыми простыми, обычными гражданами.

<1> См., например: решение Арбитражного суда г. Москвы от 13 мая 2002 г. N А40-9789/02-91-101 // http://www.lenta.ru/most/2002/07/16/verdict/reshenie.htm.

Иными словами, Интернет как инфраструктура информации ввиду своей специфики составляет новое информационное пространство, отличное от печати и аудиовизуального распространения. Даже если в нашей стране Интернет и будет считаться средством массовой информации, он не будет считаться таковым в других странах.

Представляется достаточно спорным утверждение о том, что электронная сеть в полной мере может выступать субъектом права, так как инстанции Интернета находятся на этапе своего формирования и их правовая природа достаточно неопределенна. Кроме того, субъект права должен обладать рядом существенных признаков (например, правосубъектностью), которыми, на наш взгляд, электронная сеть в полной мере не обладает. Следует согласиться с мнением о том, что Интернет не является субъектом права нового типа, так как "вступающие в правоотношения в среде Интернет субъекты самостоятельно осуществляют свои права и несут обязанности, и нет необходимости субъект" объединять ИХ такой "множественный <1>. Достаточно трудно охарактеризовать Интернет и как юридическое лицо, так как Сеть не обладает характеризующими ЭТУ правовую категорию, благодаря осуществляется "персонификация имущества" <2>. Поэтому можно сделать вывод о том, что Интернет не обладает имущественной обособленностью, так как не имеет и не может иметь четко определенного собственника; в нем отсутствует организационное единство, так как трудно говорить о Сети как об обособленной организации, об определенном коллективе, который работает для реализации четко обозначенной цели. Думается, что Интернет представляет собой широкое поле для деятельности огромного числа разнообразных организационно-правовых юридических лиц, форм направленности. Но определять с точки зрения теории Сеть как совокупность юридических лиц, на наш взгляд, было бы тоже неправильно, так как в этой среде доминирует частная инициатива, и она ощутимо зависит от активной деятельности именно физических лиц, которые, несомненно, составляют ее ядро и движущую силу.

Если с точки зрения информационного права рассуждать об инстанциях Интернета, то следует начать с IAB (Internet Activities Board), представляющей координационный совет Сети. ІАВ представляет собой организацию, отвечающую за развитие набора протоколов Интернета <1>. Эта структурная единица делится на две части: IRTF (Internet Research Task Force) и IETF (Internet Engineering Task Force).

<1> См. об этом: http://www.iab.org.

<1> Пушкин Д.С. Интернет и противоправные деяния (Теоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 10.

<2> См. об этом подробнее: Мартемьянов В.С. Хозяйственное право: В 2 т. М., 1994. T. 2. C. 1 - 30.

IRTF, являясь составной частью IAB, занимается научно-исследовательской деятельностью и разработкой долгосрочных проектов для Сети <1>.

<1> См. об этом: http://www.irtf.org.

IETF как структурная часть IAB отвечает за решение инженерных задач Интернета, разработку краткосрочных проектов и нормативов <1>. Эта структура образуется из более чем 40 рабочих групп и издает с 1969 г. RFC (Request For Comments) - набор нормативных документов, описывающих протоколы Интернета и сопутствующую им информацию. Все стандарты Сети описаны в этих нормативных документах <2>. IETF имеет свой исполнительный комитет IESG (Internet Engineering Steering Group).

Что касается национальных правовых инстанций Интернета, то наибольший интерес сегодня представляет СОИ (Союз операторов Интернета) <1>, который был создан 20 января 2000 г. по инициативе российских провайдеров ("Ситилайн", "Релком", "Комстар" и др.). На СОИ была первоначально возложена задача по осуществлению регистрации доменов в зоне Рунета. Активную роль в регулировании Сети начало играть созданное Минсвязи России общественно-государственное объединение "Ассоциация документальной электросвязи" (АДЭ). В функции Ассоциации входит разработка нормативных документов в сфере услуг электронного обмена. Она является отраслевым лицензионным центром в области защиты информации и отраслевым аттестационным центром в области криптографической защиты информации. АДЭ осуществляет лицензирование, является базовой организацией по стандартизации в области документальной электросвязи и выполняет контроль в сфере предоставления услуг электронного обмена <2>. Функции по администрированию российского сегмента присвоению ІР-номеров, поддержанию документооборота Интернета, Российский НИИ развития общественных сетей (РосНИИРОС) и действующие регистраторы ("Гарант-парк-Телеком", "Демос-Интернет", "Наунет СП", "СЦС Совинтел" и т.д.). В целях сохранения стабильности функционирования российской зоны Интернета на РосНИИРОС возложены функции технического центра национального домена.

С 2001 г. действует Координационный центр национального домена сети Интернет <1>. Его учредителями стали четыре организации: Региональный общественный центр Интернет-технологий (РОЦИТ), Союз операторов Интернета (СОИ), Ассоциация документальной электросвязи (АДЭ) и РосНИИРОС. В 2002 г. Координационному центру переданы полномочия по выработке правил регистрации доменных имен в домене .ru, аккредитации регистраторов и разработке перспективных проектов, связанных с развитием российского национального домена.

На наш взгляд, Интернет, скорее всего, будет выступать в качестве объекта правового регулирования <1>. Причем даже не специального, а самого обычного объекта. Это наше положение подтверждает п. 3 ст. 15 Закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", который устанавливает, что использование на территории России информационно-телекоммуникационных сетей в хозяйственной или иной деятельности не может служить основанием для установления дополнительных требований или ограничений, касающихся регулирования указанной деятельности,

<1> См. об этом: http://www.ietf.org.

<2> См. об этом подробнее: http://www.isoc.org/.

<1> Cm.: http://www.soi.ru.

<2> См.: распоряжение Правительства РФ от 19 января 2000 г. N 77-р "О создании общественно-государственного объединения "Ассоциация документальной электросвязи" // СЗ РФ. 2000. N 5. Ст. 554.

<1> Cm.: http://www.cctld.ru/ru.

осуществляемой без использования таких сетей. Это заключение подтверждается также и тем, что часть четвертая Гражданского кодекса не рассматривает в качестве самостоятельных результатов интеллектуальной деятельности ни сайт, ни доменное имя <2>. Предложения о введении специального правового режима в отношении Интернета, подобно тому, который существует, к примеру, для Мирового океана, Антарктики или космического пространства, вряд ли состоятельны. Они не учитывают глобальный и планетарный характер этой мировой инфраструктуры, а, кроме того, мгновенность внедрения технологий, информационного сервиса в цифровой среде.

<1> Категорию "объект правового регулирования" следует отличать от категории "объект права". Под объектом права понимается предмет правового регулирования, т.е. социальная сфера, подвергаемая правовому воздействию.

<2> Проблема защиты интеллектуальной собственности на веб-сайты нашла отражение в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 апреля 2008 г. N 255/08. В нем определено, что содержимое сайта охраняется авторским правом как целостное произведение, состоящее из совокупности элементов, а владельцу сайта принадлежит авторское право на подбор и расположение материалов, дизайн ресурса, наполнение сайта.

Формирующиеся правовые нормы, регулирующие информационные отношения в электронной среде Интернета и цифровых сетях, можно будет в ближайшей перспективе четко сгруппировать в отдельные блоки и группы. И некоторые сдвиги в этом направлении можно наблюдать уже сегодня. Так, в Российской Федерации принят Федеральный закон "Об электронной цифровой подписи", который уже введен в действие и, несомненно, послужит прочной базой для систематизации указанных норм и правоотношений.

Если говорить о правоотношениях в электронной среде, которые служат определенной формой взаимодействия субъектов (участников) интернет-отношений, то здесь возникает, изменяется и прекращается целый комплекс разнообразных правоотношений (в основном относительных и регулятивных). Правоотношения в данной сфере обладают рядом существенных признаков: они являются разновидностью общественных отношений; носят волевой характер; возникают на основе норм права или индивидуальных актов правомерного поведения субъектов; характеризуются наличием у сторон субъективных юридических прав и обязанностей; осуществление таких прав и исполнение таких обязанностей обеспечено возможностью обращения в компетентный юрисдикционный орган за их защитой (реализацией права притязания) <1>.

<1> Подробнее о правоотношениях в электронной среде см.: Наумов В.Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики. С. 9 - 23; Копылов В.А. Интернет и право. С. 11 - 15. Рассолов И.М. Проблемы интернет-права в юридической науке // Социально-экономические исследования. 2006. N 2(4). С. 125 - 139.

В целях предпринятого анализа следует более детально исследовать практические аспекты реализации концепции Интернета в свете совершенствования процесса регулирования интернет-отношений.

§ 6. Форум прав в Интернете и решение актуальных проблем регулирования интернет-отношений

Надо заметить, что общая концепция Интернета, описанная выше, не может существовать как некая константа. Она должна подпитываться новыми идеями, развиваться и совершенствоваться. Но для этого должны быть созданы определенные организации (или организация), которые бы выполняли указанные функции и решали по

ходу возникающие проблемы в процессе регулирования интернет-отношений. В качестве подобной организации может сегодня, на наш взгляд, выступить Форум прав в Интернете (т.е. структура, которая наделена необходимыми правомочиями и в состоянии решать разнообразные правовые задачи, возникающие в Интернете) <1>. Появление аналогичной структуры в России, последовательный анализ работы Форума и использование его знаний об Интернете представляется весьма полезной и своевременной инициативой.

<1> Этот Форум мы рассматриваем в качестве субъекта интернет-отношений. См.: http://www.foruminternet.org.

Следует подчеркнуть, что идея создания специфической организации для обсуждения юридических вопросов, стоящих перед Интернетом, впервые появилась в сообщении французского Государственного совета в 1998 г. под названием "Интернет и цифровые сети". По просьбе премьер-министра Лионеля Жоспена в августе 1999 г. была проведена соответствующая депутатская экспертиза по рассматриваемой проблеме. В своем отчете в июле 2000 г. "Права и свободы на Интернет" депутаты подтвердили правильность указанной идеи и впервые использовали термин "Форум". Сам проект правового Форума в Интернете был реализован в декабре 2000 г. На сегодняшний день его активными участниками являются представители европейских стран, среди которых граждане Франции, Германии, Италии, Испании и других стран.

Форум прав в Интернете представляет собой пространство для встречи публичных и частных участников, являясь клубом предпринимателей и пользователей Сети. Сегодня Форум - постоянное место диалога и коллективного размышления специалистов, включая юристов, которые исследуют применение и развитие правовых норм в сфере Интернета и практику использования этого нового пространства в условиях современных технологий. Он позволяет лучше понять наши общие правовые цели в Сети и в процессе обсуждения получить ответы на поставленные вопросы, а также побуждает законодателей к формированию необходимых норм права и этики для Интернета.

Его роль состоит в том, чтобы улучшить информирование субъектов (участников) экономических сделок и пользователей Интернета, обеспечить активное международное сотрудничество в электронной среде; организовать обсуждение юридических вопросов, поднятых многими странами, тем самым облегчая деятельность законодателей и благоприятствуя введению различных действенных форм регулирования и саморегулирования в рассматриваемую область.

Все сказанное указывает на то, что ни один из существующих государственных органов нашей страны не может играть роль данного Форума.

Так, если говорить о Министерстве связи и массовых коммуникаций $P\Phi <1>$, то этот орган осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере информационных технологий (включая использование информационных технологий при формировании государственных информационных ресурсов и обеспечение доступа к ним), электросвязи (включая использование и конверсию радиочастотного спектра) и почтовой связи, массовых коммуникаций и средств массовой информации, в том числе электронных (включая развитие сети Интернет, систем телевизионного, в том числе цифрового, вещания и радиовещания и новых технологий в этих областях), печати, издательской и полиграфической деятельности, обработки персональных данных.

<1> См.: Постановление Правительства РФ от 2 июня 2008 г. N 418 "О Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации" // СЗ РФ. 2008. N 23. Ст. 2708.

На основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента, Правительства этот орган самостоятельно принимает нормативные правовые акты в рамках своей компетенции.

Перечень этих ведомственных актов носит исчерпывающий характер и касается различных нормативных требований. Среди них вопросы построения сетей связи; требования к нумерации, защите сетей связи от несанкционированного доступа; требования к порядку пропуска и маршрутизации трафика; требования к проектированию, строительству, реконструкции и эксплуатации сетей связи и сооружений связи; требования к оказанию услуг связи, в том числе универсальных; требования по информационной безопасности информационно-телекоммуникационных сетей и других сетей связи; требования к сетям и средствам связи для проведения оперативно-розыскных мероприятий по согласованию с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и др.

Минкомсвязь также участвует в формировании единого информационного пространства на территории государств - участников СНГ, способствует формированию положительного имиджа Российской Федерации, в том числе инвестиционного, за рубежом.

Если анализировать полномочия Министерства культуры РФ и входящих в его структуру подразделений, то данный орган осуществляет функции по выработке государственной политики в сфере культуры, искусства, историко-культурного наследия, кинематографии, архивного дела, авторского права и смежных прав.

Это Министерство на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов Президента РФ и Правительства РФ самостоятельно принимает правила информационного обеспечения граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений на основе документов, архивов Российской Федерации. Министерство культуры РФ организует создание кооперированных библиотечных информационно-библиотечных сетей, сводного каталога библиотек Российской Федерации, современных систем безопасности государственных музеев и библиотек <1>.

<1> См.: Постановление Правительства РФ от 29 мая 2008 г. N 406 "О Министерстве культуры Российской Федерации" // СЗ РФ. 2008. N 22. Ст. 2583.

Итак, анализ подтвердил, что компетенция данных Министерств и их структурных подразделений в электронной среде Интернета проявляется лишь в регулировании этой среды как инфраструктуры, но никак не в функциях организации всего Интернета и его использования в мировом масштабе, а также в исследовании содержания всемирной информационно-правовой деятельности в целом. А вот как раз эти вопросы и являются предметом изучения Форума.

Кроме того, деятельность указанных государственных органов не затрагивает проблем частной корреспонденции в силу ст. 5, 9 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации".

Несмотря на то что Постановление Правительства РФ от 28 марта 2000 г. N 265 "Об утверждении Положения о Министерстве Российской Федерации по связи и информатизации" <1> и возлагало на Минсвязи обязанности по созданию и развитию национальной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры, а также работу по внедрению новейших технологий, созданию интерактивных систем информационного обслуживания в стране, это Министерство в действительности оказывало малое влияние на структуру мировой Сети, в частности в сфере разработки новейших информационных услуг. В его компетенцию, к сожалению, не входила оценка реального состояния электронной среды, ее использования, а также перспектив будущего развития Интернета. Одними из оснований правомерности вмешательства в данную сферу Минкомсвязи России являются регламентация ими частотных ресурсов в Российской Федерации, сертификация технических средств и услуг связи, выделение каналов и сетей.

Как же можно охарактеризовать идею рассматриваемого Форума в целом и применительно к нашей стране?

Форум прав в Интернете в данном случае - это организация нового жанра, созданная в виде ассоциации и осуществляющая свои функции не как "административная власть". Она не разрабатывает здесь законы, не фиксирует правила поведения, а также не вводит этические кодексы и не решает дела по индивидуальным интернет-спорам в Сети. Ее основная цель состоит в том, чтобы благоприятствовать приспособлению юридических норм, институтов права и судебной практики к новому контексту информационного общества.

Следовательно, теоретико-правовое значение этой организации характеризуется не сферой ее вмешательства в Интернет, а характером ее полезной практической деятельности. В настоящее время Форум прав в Интернете осуществляет три большие функции, а именно: 1) способствует сближению позиций между субъектами интернетотношений; 2) способствует информированию и привлечению внимания к Интернету со стороны общественности; 3) координирует международное сотрудничество в данной сфере.

На базе заключений своих рабочих групп Форум может формулировать рекомендации, которые обращаются не только к частным субъектам по вопросам их саморегуляции в виртуальном пространстве, но также и к публичным властям по проблемам применения и обустройства существующего права и правового воздействия на Интернет в целом. Такая деятельность по формированию полезных рекомендаций осуществляется или по собственной инициативе Форума, или по инициативе государственных органов различных стран.

Надо подчеркнуть, что Форум собирает и публикует свои предложения о содержании норм и правилах пользования Сетью, осуществляя таким образом воспитательную функцию.

Сайт Форума служит местом подготовки рекомендаций, справочником прав и обязанностей для пользователей Интернета; регулярно предлагает интересные для пользователя темы, дает практические советы и ответы на актуальные вопросы. Наконец, этот портал представляет собой пространство обсуждения в режиме реального времени - каждый может активно участвовать в непрекращающихся дебатах, отстаивать свою точку зрения, сопоставлять ее с другими мнениями участников Сети, предлагать темы для обсуждения и т.д.

Форум координирует свою деятельность с публичными органами власти, и в частности с органами государственного управления, которых также касаются проблемы интернет-права и виртуального пространства. При этом он проявляет свою независимость и одновременно близость к государству, с тем чтобы гарантировать беспристрастность своих рекомендаций в целях последующего их учета органами публичной власти. Представители государственных органов приглашаются и участвуют в работе Форума. Форум также периодически информирует органы государственного управления о продвижении своих проектов и работ.

К принципам функционирования рассматриваемой организации можно отнести следующие исходные положения.

1. Гласность, открытость обсуждения и принятия решений. Как уже отмечалось, Форум нацелен на то, чтобы облегчить диалог и обмен между субъектами интернетотношений (т.е. между всеми участниками электронной среды - провайдерами, экспертами, административными службами, частными пользователями и др.). Все они принимают участие в этой коллективной работе и способствуют выработке необходимых норм поведения субъектов в сети Интернет. Например, эксперты участвуют в деятельности всех рабочих групп данной организации. Их рекомендации доводятся до пользователей Интернета во время обсуждения проблем. Работа комитетов Форума

способствует сближению позиций дебатирующих, позволяя его членам, которые не приняли участие в деятельности рабочих групп, также делать свои заключения.

- 2. Независимость. Организатор дебатов (т.е. сам Форум) не отстаивает никакой общественный или частный специфический интерес. В дебатах наблюдается нейтралитет, который является залогом доверия пользователей Интернета и позволяет Форуму принимать решения демократично и свободно. "Разнородность построения" руководящих инстанций, публичное финансирование и прозрачность внутренних процедур ассоциации все это гарантирует разумную независимость Форума в обществе.
- 3. Прагматизм. Форум не является застывшим организмом, созданным для осуществления четко определенных функций организации. Он должен сам развиваться шаг за шагом и предлагать гибкие и динамичные ответы на правовые и иные вопросы, возникающие перед обществом в этой сфере интернет-отношений. Для этого ассоциация должна пользоваться своей реально существующей компетенцией и функционировать в экспериментальном режиме, начиная с наблюдения и исследования правовой и социальной практики.
- 4. Универсальность. Интернет видоизменяет географические, правовые и иные рамки и границы. Он влияет на многие профессии, в том числе и профессию юриста. И проблемы, которые ставятся сегодня перед теорией и практикой права, требуют отхода от узкозонального, отраслевого подхода к социально-правовым явлениям и процессам. Для того чтобы выработать общие принципы в этой сфере, нужно рассуждать и действовать глобально и гибко, с учетом научных достижений.

Помимо своей роли по информированию пользователей главная функция Форума заключается также в том, чтобы распознавать наиболее существенные юридические проблемы, затем структурировать их, организовывать обсуждение, достигая приемлемого консенсуса. Эта основная цель данной международной организации.

Так, первое собрание Совета этой организации состоялось 11 мая 2001 г., и на нем была установлена первая рабочая программа по обсуждению теоретико-прикладных проблем Интернета и правовых отношений. Кроме оценки пользователями структуры своего сайта, Форум интересовался также двумя проблемами: "Интернет и трудовые отношения" и "Способы разрешения правовых конфликтов". Для решения вопросов были созданы рабочие группы, и они выработали необходимые рекомендации по указанным проблемам. Форум также обсудил и другие темы. За 2006 - 2008 гг. можно особо отметить рекомендации Форума по таким темам, как: "Хранение электронных документов", "Интернет-торговля и продукты здравоохранения", "Педофилия в Интернете", "Игры в Интернете: как управлять?", "Права потребителя в сфере электронной коммерции", "Трудовые отношения в Интернете", "Электронное голосование и модернизация электоральных процессов".

Однако размах и разнообразие юридических вопросов, поставленных Интернетом в связи с формированием информационного общества, не позволяют одной организации или органу, насколько бы компетентен он ни был, единолично брать на себя рассмотрение всего комплекса обсуждаемых проблем интернет-права и регулирование виртуального пространства. Это касается и деятельности Форума прав в Интернете.

Кроме того, здесь довольно трудно формулировать правила представительства для всех участников Интернета, потому что речь идет обо всех потенциальных пользователях, и некоторые сектора и участники (специалисты, предприятия) лучше организованы, чем другие (пользователи, конечные потребители). В результате в настоящее время Форум принял вид особенно открытой и гибкой структуры. Его возможные юридические решения не могут зависеть от простого голосования большинства. С начала своего возникновения Интернет выработал различные формы постоянного сближения позиций своих субъектов (участников), в том числе на мировом уровне (например, в решении вопросов стандартизации).

Ныне состав Форума разделен на две коллегии: экономических участников и пользователей <1>. Его учредители - первые члены, вступившие в ассоциацию; они входят в его руководящие органы - Координационный совет и Наблюдательный совет. Соответствующие структуры являются и международными инстанциями, занимающимися анализом юридических аспектов Интернета.

<1> Экономические участники и пользователи здесь - это тоже субъекты интернетотношений.

Каждый член Форума должен подписать протокол вступления в организацию, что подтверждает его намерение следовать принципам и ценностям, которые разделяет ассоциация. Среди членов Форума стоит особо отметить ISOC France (французская часть Internet Society <1>), AIJPC (Международная ассоциация юных профессионалов в сфере коммуникации), ADEMI (Общество защиты прав артистов и музыкантов), ADIJ (Ассоциация по развитию юридической информатики), MRAP (Движение против расизма и за дружбу народов), Wanadoo, Google, Microsoft, eBay, Yahoo!, BNF (Национальная библиотека Франции). Членами Форума в ближайшее время станут IBM, RFI (Международное французское радио), CISAC (Международная конфедерация компаний авторов и композиторов).

<1> Internet Society - международная организация по международному сотрудничеству и координации в области Интернета, сетевых технологий и их приложений. См. подробнее: http://www.isoc.org.

В настоящее время Форум прав в Интернете функционирует в трех основных "концентрических кругах" (рис. 2).

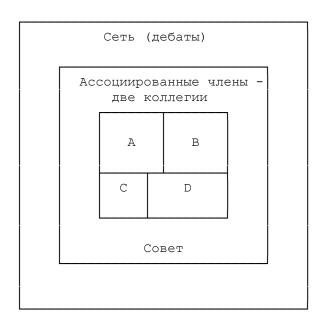

Рис. 2. Структура Форума прав в Интернете. А - квалифицированные специалисты - эксперты (три человека); В - экономические участники (четыре человека); С - публичные власти (четыре человека); D - пользователи (четыре человека)

Во главе организации находится Совет, состоящий из 15 членов. Он выносит на обсуждение вопросы интернет-права, организует их обсуждение и управляет

постоянными функциями информирования и наблюдения, которые поручены организации. Находясь в постоянном взаимодействии с публичными органами власти, Совет призван облегчить информационный обмен между разнообразными субъектами интернет-отношений (участниками). Совет, который образует ядро Форума, должен пытаться приводить субъектов в ходе обсуждения юридических проблем к согласию и учитывать разногласия между ними по окончании обсуждения.

Совет формируется, с одной стороны, из представителей публичных органов власти (их четверо) и, с другой стороны, из ассоциированных членов, т.е. из представителей ассоциаций участников экономических сделок, граждан, потребителей. Эти ассоциированные члены, которые составляют второй круг субъектов, разделены на две коллегии: на экономических участников и пользователей, каждая из которых состоит из четырех членов; при этом соблюдаются условия, обеспечивающие высокую легитимность избрания последних.

Три квалифицированных специалиста - эксперта назначаются затем при полном согласии 12 избранных членов.

Третий круг субъектов составляет собственно Сеть, т.е. включает всех граждан, экономических и социальных субъектов (участников), желающих принимать участие в открытых юридических дебатах, организованных Форумом.

Важно также осмыслить с точки зрения интернет-права опыт специфической организационно-правовой работы Форума и ее оригинальные способы.

Изучение показало, что первой отличительной чертой его работы является поиск согласия участников (субъектов), который состоит в следующем. Форум рассматривает любой правовой вопрос в сфере Интернета, как по поручению (представлению) органа государственной власти, публичного органа, так и по просьбе одного из своих участников. Затем он организует предварительные консультации своих членов и публичных государственных органов власти по возникшим проблемам, инициирует открытое общественное обсуждение, формулирует итоги обсуждения.

По окончании обсуждения Совет либо констатирует наличие консенсуса, либо отмечает, что между участниками обсуждения существуют реальные разногласия по конкретным юридическим вопросам. При имеющихся разногласиях Форум вырабатывает свою позицию по тому или иному вопросу и в случае, если за нее проголосовало квалифицированное большинство, издает свои рекомендации. В отсутствие такого квалифицированного большинства результатом обсуждения на Форуме будет простой синтез мнений без каких-либо юридических рекомендаций.

На основе анализа многоплановой деятельности Форума прав в Интернете нами сформулированы базовые принципы интернет-права:

- 1) виртуальная сфера не является особым правовым пространством: фундаментальные нормы, принципы, институты права здесь вполне применимы, хотя некоторые аспекты правореализации в Интернете носят специфический характер. Эти правовые средства должны гарантировать равную защиту основных прав и свобод граждан. Такая защита необходима как в реальном, так и в виртуальном пространстве, как на национальном, так и на межнациональном уровне;
- 2) нельзя добиться реальной свободы слова в Интернете без ответственности. Это фундаментальная основа рассматриваемых идей интернет-права и права вообще;
- 3) мир сетей представляет собой не только торгово-экономическое (коммерческое), но и социально-правовое пространство. Это обусловлено тем, что бурное развитие электронной коммерции в Сети не должно затмить главное преимущество, которое дает нам Интернет, он позволяет каждому субъекту интернет-отношений самовыражаться и свободно общаться повсюду и с кем угодно;
- 4) не существует какого-либо единственно правильного национального ответа на проблемы интернет-права. Они должны обсуждаться представителями всех стран. Поэтому рекомендуемые Форумом решения, способы и формы его деятельности

принимают общепланетарный характер. Кроме того, Форум борется за равенство доступа всех людей к информации и равенство использования цифровых сетей всеми субъектами.

В этом контексте Форум призван разработать и установить новые формы диалога между субъектами интернет-отношений, более гибкие и открытые. Чтобы решить эту задачу, он принимает активное участие в реализации различных европейских и международных инициатив по интернет-праву; устанавливает корреспондентские связи с иностранными участниками, отстаивающими общечеловеческие ценности и желающими в рамках международного права работать в сетях.

Для этого в Форуме создан Международный комитет, объединяющий иностранных представителей, которые интересуются проблемами регулирования сетей и хотят способствовать максимальному сближению точек зрения специалистов из различных стран в сфере правового регулирования интернет-отношений.

Изучение автором зарубежного опыта показало, что сегодня выработаны три процедуры контроля, которые гарантируют эффективную работу Форума. Это, в частности, внутренний контроль. Его осуществляет Наблюдательный совет - орган, призванный следить за соблюдением социальных целей и бюджетных обязательств этой ассоциации; ревизоры и аудиторы, которые назначаются Координационным советом и осуществляют финансовый контроль, а также обнародуют ежегодный отчет о деятельности ассоциации. В соответствии с трехгодичным соглашением между государством и Форумом устанавливаются условия оплаты, субсидии и перечень обязательств, налагаемых на Форум (составляется годовой отчет о проделанной работе и отчет о состоянии денежных средств, проводится периодическая оценка работы ассоциации). Эта ассоциация, наконец, подвергается контролю со стороны фискальных органов государства-учредителя.

Думается, что такие процедуры контроля необходимы, ибо они обеспечивают гласность и прозрачность финансовой стороны деятельности Форума, а также принимаемых Форумом юридических и иных решений.

Для эффективной работы Форума необходимы немалые денежные средства. Чтобы гарантировать свою независимость по отношению к частным корпорациям, Форум прав в Интернете имеет смешанное финансирование, которое состоит из международных и европейских субвенций. Основные проекты Форума реализуются в основном за счет государственных субсидий в размере 1,14 млн. евро в год. Финансирование осуществляется в рамках трехгодичного соглашения между французским государством и Форумом. Указанное соглашение определяет соответствующие обязанности сторон и гарантирует публичную поддержку ассоциации в течение трех лет. Кроме того, Форум еще получает денежные взносы от своих членов. И, в итоге, бюджет этой ассоциации покрывает обязательные ее расходы, связанные с содержанием постоянного персонала, эксплуатацией сайтов, линий связи и т.д. Публичное финансирование является гарантией независимости и открытого функционирования Форума.

Общую философию настоящего исследования можно сформулировать так: цифровые сети Интернета должны быть пространством мировой цивилизованности, разумного правопорядка, порядочности и приличия. При этом категории "цивилизованность" и "правопорядок" рассматриваются нами как "искусство хорошо и по правилам жить вместе" всем народам на нашей планете. Реализации этой цели способствует интернетправо - новое и самостоятельное научное направление юридических исследований.

В связи с такой постановкой вопроса возникает множество правовых проблем, связанных с деятельностью субъектов интернет-отношений. Раскроем их, но сначала сформулируем несколько принципиальных выводов.

1. Исследуя совокупность существующих законов, применяемых к участникам интернет-отношений в странах Европы и США (в частности, законодательные положения о защите прав потребителя и те положения, которые гарантируют соблюдение общественного порядка), мы можем сделать вывод о том, что не существует никакой

потребности введения какого-то глобального, общемирового, специфического закона для Интернета. В рассматриваемой среде, где любой тип информационной деятельности может быть осуществлен самостоятельно, существующие правила уже регулируют какуюлибо свою область (рекламу, налоговую систему, интеллектуальную собственность). Хотя определенные международные (наднациональные) нормы, как мы уже отмечали, здесь необходимы.

- 2. Межграничные и межнациональные цифровые сети приводят к существенной модификации (изменению) обычных способов регулирования. С одной стороны, регулирование должно соединяться (комбинироваться) саморегулированием субъектов интернет-отношений (участников), т.е. речь идет о вмешательстве публичных органов государственной власти в Интернет в целях разъяснения принципов регулирования, а также для превентивных действий против совершения различных правонарушений в сетях. С другой стороны, учитывая границы, присущие любой чисто национальной инициативе, международное сотрудничество (кооперация) государств в этой области будет как никогда полезно для защиты публичных интересов субъектов интернет-отношений, в которых доминирует частная инициатива (частный интерес). Иными словами, Интернет и цифровые сети выявляют двойную взаимозависимость - между публичными и частными субъектами (участниками) и между государствами. Все это делает очень сложным выработку и осуществление любой политики в этой области.
- То или иное правительство должно определять общие стратегические направления, обеспечивающие координацию межгосударственных позиций по проблемам Интернета, права и цифровых сетей с различными учреждениями и организациями: Советом Европы, ЮНСИТРАЛ, Организацией экономического сотрудничества и развития Всемирной торговой организацией Всемирной (BTO), интеллектуальной собственности (ВОИС) и др. Сегодня координация в этой области кажется недостаточной с общепланетарной точки зрения. Необходимо как можно скорее сформировать межведомственный координирующий орган, наделенный легитимной силой и способный влиять на работу публичных служб и частных участников в Сети. Главная цель такого органа - способствовать выработке общих позиций на международных переговорах по Интернету. Так, после запуска первого искусственного спутника Земли в октябре 1957 г. Генеральная Ассамблея ООН в 1959 г. учредила постоянный орган - Комитет по использованию космического пространства в мирных целях, в состав которого первоначально входили 24 государства, а в настоящее время - 65 государств. Аналогичная инициатива может появиться и в отношении динамично развивающегося организма - Всемирной паутины.
- 4. Мир сетей находится в постоянной эволюции. В связи с этим функции наблюдения и постоянного анализа будут крайне важны и полезны. Никакое решение не может быть высказано раз и навсегда. Необходимо следовать за эволюцией цифровых сетей, чтобы наилучшим образом решать острые юридические проблемы деятельности Интернета. Именно постоянно действующий координирующий орган (ячейка) мог бы привлекать все заинтересованные стороны к решению насущных проблем.

В противовес предыдущим размышлениям о профессиональной этике в Сети данный подход предлагает общий метод действия, основанный на разумном наблюдении за информационным обществом и убеждении, что новые способы регулирования должны быть установлены незамедлительно. И в этом контексте встает задача решения проблем, связанных с совершенствованием регулирования мировой инфраструктуры Интернета. Среди этих проблем можно выделить пять исходных. Они являются сегодня предметом углубленного изучения (учитывая их значимость и актуальный характер современных интернет-отношений): 1) защита персональных данных и частной жизни в Сети (одна из наиболее чувствительных тем дл пользователей); 2) правовое регулирование электронной торговли, обеспечение безопасности сделок в Интернете; 3) защита интеллектуальной

собственности, стимулирующая появление новых электронных продуктов в Сети; 4) борьба с противозаконной информацией и противоправным поведением в Сети и 5) адаптация правового регулирования электронных сообщений и онлайн-услуг к смежным явлениям информатики, аудиовизуального распространения и средствам телекоммуникаций.

Рассмотрим их в контексте изложенных идей интернет-права.

Защита персональных данных и частной жизни в Сети. Известно, что недостаточное обеспечение защиты личных данных физических и юридических лиц представляет опасность и является нарушением в среде цифровых сетей. Сюда можно отнести: сбор данных о пользователях без их ведома, незаконные способы завладения позволяющие создавать данных пользователей, базы неправомерные покупки или обмены личными данными пользователей. Известно, что в этой области нет четкой правовой регламентации. И Федеральный закон "О персональных данных" не решил большинства юридических проблем. Законодателем установлен легальный предел (рамки) регулирования, тем не менее он постоянно нарушается. Поэтому интернациональный характер Сети и чрезмерная вариация практики ее участников требуют сегодня основательного и существенного изменения способов регулирования, причем государственная нормативная регламентация подкрепляться разнообразной практикой саморегулирования участников Сети. Поэтому у Министерства связи и массовых коммуникаций РФ должны появиться новые функции: постоянный мониторинг за качеством информации в Сети техническими устройствами, используемыми в сети Интернет, разработка и введение типовых контрактов, побуждение общества к скорейшему введению кодексов профессиональной этики и т.д.

Кроме того, здесь имеет важное значение поиск равновесия (нужно юридическое решение) между возможностью сохранения анонимности пользователя Сети и необходимостью его обязательной идентификации в случаях, когда он ведет активную предпринимательскую деятельность. Это также важно в случае сбора доказательств ("сетевых" юридических фактов) и совершения действий, связанных с установлением события преступления. По действующему законодательству обязательное сохранение данных и имени пользователя Сети должно быть непреложным правилом всех технических служб.

Например, Правила взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность <1> (далее - Правила), устанавливают, что оператор связи обязан своевременно обновлять информацию, содержащуюся в базах данных об абонентах оператора связи и оказанных им услугах связи. Указанная информация должна храниться оператором связи в течение трех лет и предоставляться органам федеральной службы безопасности, а в случае, указанном в п. 3 Правил, органам внутренних дел путем осуществления круглосуточного удаленного доступа к данной информации (п. 12 Правил).

<1> См.: Постановление Правительства РФ от 27 августа 2005 г. N 538 "Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность" // СЗ РФ. 2005. N 36. Ст. 3704.

Базы данных должны содержать следующую информацию об абонентах оператора связи: фамилия, имя, отчество, место жительства и реквизиты основного документа. удостоверяющего личность, представленные при личном предъявлении абонентом ДЛЯ абонента-гражданина; (фирменное указанного документа, наименование наименование) юридического лица, его место нахождения, а также список лиц, оборудование использующих оконечное юридического заверенный лица, уполномоченным представителем юридического лица, в котором указаны их фамилии,

имена, отчества, места жительства и реквизиты основного документа, удостоверяющего личность, - для абонента - юридического лица; сведения баз данных о расчетах за оказанные услуги связи, в том числе о соединениях, трафике и платежах абонентов (п. 14 Правил).

Подобные жесткие требования связаны с положением ст. 10 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации", где установлено, что информация, распространяемая без использования СМИ, "должна включать в себя достоверные сведения о ее обладателе или об ином лице, распространяющем информацию, в форме и в объеме, которые достаточны для идентификации такого лица".

Наконец, по этим вопросам необходимо определить общие принципы и подходы, которые могли бы стать в перспективе предметом соответствующих международных соглашений. Целесообразность и своевременность ведения таких переговоров в этой сфере обусловлена тем, что, например, российский законодатель впервые в ст. 11 Федерального закона "Об информации, информатизации и защите информации" закрепил категорию частной (персональной) информации о гражданах. Федеральный закон "О персональных данных" расширил эту категорию (ст. 3). Здесь речь идет об информации о частной жизни лица, а равно об информации, нарушающей личную, семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений физического лица, собранной без его согласия. Перечень информации о частной жизни человека (а также средства ее передачи), исходя из формулировки закона, не является исчерпывающим и четко определенным, так как в него включаются и "иные сообщения физического лица". Федеральный закон "Об информации, информатизации и защите информации" определил, что такие персональные данные относятся к категории конфиденциальной информации, и запретил сбор, хранение, использование и распространение такого рода информации, кроме как на основании судебного решения. Все это позволяет сделать вывод о том, что личные (персональные) данные находятся под юридической защитой и в среде Интернета. Кроме того, ст. 63 Федерального закона "О связи" закрепляет тайну связи. Статья устанавливает, что все операторы связи обязаны обеспечить соблюдение тайны связи. Однако активное внедрение новых технологий и изменение режима защиты информации может ставить под сомнение само понятие идентичности физического лица (личности). Можем ли мы сегодня признавать существование виртуального лица, снабженного такими же правами, что предоставлены физическому (реальному) лицу? Или правовой статус виртуального лица должен быть отличен от статуса реального лица? Так, например, И.Л. Бачило вводит в оборот категорию "виртуальный субъект". Автор пишет: "Виртуальный субъект - это субъект, который плохо осязаем (его признаки и характеристики неустойчивы), но способен к действию и участвует в отношениях с другими субъектами. Это возможно, - продолжает И.Л. Бачило, - прежде всего в сети Интернет, не поддающейся контролю и управлению в обычном понимании в связи с анонимностью участников обмена информацией" <1>. Данное размышление должно быть обязательно продолжено специалистами в последующих научных исследованиях, причем не только с правовых, но и с философских, социологических и политических позиций.

<1> Бачило И.Л. Субъекты права в информационной сфере // Информационное право / Под ред. Б.Н. Топорнина. 2-е изд. С. 141 - 142.

Правовое регулирование электронной торговли в сетях. Если говорить об электронной торговле как о понятии и об институте права, нужно отметить то обстоятельство, что на сегодняшний день отсутствует единое понимание этой категории в теории права. Так, некоторые авторы под электронной торговлей понимают рекламу и обмен товарами, осуществляемый между физическими и юридическими лицами

посредством коммуникационных сетей <1>. В этом случае речь идет об узком понимании электронной торговли. Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, одобренный 16 декабря 1996 г. на 85-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН <2>, в ст. 1 указывает, что термин "торговля" следует толковать шире, охватывая все отношения торгового характера, как договорные, так и недоговорные. Отношения торгового характера включают: любые торговые сделки на поставку товаров или услуг или обмен товарами или услугами; дистрибьюторские соглашения; коммерческое представительство и агентские отношения; факторинг; лизинг; строительство промышленных объектов; консалтинг; инжиниринг; куплю-продажу лицензий; соглашения об эксплуатации или совместные предприятия И другие формы промышленного предпринимательского сотрудничества. В этом случае электронная торговля не сводится лишь к купле-продаже товаров и услуг через электронную сеть. Существуют точки зрения, согласно которым электронная торговля трактуется еще более широко - как электронное ведение бизнеса. Широкое распространение получило определение электронной коммерции как комплекса коммерческих сделок, совершаемых посредством цифровых средств связи <3>.

В целях предпринятого исследования представляется правильным разграничить электронную торговлю и интернет-торговлю. Представляется, что они соотносятся как часть и целое. Причем электронная торговля представляет собой более объемное понятие. Электронная торговля выступает разновидностью предпринимательской деятельности, в процессе которой субъекты права заключают, изменяют, исполняют и прекращают договоры посредством обмена электронными сообщениями. Интернет-торговля - это предпринимательская деятельность, которая осуществляется посредством обмена электронными сообщениями, но уже через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет. Интернет-торговля может и не выступать особым видом предпринимательской деятельности случае, когда инфраструктура Интернета В TOM хозяйствующими субъектами исключительно в качестве сети связи. В этом случае целесообразно говорить лишь об особом способе осуществления предпринимательской активности в кибернетическом пространстве.

Интернет-торговля, объемы которой были достаточно скромны в 1997 г. (порядка 1 млрд. долл. США во всей Европе), в последнее время ощущает растущий потребительский спрос. По данным Национальной ассоциации участников электронной торговли (НАУЭТ), объем рынка интернет-торговли в России в 2005 г. достиг 4,474 млрд. долл. США, превысив показатели предыдущего года (3,233 млрд.) на 38%. В 2007 г. он вырос еще на 30% по сравнению с 2006 г. (6,078 млрд.) и составил 7,9 млрд. долл. НАУЭТ прогнозирует, что в 2008 г. рынок электронной торговли в России вырастет еще на 30% по сравнению с 2007 г. и составит более чем 10 млрд. долл. (табл. 1).

Таблица 1

Общие данные по электронной торговле в России за 2003 - 2007 гг. (млн. долл.)

Сегмент	2003	2004	2005	2006	2007	Темпы
						роста, %

<1> Cm.: Baillet F. Op. cit. P. 95 - 120.

<2> См.: Комиссия ООН по праву международной торговли. Ежегодник. 1996. Т. 27. Нью-Йорк, 1998. С. 319 - 323.

<3> Le commerce electronique: aspects juridiques sous la direction de Alain Bensoussan. P., 1998.

B2C	480,4	662	1020	2085	3250	156
(коммерсант - потребитель)						
B2B	316,2	442	1300	1723	2288	132
(коммерсант - коммерсант)						
B2G	141	2130	2174	2270	2368 <*>	104
(коммерсант - госсектор)					890 <**>	
Итого:	937	3233	4494	6078	7906	130

<*> Включая запросы котировок и прочие формы размещения заказа, проведенные в электронной форме.

Специалисты сегодня прогнозируют, что в первые 10 лет наступившего тысячелетия значительная часть торгового оборота в мире будет приходиться на электронный интерактивный рынок. Доступ к нему станет возможным в реальном времени практически из любой точки планеты. Всемирная торговля в Сети увеличится в ближайшие пять лет в несколько раз и составит, по некоторым подсчетам, порядка 7 трлн. долл. США <1>. Необходимо уточнить, что принципиальное отличие и значительное преимущество электронной торговли заключаются в том, что она осуществляется на основе электронного документооборота и не сопровождается длительным оформлением документов на бумажных носителях. Таким образом, весь торговый цикл (процесс) либо его существенные элементы проходят в интерактивном режиме с использованием электронных цифровых средств телекоммуникаций. Все это способствует снижению издержек торгового обращения и существенно влияет на уменьшение потребительской стоимости товара, так как сокращает временные циклы между стадиями производства и продажи товаров, гарантирует существенную экономию времени получения информации о товарах и услугах, устраняет посредническое звено и снижает разнообразные риски. Эта новая форма коммерции находит широкое распространение главным образом в сделках между юридическими лицами. Электронная торговля способствует значительному развитию малого и среднего предпринимательства - из-за прямых поставок товаров и услуг значительно снижаются издержки сбыта, расходы на обслуживающий персонал. Между тем она остается второстепенной и экономически малоприбыльной для физических лиц из-за ряда причин. Главное - гарантировать (обеспечить) юридические рамки безопасности для потребителей, предлагая им соответствующий уровень защиты, сравнимый с тем, который установлен для "классической" купли-продажи в нашей стране и в других странах. Для этого нами были выработаны следующие рекомендации:

<1> Данные специального исследования, проведенного авторитетной компанией "GartnerGroup". См.: www.gartner.com.

<**> Только электронные аукционы.

⁻ основываясь на положениях Правил продажи товаров дистанционным способом <1>, необходимо содействовать принятию российского закона "Об электронной торговле", который бы закрепил основные правила для рынка электронной торговли;

<1> См.: Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2007 г. N 612 "Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом".

⁻ нормативное регулирование в данной сфере должно быть направлено в первую очередь на регламентацию понятийного аппарата, его расширение;

⁻ следует "формализовать" кодексы профессиональной этики, которые давно используются в Интернете. Таким образом, закрепляя их в законе и придавая им нормативный, общеобязательный характер, вводить механизмы регулирования, выработанные снизу, самими участниками электронной коммерции, а не насаждать

модели регулирования сверху. Представляется правильным решение не принимать малоэффективные нормы права, а "формализовать" уже имеющиеся и действующие, разработанные практикой электронного товарообмена;

- благоприятствовать выработке профессиональными организациями типовых контрактов для электронной коммерции. Именно по такому пути пошла Французская ассоциация по коммерции и электронному обмену;
- активнее внедрять практику разрешения конфликтов третейскими судами в этой среде;
- электронная торговля в скором времени станет "торговлей троих". Это уже сегодня ведет к появлению новых юридических услуг и профессий, таких, как кибернотариусы, киберюрисконсульты, киберадвокаты и т.д. Следует следить за развитием законодательства об электронной торговле в западных странах, прежде всего в странах Европы и США. Необходимо приспособить к уже существующим международным стандартам удостоверения и регламентации электронных обменов;
- гармонизировать свои отношения по поводу системы удостоверения электронных сделок, хотя бы в рамках СНГ. Для этого следует внести существенные изменения в Федеральный закон "Об электронной цифровой подписи";
- принять международное соглашение, касающееся электронных сделок, фиксирующее НДС по таким сделкам, взимаемый в стране назначения;
- было бы целесообразно создать совещательный орган (например, структурное подразделение при Министерстве экономического развития РФ), который мог бы следить за динамикой развития этой среды и вырабатывать необходимые рекомендации.

Анализ подтвердил, что в целом действующее российское законодательство о защите прав потребителя уже можно применять к Интернету. Изменение юридических рамок регулирования необходимо для того, чтобы сделать ясным область применения некоторого специального законодательства. Это относится, в частности, к правовым основам рекламы алкоголя, к обязанности использования национального языка в сетях для лучшей идентификации субъектов интернет-отношений, организации игорного бизнеса с использованием Интернета, а также к доступности информации потребителями. Все это должно служить цели более ясного выявления согласия сторон (субъектов) в сделке. Необходимо привлекать различных специалистов к разработке этих правил и внедрению кодексов профессиональной этики, типовых сетевых контрактов.

На международном уровне, на наш взгляд, здесь должны сочетаться два подхода. Первый состоит в том, чтобы выработать платформу фундаментальных принципов защиты прав потребителя, которых могли бы придерживаться все страны. Сделка в Интернете, осуществляемая предпринимателями из разных государств, вызывает необходимость заключения международного соглашения о правилах электронных сделок. Такое положение уже существует в Европейском союзе, оно учитывает интересы и неевропейских коммерсантов. Здесь взяты за основу принципы Европейской директивы 97/7/ЕС от 20 мая 1997 г. о защите потребителей в отношении дистанционных договоров (дистанционная продажа) <1>. Положения этого нормативного акта, на наш взгляд, вполне соответствуют российской правовой системе (ст. 15 Конституции РФ) и могут быть учтены при разработке соответствующего национального законодательства. Второй подход заключается в приспособлении (адаптации) норм коллизионного права (правил конфликта) в сфере электронной коммерции. Вероятно, что процессуальное право в коммерческих сделках будет еще долго зависеть от национального выбора в ближайшие годы. Во всяком случае, вопрос определения подсудности интернет-спора в сфере электронной торговли относится к числу самых дискуссионных. В США для решения спорных ситуаций судья в основном опирается на привязку "местонахождения сервера", провозглашая в большинстве случаев свое собственное право. Мы считаем, что за основу для решения данного вопроса следует все же брать европейский подход. В частности, для отношений в сегменте В2В (коммерсант - коммерсант) можно выбирать подсудность

спора любой оговоренной в контракте стороны. В том случае, если подсудность спора в контракте между коммерсантами не определена, по умолчанию должно действовать законодательство страны местонахождения поставщика товара (услуг), т.е. "право продавца"; для отношений в сегменте В2С (коммерсант - потребитель) следует признать юрисдикцию суда того государства, где постоянно или преимущественно проживает потребитель товара или услуги, т.е. провозгласить "право покупателя".

<1> Текст на русском языке опубликован в издании: Шамраев А.В. Правовое регулирование информационных технологий. Анализ проблемы и основные документы. М., 2003. С. 298 - 304.

Что касается российского сегмента Интернета, то на сегодняшний день возможно применение правила конфликта, установленного Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. <1>, а также Конвенцией о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров от 22 декабря 1986 г. <2>. Здесь необходимо будет учитывать характер и назначение коммерческих операций, а также соблюдать справедливое равновесие между императивом защиты потребителей и необходимостью не накладывать нереалистические ограничения на предприятия.

<2> Текст на русском языке опубликован в издании: Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения - разрешение споров. М., 1996. С. 209 - 220.

Закономерно встает вопрос: является ли столь же важным признание юридического значения сопутствующих средств, применяемых для сделки в виртуальном пространстве? Думается, что да. Электронная подпись, правила применения которой регламентирует Федеральный закон "Об электронной цифровой подписи", для начала должна гарантировать идентификацию заключивших сделку лиц и идентификацию сообщения между ними. Кроме того, она должна, как и рукописная подпись, служить доказательством сделки (юридическим фактом) в случае возникновения спорного вопроса. Первые шаги в этом направлении уже сделаны в Федеральном законе "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". Статья 11 устанавливает, что электронное сообщение, подписанное электронной цифровой подписью (иным аналогом собственноручной подписи), признается электронным документом, равнозначным документу, подписанному собственноручной подписью, в случаях, если законодательством не устанавливается или не подразумевается требование о составлении такого документа на бумажном носителе.

Предлагается внести изменения в гл. 9 ГК РФ и признать наличие юридической силы электронного сообщения, если оно отвечает двум требованиям: 1) наличие надежной идентификации электронной подписи и 2) хранение сообщения под контролем подписавшего его лица в течение шести месяцев. Удостоверение сообщения должно осуществляться аккредитованным органом, который сможет гарантировать соблюдение этих требований. Надо способствовать развитию такого рода услуг. Они должны оставаться свободными; государство призвано здесь лишь определять необходимые условия аккредитации предоставления данных услуг. Когда эти принципы будут внедрены в России и СНГ, надо будет устанавливать принцип взаимного, обоюдного признания услуг (служб) удостоверения в международном плане. Необходимо отметить тот факт, что именно по этому пути пошел Европейский союз. Поэтому взаимодействие с ним по этому вопросу будет очень полезно.

Конфиденциальность информационных обменов, обеспечиваемая шифровкой сообщений, имеет здесь также немаловажное значение для участников интернет-

<1> Вестник ВАС РФ. 1994. N 1.

отношений. Законодательство, касающееся получения ключей шифровки, а также сертификации ключей подписи, должно быть принято при любом положении дел. Пока что процессы правообразования в данной области находятся лишь на начальной стадии оформления <1>.

<1> См., например: Федеральные законы "О техническом регулировании", "Об архивном деле в Российской Федерации". См. также: Постановление Правительства РФ от 31 августа 2006 г. N 532 "О лицензировании деятельности по разработке и (или) производству средств защиты конфиденциальной информации" // СЗ РФ. 2006. N 36. Ст. 3837.

Нельзя не вспомнить и о налоговой системе, которая находится на стыке различных интересов. Это и суверенитет государств, и конкурентоспособность участников электронного обмена, и безопасность потребителя. Не имея возможности рассмотреть данную проблему подробно в силу ее специфики и неразработанности в отношении Интернета, представляется важным в дальнейшем осуществить ее углубленное изучение, которое потребует комплексного исследования всех возникающих вопросов. В мире существует несколько подходов к проблеме налогообложения физических и юридических лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в Интернете. В США действует мораторий на налогообложение в Интернете, в ЕЭС серьезно обсуждается вопрос о введении специального налога для Интернета, в Бельгии есть разработки о введении так называемого побитового налога, налога за каждый скачанный бит информации.

На наш взгляд, существенные изменения налогового законодательства и права будут вскоре объективно необходимы в связи с развитием Интернета, что ведет к созданию новой системы налогообложения, ориентированной на новые условия информационного обмена. Это касается и НДС, и "нематериальных" товаров. Сегодня нужно приспособить систему налогообложения к электронной торговле. Для этого надо решить следующие вопросы: юридической квалификации "нематериальных" товаров; территориальных начал налогового права по отношению к НДС, применяя место (территорию государства) потребления услуг для налогообложения лиц, находящихся в странах СНГ; определения учреждения (организации), которое будет взимать налоги; оценки возможности привлечения посредников к получению налогов и пошлин или по крайней мере для идентификации сторон.

Эффективная защита интеллектуальной собственности. Существующий механизм правового регулирования защиты интеллектуальной собственности (литературной, художественной, промышленной) не должен быть поставлен под сомнение развитием сетей. Однако, на наш взгляд, четыре проблемы все-таки должны быть решены в контексте интернет-права и гражданского права.

Наиболее острая из них - это проблема подделки, или контрафактной продукции. У обладателей интеллектуальных прав существуют общие средства, чтобы ее устранять, разумеется, при поддержке публичных властей. Что касается литературных и художественных произведений, технические механизмы их защиты и идентификации должны ощутимо ограничить их подделку. Надо также воздействовать на провайдеров (в частности, мерами гражданской и уголовной ответственности), побуждая их блокировать доступ к контрафактной продукции или информации такого содержания, когда она "схвачена" и преследуется законными владельцами. Наконец, последовательное развитие юридических процедур в этой области позволит дополнять защиту обладателей прав новыми нормами.

Вторая проблема - это многочисленные сложности в определении применяемого закона и подсудности спора в случае нарушения права интеллектуальной собственности (в частности, в случае подделки). Предлагается придерживаться такого решения этого

вопроса, на которое в настоящее время ориентируется международная юридическая практика, - в зависимости от доли ущерба применяется законодательство наиболее пострадавшей стороны (т.е. право той страны, которой нанесен больший ущерб). Вместе с тем, чтобы избежать увеличения количества судебных процессов, надо дать право пострадавшему самому выбрать суд, т.е. возможность обращаться в любой компетентный суд для возмещения полноты ущерба. На наш взгляд, в этом вопросе был бы компетентен суд той страны, которая наиболее затронута ущербом (как правило, это суд по местопребыванию потерпевшего). В процессе разбирательства дела в расчет должны приниматься законы и размер ущерба и других стран.

Третья проблема - необходимость изменения действующего законодательства об авторском праве, особенно в отношении копирования.

Дело в том, что кража осязаемого отличается от кражи неосязаемого. Разница состоит в том, что когда вы снимаете (покупаете) книгу с полки или с прилавка в магазине, у продавца остается на одну книгу меньше; напротив, если вы загружаете из компьютерной сети музыкальный файл, в продаже не становится на один CD-диск меньше <1>.

<1> См. об этом подробнее: Lessing L. Op. cit. P. 85.

Существует легальный принцип, по которому режим защиты информации устанавливается путем проставления автором пометки о запрете на сайте. Копирование признается разрешенным, если авторы получили вознаграждение за копирование своего произведения (уникальной информации, разработки), а также в случае, когда такая оплата была распространена на все носители сведений. Аналогичный механизм мог бы быть предусмотрен относительно "технических копий", сделанных провайдерами на их информационных серверах.

Показательным примером является инициатива британских провайдеров. В 2008 г. интернет-провайдеры ВТ, "Virgin", "Orange", "Tiscali", "BSkyB" и "Carphone Warehouse" подписали специальный меморандум о взаимодействии, разработанный британским Министерством бизнеса и предпринимательства. Документ предусматривает введение ограничительных мер на пользование Интернетом для тех клиентов, которые были уличены в нелегальном размещении и скачивании музыкальных произведений. Среди предложенных Правительством способов борьбы с музыкальным пиратством ограничение скорости Интернета для нарушителей и другие технические меры воздействия, а также создание легальной системы обмена файлами.

Наконец, несколько слов о работе на удаленном доступе (телеработе) и авторском гонораре наемных работников. Это четвертая проблема. Увеличение числа продуктов, произведенных наемными работниками, выдвигает на первый план большое число юридических проблем для трудового и гражданского права, учитывая рост мультимедийных произведений в Интернете. Кроме соответствующего изменения законодательства (в первую очередь Трудового кодекса РФ) необходимо будет также подумать над самими понятиями "автор" и "соавтор" в электронной среде (в частности, в отношении наемных работников) <1>.

<1> В трудовом законодательстве вполне можно пойти по пути последовательной адаптации гл. 49 "Особенности регулирования труда надомников" ТК РФ, дополнив ст. 310 - 312 необходимыми изменениями. В частности, надомниками можно было бы считать лиц, заключивших трудовой договор о выполнении работы на удаленном доступе через Интернет из материалов и с использованием оборудования, выделяемых работодателем либо приобретаемых надомником за свой счет.

В целом все размышления по вопросу защиты интеллектуальной собственности должны стремиться найти точку равновесия между законными стремлениями (запросами)

авторов, права которых должны быть обеспечены и в среде сетей, и экономическими интересами корпораций.

Борьба с незаконным содержанием информации и противоправным поведением в Сети. Борьба с "отклонениями" в виртуальном пространстве необходима, чтобы оно стало цивилизованным, правовым, открытым и дружественным. Для этого необходимо заботиться о соблюдении норм интернет-права, о наблюдении и последующем контроле стороны судебной власти за развитием механизмов саморегулирования участниками, которые призваны обеспечивать определенную непосредственно самодисциплину в цифровых сетях.

Для начала, на наш взгляд, следует определить применяемый закон и подсудность (компетентность) интернет-спора. Например, в уголовном деле правила более или менее ясны и позволяют в большей части случаев применять национальный закон; по гражданским делам в настоящее время следует придерживаться существующих норм международного частного права, даже если будет существовать опасность повсеместных конфликтов, вследствие чего возникнут затруднения в применении судебных решений.

Наконец, действия судебных и следственных органов должны быть обеспечены возможностью эффективного применения норм интернет-права. С этой целью необходимо усилить деятельность по идентификации субъектов (участников) Сети, что предполагает введение минимальной информации на сайте и обязанность провайдеров сохранять данные соединения и коммуникации участников в целях идентификации абонентов, поскольку это отвечает потребностям вышеуказанных органов власти.

В частности, проект модельного закона "Об Интернете" для стран СНГ устанавливает, что государство принимает законодательные и иные меры в целях противодействия использованию Интернета в преступных целях. Для предупреждения противоправных деяний государство устанавливает обязанность операторов услуг Интернета хранить информацию о пользователях и об оказанных им услугах не менее шести месяцев и предоставлять данные сведения по запросу судебных и (или) правоохранительных органов (ст. 13).

Кроме того, Федеральный закон "О связи" предусматривает, что предприятия и операторы связи независимо от ведомственной принадлежности и форм собственности, действующие на территории России, при разработке, создании и эксплуатации сетей обязаны оказывать содействие и предоставлять органам, осуществляющим оперативнорозыскную деятельность, возможность проведения оперативно-розыскных мероприятий на сетях связи, принимать меры к недопущению раскрытия организационных и тактических приемов проведения указанных мероприятий. Операторы связи должны органам, осуществляющим оперативно-розыскную информацию о пользователях услугами связи и об оказанных им услугах связи, а также иную информацию, необходимую для выполнения возложенных на эти органы задач. В случае использования средств связи в преступных целях уполномоченные на то государственные органы в соответствии с законодательством России имеют право приостановить деятельность любых сетей и средств связи независимо от ведомственной принадлежности и форм собственности. Приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам осуществляется операторами связи на основании мотивированного решения в письменной форме одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации (ст. 64 Закона).

Федеральный закон от 6 марта 2006 г. "О противодействии терроризму" <1> допускает в случае введения на какой-либо территории РФ правового режима контртеррористической операции ведение контроля телефонных переговоров и иной информации, передаваемой по каналам телекоммуникационных систем, а также осуществление поиска на каналах электрической связи, в почтовых отправлениях для выявления информации об обстоятельствах совершения террористического акта, о лицах,

его подготовивших, совершивших, и в целях предупреждения совершения других террористических актов (ст. 11). В данном случае возможно приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи.

<1> C3 РФ. 2006. N 11. Ст. 1146.

Кроме того, в обычных ситуациях судья должен обладать правомочием запрещать доступ или размещение сайта, который служит местом для наиболее серьезных правонарушений. На наш взгляд, не следует отдельно специализировать судей или суды в области рассмотрения дел, касающихся Интернета. Вместе с тем необходимо будет предпринять существенные усилия для их обучения пользованию нужными техническими средствами, с тем чтобы позволить судам эффективно рассматривать интернет-споры. В этом смысле создание компетентной межведомственной комиссии, призванной заниматься проблемами преступности в области высоких технологий, было бы весьма полезно.

В международном плане представляется важным усилить информационные обмены в рамках Интерпола и Европола. Судебное сотрудничество (кооперация) должно быть облегчено, и специфические формы сотрудничества по проблемам сетей, вероятно, должны развиваться и в этом направлении. В настоящее время прямая передача судебных поручений от судьи к судье (между судьями) должна быть отрегулирована как в самой России, так и внутри СНГ и российско-белорусского союза. Важны международные переговоры в этой сфере, но они почти не ведутся из-за того, что у названных государств имеются значительные колебания во взглядах, так как многие из них отождествляют внедрение у себя Интернета с отходом от своего суверенитета. Вместе с тем необходима политическая воля, чтобы продвигать такое сотрудничество вперед.

Наконец, Россия должна развивать собственный опыт по саморегулированию Сети. И определенные шаги в этом направлении уже сделаны. Так, ст. 15 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" устанавливает, что регулирование использования информационно-телекоммуникационных сетей, доступ к которым не ограничен определенным кругом лиц, осуществляется в России с учетом общепринятой международной практики деятельности саморегулируемых организаций в этой области. Таким образом, Россия признает существенную роль механизмов саморегулирования в интернет-сфере. Однако саморегуляция не заменит общей концепции позитивного права и интернет-права и должна сочетаться с правовым регулированием.

Адаптация правового регулирования электронных сообщений и онлайн-услуг к смежным явлениям информатики, аудиовизуального распространения и средствам телекоммуникаций. Интернет часто представляется как прототип нового явления продукт конвергенции (слияния) между способами распространения информации. Существующие до сих пор разделение и специализация информационных сетей на сети аудиовизуального распространения и телекоммуникационные сети постепенно теряют свой смысл. Интернет в действительности не является, собственно говоря, ни сетью, ни службой. Он доступен для всех сетей и предлагает доступ ко многим службам; обладает транснациональным содержанием большой разновидности.

До недавнего времени каждый тип сети был исключительно или главным образом посвящен какой-либо услуге (например, кабель в услугах аудиовизуального распространения, телефонная сеть в голосовой телефонии и т.д.). Отныне под воздействием феномена технологической конвергенции (Интернета) сети не посвящены больше отдельным услугам и позволяют распространять любые виды информации и услуг (аудиовизуальные программы, голосовую телефонию, интерактивные коммуникации, коммерческие услуги и т.д.), а традиционное различие между регулированием услуг и

сетей аудиовизуального распространения, с одной стороны, и регулированием услуг и сетей телекоммуникаций - с другой, теряет свою актуальность.

Сегодня довольно трудно проводить различие между "реальными" актами сообщения (связи), осуществляемого средствами массовой информации через газеты, журналы, телевидение, и сообщениями через Интернет. Вместе с тем стоит отметить, что предназначение веб-сайтов может быть иное. Речь в данном случае идет о коммерческой связи (магазины онлайн, сайты-проспекты, сайты клиентуры, распространение индивидом своей биографии и т.п.).

Новое разграничение должно быть проведено между двумя типами регулирования - регулированием информационно-телекоммуникационных сетей и регулированием содержания их услуг, сервиса.

Информационно-телекоммуникационные сети, которые представляют собой простые инфраструктуры доставки (транспорта), должны, на наш взгляд, подвергаться иной юридической регламентации, независимо от распространяемого (передаваемого) содержания, т.е. для телекоммуникационных сетей обязательно иное регулирование. Правовой режим содержания сервиса должен также изменяться. Он должен зависеть не от режима сетей, а только от предмета или цели службы.

По отношению к уже существующим услугам (службам) должно осуществляться применение норм различного отраслевого законодательства, их касающегося, в которое должны быть также внесены изменения. Следует позаботиться о том, чтобы услуги (службы) были подвергнуты эквивалентному нормативно-правовому регулированию и соответственно ограничениям, для того чтобы избежать любых нарушений правил конкуренции между ними.

К тому же в интернет-праве должно быть соблюдено существенное различие между "публичным сообщением" и "частной корреспонденцией", установленное как российским, так и европейским законодательством. Это положение не ставит под сомнение появление "смешанного сервиса", например услуг дистанционной продажи товаров, которые характеризуются одновременно как "публичное сообщение" (реклама и онлайн-каталог) и "частная корреспонденция" (принятие заказа). В этом случае, конечно, закономерным окажется объективное сосуществование двух правовых режимов. Будет тем не менее более точным, если в нашем законодательстве такие понятия, как "информация ограниченного доступа", "персональные данные" или "информация о гражданах", в необходимых случаях заменить категорией "частная информация", существующей во многих правовых системах мира. Было бы также целесообразно с учетом положений Федерального закона "О персональных данных" принять в скором времени закон "О приватности (защите частной информации граждан)" <1>.

<1> Подобное предложение неоднократно высказывалось автором в средствах массовой информации. См., например: http://www.svobodanews.ru/Transcript/2006/08/22/20060822140037433.html.

В данном законе необходимо закрепить четкие критерии, согласно которым выделить определенную информацию, доступ к которой будет невозможен без согласия самого лица ни при каких условиях. Например, это касается информации о здоровье, личной жизни, семейной тайне, так называемой генетической информации. В этом законе можно было бы определить четкие критерии возможного вмешательства в жизнь политиков, общественных деятелей, артистов. На сегодняшний день у нас нет здесь ясности и четкой позиции российского законодателя, а ссылки по этому вопросу на решения Европейского суда по правам человека выглядят не всегда убедительными. Разумеется, проблема разграничения приватной информации и официальных сообщений это не только проблема Интернета <1>. Но здесь этот вопрос обретает особое значение. Так как интернет-пространство - это публичная среда, нужны действенные механизмы

защиты именно приватной информации, частной жизни в Сети. Кроме того, следует найти важное решение между желанием лица оставаться анонимным в этом пространстве и его необходимой идентификацией в случае ведения субъектом предпринимательской деятельности с использованием Интернета или совершения им преступления.

<1> В Законе РФ от 27 декабря 1991 г. "О средствах массовой информации" встречаются словосочетания "официальные сообщения" и "официальные выступления". Подобные "сообщения" и "выступления" вытекают из деятельности органов законодательной, исполнительной и судебной власти и принадлежат обычно должностным лицам. Под официальной (публичной) информацией в интернет-праве следует понимать публичные сообщения, предоставляемые органами законодательной, исполнительной и судебной власти, а также должностными лицами в информационно-коммуникационной сети Интернет, а также в иных сетях.

Для решения этих и многих других задач предлагаем следующие меры.

1. Предпочтение самоконтроля контролю априори. По своей структуре единой сети и способу настоящего функционирования Интернет с трудом впишется в схему управляемого предварительного контроля - контроля типа априори. Это наше утверждение, высказанное в начале 2003 г. <1>, нашло вскоре закрепление в Декларации о свободе обмена информацией в Интернете от 28 мая 2003 г. В развитие этой мысли следует особо подчеркнуть, что никакой единый орган государственной власти не сможет управлять такими потоками информации, какие циркулируют в этой среде; каждый участник Сети может в любое время по своей собственной инициативе быть отправителем и получателем информации, автором (соавтором и потребителем); информационные потоки не знают границ. Считаем вредным в таких условиях принудительное императивное регулирование Интернета, регламентацию обязанностей и содержания информации, установленных, как известно, по отношению к телевидению.

<1> См.: Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М., 2003. С.

См.: Рассолов И.М. Право и Интернет. Георетические проолемы. М., 2003. С.
 140 - 149.

В связи с этим необходимо, с одной стороны, установить эффективный последующий контроль в Интернете, а также способствовать быстрой процедуре правосудия. С этой целью органы суда и следствия должны иметь постоянный доступ к информации, циркулирующей в Сети, а также должна быть создана новая процедура разбирательства по отношению к виновным лицам, действующим в интернет-среде. Кроме того, следует усилить специальные органы расследования и подразделения (в системе МВД, прокуратуры и ФСБ), специализирующиеся на том или ином виде правонарушения в сфере высоких технологий (например, педофилии).

С другой стороны, надо содействовать самоконтролю участников за своим поведением в Сети посредством "родительского фильтрования", кодирования, а также путем выработки кодексов профессиональной этики, фиксирующих правила поведения, принятых самими пользователями Интернета. Такие Кодексы уже введены в действие поставщиками интернет-услуг (провайдерами) в Великобритании, Франции, Бельгии, Австралии, Японии, Новой Зеландии, Мальте; аналогичные должны быть разработаны в России и иметь распространение на всех электронных издателей, а также в сфере электронной торговли (коммерции). Они могут быть предложены всем пользователям электронной Сети. В основу российского Кодекса профессиональной этики в Интернете могут быть положены положения проекта Этического кодекса для информационного общества, разрабатываемого ЮНЕСКО с 2006 г. <1>. Надо, наконец, чтобы последующие контракты между поставщиком доступа и абонентом и между издателем и сервером благоприятствовали принятию типовых условий, гарантирующих защиту прав индивида и потребителя.

<1> Cm.: http://www.ifap.ru/ofdocs/unesco/etcodex.pdf.

2. Уточнение юридической ответственности участников. Нужно принять за основу два следующих положения: во-первых, ответственность несет автор информации, помещенной в Сети, так как он обязан нести ответственность за ее содержание; следует обязать его отождествлять себя; во-вторых, провайдеры должны нести ответственность только за то, что они способны контролировать и освобождаться от уголовной ответственности, если их вмешательство в Сеть является чисто техническим.

Итак, исходя из норм европейского права и интернет-права, необходимо сделать выбор между системой специальной юридической ответственности, принятой для печати (на примере Франции), и системой общей (неспециальной) юридической ответственности. В ходе проведенного анализа оказалось, что эта альтернатива более политического, нежели технического порядка. Учитывая, в частности, риск неограниченной деятельности в Сети в случае презумпции ответственности сервера, даже заочно (за неимением выбора), мы рекомендуем принятие системы общей юридической ответственности (на примере России) как более простой и лучше приспособленной к эмпирическим и постепенным шагам, которые требует интернет-право.

3. Дальнейшее развитие международно-правового сотрудничества. Это очень важный аспект для будущего развития как Интернета, так и каждого государства, поскольку новое информационное пространство выходит за национальные границы И порой ставит государственные под сомнение территориальные юрисдикционные основы государств в вопросах применения права. Поэтому вопрос о границах действия права в пространстве становится особенно актуальным щепетильным.

Судебное сотрудничество могло бы привести к внедрению некоторых документов Совета Европы, принятых в отношении уголовных процедур, связанных с технологией информации. Речь идет, в частности, о Рекомендациях N R (89) 9 от 13 сентября 1989 г. о преступлениях, связанных с компьютером <1>, а также N R (95) 11 от 11 сентября 1995 г. относительно отбора, обработки, представления и архивации судебных решений в правовых информационно-поисковых системах <2> и N R (95) 12 от 11 сентября 1995 г. относительно управления системой уголовного правосудия <3>. Было бы также важно подписание специальных договоров о выдаче преступников с иностранными государствами, в частности с США, где установлена большая часть серверов, а также разработать здесь механизм обмена информацией по примеру Интерпола.

<1>

https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec(89)9&Language=lanEnglish&Ver=original&Site=C M&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75.

- <2> Cm.: http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=131.
- <3> Cm.: http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=128.

Если мы желаем расширять сотрудничество, Совет Европы и Европейский союз являются для нас наиболее перспективными международными партнерами для достижения гармонизации в исследуемой сфере. Необходим целый пакет международных соглашений в этой области, фиксирующих определенные правила поведения в Интернете. Такая правовая работа уже осуществляется в рамках ЕЭС при участии Совета Европы, Международного союза телекоммуникаций, ВОИС, ВТО, Организации экономического сотрудничества и развития. Россия и другие государства СНГ должны принять активное участие в этой работе, чтобы внедрить общие принципы регулирования для этой сферы (ст. 69, 70 Федерального закона "О связи").

Следует, наконец, развивать международное сотрудничество (кооперацию) через те же инстанции Интернета (в частности, "Internet Research Task Force", "The Internet

Corporation for Assigned Names and Numbers" (ICANN)) <1>, чтобы выработать общую для всех описательную лексику веб-сервиса, облегчающую доступ пользователя к Сети, а также разработать положения о соблюдении прав на торговые марки и постоянном адресе для каждого пользователя в Мировой сети.

- <1> "Internet Corporation for Assigned Names and Numbers" (ICANN) это некоммерческая организация в форме корпорации, которая занимается присвоением имен и адресов в Интернете, разработкой параметров протоколов, управлением системами доменных имен. См. подробнее: http://www.icann.org.
- 4. Содействие различным формам коммуникации, просвещения и мобилизации участников. Необходимы специальные информационные программы и кампании обучения. На наш взгляд, Правительством РФ должен быть издан справочник (записная книжка) прав и обязанностей в Интернете. Что касается Министерства образования и науки РФ, оно обязано более оперативно утверждать различные программы обучения работе в сетях (например, программу "Чистый Интернет"). Органы местного самоуправления должны открыть "бесплатные пространства" для свободного доступа всех людей к Интернету, давать доступы к информации в сетях всем публичным органам государственной власти и общественным организациям, тем более что Соглашение стран СНГ о сотрудничестве в области распространения знаний и образования взрослых от 17 января 1997 г. <1> прямо указывает на то, что государства будут содействовать созданию и расширению на своей территории сети организаций-провайдеров, дающих возможность доступа населению и учреждениям стран к глобальным информационным сетям (ст. 7).

<1> Российская газета. Экономический союз. 1997. 1 февр.

5. Содействие развитию национального сегмента в Интернете. Конституция РФ (ст. 26) прямо закрепляет право каждого лица на пользование родным языком, так же как и на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества. Не секрет, что Интернет является сегодня англоязычной сетью и большинство обменов происходят на английском языке. Естественно, что он построен по американским стандартам, которые не всегда соответствуют российским или европейским нормам. Франция решила эту проблему следующим образом. На основе собственной промышленности она создала национальную информационную систему "Минитель", установила оптимальные цены и успешно развивает свой сервис.

Необходимо, чтобы и отечественная промышленность мобилизовала свои ресурсы. Для этого следует последовательно добиваться права на регистрацию доменных имен с использованием кириллицы. Появление в Интернете доменов на национальном языке будет способствовать повышению значимости русской языковой культуры в мире. Первый домен с использованием кириллицы в России может быть зарегистрирован уже в 2009 г. Как нам представляется, дальнейшее развитие многоязычных доменов может происходить в направлении включения поддержки и других языков народов Российской Федерации.

Этой задаче отвечают положения Федерального закона "О связи", в частности ст. 48 "Использование языков и алфавитов при оказании услуг связи". Она определяет, что в пределах Российской Федерации служебное делопроизводство в сетях электрической и почтовой связи осуществляется на русском языке как на государственном языке России. Взаимоотношения операторов связи с пользователями на нашей территории также осуществляются на русском языке. Текст сообщения должен быть написан буквами алфавита русского языка или буквами латинского алфавита. Международные сообщения, передаваемые по сетям электросвязи и сетям почтовой связи, обрабатываются на языках, определяемых международными договорами Российской Федерации.

Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" устанавливает принцип равноправия языков народов Российской Федерации при создании информационных систем и их эксплуатации (ст. 3, 12).

Увеличение русскоязычного сегмента в Интернете будет, безусловно, способствовать развитию русской национальной культуры, а также поддержке наших соотечественников, проживающих за пределами Родины.

§ 7. Право виртуального пространства: понятие, основные черты и формы проявления

Исследование показало, что понятие "право виртуального пространства" в российской юридической литературе серьезно не рассматривалось, и поэтому трудно сразу дать определение этому совершенно новому понятию, подробно изучить его признаки и содержание в рамках интернет-права в частности и в теории права в целом. Однако сделать это крайне необходимо, поскольку этим термином уже пользуются специалисты за рубежом, и мы широко им оперировали в настоящей работе в ходе анализа теоретических проблем современной концепции интернет-права.

Думается, что поскольку в данном понятии на первый план поставлено слово "право", а за ним уже следует слово "виртуальное", то прежде всего необходимо разобраться с этими ключевыми элементами именно в такой последовательности.

Известно, что понятие "право" имеет множество определений, но основными все же являются три: обыденное, профессиональное и доктринальное (научное). В первом случае определение права дается в субъективном смысле - как мера возможного поведения субъекта, обеспеченная законом; как то, чем он по своей воле свободно пользуется под защитой государства (право на труд, информацию, свободу слова и т.д.). Во втором случае право представляется как совокупность правил поведения человека (в объективном смысле), которые вырабатываются компетентными органами, оформляются государством и поддерживается им для регулирования конкретных вопросов, дел. В третьем случае право - это совокупность нормативов (норм) равенства и справедливости, признаваемых в государстве и обеспеченных его защитой и регулирующих борьбу и согласование свободных воль и их взаимоотношение <1>.

<1>См.: Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. С. 29.

Понятию "виртуальный" ученые и практики тоже дают разные определения. Вначале этот популярный ныне термин появился для того, чтобы описать не реальный мир, в котором мы живем, а "новый цифровой мир", созданный на экране и за экраном. Он возникал в результате взаимодействия между живой и неживой природой, посредством информационного (энергетического) обмена. Предполагалось перенести восприятие окружающей среды, которое мы имеем, в виртуальную сферу, противопоставляя ее реальному, физическому миру. Виртуальное киберпространство рассматривалось как "другая" реальность, где чувствительные стимуляции (понятие "возбуждение", "побуждение") были связаны с компьютерами, сетями <1>. Киберпространство трактовалось как виртуальное пространство, созданное компьютерной системой, как обозначение всего диапазона информационных ресурсов, доступных через компьютерные сети <2>. Таким образом это понятие вошло в наше повседневное обращение.

<1> Термин "киберпространство" впервые был введен в современный язык американским писателем У. Гибсоном. В 1984 г. на страницах романа "Нейромант" этим понятием писатель обозначил мир компьютеров и общество, которое образуется вокруг них. Поэтому киберпространство характеризует все то, что в нашей жизни связано с цифровыми технологиями, и в первую очередь с Интернетом. Этот виртуальный мир существует вне географического пространства, а термин "киберпространство" позволяет

специалистам рассуждать об этом пространстве как если бы он был некоей пространственной территорией (см.: Gibson W. Neuromancer. N.Y., 1984. P. 51).

<2> Cm.: Post D.G. Anarchy, State, and the Internet: An Essay on Law-Making in Cyberspace // Journal of Online Law. 1995. No. 1. Art. 3; http://www.temple.edu/lawschool/dpost/Anarchy.pdf.

Если проследить историю развития этого понятия, то нужно начать с латинского языка, где слово virtualis означает "возможный" <1>. В русский язык оно пришло из английского, в котором имеет следующие значения: virtual - фактический, действительный <2>. Словари в основном дают несколько значений прилагательному "виртуальный": 1) такой, который может или должен проявиться, возникнуть и т.п. при определенных условиях <3>; 2) потенциальный, возможный, условный, кажущийся <4>.

<1> См. подробнее: Трофимова Г.Н. Как обозначить принадлежность к Интернету // Мир русского слова. 2001. N 4. C. 73 - 75.

<2> См., например: Аракин В.Д., Выгодская З.С., Ильина Н.Н. Англо-русский словарь. М., 1990. С. 568.

<3> См., например: Словарь иностранных слов. М., 1987. С. 103; Краткий словарь современных понятий и терминов / Сост. и общ. ред. В.А. Макаренко. М., 1995. С. 69; Словарь иностранных слов и выражений / Сост. Е.С. Зенович. М., 1997. С. 100.

<4> См.: Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. 4-е изд. М., 2002. С. 150; Толковый словарь иностранных слов в русском языке / Сост. Т.Н. Носик, В.А. Суханова. Смоленск, 2001. С. 75.

Новый англо-русский словарь добавляет еще одно значение данного понятия: "мнимый" (с пометой "оптика"). Выражение virtual image переводится как "мнимое изображение", иными словами, оптический обман или обман зрения <1>.

<1> См.: Новый англо-русский словарь / Сост. В.К. Мюллер и др. 3-е изд. М., 1996. С. 810.

Русский толковый словарь В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной предлагает современное и новое понимание и слова "виртуальный", и выражения "виртуальная действительность". "Виртуальный" толкуется в словаре как "не воплощенный физически, имитирующий реальную обстановку с помощью компьютерных устройств или умозрительно. Например, виртуальная реальность" <1>. Словосочетание "виртуальная реальность" в последнее время трактуется как "мнимая реальность, иллюзия, имитирующая с помощью компьютерных устройств (с использованием звука, зрительных образов, тактильных ощущений и т.п.) реальную обстановку в учебных или иных целях" <2>. Или как "совокупность программно-аппаратных средств для создания ощущения присутствия в мире компьютерных игр, сетей, систем" <3>. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой трактует данное словосочетание в значении "воображаемое" <4>.

<1> Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Русский толковый словарь. М., 2005. С. 71.

<2> Толковый словарь иностранных слов в русском языке / Сост. Т.Н. Носик, В.А. Суханова. С. 75.

<3> Словарь иностранных слов и выражений / Сост. Е.С. Зенович. С. 100.

<4> См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 1999. С. 84.

Р.В. Шагиева в монографии "Концепция правовой деятельности в современном обществе" утверждает, что "информационное общество характеризуется

сосуществованием двух миров - привычного нам физического мира... и виртуального мира, созданного человеком и существующего в искусственной компьютерной среде" <1>. Виртуальный мир, или виртуальная реальность, по ее мнению, является частичным отображением физического мира в памяти программных средств и компьютеров. Эти два мира не просто сосуществуют, а взаимодействуют и влияют друг на друга. Виртуальное пространство (виртуальный мир) она определяет как "совокупное отображение объектов, явлений, процессов и связей физического мира в памяти компьютеров информационно-коммуникационных систем" <2>.

. -----

<1> Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань, 2005. С. 266.

<2> Там же.

Анализируя категорию "виртуальное пространство" и естественнонаучную сущность глобальной сети, В.А. Копылов сделал вывод о том, что "Интернет представляет собой новую среду обитания человечества, новую среду деятельности личности, общества, государства. Эту среду нередко называют виртуальной средой, имея в виду тот факт, что информация - основной объект, циркулирующий в ней, - физически, "на ощупь", не ощутима" <1>. В.А. Копылов считал, что в данной электронной (цифровой) среде меняются физические свойства носителя информации, на котором размещаются данные и, как следствие, возникают новые свойства информации. Он утверждал: "При передаче информации по каналам связи, отображении ее на экране компьютера нет твердого носителя, на котором она зафиксирована, а есть виртуальный" <2>.

<1> Копылов В.А. Интернет и право. С. 10.

На самом деле такая позиция не совсем корректна, так как носитель информации как таковой присутствует почти всегда (двуединство информации и носителя), но на тот период времени, когда были написаны эти строки, данная точка зрения выглядела убедительно.

Следует отметить, что в интернет-среде информация представляется в виде битовой строки, т.е. набора нулей и единиц. Понимание этой информации (ее интерпретация) относится к сфере человеческой деятельности. В самой виртуальной (цифровой, электронной) среде "понимание" такой информации отсутствует. В данной среде могут быть заданы только формальные правила обработки данных. Причем задает их сам человек.

Данные состоят из упорядоченной последовательности блоков или элементов. Для каждого элемента должен быть задан его собственный тип, позволяющий понимать всю совокупность информационного массива. Алгоритм предписывается человеком в стандартах, спецификациях и других технических документах. Один и тот же элемент данных может интерпретироваться различными способами, т.е. ему может быть предписано несколько разных типов. Воспроизведение данных в виде битовой строки неудобно для восприятия человеком. Поэтому обычно информация воспроизводится в другом, более удобном для восприятия виде. Это может быть число, буква, текст, изображение, аудиозапись и т.д. Так, текст является привычным для человека представлением информации в аналоговой среде. Интерпретация этого представления основывается на знаниях читателя. Чтобы прочитать текст, нужно как минимум знать язык, на котором он написан. Для понимания текста нужно иметь знания в той предметной области, к которой он относится. Однако текст в привычном нам виде мало пригоден для автоматизированной обработки компьютерными программами. Для того чтобы компьютер его мог соответствующим образом обрабатывать, он должен содержать

<2> Там же. С. 11.

специальные, невидимые человеку при "обычном" воспроизведении знаки, которые называются разметкой.

Итак, типы данных, определенные в различных стандартах (цифра, буква, знак, число, изображение, аудиоданные, видеоданные, аудиовизуальные данные), являются предписанием для интерпретации одного и того же базового представления информации в виртуальном (цифровом) пространстве в виде битовой строки <1>. Подобным способом мы получаем цифровую информацию на экране монитора.

<1> См. подробнее об этом: ГОСТ Р 52292-2004 "Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения", утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 29 декабря 2004 г. N 135-ст. М., 2005.

Говоря о свойствах информации (материальность, системность, неисчерпаемость, обособляемость), И.Л. Бачило и В.Н. Лопатин справедливо выделяют такое важное ее качество, как виртуальность <1>. Виртуальность, по мнению авторов, означает информации приобретать которая возможность форму, не всегда поддается непосредственному восприятию, но из которой она все же может быть возвращена или преобразована в форму, удобную для восприятия пользователем (мысль человека до тех пор, пока она не зафиксирована в документе; информация в системах коммуникации, Интернете и т.д.) <2>. И.Л. Бачило и В.Н. Лопатин считают, что наиболее сложным является вопрос о состоянии информации в Сети в момент ее обращения в пространстве. Если между пользователями Интернета происходит обмен документами в виде файлов, то в момент "передачи по Сети этот документ приобретает форму нематериального (виртуального) состояния информации в цифровой или иной форме, что можно интерпретировать как особое материальное состояние информации" <3>.

<1> "Виртуальность" в вычислительной технике определяется: 1) как свойство виртуального (Крысин Л.П. Указ. соч. С. 150); 2) как "прием, используемый программистом для построения условной ЭВМ (на реально существующей ЭВМ) с характеристиками, удобными для пользователя" (Краткий словарь современных понятий и терминов / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др. С. 69).

<2> См.: Бачило И.Л., Лопатин В.Н. Информация и информационные ресурсы как объект права. Информационное право / Под ред. Б.Н. Топорнина. 2-е изд. С. 79 - 92.

<3> Там же. С. 84.

М.А. Федотов, анализируя действие норм авторского и информационного права в электронной среде, отмечает тот факт, что еще не обретя общепризнанного определения, киберпространство уже до краев переполнено правовыми отношениями практически из всех отраслей права. Киберпространство как новая сфера обитания, творчества и разума, по его мнению, базируется на трех основаниях: 1) цифровой технологии, позволяющей переводить любую информацию на язык бинарного кода и таким образом уравнивающей фонограмму и телепередачу, кинофильм и фотографию, графику и текст и т.д.; 2) высокоскоростных линиях связи, позволяющих одновременно передавать миллионы сообщений в разные пункты назначения; 3) компьютерной технике <1>.

<1> См.: Федотов М.А. Киберпространство как сфера обитания права // Бюллетень по авторскому праву. 1999. Т. XXXII. N 1. C. 21 - 30; http://www.unescochair.ru/?rand=393936&lang=rus&chapter=3&perpage=10.

Таким образом, категория "виртуальное пространство" обозначает довольно сложное явление, созданное Мировой компьютерной сетью, которая передает электронные сообщения, доставляемые и направляемые путем инфраструктур телекоммуникаций <1>.

Многочисленные взаимозаменяемые термины указывают на сложность и многогранность самого понятия, обозначаемого как "Всемирная паутина", "Сеть", "ткань", "мировая инфраструктура информации", "информационная магистраль", "суперавтострады информации". Все они родились в результате конвергенции и взаимопроникновения информатики и телекоммуникаций. В таких условиях появилась Сеть, или инфраструктура связи, называемая "Интернет".

<1> Cm.: Higgins J. Net Profit - How to Use the Internet to Improve Your Business. Nouvelle-Zelande. Auckland, 1997. P. 21.

Основываясь на приведенных выше определениях "право" и "виртуальное пространство", право виртуального пространства можно определить как совокупность признаваемых в обществе (либо в обществах) правил и норм справедливости и равенства, которыми свободно распоряжается любое лицо (субъект) под защитой юрисдикционных органов (например, государственных) в созданном Мировой компьютерной сетью пространстве без чьего-либо вмешательства. Причем это пространство не принадлежит какому-то одному лицу или государству, в нем предполагается нравственное поведение субъектов, где возможны столкновения воль субъектов, их борьба и взаимоотношения друг с другом в целях решения возникших задач. На сегодняшний день это виртуальное пространство не может существовать без Интернета. Порой эти два понятия даже соединяются, хотя Интернет рассматривается как глобальная автоматизированная информационная система и доказывается, что с помощью Интернета активно формируется мировое виртуальное (информационное) пространство <1>. В чем же тогда состоит особенность Интернета в связи с понятием виртуального пространства, каковы черты этого пространства и как оно влияет на концепцию образования права?

<1> См.: Булатецкий Ю.Е. Указ. соч. С. 880.

Подытоживая сказанное выше, можно заключить, что для теории права и информационного права Интернет - это Мировая сеть, состоящая из многочисленных отдельных сетей. Эта Сеть (Интернет) включает в себя многочисленные составляющие (в частности, региональные компьютерные сети, узлы и разбросанные по всему миру вебсерверы, а также посредников - операторов, лиц, оказывающих услуги). Интернет состоит из совокупности связей, узлов и сетей, которые его формируют. Сведения циркулируют в Интернете благодаря "сотням тысяч коммутируемых компьютеров и телефонных сетей" <1>.

<1> Post D.G. Anarchy, State, and the Internet: An Essay on Law-Making in Cyberspace // http://www.temple.edu/lawschool/dpost/Anarchy.pdf.

На практике Интернет - это работающая инфраструктура информации. В ней определенное число посредников обеспечивают услуги отправления, доставки, направления (маршрутизации) и получения информации в собственных целях. Это прежде всего лица, предоставляющие услуги в Интернете: контент-провайдеры, разработчики сетей, специалисты. Сетевые протоколы, установленные операторами, и протоколы, применимые к операциям между сетями, играют ключевую роль в регулировании электронной среды.

Визуальная презентация информации в Интернете обеспечивается при помощи вебстраниц, включаемых в информационные узлы, или веб-сайты. Субъекты обращаются к Всемирной паутине при помощи доменных имен и адресов сайтов, используя поисковые системы.

Когда коммуникация установлена между двумя пунктами, отправляемое цифровое сообщение, прежде чем быть посланным по Сети, разделяется или разбивается на пакеты

информации. Сама информация не отправляется в виде непрерывного потока данных. Каждый пакет транспортируется автономным способом под адресом назначения в формате ІР. В каждом узле устройство, которое перенаправляет информацию, читает назначение информации и передает ее далее по линиям связи, приближающим ее к пункту назначения.

Устройство, передающее информацию, ссылается на специальные таблицы направлений, которые устанавливаются и обновляются регулярно, изо дня в день. Оно регулярно запрашивает состояние Сети и связей. Поэтому два пакета данных могут быть отправлены двумя различными маршрутами к получателю согласно изменениям состояния движения системы и ее связей (разрыв, прекращение или насыщение связи и т.д.). Сообщение будет реконструировано у получателя, заново собрано из полученных пакетов информации.

Кроме того, если отправитель и получатель заранее знают точку отправления и точку назначения сообщения (и, возможно, первую точку доступа к Сети), то они, скорее всего, не имеют представления о проделанной этим сообщением дороге, так как пакеты данных в памяти не сохраняются. Конечно, существует программное обеспечение, позволяющее узнать путь между последующими пакетами, но это требует его дополнительной установки и специального права на использование. Информация может "огибать" стороны или части Сети, переполненные или непригодные для пользования. В этом и состоит особенность Интернета в связи с исследованием права виртуального пространства и его отличие как явления, скажем, от реальных (допустим, телефонных) коммуникаций.

Изучение показало, что к чертам виртуального пространства, определяющим концепцию формирования и развития Интернета, относятся следующие <1>.

<1> Эти черты во многом схожи с признаками самого виртуального пространства, ибо право и виртуальное пространство здесь исследуются как единое целое, в единстве.

Наиболее характерной особенностью этого нового пространства служит то обстоятельство, что географические границы для него не играют никакой роли. Виртуальное пространство - это такое электронное информационное пространство коммуникаций, которое не имеет границ. Оно не является локальным. Это означает, что "Интернет не является просто многотерриториальным, он имеет межтерриториальный, всеобший и глобальный характер" <1>.

<1> Katsh M.E. Law in Digital World. Oxford, 1995. P. 4; Аносов И.П., Жильцов Н.А., Кулешов С.В. и др. Интернет: Социоантропологический аспект. М., 2002.

Традиционные территориальные границы ограничивают определенные зоны, где применяется система разнообразных юридических, этических и иных норм. Развитие Интернета делает общедоступными коммуникации, ставя под вопрос строгое применение законов в рамках физических и географических границ. Это позволяет сделать вывод о том, что мировой и транснациональный характер виртуального пространства плохо приспосабливается к национальным географическим границам, влияющим, например, на компетенцию судов <1>.

<1> См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права. С. 420 - 426; Общая теория права / Под ред. А.С. Пиголкина. С. 177 - 179.

В связи с этим возможности наказания субъектов правонарушений здесь существенно ограничены необходимостью реальной идентификации правонарушителя и материальными затратами на следственные действия. Речь не идет только о возможностях обнаружения и наказания правонарушителей, так как существуют механизмы, позволяющие государствам обязывать всех исполнять свои законы в целом, даже если они

113

физически не присутствуют на данной территории или в том или ином регионе. Вопрос ставится гораздо шире. Указанные механизмы требуют дополнительных расходов, связанных с выполнением названной работы (затраты на расширение полномочий органов государственной власти или затраты на координацию и гармонизацию юридических режимов).

Д. Джонсон и Д. Пост следующим образом описывает данную ситуацию: "...в то время как электронные коммуникации пренебрегают географическими границами, появляются новые границы, сделанные из экранов и паролей, которые отделяют виртуальное пространство от "реального". Эти новые границы очерчивают отличное от реального пространство - виртуальное (киберпространство), требующее введения новых законов и юридических учреждений и институтов, которые были бы ему свойственны. Территориальные законодательные власти, а также учреждения, ответственные за правоприменение, видят в этой новой среде серьезную угрозу" <1>. Исходя из этого, допускается, что "новые правила, не имеющие отношение к доктрине, связанной с понятием территориальной компетенции, будут появляться в различных странах мира, для того чтобы регулировать целую гамму новых явлений, у которых нет очевидного эквивалента в другом мире, кроме как в виртуальном. Эти новые правила должны взять на себя роль права (выполнять роль права), определяя правосубъектность, разрешая вопросы собственности, а также конфликты и все активнее привлекая внимание к широкому обсуждению тех фундаментальных ценностей, которые необходимо защищать" <2>.

<1> Cm.: Johnson D.R., Post D.G. Law and Borders - The Rise of Law in Cyberspace // Stanford Law Review. 1996. Vol. 48. No. 5. P. 1367; http://www.cli.org/X0025_LBFIN.html. <2> Ibid. P. 1367 - 1368.

Следующая исследуемая особенность - это анонимность, присущая виртуальному пространству. Данная характеристика виртуального пространства традиционное понимание, применение и развитие права. Дело в том, что Интернет позволяет субъектам (пользователям) оставаться анонимными. Его природа предоставляет им возможность быть абсолютно подвижными или мобильными. Скажем, субъект интернет-отношений (пользователь) может осуществлять свою информационно-правовую деятельность из любой точки (пункта) мира, отправляя и получая любую правовую и иную информацию. При этом источник происхождения сообщения может быть скрытым или закодированным. Потребитель Сети может иметь псевдоним или электронную идентификацию личности, отличную от его реальной идентификации. Такое положение приводит некоторых специалистов к мысли о том, что это фактически дает возможность использовать виртуальное пространство для того, "чтобы создавать оплоты и целые территории, позволяющие избегать законной (легальной) ответственности" <1>. Сегодня это особо проявляется в нарушениях авторского права, распространении в Сети клеветы, порнографии и ведении так называемой информационной войны <2>.

В связи с этим можно заключить, что право виртуального пространства - это в известной степени абстрактное явление, ибо оно дает субъектам интернет-отношений возможность ускользать от контроля. Другой аспект мобильности или подвижности пользователей (потребителей интернет-услуг) связан с множеством разнообразных сайтов

<1> Йирка К.А. Компьютерные технологии на службе у правового государства: средства связи и исследования. Пер. с англ. Петрозаводск, 2000.

<2> Наиболее яркими примерами ведения информационных войн можно считать системные кибератаки между Израилем и Палестиной, Индией и Пакистаном, США и Китаем, Россией и Эстонией. Случаем информационного противостояния между Россией и Грузией является демонстративное блокирование грузинской стороной российских интернет-сайтов во время осетинского военного конфликта 2008 г.

в Интернете, а также веб-дискуссий на форумах, предложенных потребителям. Все это позволяет пользователям менять юрисдикционную компетенцию и перемещаться под юрисдикцию более благоприятных норм (т.е. подчиняться наиболее выгодным правилам или режимам контроля). Д. Пост объясняет это тем, что Интернет позволяет относительно легко переходить от юрисдикционной компетенции одного государства к другой или "выходить" из поля вмешательства одного определенного регулятора к другому, приводя нас к беспрецедентным результатам и создавая "свободный рынок" нормативных режимов <1>

<1> Cm.: Post D.G. Op. cit.

Таким образом, пользователи Сети могут "выйти" из режима, определенного национальным законом, делая все для того, чтобы правонарушения, которые они совершают, не были выявлены, тем самым избегая предусмотренных взысканий со стороны какого-либо государства, установившего юридическую ответственность за подобные противоправные деяния. Правонарушители обычно стараются "размещаться" вне нормативной компетенции (ведения) такого государства.

Появление Мировой цифровой сети разрушает связи между географическим местом (физическим местоположением) и: 1) способностью национальных органов власти воздействовать на поведение субъектов в Сети; 2) результатами воздействий онлайн-поведения на отдельных лиц и предметы; 3) законностью усилий, предпринятых властями для защиты прав и законных интересов субъектов; 4) возможностью определять режим нормативных правил, который должен быть применим в том или ином случае.

Право виртуального пространства допускает в этом смысле иерархию и структурные зоны в сетях. Интернет представляет пространственную структуру, включающую иерархию различных участников: учреждений регистрации доменных имен и множества посредников, распределенных асимметричным способом (операторов системы, органов удостоверения и т.д.). Все они обеспечивают возможность доступа к сетевым протоколам и веб-серверам конечным пользователям. Он также разделен на "зоны", посредством которых "архитектура" Сети позволяет или запрещает субъектам доступ к некоторым товарам и услугам или способствует (не способствует) их распространению <1>.

<1> Cm.: Lessig L. Reading the Constitution in Cyberspace // Emory Law Review. No. 869. P. 869 - 910; http://www.law.emory.edu/ELJ/volumes/sum-96/lessig.html.

Отмеченные структурные черты права виртуального пространства также являются значимыми и существенными для разработки и развития будущего интернет-законодательства. Действительно, функциональная структура и "архитектура" Интернета объясняет появление "полицентрического" или "децентрализованного" права (о нем надо говорить специально). В связи с этим Д. Пост указывает на то, что, "без сомнения, нужно принимать во внимание этот существенный принцип построения данной среды, если мы хотим понять, каким образом устанавливать некие юридические правила в виртуальном пространстве. Вполне очевидно, что следует проводить некоторое различие между Интернетом, взятым в целом, и различными сетями, из которых он состоит" <1>. Взаимодействия между составляющими его сетями окажутся особо значимыми и будут существенно влиять на эффективность законов и концепцию теории права различных государств. Но смогут ли они, эти законы и концепции, иметь обязательную силу в различных частях света или нет? Над этим нужно еще серьезно подумать.

<1> Johnson D.R., Post D.G. And How Shall the Net Be Governed? A Meditation on the Relative Virtues of Decentralized, Emergent Law. P. 66.

виртуального пространства предполагает растущее взаимодействие, интерактивность и динамизм явлений в сетях. Интерактивный диалоговый характер Сети и динамика коммуникаций в виртуальном пространстве существенно влияют на то, как там возникают, изменяются и прекращаются интернет-отношения, каким образом они там развиваются. Использование интерактивных поддерживаются И (диалоговых) электронных документов основывается на иных принципах, отличных от бумажных носителей. Эти документы лишены определенных качеств в пространственно-временном смысле, которые характеризуют печатное произведение. Электронная информация направлена на настоящее и будущее, в то время как бумага, как правило, фиксирует прошлое и тем самым закрепляет исторические намерения сторон по обмену информацией, оказанию услуг, совершению сделок и т.д.

На наш взгляд, высокая скорость электронных обменов, постоянное обновление информации и интерес к интерактивности приведут к постепенному вытеснению бумажных документов.

Одним из характерных элементов этой среды Интернета выступает "электронный" собой гипертекстовый цифровой контракт, который представляет документ, устанавливающий соглашение двух (и более) субъектов интернет-отношений по всем существенным условиям сделки. Его динамика позволяет субъектам установить беспрецедентную передачу информации по сравнению с контрактами, заключенными на бумаге, а отличительными характеристиками является то, что он более полно регулирует отношения субъектов (участников) Сети, быстро реагируя на новые события и сообщая об этом сторонам, помимо более классических функций, состоящих в том, чтобы просто определять права, обязанности и условия выполнения контракта. Другими словами, "электронный" контракт соединяет стороны между собой, а в случае необходимости - с третьими лицами и другими источниками информации таким способом и при таких условиях, которые не возможны при "бумажном" контракте <1>.

<1> Cm.: Post D.G. Op. cit.

В связи с этим Э. Кеч говорит, например, о том, что использование новых способов коммуникации (связи) вызовет и новые вопросы; заботы, привязанные к прошлому, будут уменьшаться. Мгновенность информационных обменов, решение правовых конфликтов и восстановление нарушенных прав будут, возможно, намного важнее, нежели определение намерений, которые послужили основанием для возникновения того или иного контракта <1>.

<1> Cm.: Katsh M.E. Op. cit. P. 4.

Природа и характер правовых и иных отношений, складывающихся (возникающих, изменяющихся и прекращающихся) в виртуальном пространстве, будут существенно влиять и на развитие интернет-права в целом. Например, растущий динамизм коммуникаций приведет в будущем субъектов интернет-отношений к необходимости выработки новых средств решения юридических конфликтов (как нам представляется, более упрощенных).

Гиперсвязи, высокая скорость коммуникаций, отмена расстояний, поощрение саморегулирования и самодисциплины - это составные элементы новой договорноправовой среды. Они побуждают международное частное право занять преимущественно важное место в правовом регулировании инфраструктуры виртуального пространства.

И наконец, все сказанное позволяет нам говорить о воздействии основных особенностей виртуального пространства на концепцию будущего науки права и ее теории. Указанные особенности виртуального пространства в качестве базовых и ключевых параметров влияют на концепцию построения будущего права виртуального пространства (устанавливая как ограничения, так и преимущества).

Анализ показал, что современная иерархия и "архитектура" Интернета (она может быть представлена как сеть в сети) уже децентрализована и многомерна. Поэтому виртуальное пространство само по себе предопределяет специфику юридических рамок, которые необходимо устанавливать. Сама природа коммуникаций поощряет применение саморегулирования. Это доказывают и потребители Интернета своей гибкостью, мобильностью и способностью уходить от контроля и ускользать от юридических санкций. Осуществление в этой среде защиты публичных интересов посредством классических государственно-правовых средств не входит в компетенцию (ведение) какой-либо отдельной территориальной власти, а кроме того, будет дорогостоящим. Такое образование разнообразных норм поведения, формирующееся сегодня преимущественно снизу, при помощи самих участников Сети, можно вполне назвать "неразвитым правом" <1>, которое в будущем станет более формализованным, найдет признание и оформление со стороны многих государств.

4 4 6 6 7

<1> Алексеев С.С. Теория права. С. 71.

Описанные выше специфические свойства Интернета делают нецелесообразным введение модели централизованного управления, модели правового воздействия, установленной сверху. Представляется более целесообразным введение юридических основанных на коллективном взаимодействии и всеобщем предполагающих добровольное принятие и исполнение правовых норм. Это согласие могло бы привести к введению сюда юридических процедур, уже известных международному частному праву, включая возможную выработку новых механизмов решения возникающих конфликтов. Принятие децентрализованного решения могло бы стать наиболее логичным, исчерпывающим и эффективным способом регулирования виртуального пространства. Д. Джонсон и Д. Пост говорят в связи с этим о появляющемся "децентрализованном праве" <1>. Последующий теоретико-правовой анализ условий разработки законов в рассматриваемой сфере подтверждает данный тезис. Поэтому рассмотрим возможные модели регулирования, применимые к Сети. Это предполагает исследование целей и оснований разработки законов, а также фундаментальных ценностей и общественных воль, заключенных в создаваемых законах.

<1> См. об этом подробнее: Johnson D.R., Post D.G. And How Shall the Net Be Governed? A Meditation on the Relative Virtues of Decentralized, Emergent Law. P. 62 - 91.

Каковы же цели разработки законов для виртуального пространства? Анализ показал, что вопрос о целях разработки законов для данного пространства крайне сложен. На наиболее общем уровне разработка законов для инфосферы должна подчиняться различным требованиям. Там, где законы выступают как средство юридического контроля или регулирования отдельных видов информационно-правовой деятельности, они вводятся для того, чтобы установить рамки определенного поведения или ограничения действий субъектов интернет-отношений. Они могут также устанавливаться для того, чтобы осуществлять стимулирование или позитивное обязывание. Кроме того, законы призваны здесь выражать общественный интерес и определенную правоприменительную политику в рассматриваемой области.

Закон, его содержание и компоненты должны быть направлены на то, чтобы выражать приверженность к фундаментальным человеческим ценностям, защищать публичные интересы каждого государства, интересы отдельных социальных групп, организовывать некоторым образом взаимодействие и отношения между индивидами.

В связи с этим поставим вопрос шире: требует ли право виртуального пространства законности (легитимности) государственной власти и четко обозначенной юридической силы закона? Упомянутый вопрос важен для будущего правообразования в инфосфере. Следует отметить, что необходимость разработки закона (норм права) основательно

затрагивает проблематику законности самой власти, которую необходимо отражать и в законе. Ведь именно она должна определенным образом гарантировать реализацию закона (права).

Исследуемая проблема включает в себя различные аспекты. Начнем с того, что правило поведения (которое исходит из реального пространства), устанавливаемое в виртуальном пространстве, не всегда берет начало из организации или источника, контролируемого в пределах какого-либо центрального органа государственной власти. Это правило может устанавливаться внутри определенной группы субъектов интернетотношений (например, корпоративные нормы, устав организации). Тогда как эта деятельность будет соотноситься с предписаниями, установленными различными законами? И будет ли это считаться правообразованием и правом? На наш взгляд, рассмотрение самого процесса процедуры разработки и принятия законов для виртуального пространства может дать ответ на многие интересующие вопросы правообразования в данной области. Действительно, это позволяет обосновать существование децентрализованной системы управления, где фундаментальная цель закона состоит в том, чтобы наиболее эффективным и полным образом учесть индивидуальный выбор большинства субъектов (участников) Сети и свести к минимуму влияние какой-либо власти или небольшого числа субъектов интернет-отношений, оказываемое на общие социально-правовые процессы в рассматриваемом пространстве.

Другой аспект этой проблематики сводится к законности (легитимности) суверенной государственной власти в исследуемой сфере, которая опирается, в свою очередь, на конституционные принципы и действующие в обществе демократические учреждения (например, парламенты, национальные собрания). В конституционных демократических системах эта власть распространяется из учреждений, которые представляют так называемый коллективный голос их доверителей. В условиях демократии законность предполагает "согласие управляемых". Именно они играют существенную роль в выборах видов законов, в их формулировках и реализации. Если в Интернете управление или регулирование осуществляется при помощи инфраструктуры или "архитектуры" самой Сети, а также технических спецификаций, может ли это обстоятельство гарантировать, что "коллективный голос" и "согласие управляемых" будут отражаться здесь тем или иным полезным образом?

Так, для отношений в сфере коммерческого (торгового) права характерна в большей степени саморегуляция субъектов (участников), приоритетное значение в этой сфере имеют законы рынка и конкуренция, связанные с динамикой спроса и предложения на различные товары, услуги, работы и т.д. Вместе с тем существуют другие сферы и виды деятельности, прибегающие по обыкновению к более детальному или предметному регулированию. Некоторые виды подобной деятельности в последнее время также трансформируются в онлайн-услуги. Саморегулирование, берущее форму децентрализованной юридической защиты главным образом с помощью договоров, контрактов и международного частного права, - может ли оно придавать достаточную власть и силу этому процессу, направленному на создание законов?

Представляем ответ, который обычно дается на этот вопрос. Все то, что находится в виртуальном пространстве, предполагает обсуждаемый выбор от имени и со стороны пользователей Интернета. Это позволяет сделать вывод о том, что взаимодействие, отношения в виртуальном пространстве все же включают элемент согласия.

Этот аргумент может подтверждаться двумя обстоятельствами. Во-первых, делая сознательный выбор в Интернете (и пользуясь правом выхода из Сети), пользователи сами играют определяющую роль в формировании правил поведения, которые там имеют место и которые в тех условиях применяются. Таким образом создаются легитимность и согласие управляемых в виртуальном пространстве. Во-вторых, ввиду того, что вход в виртуальное пространство и участие в деятельности, которая ведется там, происходят по

решению самих пользователей Интернета, можно в известной мере заключить, что они составляют достаточный "коллективный голос".

Мы уверенно можем сегодня сказать, что пользователи Интернета сегодня не составляют больше информационной согласованной элиты, у которой была бы своеобразная монополия операций в Сети. Тогда каким же образом отражать там ценности и защищать интересы всех участников интернет-отношений? Следует также отметить, что дискуссии вокруг разработки законов действительно глубоко увязаны с анализом уровней сознания субъектов в виртуальном пространстве <1>.

<1> См. об этом подробнее: Коммерческое (торговое) право / Под ред. Е.Ю. Булатецкого. С. 857 - 858.

Д. Джонсон и Д. Пост задают эти вопросы и дают на них свои ответы. В частности, они указывают на то, что определяющими здесь являются особенные черты Сети, рассмотренные нами выше. "Интернет обладает большим преимуществом - он позволяет решать проблемы различными способами, давая тем, кто не соглашается с решением какой-либо отдельной проблемы, возможность не контактировать между собой, не получать сообщения, исходящие из сайтов, которые кому-то не нравятся". Мы считаем, что новые процессы децентрализации Интернета, возможно, позволят решить данную проблему специфическим способом, отличным от классического законодательного пути, устанавливая действенные нормы поведения и сочетая регуляцию посредством норм права с саморегуляцией субъектов интернет-отношений. "Вход в виртуальное пространство не осуществляется посредством принятия обязательства придерживаться (или просьбы придерживаться) законов или особенных норм поведения. Это дает, бесспорно, операторам системы широкую возможность устанавливать собственные правила конечным пользователям. Конкуренция, разнообразие сайтов в Интернете, предлагаемый потребителям выбор их посещать (или не посещать), будут тормозить неограниченную власть операторов и вместе с тем ограничивать и минимизировать те отрицательные негативные последствия правонарушений (вреда) для индивидуальных пользователей" <1>. Вместе с тем деятельность в Сети должна быть поддержана гибкой и логически связанной системой норм национального законодательства и только в случае необходимости - нормативными актами, выработанными международным сообществом. Поэтому основную роль здесь должно играть именно позитивное право. Государства должны выработать на международном уровне основные принципы правового регулирования этой среды.

<1> Johnson D.R., Post D.G. Law and Borders - The Rise of Law in Cyberspace. P. 1367 - 1402.

Юридические рамки в перспективе будут состоять из многочисленных решений. Система "полицентрического права", совмещающая децентрализованное правовое регулирование на уровне национальных законодательств и саморегулирование, станет тому подтверждением. Конечные юридические формы, без сомнения, будут тесно связаны с особенностями самого Интернета, и в частности с такими, как способность к самокоррекции и возможность с помощью технических средств предупреждать посягательства на права субъектов интернет-отношений (как это сегодня происходит в некоторых случаях в авторском праве). Это позволит существенно влиять на динамику и характер противозаконной деятельности и обязывать к определенным нормам поведения субъектов Сети.

Изучение также показало, что право виртуального пространства должно закреплять свободу слова в сетях. Это обусловлено прежде всего тем, что сама архитектура и концепция новых систем информации должны служить тому, чтобы выражать и распространять в этой среде определенные общечеловеческие ценности. Например, в

одном Постановлении Верховного суда Новой Зеландии <1> высказано мнение, согласно которому Интернет "способствует и проводит в жизнь главный принцип, закрепленный в ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах <2>, принятого в Нью-Йорке 16 декабря 1966 г., которому Новая Зеландия и другие многочисленные государства следуют" <3>.

<1> Решение Новозеландского Верховного суда N СР147/98 от 5 июня 1998 г. в отношении анонимности в Интернете, получившее название "Дело Oggi". Oggi.co.nz - это область в Сети, которая явилась предметом данного спора. Первоначально данный адрес был зарегистрирована неким Эллиотом Огги, который в качестве своего местонахождения указал отделение физики Университета Западного Онтарио, а точнее, предоставил его адрес для контактов. Обращения в Университет, однако, ничего не дали: никто на физическом факультете не знал о сотруднике с такой фамилией. См. подробнее: http://aardvark.co.nz/n357.htm.

<2> БВС РФ. 1994. N 12.

<3> Post D.G. Op. cit.

Данная статья, в частности, определяет, что: 1) каждый человек имеет право беспрепятственно придерживаться своих мнений; 2) каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору; 3) пользование правами, предусмотренными в п. 2 указанной статьи, налагает особые обязанности и особую ответственность. Это может быть сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми для уважения прав и репутации других лиц, а также для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения.

Эти основополагающие ценности, отраженные в международно-правовом акте, закрепляются также и на национальном уровне. В частности, ст. 29 Конституции РФ четко гарантирует свободу слова любому российскому гражданину. Кроме того, ст. 3 Закона РФ "О средствах массовой информации" указывает на недопустимость цензуры. В ней сказано, что цензура массовой информации, т.е. требование от редакции средства массовой информации со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительного согласовывания сообщений и материалов (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей, не допускается. Создание и финансирование организаций, учреждений, органов или должностей, в задачи либо функции которых входит осуществление цензуры массовой информации, не допускается. И эти положения являются определяющими для интернет-права, как и для всех отраслей российского права.

Вместе с тем, по результатам проведенного в 2008 г. компанией "SuperJob" социологического опроса <1>, большинство россиян выступают за наведение порядка в Интернете. Примерно 58% респондентов отметили, что цензура в Интернете необходима. Среди причин, по которым более половины россиян видят необходимость в цензуре, были названы обилие сайтов порнографического содержания, пропаганда насилия, масса непроверенной информации, реклама сомнительных услуг, спам и т.д. Как считают опрошенные, от всего этого необходимо оградить прежде всего детей и подростков, чье психическое здоровье может серьезно пострадать в случае получения подобной информации из Сети. Гораздо чаще в пользу цензуры в Интернете высказывались женщины (68%), тогда как среди мужчин аналогичной позиции придерживается лишь

половина (50%). Против введения какой-либо цензуры в Рунете высказались 31% россиян. Среди мужчин этот показатель выше (40%). 11% опрошенных затруднились с ответом. По их мнению, "это сложно осуществить технически, а цензуру, как в советском прошлом, нынешнее общество не потерпит". На результаты исследования оказал влияние и возраст опрошенных. Наибольшее число сторонников цензуры в российском сегменте Интернета наблюдается среди респондентов старше 50 лет (64%), а также среди участников опроса 30 - 40 лет (61%). Тридцатилетние чаще всего беспокоятся о своих детях, тогда как старшее поколение чаще сетует на обилие рекламы и порнографии. Однако при этом респонденты обеих возрастных категорий отмечали, что в России "нужна выборочная цензура", "без административных перегибов, которыми склонны грешить наши бюрократы".

·

<1> Место проведения опроса - Российская Федерация. Время проведения - 2008 год. Исследуемая совокупность - экономически активные россияне старше 18 лет, пользователи сети Интернет. Выборки - 1800 респондентов. Вопрос: "Нужна ли, по Вашему мнению, цензура в российском Интернете?". См.: http://www.superjob.ru/cornmunity/9713.

Исследование показало, что право виртуального пространства определяет также возможные способы регулирования Сети. Рассмотрим их правовую природу и характеристики.

Исторически в каждом обществе действуют свои механизмы регулирования, что связано с особенностями менталитета населения (обычаями, традициями, уровнем развития правовой культуры людей и т.д.). Каждая национальная правовая система имеет свои характерные особенности, однако наряду с ними можно обнаружить и общие черты. Социальное регулирование представляется как упорядочение поведения отдельных субъектов и социальных групп согласно определенным нормам или правилам. Регулировать - значит определять поведение людей и их коллективов, давать ему направление функционирования и развития, вводить его в определенные правовые рамки, целеустремленно его упорядочивать <1>. В процессе такого социально-правового воздействия происходит уточнение, совершенствование или настройка поведения субъектов. Социальными регуляторами в разные эпохи выступали различные средства и механизмы. Это предсказания и пророчества, мифы, обычаи и традиции, религия, нормы права и морали. Истории известны многие примеры того, как одни социальные регуляторы сменялись другими. Первые из них преобладали в определенную эпоху, вторые действовали постоянно на протяжении всей истории, третьи утрачивали свои регулятивные свойства и отходили на задний план. В процессе регулирования социальные регуляторы, так же как и социальные нормы, тесно взаимодействуют между собой. Говоря о методах социального регулирования, профессор А.Б. Венгеров метафорически сравнивает их с поездкой на ослике, рассматривая такие методы регулирования, как понуждение (стимулирование) и принуждение <2>. регулирование может облекаться в различные формы: правовые (посредством законов и подзаконных актов); моральные (кодексы профессиональной этики, кодексы чести, обычаи); эстетические (стиль, мода) и др.

Известно, что в теории права регуляторы социального поведения подразделяют на нормативные и ненормативные. Нормативные регуляторы устанавливают четкие рамки поведения участников общественных отношений, вводя общую (равную) меру поведения, применимую ко всем без исключения, т.е. норму. Эта норма носит

<1>См.: Алексеев С.С. Теория права. С. 31.

<2> См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права: Ч. ІІ. Теория права: В 2 т. М., 1996. Т. 1. С. 79.

неперсонифицированный характер, обладает многократностью действия, ее реализация обеспечивается механизмом социального регулирования, включая и возможность принуждения.

К нормативным относят правовой, моральный, юридико-технический, нормативнотехнический, групповой (корпоративный) регуляторы. В качестве разновидностей правового регулятора выступают правовой обычай или обычное право, прецедент, иногда доктрина.

К ненормативной регулятивной системе следует отнести ценностный, директивный и информационный регуляторы, а также институт прогнозирования (предсказаний).

Рассмотрим существующие нормативные и ненормативные средства регулирования, применимые в сфере интернет-права, - четыре регулятора поведения субъектов (участников) Сети.

Известно, что разработка концепции права виртуального пространства связана с исследованием возможных способов регулирования, применимых к Сети. Л. Лессиг в своей статье "Закон лошади: чему бы мог научить виртуальный закон?" объяснил, что поведение в этой сфере может быть урегулировано четырьмя типами регуляторов: 1) напрямую законом; 2) социальными (корпоративными) нормами; 3) законами рынка и конкуренции и 4) техническими нормами <1>.

<1> Cm.: Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach? // Harvard Law Review. N 113. 1999. P. 507 - 508; http://www.lessig.org/content/articles/works/finalhls.pdf.

Сравнительный анализ законодательства США, Франции и России, в частности, показал, что регулирование, осуществляемое правовыми нормами, выступает здесь наиболее результативным и эффективным способом, так как эти нормы исходят от всего общества и регулируют его основные базовые отношения. Позитивное право обеспечивается и гарантируется со стороны государства. Это означает, что государство обладает в случае нарушения объективного права возможностью легального принуждения. Данный механизм принуждения используется в целях восстановления нарушенного права, носит охранительные, а также воспитательные функции. Мы уже приводили примеры законов, которые регулируют поведение в виртуальном пространстве. Это и законодательство об авторском праве, и нормы права о клевете, распространении порнографии, посягательстве на частную жизнь граждан и т.д. Какой бы ни была трудность их применения, именно на положения позитивного права здесь следует ссылаться при решении конкретных дел по существу.

Вторым нормативным регулятором выступают в этом случае социальные (корпоративные) нормы, принятые самими субъектами интернет-отношений (участниками Сети). Они выражают волю субъектов (участников), имеют для них обязательное значение и, несомненно, регулируют их поведение. Кроме того, ими предусматривается возможность наступления отрицательных последствий, установленных отдельной корпоративной группой или заинтересованным коллективом. Эти нормы не исходят от какой-либо "центральной власти" (например, парламента) и могут выступать порой более эффективным средством регулирования, так как действуют децентрализованным образом. Корпоративные нормы, как правило, регулируют те общественные отношения, которые не урегулированы с помощью законов (например, пользовательское соглашение (Terms of Service) между компанией "LiveJournal" и блоггером, работающем в своем "Живом журнале") <1>. Их сходство с последними заключается в том, что они документально зафиксированы и в определенной степени детализированы. Так, например, Регламент регистрации доменов в домене .ru 2004 г. <2> предусматривает аннулирование регистрации доменного имени до истечения срока ее действия по вступившему в законную силу решению суда. При этом преимущественным правом на регистрацию аннулированного домена обладает лицо, чьи права суд признал нарушенными. Для

реализации преимущественного права указанное лицо обязано направить в РосНИИРОС письменное заявление о регистрации доменного имени в течение 30 календарных дней со дня аннулирования регистрации (п. 4.16 Регламента).

<1> См.: http://www.livejournal.com/legal/tos-russian-translation.bml.

<2> См.: Регламент и тарифы на услуги по регистрации доменов второго уровня в зоне .ru // http://www.cctld.ru/ru/doc/acting/?id21=21&i21=9.

Пользователи Интернета применяют, без сомнения, также достижения технологии, чтобы упорядочить свое поведение и поведение субъектов. Это происходит для того, чтобы стимулировать или прекратить определенные виды информационной деятельности. Различные соглашения между участниками и сетевой этикет также регулируют поведение участников виртуального пространства <1>. Например, среди нормативно-технических регуляторов Сети можно выделить документы RFC (Request For Comments), которые определяют стандарты Интернета. Для начала разрабатывается проект документа (Internet Draft), затем данный проект рассматривается рабочей группой проектирования Интернета (Internet Engineering Task Force) и принимается путем голосования. Затем руководящая группа проектирования Интернета (Internet Engineering Group) присваивает данному документу порядковый номер и публикует (обнародует) его в Интернете.

<1> Л. Лессиг в статье "Закон лошади: чему мог бы научить виртуальный закон?" приводит следующие примеры: "...если участник Сети будет говорить о демократии на некоторых телеконференциях, то он подвергнется суровой обструкции; украдет идентификацию другого пользователя в процессе онлайн-видеоигры - и ему, без сомнения, будет запрещена игра; если он чересчур болтлив, то окажется, вероятно, в фильтре зануд, надоедливых или прилипал" (Lessig L. Op. cit. P. 508).

Имеет широкое распространение точка зрения, согласно которой экономические законы и рынок сам по себе имеют способность к регуляции. Они самостоятельно устанавливают границы как индивидуального, так и коллективного поведения. Режим цен, расходы на доступ к некоторой информации, помещенной в Сети, и другие факторы (в частности, перегрузка) существенно влияют на возможный выбор потребителей в виртуальном пространстве и выступают примерами регулирования поведения участников самим рынком.

Можно описать также регуляторы, которые вытекают из архитектурных или естественных характеристик самой Сети. Это, в частности, разнообразные регуляторы, связанные с практикой виртуального пространства, программное обеспечение, которое используется в этой среде, сетевые протоколы и иные нормативно-технические регуляторы. Мы можем указать на многочисленные примеры регулирования, паролей, осуществляемого путем кодирования, введения блокировок. характеристики также устанавливают рамки поведения субъектов интернет-отношений и влияют на динамику их правовой и иной активности в виртуальном пространстве.

В анализе указанных четырех способов регулирования следует особо отметить два свойства, которые позволяют лучше понять природу данных регуляторов. У этих свойств имеется своя стратегическая значимость, необходимая для решения вопроса о том, какой тип регуляторов использовать. Первое свойство - это возможность прямого или директивного (непосредственного) действия регулятора. Чем он, скажем, директивнее, тем непосредственнее может действовать и охватывать интересующие отношения, а также обладать большими возможностями для эффективного регулирования. На наш взгляд, нормативное регулирование рассматриваемого пространства будет наиболее значимым и результативным, нежели ненормативное. Второе свойство - это "пластичность", т.е. то, что Л. Лессиг определяет как "легкость, с которой этот регулятор может быть подвержен

изменениям или модифицирован". Сюда же можно отнести и способность его восприятия участниками Сети <1>.

<1> Cm.: Lessig L. Op. cit. P. 511 - 512.

В контексте сказанного особенности права виртуального пространства заключаются и в том, что оно позволяет регулировать непосредственно виртуальное пространство с помощью технических норм. Чтобы разобраться в этой проблеме, необходимо дать прежде всего характеристику юридико-техническому и нормативно-техническому регулятору социально значимого поведения субъектов. При этом следует заметить, что социальные нормы регулируют здесь поведение людей и их групп между собой, а технические же определяют отношение человека к технике. Если говорить о юридикотехническом регуляторе, то он направлен на упорядочение отношений между субъектами интернет-отношений и в нем сочетаются как правовые, так и технические нормы всевозможные инструкции, методические материалы, ГОСТы, СНиПы и т.д. Данный регулятор действует по схеме "субъект - субъект". В отличие от него нормативнотехнический регулятор устанавливает технические и технологические нормы, определяя отношение лица к технике и действуя по схеме "субъект - объект". Проникновение правовых норм в технические связано прежде всего с усложнением производства и обмена, в связи с чем объектом регулирования со стороны права все больше являются ранее недоступные ему области. Неслучайно многие статьи законов о связи, информации отсылают нас напрямую к техническим регламентам. Нормативно-технические регуляторы имеют целью защищать и гарантировать определенные ценности в Сети специальными способами действия (например, кодированием, которое, в свою очередь, обеспечивает возможную защиту этих ценностей).

Можно проиллюстрировать это положение, приводя в качестве примера требования различных онлайн-служб. Так, например, некоторые службы могут обязывать членов телеконференций иметь единственную электронную идентификацию, совпадающую с их настоящей идентификацией личности (той, что у них есть в реальном мире). Это в определенном смысле помогает регулировать поведение, ограничивая диапазон обсуждаемых тем и устанавливая некоторые барьеры, так как индивиды в данном случае связаны своей фактической репутацией, имеющейся у них в реальном мире.

Некоторые службы предлагают устройства блокировки. Речь идет о программном обеспечении, позволяющем одному пользователю посредством специальной блокировки мешать другому обращаться к тому или иному сайту. Указанное средство контроля, предложенное, например, родителям малолетних детей, защищает ценности, которые кодируются таким образом. Это дает родителям возможность добиться определенного поведения от своих детей, которого они могли бы добиться не иначе как только убеждением или угрозой. Подобную же процедуру регулирования посредством норм права трудно было бы себе представить.

Итак, программное обеспечение и технические нормы фактически определяют необходимые ограничения и возможности поведения потребителей услуг <1>. Не случайно Л. Лессиг считает, что в этом смысле технические нормы могут защищать некоторые ценности, а технические коды в виртуальном пространстве могут в некоторой степени заменять законы реального мира. Они позволяют более ловко и изворотливо регулировать и дисциплинировать участников и являются инструментом, способным благоприятно заменять другие способы регулирования <2>. Если предположить, что Л. Лессиг прав и регулирование техническими кодами в этой среде будет выступать регуляторами наравне с законами, иными актами, то идентификация личности авторов кодирования будет в этом случае ключевым моментом. В связи с этим вполне закономерен вопрос: правда ли, что ценности, защищаемые подобным способом, будут действительно соответствовать принципам права и морали?

<1> Например, компания "Microsoft" намеренно вставляет в свое программное обеспечение так называемые заплатки, которые выводят нелицензионное продукты из строя. Компьютер от этого не страдает, однако, если пользователь не переносит в определенный срок нужную информацию на другие носители, операционная система перестает работать, информация уничтожается.

<2> Cm.: Lessig L. Op. cit. P. 503 - 506.

Поэтому особую важность приобретают социальные (корпоративные) нормы и сетевые контракты, имеющие широкое применение и играющие активную роль в процессе регулирования объектов виртуального пространства. Но при этом необходимо отличать случаи, когда стороны в сделке в Интернете ясно заключили соглашение или контракт, и случаи, когда может иметь место регулирование посредством кодирования или блокировки сведений.

На наш взгляд, ошибочно сопоставлять такие способы регулирования, как кодирование и контракт. Термин "контракт" означает любое соглашение (договор) между равноправными субъектами права. Эти договоры (в отличие от технических кодов) должны включать некоторое число "узловых", специфических признаков. Контракты, действующие в электронной среде, имеют ряд особенностей, касающихся порядка их заключения, содержания прав и обязанностей сторон, ответственности субъектов, оснований прекращения обязательств и т.д. Определенные требования установлены для действительности такого рода соглашений: а) лица, участвующие в договоре, должны быть способны к заключению именно данного его вида; б) содержание договора обязано быть правомерным; в) необходимо, чтобы волеизъявление субъектов соответствовало их подлинной воле; г) существенное значение имеет сама правовая форма заключения и исполнения контракта.

В контрактах должна быть предусмотрена возможность в случае его неисполнения обратиться за защитой в компетентный юрисдикционный орган. Поэтому для каждого соглашения судебные власти обязаны установить: должно ли быть выполнено соответствующее обязательство или нет? Суды при этом учитывают различные принципы, отраженные в обязательственном праве по исполнению обязательств: законности, надлежащего исполнения обязательств, справедливой коммерческой практики, возмещения имущественного и морального вреда и др. Иными словами, контракт обязан отражать сочетание как публичных ценностей, так и частных обязательств.

Ситуация выглядит иначе в случае кодирования. Когда технический код выступает в роли нормативно-технического регулятора и служит для защиты пользователя, рассматриваемые нами общественные ценности занимают второстепенное место. Кроме того, автор такого технического кода не подчинен принципам и нормам обязательственного права. Если выработка права и его применение сопровождаются в некоторой степени с учетом общественных ценностей (там, где обязательственное право включает публичный элемент), какое значение надо придавать фактическому регулированию, осуществляемому кодированием из различных структур? Было бы ошибочно утверждать, что "невидимая рука" авторов кодов здесь совершенно свободна. Программы защиты доступа и фильтрования в сфере авторского права позволяют нам утверждать обратное.

Отсюда возможно и вмешательство национальных государственных властей в Сеть через выработку законодательства, регулирующего процессы кодирования. Многие правительства оценивают как серьезную угрозу факт невозможности дисциплинарного воздействия на виртуальное пространство и его участников централизованными законодательными средствами. В настоящее время они все больше и больше отходят от гипотезы, что было бы возможно применять только национальное законодательство к виртуальному пространству. Они теперь намного лучше понимают феномен Интернета и

его особые характеристики, которые часто противятся регулированию посредством территориальных законов, принятых центральной властью. Тем не менее определенные территориальные законодательные вмешательства будут иметь место в юридическом регулировании инфосферы и являться закономерными.

Например, в упомянутой статье Л. Лессига указывается на случаи в секторе телекоммуникаций, когда специальное законодательство (например, Закон о цифровой телефонии) оказывает косвенное воздействие и на другие виды информационной деятельности. Так, Конгресс США принял Закон, требующий от телефонных компаний, чтобы они выбирали сетевую архитектуру, которая облегчает радиоперехваты <1>. Указанный Закон является наглядным примером законодательного вмешательства в Сеть, стремящегося изменять правила, установленные "архитектурой" Сети. Можно привести и другие примеры, в частности Закон ФРГ 1997 г. по защите данных в сфере телеинформатики <2>, который отвечает на требования системных мер по сохранению данных в течение определенного времени <3>. Подобные акты не мешает принять и в России, и в рамках СНГ, от этого лишь выиграла бы общая идея формирования разумного права виртуального пространства.

<1> Акт о совершенствовании системы кибербезопасности США (CSEA): Cyber Security Enhancement Act of 2001: Hearing. Washington, 2002. (U.S. Congress, 107. Session, 2). См.: http://permanent.access.gpo.gov/lps42509/77697.pdf.

<2> Речь идет о немецких актах Mediendienste-Staatsvertrag (MDStV) (см.: http://netlaw.de/gesetze/mdstv.htm), а также Teledienste-Datenschutzgesetz (TDDSG) (см.: http://www.kanzlei.de/iukdg 2.htm).

<3> См. подробнее об этом: Greenleaf G. An Endnote on Regulating Cyberspace: Architecture Vs Law? // UNSW Law Journal. Sydney. Vol. 21. No. 2. 1998. P. 593 - 622; http://www.austlii.edu.au/au/journals/UNSWLJ/1998/52.html.

Из этого следует вывод: если мы хотим, чтобы преобладали общепризнанные принципы права, фундаментальные ценности и осуществлялась определенная политика в виртуальном пространстве, то необходимо прибегать к разумному законодательному вмешательству в исследуемую область. Следует заставить субъектов интернет-отношений учитывать общие принципы права, такие, как: принцип законности (ст. 15 Конституции РФ), принцип, закрепляющий равенство прав и свобод, равенства возможностей мужчин и женщин, запрет дискриминации (ст. 19 Конституции РФ), принципы вины, справедливости, гуманизма и неотвратимости ответственности (к примеру, ст. 5 - 7 УК РФ), приоритета международных норм, право на свободу труда (ст. 37 Конституции РФ) и объединения (ст. 30 Конституции РФ) и др. Законы реального мира могут накладывать определенные ограничения на использование той или иной системы данных или сетевого протокола.

Анализ показывает, что право виртуального пространства допускает также регулирование Интернета посредством экономической конкуренции, что нужно учитывать при разработке законов для регулирования виртуального пространства. Поэтому сетевые протоколы и платный сервис могут выступать в качестве первого средства установления правил нужного поведения. Этот источник обладает определенным преимуществом по отношению к другим регуляторам ввиду его способности управлять доступом к Сети, исключая деятельность, несовместимую с правилами, установленными в виртуальном пространстве.

В рамках сказанного возникает проблема - Интернет и "стратегии выхода" субъектов (участников). Она сводится к тому, что способность субъектов (участников) Сети "оставлять" среду сама по себе составляет форму регулирования. "Архитектура" Интернета предоставляет эту возможность, ибо лишена любого механизма централизованного регулирования. В Интернете не существует единой точки, в которой

(или по которой) все сделки или информация должны протекать или осуществляться в строгой форме. Из этого следует, что все узлы Сети действительно равномощны, все они и каждый в отдельности способны выполнять ключевые функции маршрутизации информации.

Обычное право может также играть важную роль в регулировании виртуального пространства. Анализ показал, что виртуальное пространство может рассматриваться как свободный рынок информации, отражающий определенные ценности и выражающий следующие предпочтения: 1) тех, кто управляет его "архитектурой" при помощи сетевых протоколов и технических спецификаций; 2) пользователей - при помощи выбора интернет-ресурсов, к которым они обращаются (соблюдая соответствующие правила поведения); 3) тех, кто прибегает к "стратегии выхода" (лиц, которые не подпадают ни под какую из форм регулирования).

Исходя из модели децентрализованного регулирования, свойственной виртуальному пространству, электронные документы этой среды можно сравнивать и проводить аналогию с обычным правом, с так называемым правом продавцов (торговым правом - lex mercatoria) <1>. Д. Пост видит в этом праве "некий пример свободного и спонтанного образования правил, освобожденного от любого контроля со стороны государства" <2>. Для того чтобы более детально разобраться в этих вопросах, будет весьма полезно обратиться к понятию обычного права и к аналогиям.

<1> См.: Рассолов И.М. Предмет коммерческого права. Взаимосвязь гражданского и коммерческого права // Коммерческое право. М., 2001. С. 3 - 28.

<2> Post D.G. Op. cit.

В частности, остановимся на аналогии с lex mercatoria. Известно, исторически территориальном отношении обычное право выступало определенного города и развивалось спонтанно и корпоративно. Образование обычаев носило стихийный характер. Собственно, социальной нормой обычай становится лишь тогда, когда в силу длительного применения трансформировался в поведенческую привычку. Затем обычаи санкционировались решениями суда. Повышение роли суда происходило главным образом в связи с расширением торговли и необходимостью находить средства регулирования разногласий по-другому, нежели ссылаясь на локальное местное обычное право. Надо было осуществлять единое и общее унифицированное признание некоторых правил поведения. Постепенно появляются юридический прецедент и статутное право. В настоящее время существует и закрепление или отсылка к обычаям в текстах законов.

Lex mercatoria рассматривается как одна из моделей обычного права. Речь идет о праве, основанном на обычаях, пользующихся признанием и достаточным авторитетом, чтобы придавать ему обязательную силу в сфере товарно-денежных отношений. Обычное право, которое образовалось в эту эпоху, могло быть признано нормативным и могло служить авторитетом. Вместе с тем его нормативный характер был ограничен рамками определенной территории <1>. Для признания обычая была необходима широкая поддержка населения и длительность существования. В исследуемой нами области обычаи как источник права виртуального пространства существуют уже не первый год, причем в самых разнообразных формах и проявлениях. Среди обычаев выделяют: устные и письменные, упорядоченные и неупорядоченные, местные и региональные, общие и локальные, правовые и неправовые.

<1> См. об этом: Goldsmith J., Lessig L. Grounding the Virtual Magistrate. Paper prepared for NCAIR Conference on Online Dispute Resolution, Washington, DC. May 1996. P. 2 - 49; http://www.lessig.org/content/articles/works/magistrate.html.

В рамках предпринятого анализа закономерным будет следующий вопрос: может ли виртуальное пространство выступать моделью, позволяющей нам констатировать, что сила обычая не основана на каких-либо актах или на действиях той или иной суверенной власти? Иными словами, может ли устанавливаться правовое регулирование, когда никто не законодательствовал?

Отвечая на этот вопрос, не стоит отказываться от постулата позитивистов и оснований, помогающих ввести здесь в действие положения международного договорного права. Ж. Голдсмит и Л. Лессиг в связи с этим указывают: "Для того чтобы обладать реальной исполнительной силой, юридические рамки виртуального пространства должны прямо черпать свою власть и авторитет в "праве реального пространства", иначе говоря - в уже существующих и признанных нормах международного договорного права" <1>. Этот вывод вытекает из наших предыдущих заключений.

<1> См. об этом: Goldsmith J., Lessig L. Grounding the Virtual Magistrate. P. 2 - 23.

Что касается международного частного права, то оно, несомненно, будет выполнять существенную роль в правовом регулировании виртуального пространства, так как из-за децентрализации этого пространства многие отношения здесь строятся на основе саморегуляции участников ввиду того, что регулирование отводит большое место нормативно-техническим регуляторам.

Изложенное позволяет нам говорить о неком юридическом режиме, включающем самоустановление обязательств, в которых их исполнение обеспечено действующим позитивным правом. Этот механизм должен соответствовать позитивистскому требованию - наличию фундаментальной власти и формальных источников права. Как объясняют Ж. Голдсмит и Л. Лессиг, это "обязательство получает свою силу: 1) из-за того что оно самоустановлено; 2) потому что оно приобретает свое значение из-за своего обязательного исполнительного характера (возможностью принудительного исполнения)" <1>. Схематично это можно изобразить следующим образом (рис. 3).

<1> Ibid. P. 5 - 23.

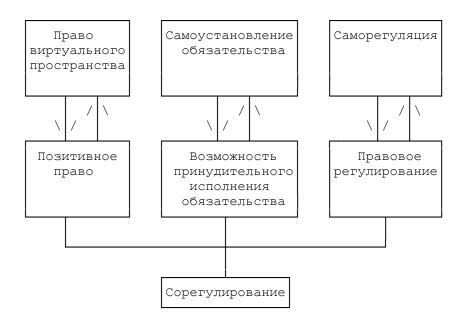

Рис. 3. Модель регулирования поведения субъектов в киберпространстве

И наконец, изложенные формы проявления права виртуального пространства позволяют нам очертить проблемы, вытекающие из децентрализованного характера процессов регулирования.

Каким бы ни был анализ характеристик новой среды, которую составляет виртуальное пространство, многие исследователи сходятся во мнении, что там устанавливается децентрализованная форма, а не централизованная система регулирования. Думается, что такая система не исключит всех других моделей образования права. Юридические рамки обеспеченности, устанавливаемые здесь, в конечном счете окажутся композиционными, даже если саморегулирование частных субъектов (участников) будет преобладать. Какие же проблемы в процессе разработки права в виртуальном пространстве это вызовет?

Во-первых, возникнет необходимость учитывать публичный интерес или "коллективные ценности" в виртуальном пространстве. На наш взгляд, ситуация не выглядит так безнадежно. Вероятно, что с учетом различных самостоятельных характеристик Сети определенные нормы поведения будут установлены и недопустимые акты будут пресечены; появится некий сетевой этикет, определенное согласие, консенсус пользователей. Это связывается в первую очередь с возможностью регулирования Интернета при помощи "архитектуры" Сети и различных технических спецификаций. Добавим к этому возможность пользователей самостоятельно выбирать между различными нормативными режимами, предложенными операторами системы и другими посредниками. Иными словами, это может быть осуществлено путем саморегуляции. Вместе с тем национальные законодательные власти также не должны бездействовать.

Во-вторых, появляются потребности в идентификации участников. Органы, которые имеют отношение к мировой инфраструктуре информации, обсуждают в настоящее время важный вопрос разработки эффективных механизмов идентификации лиц и отдельных актов поведения субъектов интернет-отношений. По мере того как эти механизмы развиваются, новые технические версии защиты заменят предшествующие, менее совершенные, а следовательно, должна появиться возможность решения столь важной проблемы. Необходимо в скором будущем соединить электронную идентификацию личности пользователя с его реальной идентификацией (невиртуальной, или пространственно реальной). Так, Министерство внутренних дел РФ в конце 2006 г. инициировало разработку специального закона, который решительным образом призван изменить ситуацию в отношении идентификации лиц, совершающих правонарушения. Исходя из анализа вносимых в Комитет по безопасности Государственной Думы норм, можно заключить, что фирмам-провайдерам в России будет запрещено анонимно заключать договоры на оказание услуг связи. Владельцев крупных сайтов обяжут регистрироваться под реальными именами и адресами, как это делается в сфере предпринимательства. Предполагается, в частности, что под любой редакционной или авторской статьей (публикацией) в Интернете будет стоять не абстрактная подпись, а лицо, которое при желании можно будет идентифицировать. Автора и распространителя можно будет установить и за распространение вредной информации привлечь к ответственности. И кроме этого в договоре об оказании информационных услуг должен обязательно присутствовать пункт, обязывающий провайдера незамедлительно в одностороннем порядке расторгнуть соглашение, если правоохранительные органы предъявят мотивированное письменное решение <1>. Решение вопроса идентификации лиц в киберпространстве станет также важным шагом в развитии международного частного и публичного права (в особенности проблем заключения крупных контрактов, которые объективно могут влиять на рынок мировой электронной торговли).

<1>См. подробнее: Российская газета. 2006. 1 нояб.

В 2008 г. органами Генеральной прокуратуры РФ был разработан ряд законодательных поправок в Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности", согласно которым, если какой-либо материал, размещенный на сайте, будет признан судом экстремистским, доступ к нему должен быть перекрыт. Если владелец сайта позволит себе неоднократное размещение экстремистских материалов, то его информационный ресурс будет закрыт по решению суда. Список экстремистских интернет-сайтов будет регулярно публиковаться (обновляться) в СМИ. Провайдеры обязаны будут в течение одного месяца прекратить обслуживание сайта, который окажется в списке.

В-третьих, появилась необходимость в поиске оптимальных нормативных режимов. Мы обсуждали средства экономического регулирования и конкуренции в виртуальном пространстве. И было видно, что данные ненормативные регуляторы существенно влияют на процессы образования права в этой среде. Д. Джонсон и Д. Пост подчеркивают, что принятие децентрализованного решения - это наиболее экономичное и точное средство отражения реальных предпочтений третьих лиц в Сети и во всей структуре электронного федерализма <1>, чем установление унифицированных (общих) применяемых правил. Это вполне оправданно, если анализировать затраты на интегрирование для каждого отдельного закона, ведение централизованных процессов выработки некой определенной интернет-политики на мировом уровне. Это касается затрат времени и иных ресурсов. Все это потребует больших усилий в сфере законотворчества и ратификации международных договоров.

<1>Cm.: Johnson D.R., Post D.G. Law and Borders - The Rise of Law in Cyberspace.

В-четвертых, появится необходимость вмешательства государства в Сеть в целях защиты прав и законных интересов людей. Станут ли государства вмешиваться в эту среду, чтобы запрещать и ограничивать некоторую информационно-правовую деятельность и защищать интересы своих граждан в этой сфере? Необходимо признать, что у государств будет существовать постоянное желание это сделать. Положительное решение данного вопроса будет зависеть в большей степени от качества самоуправления, существующего в Сети, и от будущей практики самого права виртуального пространства.

В связи с этим следует указать на некоторые принципы, закрепленные в Уставе ООН 1945 г. <1> и в преамбуле Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами от 24 октября 1970 г. <2>, чтобы более внятно ответить на этот вопрос. Это прежде всего принцип суверенного равенства государств (п. 1 ст. 2 Устава ООН) и принцип невмешательства в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства (п. 7 ст. 2 Устава ООН). Эта доктрина (lex fori) исходит из положения, что определенное государство может осуществлять свою юрисдикционную (судебную) власть в пределах своей территории. Реализация этой власти в другом государстве не имеет оснований. В случае "конфликта законов" каждое государство должно оценивать одновременно свой собственный интерес и интерес другой страны соразмерно. В итоге, требуется признать компетенцию другой страны, если ее участие в рассматриваемом деле очевидно большее.

<1> См.: Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова. М., 1982. С. 196 - 228.

<2> См.: Международное публичное право: Сб. док. Т. 1. М., 1996. С. 2 - 8.

Так, п. VI Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. указывает, что государства будут воздерживаться от любого вмешательства, прямого или косвенного, индивидуального или коллективного, во внутренние или внешние дела, входящие во внутреннюю компетенцию другого государства-участника, независимо от их взаимоотношений <1>.

<1> См.: Действующее международное право / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова: В 3 т. М., 1996. Т. 1. С. 73 - 79.

Данные положения имеют существенное значение для права виртуального пространства и правового регулирования интернет-отношений, поскольку идеи, которые лежат в основе этих правил международной вежливости, раскрывают вопросы подсудности и подведомственности интернет-споров, а кроме того, вопрос о том, кто имеет необходимую компетенцию для квалификации интернет-правонарушения и кто выносит решение по конкретному делу. Эти принципы не мешают территориальным властям защищать интересы субъектов, находящихся в границах их компетенции, но вместе с тем они побуждают их к большей осмотрительности в данной области.

Здесь стоит также обратить внимание на практику судебных органов решать какоелибо дело путем передачи полномочий. Конвергенция этих доктрин и их влияние на существенное значение для практику имеют процессов регулирования виртуального пространства. Принцип невмешательства во внутренние дела и передача полномочий есть основа разумного управления государственными ресурсами. Иными словами, принятие конкретных решений должно быть доверено тем, кто более четко осознает потребности и особенности данной сферы. Необходимо еще раз подчеркнуть тот факт, что виртуальное пространство является новой средой, превосходящей национальные границы И учитывающей существование фундаментальных юридических принципов. Если операторы, провайдеры и пользователи, которые коллективно регулируют особенный сектор Интернета, желают устанавливать специальные правила регулирования своего поведения в этой среде (при условии, что они не вредят базовым интересам других субъектов права, которые не посещают и не имеют никакого отношения к виртуальному пространству), закон суверенных властей материального мира должен уступать этой новой форме автономии.

Действия и попытки национальных властей, направленные на то, чтобы управлять интерактивным поведением участников в Сети (например, вводя чрезмерно агрессивное регулирование), могли бы вынуждать пользователей перемещать свою активность, располагаясь вне обсуждаемой территориальной компетенции. Такая практика могла бы привести к "отключению" данной территории или региона от новых и очень полезных мировых информационных обменов <1>.

<1> Cm.: Johnson D.R., Post D.G. Law and Borders - The Rise of Law in Cyberspace. P.

1367 - 1402.

В-пятых, следует также подчеркнуть, что опасности и риски негативных явлений, вытекающие из практики Интернета, не свидетельствуют о необходимости введения какой-либо особо жесткой модели регулирования для этой среды. Кроме того, модель децентрализованного регулирования не исключает согласованной политики различных государств в этой сфере. Ведь именно они должны гарантировать общественную безопасность и защищать базовые интересы субъектов интернет-отношений и граждан. Международная договорная работа и международные переговоры в этой сфере являются частью интернет-права и юридического обеспечения сетей, которые необходимо развивать, даже если осуществляемая в виртуальном пространстве практика и сталкивается с многочисленными препятствиями, связанными с внутренними проблемами самих государств.

Важным является также исследование проблем правосознания и правовой культуры субъектов рассматриваемых интернет-отношений. Далее остановимся на них подробнее.

Глава 3. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО ИНТЕРНЕТ-ПРАВУ

§ 1. Понятия киберпреступления и юридической ответственности в интернет-праве

Из предыдущих глав видно, что в интернет-праве наряду с другими проблемами остро стоит и проблема ответственности, причем не только юридической, но и морально-этической и др. Но мы остановимся лишь на понятии юридической ответственности и в связи с этим на процессах правового регулирования ответственности за качество информации, распространяемой в российском сегменте Интернета.

Анализ показал, что в интернет-праве проблема ответственности ставилась и исследовалась в контексте ответственности субъектов интернет-отношений, провайдеров, потребителей информации и др. И ответственность здесь трактуется как "ответственность за любые действия, нарушающие отечественное и зарубежное законодательство и наносящие ущерб третьим лицам" <1>.

<1> Булатецкий Ю.Е. Указ. соч. С. 886.

Конечно, эта трактовка ответственности достаточно интересна, но она не полна с точки зрения общей теории права и практики правового регулирования виртуального пространства и не охватывает всего комплекса теоретико-правовых и прикладных аспектов ответственности. Поэтому остановимся на этой проблеме подробнее в связи с особенностями правового регулирования качества информации в российском сегменте Интернета.

Прежде всего заметим, что каждое обязательство в Интернете, любой вид интернетотношений только тогда обретают реальные характеристики, когда существуют гарантии того, что они будут исполнены субъектами, а также если законодательным или иным правовым актом установлена ответственность за их неисполнение или ненадлежащее исполнение. Это обусловлено тем, что сама ответственность есть результат отрицательного действия в отношении субъекта, нарушившего предписание нормы права. Всем видам юридической ответственности в области интернет-права присущ ряд общих признаков.

Так как речь идет о правовой ответственности, то правовой акт, которым она фиксируется, непременно имеет форму юридического документа, исходящего от органа государственной власти. Надо заметить, во многих случаях это разные по содержанию и целям правовые акты. Преимущественно легитимное (законное) поведение регламентируется актом позитивного права, а нелегитимное, за которым устанавливается тот или иной вид юридической ответственности, - актом позитивного права, относящимся к группе "жестких" (устанавливающих наказание). Обе группы этих актов относятся к разряду содержащих нормы материального интернет-права.

Однако для реализации "жесткой" меры, содержащейся в нормах интернет-права, необходимо выполнить ряд действий, направленных на доказательство вины субъекта (участника) интернет-отношений. Эти действия также регламентируются нормами права, относящимися к разряду процессуальных.

Основанием для возникновения негативной юридической ответственности является правонарушение, совершенное субъектом (участником) в кибернетическом пространстве (т.е. виновное деяние конкретного субъекта (участника), запрещенное действующим законодательством под угрозой наказания.

Из анализа юридической литературы можно сделать вывод, что главной особенностью киберпреступления (компьютерного преступления, преступления в сфере высоких технологий) является использование сетей компьютера для совершения противоправного поступка или преступления в виртуальном пространстве <1>. Следует отметить, что сам термин "киберпреступность" впервые появился в зарубежной печати в

начале 60-х гг. XX в., когда были выявлены первые случаи преступлений, совершенных с использованием ЭВМ. Такое наименование однородных преступлений стало использоваться в практической деятельности правоохранительных органов, хотя изначально, конечно, не имело под собой ни терминологического, ни криминологического обоснования.

<1> См., например: Курушин В.Д., Минаев В.А. Компьютерные преступления и информационная безопасность. М., 1998. С. 16 - 21.

Одна из характерных черт исследуемого вида преступлений - это высокая латентность (по нашим подсчетам, лишь 10 - 12% этих преступлений становятся достоянием гласности) <1>. Следует также отметить устойчивую тенденцию к "организованности" киберпреступлений и выходу их за национальные Немаловажной чертой является и интернациональность участников преступного сообщества. Как правило, руководитель преступной организации не совершает преступлений лично, он только отдает приказы своеобразным руководителям проектов (направлений). Преступники, находящиеся на втором уровне иерархии, создают вредоносные программы, сети инфицированных компьютеров, похищают ценную информацию. Похищенная информация перепродается посредниками (распространителями), представляющими третий уровень преступной сети.

<1> Латентность киберпреступлений составляет: в России - 90%; Великобритании - 85; Германии - 75; США - 80%.

Цивилизованные страны совершенно закономерно пытаются найти пути решения этой проблемы. Ведь чем более масштабной она становится, тем более высокий уровень организации государств требуется для ее разрешения. Так, в рамках ООН регулярно проводятся конференции по профилактике и пресечению киберпреступности, вырабатываются механизмы противодействия этому виду преступлений, принимаются универсальные стандарты и нормы, гарантирующие надежное использование компьютерных систем и средств телекоммуникаций. Такая работа ведется давно <1>.

<1> На VIII Конгрессе (Гавана, 1990 г.) только отмечалась опасность компьютерных преступлений в мире; на IX Конгрессе (Каир, 1995 г.) обращалось внимание общественности на рост данной категории преступлений; на X Конгрессе (Вена, 2000 г.) говорилось об этом явлении как о серьезной проблеме для многих развитых стран; на XI Конгрессе (Бангкок, 2005 г.) было обращено внимание на качественно новое состояние киберпреступности, охватывающей большинство стран планеты.

Условно можно выделить три позиции в отношении данных преступлений.

1. Преступления в сфере компьютерной информации - это самостоятельный вид преступной деятельности, который подразумевает введение новых самостоятельных преступлений. Подтверждением данной позиции является антитеррористический документ США - "Патриотический акт" (Patriot Act) 2001 г. <1>, который впервые вел в оборот новое законодательное понятие "кибертерроризм" и расширил трактовку термина "терроризм". Под кибертерроризмом в США понимаются различные квалифицированные формы хакерства, нанесение ущерба защищенным компьютерным сетям граждан, юридических лиц и государственных ведомств, включая ущерб, причиненный компьютерной системе, используемой государственным учреждением при организации национальной обороны или обеспечении национальной безопасности. В соответствии со ст. 810 Акта 2001 г. наказание за подобные действия ужесточаются до 10 лет лишения свободы для лиц, которые совершают это деяние впервые, и до 20 лет лишения свободы в случае рецидива преступления. Ряд уголовных

составов выделен в специальной главе 13 УК Швеции, устанавливающей ответственность за киберпреступления.

<1> Cm.: http://www.epic.org/privacy/terrorism/hr3162.html.

2. Кибернетических преступлений как самостоятельного вида не существует, их следует рассматривать как квалифицирующий признак обычных "традиционных" преступлений. При этом компьютер и его сети выступают в качестве предмета преступления, орудия преступления или средства, на котором подготавливаются противоправные деяния.

В качестве примера можно привести британский Закон о терроризме 2000 г. (UK Terrorism Act, 2000), который к терроризму относил действия лиц, которые "серьезно нарушают работу какой-либо электронной системы или серьезно мешают ее работе". Подобные квалифицирующие признаки нашли закрепление в уголовных кодексах разных стран. Например, § 2 ст. 278 УК Польши предусматривает ответственность за хищение чужого имущества путем несанкционированного использования компьютерных программ. Часть 3 ст. 615 УК Италии запрещает неправомерный доступ к компьютеру или телекоммуникационной системе. Особая ответственность установлена за неправомерный доступ к компьютерам или телекоммуникационным системам оборонного значения, а также системам, предназначенным для охраны общественной безопасности. Статья 193 УК Кыргызстана предусматривает ответственность за незаконное получение сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, путем незаконного проникновения в компьютерную систему или сеть. Российское уголовное законодательство, в отличие от других стран, например США, Испании, Польши и др., не выделяет квалифицированные составы преступлений по признаку использования компьютеров как средства совершения какого-либо преступления.

3. В соответствии с широкой трактовкой кибернетических преступлений преступлениями в киберпространстве являются любые преступные посягательства с использованием компьютерной техники и информационных технологий <1>.

<1> См., например: Черкасов В.Н. Информационные технологии и организованная преступность // Преступность и коррупция: современные российские реалии. Саратов, 2003. С. 144 - 146.

Исходя из анализа научных работ и публикаций, сегодня можно сделать вывод о том, что киберпреступления нужно исследовать со следующей позиции: необходимо рассматривать киберпреступления как такие действия в Интернете, при которых компьютер является либо орудием, либо предметом посягательств в виртуальном пространстве. При этом, в частности, преступное завладение технических средств и их компонентов в сфере интернет-коммуникаций должно рассматриваться как один из случаев совершения киберпреступлений <1>.

<1> См.: Курушин В.Д., Минаев В.А. Указ. соч. С. 14 - 21.

Одновременно киберпреступления можно исследовать как противозаконные действия в сфере автоматизированной обработки информации. В данном случае в качестве главного классифицирующего признака, позволяющего отнести эти преступления в обособленную группу, выделяется общность способов, орудий и объектов посягательств. Иными словами, объектом посягательства здесь выступает информация, обрабатываемая в виртуальном пространстве, а компьютер служит орудием посягательства.

Законодательство многих стран (в том числе и России) развивается именно в рамках последнего подхода, поэтому, на наш взгляд, следует принять указанную формулировку.

Будем считать, что к киберпреступлениям относятся такие общественно опасные деяния, которые совершаются с использованием средств компьютерной техники в отношении информации, обрабатываемой и используемой в Интернете.

Для реализации юридической ответственности важно установить причинноследственные связи между негативными последствиями, наступившими в результате нарушения правового предписания, и действиями (бездействием) предполагаемого нарушителя, действующего в Интернете.

Несмотря на "жесткий" характер основных видов юридической ответственности, главная цель их применения не может быть сведена только к наказанию виновного субъекта (участника). Определяющая цель применения юридической ответственности - поддержание нормального порядка в виртуальном пространстве Интернета, основанного на следовании большинства субъектов интернет-отношений установленным нормам материального права, и ненарушение ими норм "жесткого" права.

К сожалению, не все субъекты правовых отношений сознательно следуют позитивному порядку в Интернете. Многие из них нарушают этот порядок и подвергаются воздействию норм права, устанавливающих негативную юридическую ответственность. Однако на часть субъектов сам факт наличия норм права, устанавливающих юридическую ответственность, действует как сдерживающий фактор, предупреждающий их неправомерные действия. Таким образом, установление юридической ответственности факультативно имеет в этом случае еще и нравственно-воспитательное значение.

Ответственность по интернет-праву - это сложное, многоплановое явление. Она включает в себя:

- 1) оценку своего поведения и его социально значимых последствий;
- 2) осознание собственного долга, сформулированного в нормах интернет-права, действия, сообразующиеся с этим;
- 3) наложение соответствующих взысканий от имени государства, общественной организации, коллектива за поведение, отклоняющееся от нормы;
 - 4) компенсацию ущерба, причиненного неправомерным поведением.
- В итоге можно заключить, что юридическая ответственность в Интернете это применение к виновному лицу, совершившему правонарушение, мер воздействия, предусмотренных санкцией нарушенной нормы интернет-права в определенном регламентированном порядке. Это также особое правоотношение между правонарушителем и компетентным органом власти, содержанием которого является обязанность виновного правонарушителя претерпеть определенные неблагоприятные последствия личного, имущественного или организационного характера, обеспеченные государственным принуждением и выражающие отрицательное отношение общества к такому поведению.

Сущность такой ответственности состоит в обязанности индивида выполнить требования, которые предъявляются ему всем обществом (социумом). Негативную юридическую ответственность по интернет-праву могут охарактеризовать три признака:

- 1) наличие неблагоприятных последствий для правонарушителя;
- 2) государственно-правовое принуждение;
- 3) осуждение правонарушения и его субъекта со стороны общества и государства.

Мы считаем, что в рассматриваемой сфере необходимо различать ответственность по видам в зависимости от характера совершенного правонарушения в Интернете (дисциплинарная, административная, гражданская и уголовная ответственность).

В связи с характеристикой общественных отношений, складывающихся в Интернете, можно сделать вывод, что наиболее часто к правонарушителям здесь применяются меры гражданской, а также уголовной ответственности (в случае совершения преступления при помощи технических средств Сети и распространения информации, уголовно наказуемой), реже - административной.

§ 2. Особенности отдельных правонарушений в киберпространстве (распространение экстремистских материалов в Интернете; клевета в Интернете; незаконное распространение порнографических материалов в Интернете; нарушение правил интернет-торговли; нарушение авторских и смежных прав в Сети)

Конечно, все виды правонарушений в Интернете рассмотреть невозможно, поэтому мы сделаем акцент на ответственности за те виды правонарушений и преступлений в области распространения информации, которые сегодня наиболее характерны.

Став неотъемлемой частью жизни, Интернет вместе с тем зачастую используется для совершения правонарушений, посягающих на конституционные права и законные интересы личности. Он в итоге становится источником противоправных, антиобщественных проявлений.

Распространение экстремистских материалов в Интернете. Юридические аспекты борьбы с экстремистской деятельностью в Интернете на сегодняшний день исследовались лишь в общем виде. Поэтому остановимся на них в контексте идей интернет-права. Следует отметить, что в России до недавнего времени не существовало обширных правовых средств противодействия таким негативным явлениям, как экстремизм, ксенофобия, проявление нетерпимости разного толка, расовой, национальной или религиозной розни, связанной с насилием или призывами к насилию. Сегодня механизм противодействия указанным выше явлениям определяет Федеральный закон от 25 июля 2002 г. "О противодействии экстремистской деятельности". Несмотря на сложность и противоречивость правовых конструкций и положений данного нормативного правового акта, следует признать, что даже такие непрозрачные "правила игры" лучше, чем отсутствие регламентации в данной сфере.

Закон о противодействии экстремистской деятельности определил, что на территории России запрещается издание и распространение печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов, содержащих признаки экстремистской деятельности, которые обозначены в ст. 1 данного Закона.

К подобным материалам относятся:

- а) официальные материалы запрещенных экстремистских организаций;
- б) материалы, авторами которых являются лица, осужденные в соответствии с международно-правовыми актами за преступления против мира и человечества и содержащие признаки, предусмотренные п. 1 ст. 1 Закона;
- в) любые иные материалы (в том числе анонимные), содержащие признаки экстремистской деятельности.

Ссылаясь на ст. 13 Закона, можно с уверенностью констатировать, что незаконная информация экстремистского толка преследуется правоохранительными органами и в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования (Интернете), даже если носителя информации сложно обнаружить или по каким-то причинам он не может быть представлен в материальной форме (диск, накопитель, дискета и т.д.) следствию или суду. Например, только в период с января по апрель 2007 г. Министерство внутренних дел РФ выявило порядка 148 сайтов террористической и экстремистской направленности <1>. В основном это сайты, где возбуждается вражда и ненависть к представителям других народов, содержатся призывы к осуществлению экстремистской деятельности, предложения об услугах киллеров, информация по приготовлению взрывчатых веществ.

<1> Из них в Рунете было выявлено более 70 сайтов, в США - 49, в Нидерландах - шесть, в Германии - пять, в Великобритании - четыре, в Канаде - три и в Турции - два. Информация об информационных ресурсах, расположенных в зарубежных сегментах

глобальной сети, была направлена в правоохранительные органы соответствующих стран // http://www.mvd.ru/about/press/4712/#Hl.

В настоящее время законодатель уточнил, что для квалификации подобных правонарушений и преступлений не имеет значения форма предоставления информации. Еще раз подчеркнем: речь идет о распространении в Сети печатных, аудио-, аудиовизуальных и иных материалов, содержащих все признаки экстремистской деятельности. Важным является не форма предоставления сведений, а содержание подобной информации. И сам факт ее размещения в Интернете. Поэтому при наличии всех признаков экстремистской деятельности создание, хранение и распространение такого рода сведений должно преследоваться по закону.

Статья 12 Закона имеет прямое отношение к противодействию подобной деятельности в электронной среде Интернета. Она устанавливает прямой запрет на использование сетей связи общего пользования для осуществления экстремистской деятельности. В случае если Сеть все же используется для осуществления подобной деятельности, применяются соответствующие меры государственного воздействия с учетом особенностей отношений, регулируемых законодательством в области связи.

Однако следует указать на неоднозначность правоприменительной практики в данном случае. На практике от ответственности освобождены интернет-провайдеры и телефонные компании, предоставляющие услуги доступа к глобальной сети и телефонной связи членам экстремистских организаций. Их роль здесь может быть чисто технической, а может быть и намеренной. В повседневной жизни правоохранительным органам будет трудно доказать умысел этих субъектов. Они осуществят связь, не зная о том, кому именно предоставляют эти услуги; информационным посредникам трудно, а порой и невозможно предварительно проверить информацию на предмет содержания в ней признаков экстремизма. Вместе с тем следует признать: такого рода противоправная деятельность имеет широкое распространение благодаря беспрецедентным возможностям Интернета. Многие информационные ресурсы намеренно поощряют экстремистскую деятельность. Это способствует "раскрутке" такого портала и привлечению большего числа пользователей, а значит, и финансовых средств. На наш взгляд, законодателю следует урегулировать данный пробел и определить процедурные нормы привлечения к юридической ответственности субъекта преступления в Интернете за подобные деяния (когда такие действия носят систематический характер, а намерение и вина лица очевидны).

Наиболее существенным моментом в регулировании данного вопроса является определение федеральным законом подсудности споров, связанных с экстремизмом, и некоторых процедурных норм судопроизводства по данным делам. По закону установление наличия в информационных материалах признаков экстремистской деятельности осуществляется федеральным судом ПО месту обнаружения материалов месту нахождения распространения таких ИЛИ ПО организации, осуществившей их издание, на основании представления прокурора. Решение суда об установлении наличия в информационных материалах признаков экстремистской деятельности является основанием для изъятия нереализованной части бумажного тиража. Организация, дважды в течение 12 месяцев осуществившая издание экстремистских материалов, лишается права на ведение издательской деятельности. предположить, что подобные меры должны применяться и к субъектам интернет-права. Незаконные материалы по решению суда должны быть удалены из Сети, лица - наказаны, а сайт может быть заблокирован (во всяком случае, может быть недоступен для пользователей российской зоны Интернета).

Копия вступившего в законную силу судебного решения о признании информационных материалов экстремистскими направляется в федеральный орган исполнительной власти в сфере юстиции.

В настоящее время формируется федеральный список экстремистских материалов. Он подлежит периодическому опубликованию в СМИ <1>. Полномочия по ведению списков экстремистских материалов возложены с 5 мая 2006 г. на Федеральную регистрационную службу в соответствии с Указом Президента РФ от 2 мая 2006 г. N 450 <2>. Помощь в формировании списка оказывает Генеральная прокуратура РФ. Решение о включении материалов в Федеральный список экстремистских материалов может быть обжаловано в суд в установленном порядке.

Материалы, включенные в федеральный список экстремистских материалов, не подлежат распространению на территории Российской Федерации. Лица, виновные в незаконном изготовлении, распространении и хранении в целях дальнейшего распространения указанных материалов, привлекаются к административной либо уголовной ответственности. Все это также имеет место и в отношении лиц, распространяющих подобную информацию в Интернете.

Следует отметить, что процедура привлечения к ответственности за распространение экстремистских материалов в Интернете с каждым годом становится более понятной, позиция законодателя - определенной.

Клевета в Интернете. Чтобы опорочить человека, заинтересованному субъекту (лицу) достаточно разместить соответствующие сведения на каком-либо посещаемом сайте в Интернете, и их будет обсуждать неограниченный круг лиц, на них будут ссылаться как на источник информации. Таким образом распространяется информация, дискредитирующая простых граждан, участников интернет-отношений, известных государственных деятелей, конкурентов в избирательных кампаниях разных уровней и т.д.

Известно, что ч. 1 ст. 23 Конституции РФ закрепляет право лица на защиту чести и доброго имени. В силу ст. 150 ГК РФ защищаются нематериальные блага: достоинство личности, честь и доброе имя, деловая репутация и иные личные неимущественные права. Эти законодательные положения применимы и в Интернете. Однако в ходе интернетспоров часто приходиться разбираться, что такое честь, репутация, достоинство и др.

Надо отметить, что "честь", "достоинство", "репутация" - близкие категории. Вместе с тем в целях проводимого исследования следует их отграничить. По мнению К.Б. Ярошенко, когда имеет место объективная оценка субъекта (личности) окружающими, речь идет о чести. Если в основу положена внутренняя (субъективная) оценка лица, его самооценка, то следует говорить о его достоинстве. Репутацию автор определяет как общественную оценку или общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках физического или юридического лица. Деловая репутация связана с профессиональными, предпринимательскими качествами субъекта. Деловой репутацией может обладать каждый участник интернет-отношений (любой гражданин), занимающийся хозяйственной деятельностью, а также любое юридическое лицо. Честь, достоинство, деловая репутация субъекта (гражданина) в совокупности определяют "доброе имя", неприкосновенность которого гарантирует Конституция $P\Phi < 1 > 1$

Сведения признаются порочащими честь, достоинство или деловую репутацию, если они не соответствуют действительности, причем бремя доказывания лежит на субъекте (лице), их распространяющем, в соответствии с п. 1 ст. 152 ГК РФ.

<1>См., например, первый такой список: Российская газета. 2007. 14 июля.

<2> C3 РФ. 2006. N 9. Ст. 2069.

<1> См. более подробно об этом: Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. 2-е изд. М., 2003. С. 394 - 397.

Порочащими являются сведения, содержащие утверждения о нарушении субъектом или организацией действующего законодательства или моральных принципов (о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту), и другие утверждения, порочащие производственно-хозяйственную и общественную деятельность, деловую репутацию, умаляющие честь и достоинство.

Под распространением понимается опубликование таких сведений в печати, трансляция по радио, телевидению, демонстрация в хроникальных программах и других средствах массовой информации, изложение в служебных характеристиках, публичных выступлениях, заявлениях, адресованных юридическим лицам, или сообщениях в иной (в том числе устной) форме нескольким или хотя бы одному лицу.

Приведенные определения применимы и к сфере Интернета. Это положение подтверждает п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц" <1>.

<1> К распространению сведений, порочащих честь и достоинство граждан или деловую репутацию граждан и юридических лиц, Пленум Верховного Суда РФ относит: опубликование таких сведений в печати, трансляцию по радио и телевидению, демонстрацию в кинохроникальных программах и других средствах массовой информации, распространение в сети Интернет, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, изложение в публичных выступлениях, заявлениях, адресованных должностным лицам, или сообщение в той или иной, в том числе устной, форме хотя бы одному лицу. Сообщение таких сведений лицу, которого они касаются, не может признаваться их распространением, если лицом, сообщившим данные сведения, были приняты достаточные меры конфиденциальности, с тем, чтобы они не стали известны третьим лицам (ВВС РФ. 2005. N 4).

В соответствии со ст. 151 и 152 ГК РФ субъект (истец) может требовать:

- пресечения дальнейшего распространения информации в Сети, а также ее опровержение тем же способом, которым она была распространена;
- имущественной ответственности ответчика (компенсация морального вреда, возмещение убытков, штраф в случае неисполнения судебного решения по опровержению информации). В п. 2 ст. 152 ГК РФ специально определен порядок опровержения сведений, порочащих которые распространены В СМИ. Более подробно регламентирован в Законе РФ "О средствах массовой информации" (ст. 44). Опровержение в периодическом печатном издании должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под заголовком "Опровержение", как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемые сообщение или материал. По радио и телевидению опровержение должно быть передано в то же время суток и, как правило, в той же передаче, что и опровергаемые сообщение или материал. Объем опровержения не может более чем вдвое превышать объем опровергаемого распространенного сообщения или материала. Нельзя требовать, чтобы текст опровержения был короче одной стандартной страницы машинописного текста. Опровержение по радио и телевидению не должно занимать меньше эфирного времени, чем требуется для прочтения диктором стандартной страницы машинописного текста.

Кодекс РФ об административных правонарушениях предусматривает административную ответственность в случае непредоставления возможности обнародовать опровержение или иное разъяснение в защиту чести, достоинства и деловой репутации зарегистрированного кандидата до окончания срока предвыборной агитации (ст. 5.13).

На наш взгляд, административное наказание (штраф от 10 тыс. до 20 тыс. руб.) можно налагать на владельцев информационных сетевых ресурсов, если на последних в

период предвыборной агитации размещалась информация, способная нанести ущерб чести, достоинству или деловой репутации зарегистрированного кандидата.

Уголовным кодексом РФ предусмотрена уголовная ответственность за клевету и оскорбление субъекта (лица). Уголовная ответственность за клевету и оскорбление - государственная гарантия защиты чести и достоинства личности, в том числе лиц, работающих в сфере Интернета.

В соответствии со ст. 129 УК РФ клеветой признается распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию, которое наказывается штрафом в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок от 120 до 180 часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

Более жесткое наказание предусмотрено за клевету, содержащуюся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, - штраф в размере до 120 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо обязательными работами на срок от 180 до 240 часов, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев.

Мы считаем, что, поскольку Интернет признается публичным пространством, клевета, распространяемая на сайтах в Интернете, должна квалифицироваться в соответствии с указанными нормами права и наказываться вышеназванными мерами. Исключения для субъектов интернет-отношений в этом случае невозможны. Поэтому ч. 2 ст. 129 УК РФ может быть сформулирована так:

"2. Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, а равно в информационно-коммуникационных сетях, в том числе и Интернете," - далее по тексту.

Если клевета соединена с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, то наказание ужесточается вплоть до ограничения свободы на срок до трех лет, либо до ареста на срок от четырех до шести месяцев, либо до лишения свободы на срок до трех лет.

Так, Закон "О противодействии экстремистской деятельности" к экстремизму относит публичное заведомо ложное обвинение лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или субъекта РФ, в совершении им в период исполнения своих должностных обязанностей экстремистской деятельности (ст. 1).

Отдельно ч. 2 ст. 130 УК РФ предусмотрена ответственность за оскорбление - унижение чести и достоинства другого лица в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, выраженное в неприличной форме, - наказывается штрафом в размере до 80 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо обязательными работами на срок до 180 часов, либо исправительными работами на срок до одного года.

Оскорбление как преступление должно быть выражено в неприличной, т.е. циничной, форме, глубоко противоречащей правилам поведения, принятым в обществе. Оскорбление - это нанесение обиды в различных формах (например, в виде ругательств или нецензурных прозвищ; письменно в виде записок или писем неприличного содержания; в виде телодвижений - пощечин, плевков в лицо и т.п. действий).

В отличие от клеветы при оскорблении не имеет значения, соответствует ли действительности отрицательная оценка личности пострадавшего или нет.

На наш взгляд, ч. 2 ст. 130 УК РФ может быть сформулирована следующим образом:

"2. Оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, а равно в информационно-коммуникационных сетях, в том числе и Интернете," - далее по тексту.

Следует отметить, что суды испытывают определенные трудности при решении споров относительно указанных правонарушений, связанных с Интернетом, а иногда и вовсе не готовы к рассмотрению дел данной категории. Анализ показал, что среди множества проблем судебной практики по этим делам можно выделить несколько, непосредственно касающихся механизмов распространения информации: 1) сложность определения самого события преступления и правильной квалификации деяния; 2) сложность установления круга лиц, привлекаемых к юридической ответственности и обязанных компенсировать моральный вред и материальный ущерб пострадавшему; 3) фиксация (собирание, представление) доказательств, их допустимость и достоверность; 4) отсутствие необходимого опыта у органов следствия по расследованию данных преступлений, недостаточность процедурных норм, сложность проведения следственных действий.

Например, американские полицейские называют следующие проблемы в борьбе с кибертерроризмом: недостаток квалифицированных кадров, пробелы в законодательстве (противоречия и нечеткость формулировок американского законодательства, в частности понятий экстремистской и террористической информации); технологические трудности; недостаточное международное сотрудничество. В целом зарубежные специалисты исходят из того, что основной проблемой в сфере борьбы с киберпреступностью является сложность идентификации виновных лиц и оценки масштаба последствий преступного деяния.

Процесс распространения информации в Интернете в этом случае можно описать как процесс, в котором помимо самого автора участвуют два субъекта (лица): владелец сайта (сетевого информационного ресурса) и владелец сервера (хост-провайдер). Следовательно, потенциальными ответчиками могут являться как хост-провайдеры (разместившие информационный ресурс на своем сервере), так и владельцы информации.

Возможность анонимного присутствия в Сети позволяет скрыть подлинные имена автора, источника и лица, разместившего информацию. Примером могут служить интерактивные "гостевые книги", которые открываются на сайтах для выражения мнения посетителей по данной теме в качестве одной из форм изучения общественного мнения. Естественно, что каждый последующий посетитель имеет возможность познакомиться с мнением предыдущего. Найти автора "мнения", как правило, не представляется возможным.

Вместе с тем судебная защита чести, достоинства и деловой репутации лица, в отношении которого распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, не исключается также в случае, когда невозможно установить лицо, распространившее такие сведения (например, при направлении анонимных писем в адрес граждан и организаций либо распространении сведений в сети Интернет лицом, которое невозможно идентифицировать). В соответствии с п. 6 ст. 152 ГК РФ суд в указанном случае вправе по заявлению заинтересованного лица признать распространенные в отношении его сведения не соответствующими действительности порочащими сведениями. Такое заявление рассматривается в порядке особого производства (подраздел IV раздела II ГПК РФ) <1>.

Пострадавший от подобного "клеветнического мнения" в судебном порядке в соответствии с п. 6 ст. 152 ГК РФ вправе требовать признания распространенных сведений не соответствующими действительности и их удаления с сайта, но рассчитывать на материальное возмещение, к сожалению, не может.

<1> Об этом см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц".

В случае если не соответствующие действительности порочащие сведения были размещены в сети Интернет на информационном ресурсе, зарегистрированном в установленном законом порядке в качестве средства массовой информации, при рассмотрении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации необходимо руководствоваться нормами, относящимися к средствам массовой информации.

Не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения.

Проблема заключается в том, что для доказательства в суде факта распространения порочащих сведений в Сети конкретными субъектами (лицами) требуется проведение достаточно сложных процедур: просмотр протоколов доступа, проверка учетных записей провайдеров, определение телефонных номеров и их владельцев, просмотр содержимого серверов, установление владельцев серверов, зачастую находящихся в разных странах, что связано с исполнением международных поручений, и т.д.

Конечно, есть система оперативно-розыскных мероприятий органов МВД, ФСБ и других силовых структур, позволяющая найти правонарушителя, действующего на территории, скажем, государств СНГ. Однако экстерриториальность Интернета позволяет размещать компрометирующую информацию на территории другого государства (например, заключив договор хостинга <1> с провайдером, находящимся за пределами России) <2>.

<1> Хостинг (англ. Web-hosting) - это услуга по размещению чужой информации на своем веб-сервере или чужого веб-сервера на собственной "площадке". Договор хостинга - это соглашение, согласно которому провайдер осуществляет предоставление на время свободного дискового пространства на сервере для размещения сайта, принадлежащего другому лицу за определенную плату.

<2> Необходимо различать такие понятия, как "российский сегмент Интернета" и "русскоязычный Интернет". Под российским сегментом Интернета принято понимать совокупность информационных ресурсов серверов, находящихся на территории нашей страны, интернет-адреса которых зарегистрированы РосНИИРОС и другими действующими регистраторами (в домене .ru). Под русскоязычным Интернетом понимается совокупность информационных ресурсов, представленных на русском языке, независимо от места нахождения и регистрации содержащих их серверов.

Поскольку данные информационных систем и сетей не всегда находятся в статическом состоянии, традиционные процедуры сбора доказательств должны быть адаптированы для информационно-коммуникационных сетей. Речь идет о возможностях сбора вредной информации в режиме реального времени и законном перехвате информации органами следствия. Некоторые из этих мер изложены в Рекомендации Совета Европы от 11 сентября 1995 г. N R (95) 13 относительно проблем уголовных процедур, связанных с технологией обработки информации <1>.

<1> Cm.: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=538299&Site=COE&BackColorInternet=DBDCF2&BackColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FDC864.

Представим, что субъект интернет-отношений (лицо), распространивший порочащие сведения, установлен. Перед истцом в подтверждение своих исковых требований возникает проблема сбора и представления в суд доказательств. "Обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений" <1>. Естественно, что ответчик поспешит удалить из памяти сервера доказательство своего правонарушения.

<1> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц".

Отсутствие у истца процессуально закрепленных прав на проведение мероприятий, фиксирующих необходимые доказательства (факт размещения незаконной информации в Интернете), само по себе не является препятствием, так как суд вправе обязать сторону представить доказательства (ст. 56, 57 ГПК РФ). Если в деле помимо ответчика - владельца информационного ресурса будет представлена третья сторона - хост-провайдер, суд может обязать последнего подтвердить факт размещения на дисковом пространстве его сервера компрометирующей информации.

Если исходить из того, что сервер, в памяти которого размещена незаконная информация, является идеальным вещественным доказательством в суде, надо учитывать следующие трудности: исследовать весь объем хранящейся на сервере информации будет проблематично из-за большой емкости его памяти; при изъятии сервера могут быть нарушены права других пользователей Интернета, разместивших информацию на данной "площадке"; техническая экспертиза и мониторинг содержимого памяти сервера весьма дорогостоящая процедура; не исключено, что в результате таких действий окажется парализована вся работа провайдера, из-за того что его лишили основного орудия труда.

Такие возможности провайдера, как ведение протокола доступа, учетных записей, а также наличие на компьютере сервера лог-файла <1>, позволяющего фиксировать все осуществляемые на нем действия, можно использовать в помощь правосудию. Для этого необходимо обязать провайдеров регулярно копировать информацию с лог-файла, бережно хранить и представлять ее при первом требовании заинтересованных и компетентных государственных органов. Такие доказательства считаются допустимыми и в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством применяются судами в качестве письменных (ст. 71 ГПК РФ).

<1> Лог-файл (от англ. "log files") представляет собой специальный файл, содержащий системную информацию о работе сервера и сведения о действиях пользователей: дату и время визита пользователя; IP-адрес компьютера пользователя, а также иные настройки. Исследуя лог-файлы, можно получить сводные показатели активности потребителей интернет-услуг, изучить закономерности поведения различных групп, их предпочтения, интересы.

По такому же пути идет и законодательство других стран. В Великобритании в марте 2006 г. был принят Закон о противодействии терроризму (UK Terrorism Act, 2006) <1>, в котором определены четкие процедуры взаимодействия полиции с хост-провайдерами по удалению террористических материалов, блокированию экстремистских сайтов, улучшению международного сотрудничества в данной сфере. В Италии с 2005 г. действует Закон о борьбе с терроризмом, в соответствии с которым сервис-провайдеры обязаны хранить лог-файлы, а также иные данные о трафике пользователей. Кроме того, по итальянскому Закону операторы связи должны сохранять информацию о пропущенных и непринятых телефонных звонках.

<1> Cm.: http://www.agentura.ru/dossier/uk/counterterror/.

Наиболее приемлемым способом доказывания юридического факта на сегодняшний день является заверение у нотариуса интернет-страниц. Заинтересованное лицо составляет на имя нотариуса запрос, в котором просит удостоверить факт нахождения спорной информации по определенному адресу в Интернете. В таком запросе обычно указываются: адрес страницы, конкретные спорные фразы или выражения,

обосновывается обеспечения доказательств. Нотариус цель местонахождение информации в Интернете, распечатывает ее на бумажном носителе, проверяет наличие запрашиваемой информации в распечатанном экземпляре. Таким образом, он выполняет несколько нотариальных действий: получение доказательств и осмотр этих доказательств. Обычно, заверяя протокол осмотра интернет-страницы, нотариус указывает, каким образом он получил доступ к информации, описывает последовательность своих действий. Заверенная распечатка документа выступает письменным доказательством, так как соответствует требованиям, предъявляемым к письменным доказательствам, исходя из положений ст. 71 ГПК РФ и ст. 75 АПК РФ <1>. Примерно то же самое делает и следователь. Необходимо отметить, что нотариус обеспечивает доказательства только по спору, находящемуся на досудебной стадии разбирательства (или до рассмотрения дела в административном порядке) в силу ст. 102 Основ законодательства РФ о нотариате <2>. На стадии судебного разбирательства обеспечение доказательств осуществляется по запросу суда.

<1> См. также: Инструктивные указания Госарбитража СССР от 29 июня 1979 г. N И-1-4 "Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники" // Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража СССР. 1983. С. 47.

<2> Ведомости РФ. 1993. N 10. Ст. 357.

В случае положительного рассмотрения интернет-спора суд принимает решение, которое, по сути, направлено на восстановление положения, существовавшего до нарушения права (а также на возмещение убытков или компенсацию морального вреда). Мы считаем, что в качестве меры обеспечения иска на основе судебного акта может быть блокирован доступ со стороны провайдера, т.е. установлены так называемые фильтры (программы фильтрации, содержащие перечень интернет-адресов, соединение с которыми не осуществляется).

С нашей точки зрения, необходима также независимая организация (так называемый Web-депозитарий), обладающая законодательно установленным правом фиксировать и затем подтверждать в суде факт размещения в Интернете той или иной информации. Такую структуру вполне могли бы образовать провайдеры, поскольку создание государственной организации подобного рода будет стоить дорого.

Таким образом, правовое регулирование ответственности за распространение информации, порочащей честь и достоинство, хорошо разработано. Однако механизм его применения к современным интернет-отношениям пока еще разработан слабо. Но, как нам видится, именно в судебных процессах должна вырабатываться практика применения давно существующих норм к новым отношениям в области Интернета.

Незаконное распространение порнографических материалов в Интернете. По статистике, в глобальной сети работает 4 - 5 млн. порнографических сайтов. Ежегодный оборот торговли порнографией через Интернет составляет порядка 3 млрд. долл. США. Минимальная сумма, необходимая для создания полноценного платного порносайта с легально приобретенным контентом, равна 25 тыс. долл. США. В 2007 г., по данным МВД, в России было зарегистрировано 248 преступлений, связанных с распространением в Интернете детской порнографии. Для сравнения, в 2006 г. органами следствия было зафиксировано 146 таких преступлений (в 2005 г. - всего 31). Возбуждение уголовных дел в России связано преимущественно с распространением порнографических материалов с участием несовершеннолетних лиц. Наши правоохранительные органы уверяют, что Россия не является производителем детской порнографии и большинство вредной информации подобного содержания экспортируется к нам из-за рубежа.

В самом общем смысле под порнографией принято понимать изображение или описание секса с упором на физиологические подробности. Юридические определения,

существующие в разных странах мира, весьма расплывчаты и периодически претерпевают изменения. Скажем, в настоящий момент в Европе и США порнографией считается только непосредственный показ проникновения или орального секса, в Японии - любое изображение гениталий. В Китае с 1990 г. действует Закон, по которому распространение порнографии карается смертной казнью. Такая же ситуация и в Ираке. В Дании, Швеции, Австралии, Нидерландах отношение к порнографии самое лояльное. В Нидерландах нет практически никаких ограничений на производство порнофильмов.

Следует отметить, что эротическая и порнографическая продукция в большинстве стран мира не запрещена, а ограничена. Эти ограничения в основном касаются: 1) времени публичного показа данной продукции, 2) места расположения секс-шопов, 3) вовлечения несовершеннолетних в этот бизнес. При этом главная цель введения ограничений - сделать данную продукцию малодоступной для несовершеннолетних, так как порнография оказывает травмирующее воздействие на психику подростка.

Однако в Интернете большинство данных ограничений становятся неэффективными. Это связано с тем, что порноиндустрия в Интернете - это огромный и слабо контролируемый государствами бизнес; большинство запросов в Интернете связаны именно с посещением порносайтов. Например, в киберпространстве будет сложно соблюсти норму Закона "О средствах массовой информации" о том, что распространение выпусков специализированных радио- и телепрограмм эротического характера без кодирования сигнала допускается только с 23 до 4 часов по местному времени, если иное не установлено местной администрацией (ст. 37).

В России, по экспертным оценкам, в среднем компания, занимающаяся размещением порнографических материалов в Сети, зарабатывает 120 - 140 тыс. долл. США в месяц, доходы за месяц более крупных порталов составляют 300 - 500 тыс. долл. США. Отдельно в этом бизнесе стоят одиночки, не имеющие своего продукта, но привлекающие посетителей на чужие платные интернет-площадки. Они создают сложные системы бесплатных страничек, на которых размещают картинки и приглашение посетить платные ресурсы. Доходы таких одиночек составляют в месяц 2 - 3 тыс. долл. США. Таких агентов в России, по подсчетам разных экспертов, 5 - 7 тыс. человек.

Исследуемая категория уголовных дел на практике относится к категории проблематичных. Во-первых, в российском законодательстве не содержится четкого определения порнографии. В каждом конкретном случае порнографию от эротики должен отличить экспертный совет. Для этого необходима комплексная судебная медикопсихологическая экспертиза. Во-вторых, чтобы избежать ответственности, российские распространители данного контента размещают серверы с порнографической продукцией за пределами России, на информационных ресурсах государств, где это законодательно разрешено. Таким образом, если властям и удается решить конфликты, то это связано с международно-правовой работой и стоит очень дорого.

Нам представляется важным упорядочить данные отношения в Интернете как законодательными, так и техническими(!) мерами. Во-первых, необходимо добиться того, чтобы порнографическую продукцию можно было покупать (продавать) только в лицензированных интернет-магазинах. Во-вторых, государство должно лицензировать стрип-бары, работающие в Интернете, причем следует запретить вход на интернет-площадки лицам, не достигшим 18 лет. В-третьих, следует выделить специальную доменную зону (зоны) для осуществления данного бизнеса. В-четвертых, нужно развивать международно-правовое сотрудничество в сфере борьбы с детской порнографией, педофилией, сводничеством. Обязать активных игроков Интернета в России подписать специальную хартию "Рунет против детской порнографии".

На наш взгляд, необходимо также дополнить ст. 242.1 "Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних" УК РФ третьей частью:

"3. Изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями через компьютерную систему или информационнотелекоммуникационную сеть с участием лиц, заведомо не достигших четырнадцатилетнего возраста (детей), -

наказываются лишением свободы на срок до восьми лет с конфискацией средств совершения преступления."

Например, подобная статья существует в Уголовном кодексе Украины. Часть 3 ст. 301 "Ввоз, изготовление, сбыт и распространение порнографических предметов" УК Украины устанавливает наказание сроком от трех до семи лет лишения свободы.

Следует обратить внимание на то, что в феврале 2008 г. Министерство культуры и массовых коммуникаций РФ совместно с Министерством юстиции РФ разработали специальный законопроект "Об ограничении оборота продукции эротического и порнографического характера". В нем дано отсутствующее до сих пор в российском законодательстве определение порнографии. Это "детализированное, натуралистическое изображение, словесное описание или демонстрация полового акта, половых органов, имеющие целью сексуальное возбуждение". Эротика, в свою очередь, определяется как "демонстрация сексуальных отношений людей, не содержащая элементы порнографии". При этом к эротической и порнографической продукции не относятся произведения, имеющие научную или художественную ценность, а также носящие образовательный или медицинский характер.

Важным шагом в этой сфере будет скорейшее подписание и ратификация нашей страной Европейской конвенции о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия 2007 г., к которой присоединилось большинство европейских стран. Представляется, что здесь нужно действовать прежде всего именно путем заключения международных многосторонних договоров. Причем государства должны не просто провозглашать свои приоритеты по защите молодого поколения от сексуальной эксплуатации, а выделять специальные фонды на защиту детей от психологического насилия.

Интересным здесь будет также и зарубежный опыт. Так, например, Уголовный кодекс Исландии предусматривает достаточно суровое наказание только за просмотр детской порнографии. Статья 210 УК Исландии квалифицирует как уголовное преступление "владение фотографиями, фильмами или подобными носителями, где дети изображены в откровенных или непристойных ситуациях". За первые годы введения этой статьи к уголовной ответственности были привлечены около 200 человек.

В США в 2006 г. на рассмотрение Конгресса был внесен законопроект Stop the Online Exploitation of Our Children Act <1>, призванный пресечь распространение детской порнографии в Сети. В случае его принятия владельцы сайтов, на которых размещаются порнографические материалы с участием детей, понесут суровую уголовную ответственность. Вначале администратор интернет-ресурса получит предупреждение с требованием немедленно удалить вредную информацию, а о факте публикации будет сообщено в Национальный центр по делам пропавших и подвергшихся насилию детей (NCMEC) <2>, специалисты которого свяжутся с местным полицейским управлением. В противном случае администрацию онлайнового ресурса будет ожидать штраф в размере 300 тыс. долл. США и возбуждение уголовного дела. Помимо этого предусматривается создание базы данных, в которую должны быть занесены онлайн-контакты лиц, осужденных за сексуальные преступления. За отказ предоставить подобные данные для пользователей предусмотрено тюремное заключение сроком до 10 лет.

<1> Cm.: http://politechbot.com/docs/mccain.child.sex.offender.120806.pdf.

<2> Cm.: National Center for Missing and Exploited Children // http://www.missingkids.com/.

Нарушение правил интернет-торговли. Крайне важной в интернет-праве является в настоящее время проблема ответственности за качество информации, предоставляемой продавцом в рамках электронной торговли. Остановимся на ней подробнее.

Практика показывает, что приобретение товаров через Интернет сопряжено со многими возможными конфликтными ситуациями, которые следует учитывать как продавцам, так и покупателям, т.е. всем субъектам (участникам) интернет-отношений.

На наш взгляд, сегодня информация продавца (субъекта) размещается в Интернете в двух формах: либо в виде общих сведений о самом продавце и товарах, которыми он располагает; либо в виде конкретных сведений о товаре (его стоимости, комплектации, условиях доставки и оплаты) с предложением в случае согласия с указанными условиями заполнить бланк заказа, оплатить товар и ждать его доставки.

С такой схемой предложения товаров мы вполне согласны, поэтому рассматривать механизм правового регулирования ответственности за качество информации целесообразно в двух направлениях.

Первый случай - размещение информации в виде общих сведений о продавце и товарах, которыми он располагает, и предложений связаться с ним. Сразу оговоримся, что в данном случае конкретная сделка происходит уже вне рамок сети Интернет.

Возникает вопрос о правовой природе такой информации и последствиях ее недостоверности.

Анализ законодательных актов Российской Федерации показывает, что объявление подобного рода можно квалифицировать либо как рекламу, либо как информационное сообщение

В соответствии со ст. 3 Федерального закона "О рекламе" (далее - Закон о рекламе) под рекламой понимается информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке.

В случае если информация продавца соответствует указанным критериям, отношения между покупателем и продавцом можно квалифицировать как отношения между рекламодателем и потребителем рекламы.

Отсюда вытекают И последствия размещения ненадлежащей рекламы. Ненадлежащая реклама в соответствии со ст. 3 Закона о рекламе - это реклама, не соответствующая требованиям законодательства Российской Федерации. Закон признает ненадлежащей рекламой недобросовестную, недостоверную, неэтичную, заведомо ложную и иную рекламу, в которой допущены нарушения требований к ее содержанию, установленных времени, месту способу распространения, законодательством.

Недобросовестной признается реклама, которая содержит некорректные сравнения рекламируемого товара с находящимися в обороте товарами, которые произведены другими изготовителями или реализуются другими продавцами; порочит честь, достоинство или деловую репутацию лица, в том числе конкурента; представляет собой рекламу товара, реклама которого запрещена данным способом, в данное время или в данном месте, если она осуществляется под видом рекламы другого товара, товарный знак или знак обслуживания которого тождествен или сходен до степени смешения с товарным знаком или знаком обслуживания товара, в отношении рекламы которого установлены соответствующие требования и ограничения, а также под видом рекламы изготовителя или продавца такого товара; является актом недобросовестной конкуренции в соответствии с антимонопольным законодательством.

Недостоверной является такая реклама (ст. 5 Закона о рекламе), в которой присутствуют не соответствующие действительности сведения в отношении таких характеристик товара, как: природа, состав, способ и дата изготовления, назначение, потребительские свойства, условия применения, наличие сертификата соответствия,

сертификационных знаков и знаков соответствия государственным стандартам, количество, место происхождения; наличие товара на рынке, возможность его приобретения в указанных объеме, периоде времени и месте; стоимость (цена) товара на момент распространения рекламы; дополнительные условия оплаты; доставка, обмен, возврат, ремонт и обслуживание товара; гарантийные обязательства, сроки службы, сроки годности. К ненадлежащей рекламе можно отнести и рекламу товаров эротического характера, если в ней допущены нарушения тех ограничений, которые установлены для эротических изданий ст. 37 Закона РФ "О средствах массовой информации". Ненадлежащей является также порнографическая реклама (порнореклама), запрещенная ст. 242 УК РФ.

Предыдущий Федеральный закон "О рекламе" 1995 г. содержал также понятие заведомо ложной рекламы (ст. 9): это такая реклама, с помощью которой рекламодатель умышленно вводит в заблуждение потребителя рекламы.

Рассмотрим, какую ответственность в соответствии с законодательством о рекламе несет продавец за распространение ненадлежащей рекламной информации.

Статья 38 действующего Закона о рекламе гласит, что нарушение физическими или юридическими лицами законодательства Российской Федерации о рекламе влечет за собой ответственность в соответствии с гражданским законодательством. Нарушение рекламопроизводителями и рекламораспространителями законодательства о рекламе влечет за собой и административную ответственность.

Таким образом, к ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе могут быть привлечены только юридические или физические лица - индивидуальные предприниматели, которые являются рекламодателями или рекламопроизводителями (в нашем случае - субъект интернет-отношений, т.е. продавец) и рекламораспространителями (в нашем случае - хост-провайдер), и только за действия, указанные в ст. 38 Закона о рекламе: за нарушение законодательства Российской Федерации о рекламе в части содержания информации; в части оформления, производства, подготовки рекламы; в части, касающейся времени, места и средств размещения рекламы.

Лица, права и интересы которых нарушены в результате ненадлежащей рекламы, вправе обратиться в установленном порядке в суд, арбитражный суд с исками о возмещении убытков (включая упущенную выгоду), компенсации вреда, причиненного здоровью морального вреда, о публичном опровержении ненадлежащей рекламы.

В случае установления антимонопольным органом факта распространения недостоверной рекламы он вправе сделать соответствующее предписание об устранении такой рекламы. Антимонопольный орган вправе обратиться в установленном порядке в суд или арбитражный суд с иском к рекламодателю о публичном опровержении недостоверной рекламы, т.е. о размещении контррекламы за счет рекламодателя. При этом суд или арбитражный суд определяет форму, место и сроки размещения такого опровержения.

В соответствии со ст. 14.3 "Нарушение законодательства о рекламе" КоАП РФ за ненадлежащую рекламу или отказ от контррекламы налагается административный штраф в следующем размере: на граждан - от 2000 до 2500 руб.; на юридических лиц - от 40 тыс. до 500 тыс. руб.

Ранее действующее законодательство о рекламе предусматривало возможность наступления и уголовной ответственности по ст. 182 УК РФ. В настоящее время эта статья отменена <1>.

<1> 8 декабря 2003 г. Президент РФ подписал Федеральный закон N 162-ФЗ "О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации". В п. 106 указанного Закона установлено, что ст. 182 "Заведомо ложная реклама" УК РФ утратила юридическую силу (СЗ РФ. 2003. N 50. Ст. 4848).

Говоря о заведомо ложной рекламе, надо отметить, что она рассматривалась как уголовно наказуемый пример недобросовестной конкуренции, когда умышленно завышается подлинное качество товара или оказываемых услуг, приписываются или значительно завышаются их реальные достоинства, свойства и основные характеристики либо принижается фактическое качество товаров и услуг, предлагаемых конкурентами. Уголовная ответственность наступала в случае, когда этими действиями причиняется значительный ущерб. Само понятие "значительный ущерб" относилось к оценочным категориям (ст. 158 УК РФ). Являлся ли ущерб значительным для потерпевшего в каждом отдельном случае, определял суд с учетом всех обстоятельств дела.

Следует особо обратить внимание на высокий уровень криминализации рекламного бизнеса, непрозрачность, а порой и отсутствие каких-либо правовых отношений между рекламодателями. Все это привлекает внимание преступников и способствует укоренению в этой сфере теневых правил общения участников рекламной деятельности. Исключение ст. 182 УК РФ лишь усилит и обострит данные негативные процессы. Поэтому отмена уголовной ответственности за описанные выше деяния, на наш взгляд, не своевременна.

Однако в ряде случаев объявления, соответствующие критериям рекламы, тем не менее не подпадают под действие Закона о рекламе и не могут квалифицироваться как реклама. Это относится к случаям, когда предлагаемая неограниченному кругу лиц информация о товаре не связана с осуществлением продавцом предпринимательской деятельности. Такое исключение предусмотрено п. 6 ч. 2 ст. 2 и п. 4 ст. 20 Закона о рекламе. Такого рода информация размещается на сайтах (например, baraholka.ru или molotok.ru), где каждый пользователь Интернета может разместить свое объявление о продаже автомобиля, гаража, мебели и т.п.

Согласно ст. 2 ГК РФ предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. Систематическое получение прибыли от осуществляемой деятельности подразумевает, что такая деятельность не должна носить разового характера. Такой вывод подтверждается п. 10 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 1998 г. N 37 "Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о рекламе" <1>, где под рекламой понимается объявление рекламодателя, которое предназначено для неопределенного круга лиц и по своему смыслу и характеру не исчерпывается разовым предложением.

<1> Вестник ВАС РФ. 1999. N 2.

На наш взгляд, объявление типа "Продаю люстру б/у" не подпадает под действие Закона о рекламе, а на такую информацию, как, например, "Стенки, спальни", действие указанного Закона распространяется. К таким сообщениям можно применять Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (далее - Закон об информации). В соответствии со ст. 2 этого Закона информацией являются сведения (сообщения, данные) о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления. Информация, ставшая доступной пользователям, в том числе посредством информационных систем, в первую очередь должна отвечать критерию достоверности. Лица, получившие недостоверную информацию, имеют право на возмещение понесенного ими ущерба в соответствии с п. 6, 7 ст. 8 Закона об информации.

Из вышеизложенного следует, что российское законодательство содержит ряд гарантий прав потенциального покупателя, который, воспользовавшись размещенной в Интернете информацией продавца (субъекта), обнаружил ее несоответствие действительности.

Еще один способ - это размещение информации в виде конкретных сведений о товаре (его стоимости, комплектации, условиях доставки и оплаты) с предложением заполнить бланк заказа и оплатить товар.

Именно такой способ в настоящее время наиболее распространен. Если потенциальный покупатель, познакомившись с предложением продавца, заполнит бланк и оплатит товар, сделка будет заключена в рамках сети Интернет.

Так, "продажа товаров дистанционным способом" - это продажа товаров по договору розничной купли-продажи, заключаемому на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, содержащимся в каталогах, проспектах, буклетах либо представленным на фотоснимках или посредством средств связи, или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора. Такое определение этому понятию впервые дают Правила продажи товаров дистанционным способом, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 27 сентября 2007 г. N 612.

В данном случае информация будет рассматриваться как публичное предложение о заключении договора. Даже если такую информацию считать рекламой, то в соответствии со ст. 11 Закона о рекламе последствия признания рекламы приглашением делать оферты либо публичной офертой (публичное предложение о заключении договора в рекламе) определяются в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации.

Согласно ст. 437 ГК РФ реклама рассматривается как приглашение делать оферты, если в ней не указано иное. Реклама, содержащая все существенные условия договора, в которой усматривается воля рекламодателя заключить договор на указанных в рекламе условиях с любым, кто отзовется, признается публичной офертой. О рекламе как о публичной оферте говорится в ст. 494 ГК РФ, посвященной розничной купле-продаже. Предложение товара в его рекламе признается публичной офертой, если оно содержит все существенные условия договора розничной купли-продажи. Аналогичное положение содержится в п. 12 Правил продажи товаров дистанционным способом.

В соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Названные Правила определяют, что продавец должен еще до заключения договора предоставить покупателю информацию об основных потребительских свойствах товара и адресе (месте нахождения) продавца, о месте изготовления товара, о своем полном фирменном наименовании, о цене и об условиях приобретения товара, о его доставке, сроке службы, сроке годности и гарантийном сроке, о порядке оплаты товара, а также о сроке, в течение которого действует предложение о заключении договора (п. 8 Правил).

Продавец, не предоставивший покупателю возможность получить соответствующую информацию о товаре, несет ответственность и за недостатки товара, возникшие после его передачи покупателю, в отношении которых покупатель докажет, что они возникли в связи с отсутствием у него такой информации. Например, покупатель вправе отказаться от товара в любое время до его передачи, а после передачи товара - в течение семи дней. В случае если информация о порядке и сроках возврата товара надлежащего качества не была предоставлена в письменной форме в момент доставки товара, покупатель вправе отказаться от товара в течение трех месяцев с момента его передачи (п. 21 Правил).

Следует подчеркнуть, что действующий Закон о рекламе особое внимание уделяет рекламе, распространяемой по сетям электросвязи и размещаемой на почтовых отправлениях (ст. 18). Он устанавливает, что распространение рекламы по сетям электросвязи, в том числе посредством использования телефонной, факсимильной, подвижной радиотелефонной связи, допускается только при условии предварительного

согласия абонента или адресата на получение рекламы. При этом реклама признается распространенной без предварительного согласия абонента или адресата, если рекламораспространитель не докажет, что такое согласие было получено. Рекламораспространитель обязан немедленно прекратить распространение рекламы в адрес лица, обратившегося к нему с таким требованием.

Таким образом, российское законодательство должным образом регулирует институт ответственности за распространение некачественной рекламы и информации нерекламного характера в Сети, а также отсутствие той обязательной информации о товаре, которую продавец (субъект) должен предоставить потенциальному покупателю, своему партнеру по интернет-отношениям.

Нарушение авторских и смежных прав в Сети. И наконец, остановимся на проблеме ответственности за распространение информации, нарушающей авторские права.

Известно, что вопрос о правовом регулировании и защите исключительных прав в сети Интернет в последнее время имеет особую актуальность, так как Сеть переполнена материалами, нарушающими авторские и смежные права, а ведь интеллектуальный потенциал страны - залог конкурентоспособности экономики страны.

Данные правоотношения регулируются как международным, так и действующим российским законодательством: Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений, Парижский акт от 24 июля 1971 г. (с изм. от 1979 г.) - Российская Федерация участвует с 1995 г.; Всемирная конвенция об авторском праве, подписанная в Женеве в 1952 г., - СССР присоединился в 1973 г.; Договор ВОИС по авторским правам 1996 г. <1> - Российская Федерация не участвует; Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм <2>, подписанная в Женеве в 1971 г., - Российская Федерация участвует с 1995 г.; Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций (Римская конвенция 1961 г.) <3> - Российская Федерация участвует с 2003 г.; Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) <4>; Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам 1996 г. <5> - Российская Федерация не участвует; Гражданский кодекс РФ и др.

<1> Договор ВОИС по авторским правам (Женева, 20 декабря 1996 г.). Текст на русском языке опубликован в издании: Шамраев А.В. Указ. соч. С. 215 - 220.

<2> Постановление Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. N 1224 "О присоединении Российской Федерации к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений в редакции 1971 г., Всемирной конвенции об авторском праве в редакции 1971 г. и дополнительным протоколам 1 и 2, Конвенции 1971 г. об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм" // СЗ РФ. 1994. N 29. Ст. 3046. Текст Конвенции на русском языке опубликован в издании: Бюллетень международных договоров. 1999. N 8. C. 3 - 7.

<3> Постановление Правительства РФ от 20 декабря 2002 г. N 908 "О присоединении Российской Федерации к Международной конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций" // СЗ РФ. 2002. N 52. Ч. II. Ст. 5217. Текст Конвенции на русском языке опубликован в издании: Бюллетень международных договоров. 2005. N 7. C. 11 - 20.

<4> Соглашение на русском языке опубликовано не было. Текст на английском языке опубликован в издании: International Investment Instruments: A Compendium. Vol. I. N.Y. and Geneva, 1996. P. 337 - 371..

<5> Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам (Женева, 20 декабря 1996 г.). Текст на русском языке опубликован в издании: Шамраев А.В. Указ. соч. С. 220 - 227.

Сегодня в Интернете можно найти практически любые книги, статьи, аудио- и видеозаписи, а также другие материалы, размещенные с нарушением исключительных прав их создателей.

Правонарушения в этой области представлены в следующих формах:

- 1) преобразование произведения в электронную версию и последующее размещение на сайте Интернета без согласия на это автора;
- 2) копирование материалов сайта для дальнейшего их распространения в реальном мире или размещения на другом сайте без ведома и согласия на это автора материалов.

Если авторские права на произведение, опубликованное в реальном мире, нарушены путем копирования и размещения данного произведения на сайте без согласия на это автора, ему достаточно при обращении в суд доказать факт незаконного размещения произведения. Доказывание авторства при этом не вызовет каких-либо трудностей.

Однако ситуация осложняется, если произведение впервые было опубликовано именно в сети Интернет на определенном сайте или сам сайт - результат творческой деятельности дизайнера и программиста.

В нормативных актах можно встретить упоминание сайта в нескольких значениях: как источник информации, официальная веб-страница, официальный сайт организации, веб-узел и т.д. По нашему мнению, сайт соответствует понятию базы данных, так как представляет собой совокупность гипертекстовых документов. По мнению Е.М. Макаровой, в силу ст. 1240 ГК РФ его можно рассматривать и как "сложный объект, представляющий собой сочетание различных объектов интеллектуальной собственности, каждый из которых может иметь самостоятельную правовую охрану" <1>.

<1> Макарова Е.М. Проблемы правового регулирования использования Интернета в предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 85.

Статья 1 Закона РФ "О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных" определяла базу данных как объективную форму представления и организации совокупности данных (например, статей, расчетов), систематизированных таким образом, чтобы эти данные могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ.

В соответствии со ст. 1259 ГК РФ базы данных являются объектами авторского права, что определяет режим их использования.

Согласно ст. 1 Закона РФ "О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных" воспроизведение базы данных - это изготовление одного или более экземпляров базы данных в любой материальной форме, а также их запись в память ЭВМ.

В соответствии со ст. 1270 и 1280 ГК РФ воспроизведение баз данных путем копирования для личных целей не допускается без согласия автора и без выплаты вознаграждения. Исключение составляют случаи, если копию делает законный обладатель базы данных для собственного пользования.

Следовательно, копирование материалов с сайта - это нарушение имущественных прав автора сайта, к которым в соответствии со ст. 1270 ГК относится воспроизведение базы данных, распространение, модификация и другое использование.

Воспроизведение части сайта, являющейся самостоятельным произведением, охраняемым авторским правом (в силу ст. 1259 ГК РФ), является нарушением имущественных прав автора. Можно сделать вывод, что копирование сайта (совокупности авторских статей) и дальнейшее использование копии является нарушением и прав автора сайта, и прав автора статьи.

Это положение подтверждает Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2006 г. N 15 "О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторских и смежных правах" <1>. Так, п. 25 Постановления определяет, что размещение объектов авторского права и (или)

смежных прав в телекоммуникационных сетях, в частности в сети Интернет, является использованием данных объектов, если по инициативе лица, совершившего запись, неопределенный круг лиц получает доступ к этому произведению или объекту смежных прав. Созданные (полученные) в результате такого использования экземпляры произведений или объектов смежных прав с нарушением Закона РФ "Об авторском праве и смежных правах" являются контрафактными. Лица, осуществившие подобные действия, признаются нарушителями авторского права и (или) смежных прав. К указанным лицам могут быть отнесены, в частности, владельцы сайта, на котором были размещены контрафактные произведения или объекты смежных прав.

<1> БВС РФ. 2006. N 8.

В случае нарушения прав субъекты (т.е. авторы программы и иные правообладатели) в силу ст. 18 Закона РФ "О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных" и ст. 49 Закона РФ "Об авторском праве и смежных правах" могли требовать:

- 1) признания прав;
- 2) восстановления положения, существовавшего до нарушения права, и прекращения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;
- 3) возмещения лицом, нарушившим исключительное право, причиненных убытков в соответствии с гражданским законодательством.

Согласно п. 3 ст. 1299 и ст. 1301 ГК РФ обладатели исключительных прав вправе требовать по своему выбору от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты компенсации:

- в размере от 10 тыс. до 5 млн. руб., определяемом по усмотрению суда, исходя из характера нарушения;
- в двукратном размере стоимости экземпляров произведений или объектов смежных прав либо в двукратном размере стоимости прав на использование произведений или объектов смежных прав, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование произведений или объектов смежных прав.

Обладатели исключительных прав вправе требовать от нарушителя выплаты компенсации за каждый случай неправомерного использования произведений или объектов смежных прав либо за допущенные правонарушения в целом.

Компенсация подлежит взысканию при доказанности факта правонарушения независимо от наличия или отсутствия убытков. Авторы и исполнители в случае нарушения их личных неимущественных прав или имущественных прав также вправе требовать от нарушителя возмещения морального вреда.

За защитой своего права субъекты рассматриваемых отношений (правообладатели) могут обратиться в суд, арбитражный или третейский суд, органы прокуратуры, органы дознания, органы предварительного следствия в соответствии с их компетенцией.

Суд или арбитражный суд может вынести решение о конфискации контрафактных экземпляров (причем без ходатайства истца), а также материалов и оборудования, используемых для воспроизведения контрафактных экземпляров, и об уничтожении либо о передаче их в доход соответствующего бюджета либо истцу по его просьбе в счет возмещения убытков (ст. 1302 ГК РФ).

Одной из гарантий реализации авторских и смежных прав является уголовноправовая защита этих прав, установленная ст. 146 УК РФ. Однако уголовная ответственность за нарушение авторских прав исключается, если оно не причинило крупного ущерба.

В соответствии с ч. 1 ст. 146 УК РФ присвоение авторства (плагиат), если это деяние причинило крупный ущерб автору или иному правообладателю, наказывается штрафом в

размере до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев, либо обязательными работами на срок от 180 до 240 часов, либо арестом на срок от трех до шести месяцев.

Согласно ч. 2 ст. 146 УК РФ незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта, совершенные в крупном размере, наказываются штрафом в размере до 200 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 18 месяцев, либо обязательными работами на срок от 180 до 240 часов, либо лишением свободы на срок до двух лет.

В соответствии с ч. 3 ст. 146 УК РФ те же деяния, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой; в особо крупном размере; лицом с использованием своего служебного положения, наказываются лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере до 500 тыс. руб. или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового.

Однако реализация этих правовых норм на практике слабая. В действительности в суде жертвам данного вида преступления довольно сложно доказать факт нарушения их прав, когда незаконное размещение объектов авторского права имело место в компьютерных системах или сетях общего доступа.

В целях предпринятого исследования предлагается ч. 2 ст. 146 УК РФ изложить в следующей редакции:

"2. Незаконное распространение или иное незаконное использование объектов авторских и смежных прав, совершенные в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение или сопряженные с получением дохода в крупном размере, или причинившие крупный ущерб, а равно незаконное размещение объектов авторского права в компьютерных системах или сетях общего доступа с предоставлением права свободного или возмездного копирования, -

наказываются штрафом в размере до четырехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо лишением свободы на срок до двух лет с конфискацией компьютерных систем или без таковой".

Следует отметить, что Президентом РФ в 2003 г. был внесен на рассмотрение в Государственную Думу проект Федерального закона "О внесении изменений в статью 146 Уголовного кодекса Российской Федерации", который в определенной мере восполнил пробел в отношении размера причиненного вреда.

Так, крупный ущерб применительно к рассматриваемому составу преступления в Уголовном кодексе на сегодняшний день определяется как стоимость экземпляров произведений или фонограмм либо стоимость прав на использование объектов авторского права и смежных прав, которая превышает 50 тыс. руб., а в особо крупном размере - 250 тыс. руб. Данный признак отныне не является оценочным.

До 2003 г. при определении крупного имущественного ущерба применительно к нарушению авторских и смежных прав необходимо было, исходя из юридической природы и специфики данного деяния, руководствоваться объективным и субъективным критериями, а крупного морального ущерба - субъективным критерием и принятыми в обществе оценками правил поведения в данной сфере. Объективным критерием выступал размер гонорара за произведение, а субъективным - оценка ущерба (имущественного или морального) как крупного самим автором.

В соответствии со ст. 7.12 КоАП РФ незаконное использование экземпляров произведений в целях извлечения дохода в случаях, если экземпляры произведений являются контрафактными либо на экземплярах произведений указана ложная информация об их изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторских и смежных прав, а равно иное нарушение авторских и смежных прав в целях

извлечения дохода, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от 1500 до 2000 руб. с конфискацией контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, а также материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения, и иных орудий совершения административного правонарушения; на должностных лиц - от 10 тыс. до 20 тыс. руб. с конфискацией контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, а также материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения, и иных орудий совершения административного правонарушения; на юридических лиц - от 30 тыс. до 40 тыс. руб. с конфискацией контрафактных экземпляров произведений и фонограмм, а также материалов и оборудования, используемых для их воспроизведения, и иных орудий совершения административного правонарушения.

Таким образом, нормативно-правовая база, регулирующая ответственность за правонарушения в области авторских прав, находится на этапе своего становления. В судебном процессе субъект (истец) должен доказать, что он обладает исключительными правами (является автором или другим законным правообладателем) и его права нарушены.

В том случае, если произведение автора было опубликовано в реальном мире, проблем с доказательствами авторства не будет. Однако, если произведение впервые было опубликовано в сети Интернет, могут возникнуть осложнения с доказыванием авторства спорной работы и времени ее публикации.

Согласно гражданско-процессуальному законодательству доказательствами по гражданскому делу могут быть любые фактические данные, на основе которых в определенном законом порядке суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон, и иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Такими фактическими данными могут быть публикации спорных объектов исключительных прав на материальных носителях; нотариальное засвидетельствование даты создания произведения; свидетельства и материалы, предоставленные поисковыми системами Интернета, провайдерами и т.д. <1>.

<1> В качестве примера интересен судебный процесс по иску ООО "ПромоРу" к "Познавательной книге плюс". Суд признал соответствующими принципам относимости и допустимости представленные истцом доказательства появления материалов книг в Интернете раньше срока их публикации ответчиком: электронные аналоги материалов книг, подтверждение хост-провайдера, интернет-провайдера и компании - владельца поисковой системы "Апорт". См. об этом подробнее: Наумов В.Б. Право и Интернет:

Очерки теории и практики. 2002. С. 237.

Доказательства авторства могут содержаться и в самом произведении. Творчество является отражением личности автора и протекает во времени, следовательно, эксперты (искусствоведы и литературоведы) смогут определить автора по характерным нюансам стиля произведения.

В 1984 г. введен в действие ГОСТ 6.10.4-84 "Придание юридической силы документам на машинном носителе и машинограмме, создаваемом средствами вычислительной техники", который устанавливает требования к составу и содержанию необходимых реквизитов, придающих юридическую силу электронным документам, а также порядок внесения изменений в эти документы. Среди подобных реквизитов: наименование документа; наименование организации, выпустившей документ; местонахождение организации (или почтовый адрес); дата изготовления документа; код лица, ответственного за правильность изготовления документа (код лица, утвердившего документ), а также номер телефона, телетайпа, должность и фамилия лица, имеющего право удостоверять записанный на машинном носителе документ и машинограмму.

Мы считаем, что отсутствие нормативных требований к сетевым публикациям (аналогичных требованиям ГОСТ 7.4-95 "Издания. Выходные сведения" <1> и Перечня

выходных сведений, размещаемых в непериодических печатных изданиях <2>) затрудняет официальные ссылки на сетевые публикации (особенно те, что не имеют аналогов в иной форме) и не способствует охране прав авторов и иных правообладателей. И несмотря на то, что с 2002 г. в России был введен ГОСТ 7.83-2001 "Электронные издания. Основные виды и выходные сведения: Межгосударственный стандарт" <3>, он не решил ключевых правовых проблем равноценного признания и условий применения сетевых публикаций.

<3> ГОСТ 7.83-2001 "Электронные издания. Основные виды и выходные сведения" внесен Госстандартом России, принят Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации. Постановлением Государственного комитета РФ по стандартизации и метрологии от 15 января 2001 г. N 14-ст Межгосударственный стандарт ГОСТ 7.83-2001 введен в действие с 1 июля 2002 г. в качестве национального стандарта России. М., 2002; http://orel.rsl.ru/official/7 83.htm.

Действительно, необходимо принять новый стандарт, предусматривающий требования именно к сетевым публикациям с учетом их специфики, или распространить на указанные публикации ГОСТ 7.4-95.

В этом случае первичная публикация в Интернете будет носить официальный характер, что облегчит доказывание авторства в суде. Причем под сетевой публикацией мы предлагаем понимать зафиксированную на материальном носителе информацию с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать, доступную потенциально неограниченному кругу пользователей через информационно-телекоммуникационные сети.

Конечно, самый лучший способ обеспечить себе доказательства авторства заранее - сдать на хранение нотариусу отпечатанное или переведенное на другой носитель произведение. В случае возникновения проблем субъект (автор) сможет представить суду опечатанный конверт, содержащий произведение, с проставленной на нем датой. Свидетельские показания, а также доказательства, представляемые провайдером, суд также должен принимать во внимание.

Мы предлагаем помимо правовых средств защиты исключительных прав использовать здесь также технологии, наделяющие электронный документ возможностью саморазрушения в случае его незаконного использования.

§ 3. Совершенствование законодательства об ответственности за качество информации, распространяемой во всемирной сети Интернет

Проблема качества информации давно обсуждается в теории права, в том числе в аспекте применения средств кибернетики, математических методов и технических комплексов <1>. Однако эта проблема в аспекте совершенствования законодательства об ответственности за качество информации, которая распространяется во всемирной сети Интернет, исследовалась лишь в общем виде <2>. Поэтому остановимся на некоторых ее аспектах в контексте идей интернет-права, и в первую очередь - на проблеме ответственности субъекта за качество информации, распространяемой в сети Интернет.

<1> ГОСТ 7.4-95 "Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Выходные сведения", введен Постановлением Госстандарта России от 18 октября 1995 г. N 545 (в ред. от 1 июля 2000 г.). М., 2003.

<2> Приказ Мининформпечати России от 28 июня 1993 г. N 127 "Об утверждении Перечня выходных сведений, размещаемых в непериодических печатных изданиях" // БНА. 1993. N 110.

<1> См. об этом: Венгеров А.Б. Категория "информация" в понятийном аппарате юридической науки. С. 70 - 76; Кудрявцев Ю.В. Ценность правовой информации //

Правоведение. 1977. N 1. C. 45 - 51; Он же. Избыточность правовой информации // Советское государство и право. 1978. N 12. C. 53 - 60; Бачило И.Л. Информация как предмет правоотношений. С. 17 - 25; Шебанов А.Ф. Содержание и цели правовой информации // Правовая информация / Отв. ред. А.Ф. Шебанов, А.Р. Шляхов, С.С. Москвин. М., 1974. С. 7 - 16.

<2> См. об этом: Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. 2000. N 5. C. 67 - 74; Корзников А.М., Носова И.А. Указ. соч. С. 64 - 67.

Известно, что все информационное наполнение и использование сети Интернет в коммерческих и некоммерческих целях осуществляется посредством услуг организаций, обеспечивающих доступ к сети Интернет, размещение и передачу информации в сети Интернет, так называемых провайдеров.

Провайдер - специализированная организация, оказывающая услуги по доступу в Сеть, размещению и передаче информации в Сети.

В ст. 3 проекта Федерального закона "Об электронной торговле" употребляется термин "информационный посредник" - "лицо, которое от имени другого лица отправляет, получает или хранит электронные документы или предоставляет другие услуги в отношении данных документов". Таким образом, это физическое или юридическое лицо, оказывающее услуги по передаче (получению), хранению электронных сообщений, предоставлению доступа к сетям электросвязи и информационным системам.

В настоящее время провайдер - это основной поставщик услуг в сети Интернет. Среди услуг, которые предоставляют провайдеры, для данного исследования интересны следующие (базовые услуги): организация доступа в сеть Интернет; предоставление свободного дискового пространства на сервере для размещения сайта, принадлежащего другому лицу (хостинг).

С точки зрения права, чтобы стать пользователем Сети, необходимо заключить с провайдером договор об оказании услуг по доступу в Сеть (т.е. установить с провайдером необходимые интернет-отношения). Для сеанса доступа в Интернет провайдер предоставляет пользователю IP-адрес (число, состоящее из четырех частей), который позволяет однозначно идентифицировать каждый компьютер в Интернете. IP-адрес необходим для маршрутизации запросов пользователя, когда с этого адреса на сервер провайдера поступает запрос пользователя, - компьютер провайдера осуществляет поиск в сети Интернет полученных данных и отправляет найденную информацию на IP-адрес пользователя. Отсюда возникло определение провайдера как информационного посредника.

Информационное наполнение сети Интернет осуществляется посредством заключения договора хостинга. По своей правовой природе договор хостинга схож с договором аренды: провайдер за определенную плату предоставляет лицу свободное дисковое пространство на своем сервере, а указанное лицо размещает на нем сайт.

Нужно отметить, что действия информационных провайдеров по оказанию услуг характеризуются следующими чертами: провайдер не инициирует интернет-отношение, не выбирает содержание передаваемой информации и ее получателя, не влияет на содержание информации, но хранит информацию только в пределах времени, определяемого техническими стандартами и протоколами, исходя из нужд передачи информации.

Указанная многомерность отношений, а также тот факт, что провайдер имеет техническую возможность в любой момент воздействовать на интернет-отношения своих пользователей, определили появление института ответственности провайдеров.

Изучение законодательства разных государств показало, что в них проблема ответственности провайдеров решается по-разному. Причем здесь можно выделить три основных подхода к решению данной проблемы: 1) провайдер несет ответственность за

все действия пользователей вне зависимости от наличия у него как у субъекта права знания о совершаемых действиях; 2) провайдер не несет ответственности за пользователей в том случае, если выполняет определенные условия, связанные с характером предоставления услуг и взаимодействием с субъектами информационного обмена и лицами, чьи права нарушаются действиями пользователей, и 3) провайдер не отвечает за действия пользователей.

В Китае и странах Ближнего Востока, например, используется первый подход, в Европе - второй. Так, в Европейской директиве по электронной коммерции от 28 февраля 2000 г. <1> (разд. 4, ст. 12 - 15) проработано наиболее детально решение проблемы указанного вида юридической ответственности.

<1> Директива 2000/31/ЕС Европейского Парламента и Европейского совета о некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в том числе электронной коммерции на внутреннем рынке (вступила в силу 8 июня 2000 г.). Текст на русском языке опубликован в издании: Шамраев А.В. Указ. соч. С. 317 - 327.

Директива устанавливает, что провайдер не несет ответственности за передаваемую информацию в случае, если он не инициирует ее передачу, не выбирает получателя информации и не влияет на целостность передаваемой информации. При этом допускается временное хранение передаваемой информации для осуществления необходимых технических действий по ее передаче. Утверждается, что провайдер не несет ответственности за действия пользователей при предоставлении услуг хостинга, если он не был осведомлен об их противозаконной информационно-правовой деятельности и после получения информации об этом прекратил размещение или доступ к информации. Аналогичное положение устанавливает и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации" (ст. 17).

В настоящее время в ряде стран мира приняты предметные законы, касающиеся института ответственности провайдеров. Так, в шведском Законе, регулирующем ответственность владельцев электронных досок объявлений (Act (1998:112) on Responsibility for Electronic Bulletin Boards) <1>, устанавливается, что таковые обязаны удалять сообщения третьих лиц в том случае, если содержащаяся в них информация нарушает ряд норм уголовного и гражданского законодательства (в части авторского права). Похожая на европейскую, но менее детальная схема ответственности при нарушении авторских прав определена в американском Digital Millenium Copyright Act (DMCA) <2>, принятом в 1998 г. В Англии действует Defamation Act <3>, принятый в 1996 г., который регулирует ответственность интернет-провайдеров за достоверность размещаемой на их сайтах информации.

На сегодняшний день в российском законодательстве четко не определены механизмы привлечения к ответственности провайдеров за размещение на обслуживаемых ими сайтах недостоверной информации, а также не установлена возможность предъявления к ним претензий за качество размещаемой информации.

О сложившейся судебной практике в этой области говорить сложно.

Поэтому необходимо законодательное разрешение проблемы ответственности информационных провайдеров в России и в странах СНГ. В ходе совершенствования российского законодательства в данной области можно использовать схему и формулировки ст. 18 Рекомендаций по организации деятельности лиц в сфере интернет-

<1> Cm.: http://www.media.parlament.org.ua/uploads/files/f252.pdf.

<2> Cm.: Wilbur M.K. DMCA: The Digital Millenium Copyright Act. Lincoln (Nebraska). 2001 // http://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf.

<3> Sandford C., Boyle F. Defamation Act 1996: The New Law (Impact Series). Newcastle upon Tyne, 1997 // http://www.opsi.gov.uk/acts/acts19-96/1996031.htm.

коммерции в Российской Федерации <1>, разработанных рабочей группой по электронной коммерции Комитета Государственной Думы по экономической политике и предпринимательству в $2000 \, \Gamma$.

<1> Cm.: www.rfc.ru/duma/recom ic.doc.

На наш взгляд, изменения и дополнения в российское законодательство должны вноситься по принципу, в соответствии с которым провайдер должен нести ответственность за качество информации, размещаемой на его сервере, в случае если:

- 1) данная информация размещалась по его инициативе и (или) за его счет;
- 2) провайдер был осведомлен или имел возможность быть осведомленным о содержании информации, размещаемой на его сервере;
- 3) преднамеренные или непрофессиональные (противоречащие профессиональной подготовке, работе и возможности) действия провайдера повлекли размещение незаконной информации на его сайте.

Таким образом, ответственность провайдера наступает в зависимости от наличия его вины в размещении информации, нарушающей права третьих лиц.

Бремя доказательства отсутствия вины провайдера следует возложить на самого провайдера, который должен привлекаться в судебный процесс в качестве ответчика, а в случае отсутствия его вины ненадлежащий ответчик должен заменяться лицом - автором вредной информации (провайдер остается в процессе в качестве третьего лица).

Такой механизм привлечения к ответственности будет вполне оправдан, если учесть, что фактически информация размещена на дисковом пространстве сервера, принадлежащего провайдеру (т.е. источник противоправной информации - компьютер провайдера).

В этом случае провайдеры сами будут заинтересованы в более тщательной проверке информации.

Необходимо законодательно закрепить право провайдера по результатам проверки:

- или блокировать информацию, для выявления противозаконности содержания которой не требуется специальных знаний;
- или информировать компетентные органы о наличии сомнительной информации для более тщательной и компетентной проверки.

На наш взгляд, потенциал провайдера необходимо использовать в интересах упрощения процедуры по сбору доказательств в судебном процессе.

В случае привлечения провайдера к ответственности последний будет заинтересован в поиске надлежащего ответчика - автора вредной информации, тем более что организационные и технические возможности провайдера позволяют ему осуществлять поиск как никому лучше.

Кроме того, необходимо обязать провайдеров регулярно копировать информацию с лог-файла, бережно хранить и предоставлять ее при первом требовании заинтересованных и компетентных государственных органов.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что проблема ответственности провайдеров - это особенно острая и насущная проблема государственной политики не только в области Интернета, но и вообще в интернет-праве. От того, как будет определена и регламентирована роль провайдеров в информационных общественных отношениях в сети Интернет, зависит дальнейшее развитие сети Интернет, а также нового направления юриспруденции - интернет-права.

Исследование показало, что заметные осложнения вызывают возникающие в виртуальном пространстве интернет-отношения, отягощенные иностранным элементом. Они имеют место, когда электронная сделка либо заключается гражданами разных государств, либо ущерб в результате использования сайта причинен на территории

иностранного государства, либо информация, размещенная на сайте, нарушает законы иностранного государства об охране прав интеллектуальной собственности и т.д.

На практике довольно часто распространена ситуация, когда потребитель информации, владелец информационного ресурса и хост-провайдер являются гражданами разных государств. При возникновении между сторонами судебного разбирательства встают следующие проблемы:

- 1) юрисдикции какого государства подчинено правоотношение (т.е. суд или компетентный орган какого государства вправе рассматривать дело);
- 2) право какого государства подлежит применению (традиционно в международном частном праве используются коллизионные привязки для определения применимого права "закон места нахождения", "закон места заключения", "закон места причинения" и т.д. Однако в настоящее время они все более приобретают совершенно иное звучание в связи с интернет-отношениями и используются в сочетании с таким критерием, как "место нахождения сервера" <1>).

<1> Данная привязка для определения применимого права (место физического нахождения сервера, на котором размещена информация) принимается во внимание как американскими, так и европейскими юристами. Впервые такая схема была предложена в 1999 г. экспертами американской правительственной группы по электронной торговле и ОЭСР. С 2005 г. она признается наиболее реализуемой идеей в сфере электронной торговли, в частности в вопросе взимания налога на прибыль в данной сфере. Об этом подробнее: Тедеев А.А. Указ. соч. С. 247.

Как правило, у субъектов интернет-отношений с иностранным элементом есть возможность выбрать применимое право и место рассмотрения спора. Однако не во всех случаях этот способ будет эффективен. Стороны не всегда смогут по объективным (выбор применимого права возможен в основном в договорных отношениях) или субъективным причинам (стороны просто могут не договориться) совершить свой выбор.

Правовое регулирование в данной новой области только начало складываться, и пути его развития пока еще не определены. Результатом такой неопределенности может явиться то, что принятие решения судом о рассмотрении спора по отношениям, связанным с Интернетом, а также о выборе применимого права и его содержании будет зависеть от осведомленности судей в вопросах специфики интернет-отношений и от способности с учетом этой специфики дать адекватное толкование законов судом и применимой норме права.

В связи с этим показательным является судебное дело в отношении сайта "Ингушетия.ру". Уголовное дело возбудили по заявлению прокуратуры Ингушетии из-за статьи журналиста газеты "Ангушт", размещенной на этом информационном ресурсе. В апреле 2008 г. Московский городской суд отказался рассматривать дело о признании сайта экстремистским и запрете его деятельности. Мосгорсуд посчитал производство дела неподсудным и перенаправил его в Кунцевский районный суд по месту регистрации владельца сайта. В свою очередь, Кунцевский районный суд г. Москвы посчитал, что это дело находится в его юрисдикции, несмотря на то, что сайт зарегистрирован в США, а деятельность ресурса связана с территорией Ингушетии. Таким образом, российский суд провозгласил сразу несколько важных принципов, которые легли в основу судебной практики в России. Суд установил подсудность данных споров, исходя из принципа фактического присутствия ответчика на территории страны суда, провозглашая закон своей территории по данному делу. Уголовное дело возбудили по ч. 1 ст. 282 УК РФ по месту жительства владельца доменного имени (защита в ходе прений отрицала, что предполагаемый субъект преступления является владельцем самого сайта).

Кроме того, Мосгорсуд посчитал, что сайт "Ингушетия.py" не является СМИ, что вытекает из критериев определения подсудности и отсутствия предварительного

письменного предупреждения, которое обычно направляется учредителю и (или) редакции (главному редактору) до закрытия СМИ по Закону "О средствах массовой информации" (ст. 16).

В любом интернет-споре с иностранным элементом в первую очередь возникает вопрос о том, в суд какого государства подать иск. Поэтому остановимся более подробно на характеристике возможных правовых коллизий, которые могут возникнуть при решении юрисдикционных проблем интернет-отношений.

Если принцип автономии воли сторонами в выборе суда не применяется, работает механизм международного частного права, который известен во всех правовых системах мира.

Механизмы и процедурные нормы, по которым решаются подобные вопросы, в рамках каждой национальной юрисдикции различаются и имеют специфику. По процессуальным вопросам в международном частном праве традиционно применяется правило lex fori, по которому каждый суд применяет свое собственное право. В разных государствах правила определения международной подсудности имеют характерные черты и особенности. Тем не менее национальность или место нахождения ответчика - основной критерий, которым руководствуются суды при решении вопроса о наличии своей компетенции рассматривать интернет-спор.

Основанием такого правила исторически выступает фактор физического присутствия или физической досягаемости ответчика для суда. Однако бурное развитие высоких технологий, сложность определения места и времени совершения сделки (интерактивного обмена данными) уже не позволяет этому условию играть решающую роль. Экстерриториальность Сети дает возможность преступнику нарушать законы государства без физического нахождения на его территории. Следовательно, суду для надлежащего обеспечения правопорядка на своей территории необходимо расширять правила юрисдикции и за основу брать уже не закон ответчика, а, как считает Е.Б. Леанович, "фактическую связь спорного отношения с государством суда" <1>.

<1> Леанович Е.Б. Проблемы правового регулирования интернет-отношений с иностранным элементом // Белорусский журнал международного частного права и международных отношений. 2000. N 4. C. 39 - 44.

Интересна практика судов США, где темпы развития рынка телекоммуникаций - основная причина массового рассмотрения подобных интернет-споров в судах.

До настоящего времени в США основным принципом решения юрисдикционных проблем являлась так называемая персональная юрисдикция (personal jurisdiction), в соответствии с которой суд обладает компетенцией по рассмотрению интернет-спора в отношении физического или юридического лица, если оно физически присутствует на его территории. Однако сегодня этот принцип дополнен, а порою напрямую заменен принципом минимальных контактов, т.е. связь ответчика с определенной территорией может служить оправданием для юрисдикции суда этой территории, и само физическое пребывание (статус резидента) ответчика не является определяющим условием юрисдикции американских судов <1>.

. _

<1> Там же.

В этом случае можно вести речь о так называемой универсальной юрисдикции США, экстерриториальности закона, распространении его действия на граждан и вне пределов того штата, в котором был издан данный закон. Среди подобных критериев следует особо выделить различные юридические факты, в основном действия. Например, факт заключения сделки (договор поставки товара, оказания услуг); владение и пользование недвижимостью; наличие постоянного счета в американском банке, по которому производится расчет с кредитором; причинение имущественного вреда на

соответствующей территории. Поэтому в интернет-спорах американские суды признают наличие своей юрисдикции, принимая во внимание только существование определенных связей правоотношения с территорией США - даже в том случае, если ответчик не является резидентом этой страны.

Простое размещение на сайте информации о товарах и услугах, постоянное обращение к ней американских граждан может быть рассмотрено как основание для вывода о наличии юрисдикции (если, например, лицо не ограничивает доступ к размещаемым в Интернете сообщениям резидентам США или размещаемая информация доступна на английском языке). Тем не менее, как справедливо считает В.Б. Наумов, "в США начинают понимать, что потенциальный доступ к сайту посредством Интернета не порождает автоматически ответственности владельца сайта за несоблюдение закона какого-либо штата. Для наступления ответственности необходим непосредственный информационный контакт, порождающий прямые фактические коммерческие отношения, осуществление которых необходимо доказать" <1>.

<1> Наумов В.Б. Суверенные сети // Компьютерра. 1999. N 43. C. 22 - 23.

Изучение показало, что в европейских странах вопросы международной подсудности решаются в основном исходя из критерия физической досягаемости ответчика. М.М. Богуславский условно выделяет три основные системы определения подсудности: 1) по закону гражданства (Франция); 2) по закону домицилия (Германия) <1> и 3) по признаку фактического присутствия ответчика на территории страны суда (Великобритания). Кроме того, позитивное право и судебная практика европейских государств предусматривают возможность судебного разбирательства в отношении субъектов (лиц), не являющихся гражданами и не находящихся на их территории. Это происходит в том случае, когда спорное правоотношение тем или иным образом связано с судом государства <2>. Например, в качестве таких критериев связи может выступать нахождение имущества, факт заключения сделки или причинения вреда ответчиком на территории государства суда. Однако каким образом специфика правоотношений в Интернете может повлиять на изменение основных правил определения подсудности в европейских государствах, судить пока сложно.

Можно предложить решение проблемы определения юрисдикции путем межгосударственного согласования применяемых критериев. Для этого возможны следующие способы:

- 1) заключение международного соглашения об определении вопросов юрисдикции в отношении деятельности с использованием сети Интернет, в котором необходимо определить критерии отнесения к юрисдикции государства для каждого распространенного типа отношений;
- 2) частичное устранение проблем путем унификации материального законодательства. Если однородные интернет-отношения будут защищаться в различных государствах в одинаковой степени, выбор юрисдикции будет не принципиален (например, по Конвенции о киберпреступности);
- 3) заключение международного соглашения, определяющего применимое право к различным ситуациям (например, право страны нахождения сервера, на котором размещен сетевой информационный ресурс). Такой способ будет эффективен лишь при

<1> Домицилий - место постоянного жительства физического лица или официальной регистрации юридического лица. Выделяется несколько видов домицилия: домицилий происхождения (домицилий отца); домицилий в силу закона (жена имеет тот же домицилий, что и муж, даже если проживает в другой стране) и др.

<2> См.: Богуславский М.М. Указ. соч. С. 398 - 437.

одновременной унификации законодательства различных стран, иначе недобросовестное лицо (субъект интернет-отношений) сможет заранее "подобрать" для себя удобное право.

Основой для подобного соглашения по вопросам подсудности в рамках СНГ может выступать Соглашение от 20 марта 1992 г. <1> о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, которое ратифицировано Постановлением Верховного Совета РФ от 9 октября 1992 г. N 3620-1. Среди подобных коллизионных привязок ст. 4 Соглашения выделяет: постоянное место жительства; место нахождения на день предъявления иска; место осуществления хозяйственной деятельности ответчика; место нахождения имущества в спорах о праве собственности на недвижимое имущество; место исполнения обязательства из договора, являющегося предметом спора, и т.д.

<1> Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав правительств СНГ "Содружество". 1992. N 4.

Как один из вариантов решения вышеизложенных проблем можно предложить создать специальный международный правовой режим для Интернета. Данный способ представляется достаточно сложным, однако некоторый опыт уже имеется - достаточно вспомнить специальные правовые режимы Мирового океана, Антарктики, космического пространства.

Однако нельзя не понимать, что опыт в установлении специального правового режима в отношении неизменных объектов окружающего мира не сравним с возможными усилиями установления правового режима в отношении постоянно и свободно развивающегося организма системы Интернет.

В свете изложенного остановимся на проблемах применения в Интернете специального режима юридической ответственности, установленного для прессы и аудиовизуального распространения информации во Всемирной сети.

В логике эволюции Интернета и права наиболее простое и быстрое решение состоит в том, чтобы переместить на Интернет (определенным образом приспособив) специальный режим редакционной ответственности, установленный для прессы (печати) в наиболее развитых странах (в частности, во Франции). Основным ответственным субъектом здесь признаются лица, обладающие специальными знаниями в этой сфере (например, ответственный редактор или выпускающий редактор). Данный режим отличается от общего некоторым количеством специфических характеристик. Общий режим ответственности существует параллельно этому специфическому режиму. Редакционная ответственность применяется только за правонарушения, совершенные в сфере прессы и установленные специальным французским Законом о свободе прессы от 29 июля 1881 г. (гл. IV) <1>.

<1> Текст опубликован в издании: La loi de 1881 a l'aube du III-e mil-lenaire // Revue thematique de droit de la communication LEGICOM. P., 2003. N 28; http://www.laboucherie.com/pdf/presse.pdf.

Итак, возникает вопрос: может ли телеинформатика заимствовать режим специальной юридической ответственности, установленный для прессы и аудиовизуального распространения данных?

Французский законодатель пожелал установить принцип особой ответственности для печати, содержащий оговорку в общем праве, чтобы упростить свои возможные уголовные преследования. Система здесь основывается на принципе полной субсидиарной ответственности, определяя автоматически априорное ответственное лицо. Таковыми являются ответственный редактор (выпускающий редактор); за неимением егоавтор, за неимением автора - владелец типографии, затем продавцы и распространители (ст. 42 упомянутого Закона).

Чтобы выступать ответственным лицом, редактор (выпускающий редактор) должен иметь возможность контролировать распространяемые сообщения. Режим субсидиарной ответственности применяется только тогда, когда вредная информация явилась объектом предварительной фиксации и по своему назначению была предназначена для широкой публики, являлась публичной, т.е. когда о ней имелась запись. В силу этого в случае выбросов информации непосредственно в Сеть определенным лицом юридическая ответственность накладывается на того, кто совершил такие действия.

При решении вопроса об уголовной ответственности субъекта (лица) французский суд считает, что электронные правонарушения не подпадают под специальный режим, установленный для прессы, в тех случаях, когда электронные службы не создают публикации в прессе (сетевые издания) и не обладают определенными признаками (написанное сообщение, периодичность и др.). Таким образом, к большинству правонарушений в киберпространстве, преследуемых по французскому закону, применяются нормы общего (неспециального) права. В тех же случаях, когда интерактивные службы предлагают консультацию по базам данных, содержание которых уже записано, это способно повлечь ответственность выпускающего редактора, исходя из специального режима ответственности, установленного для прессы.

Итак, на основе правового режима, установленного для французской прессы, структура субъектов ответственности может выглядеть следующим образом:

- ответственный редактор (выпускающий редактор), принявший решение об издании информации запретного содержания;
 - автор вредного сообщения;
- типография, ответственная за юридическую целостность информации, сюда же относится и сервер размещения;
 - распространитель или средство просмотра: провайдер или транспортер.

Примерно по такому же пути пошла и российская судебная практика по делам о защите чести и достоинства граждан и юридических лиц. В отсутствие специального режима ответственности для прессы следует руководствоваться положениями п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ "О судебной практике по делам о защите чести и достоинства, а также деловой репутации граждан и юридических лиц". В нем устанавливается, что если оспариваемые сведения были распространены в средствах массовой информации, то надлежащими ответчиками являются автор и редакция соответствующего средства массовой информации. Если ЭТИ сведения распространены в СМИ с указанием лица, являющегося их источником, то это лицо также является надлежащим ответчиком. При опубликовании или ином распространении не соответствующих действительности порочащих сведений без обозначения имени автора (например, в редакционной статье) надлежащим ответчиком по делу является редакция соответствующего средства массовой информации, т.е. организация, физическое лицо или группа физических лиц, осуществляющие производство и выпуск данного средства массовой информации. В случае если редакция СМИ не является юридическим лицом, к участию в деле в качестве ответчика может быть привлечен учредитель данного средства массовой информации.

Если истец предъявляет требования к одному из надлежащих ответчиков, которыми совместно были распространены не соответствующие действительности порочащие сведения, суд вправе привлечь к участию в деле соответчика лишь при невозможности рассмотрения дела без его участия (ст. 40 ГПК РФ).

В случае, когда сведения были распространены работником в связи с осуществлением профессиональной деятельности от имени организации, в которой он работает (например, в служебной характеристике), надлежащим ответчиком в соответствии со ст. 1068 ГК РФ является юридическое лицо, работником которого распространены такие сведения. Учитывая, что рассмотрение данного дела может повлиять на права и обязанности работника, он может вступить в дело в качестве третьего

лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне ответчика, либо может быть привлечен к участию в деле по инициативе суда или по ходатайству лиц, участвующих в деле (ст. 43 ГПК $P\Phi$).

Учитывая вышеуказанные положения, если ввести этот специальный режим юридической ответственности (установленный некоторыми странами для прессы) в отношении Интернета, уровни ее наложения можно представить следующим образом.

- 1. Первым юридическим звеном в цепи здесь будет издатель информации владелец сайта (он также первым здесь несет ответственность).
- 2. На втором месте автор, который может отождествляться с издателем в случае, если издатель издает себя лично, т.е. когда речь идет об индивидуальном издателе (это второй уровень ответственности).
- 3. На третьем месте находится платформа технического посредничества хостпровайдер (это третий уровень ответственности).

Вместе с тем здесь не включен в систему ответственности сервис-провайдер, так как его действия ограничиваются только тем, что он приводит в контакт пользователя с Сетью - без осуществления консультированного сервиса и без издательского контроля за содержанием этой информации. Напротив, если говорить о системе общей (неспециальной) юридической ответственности, то ответственность может налагаться и на этих лиц.

Преимущества этой системы следующие:

- жертвы правонарушения всегда будут уверены в том, что смогут найти ответственное лицо. Таким образом, это гарантирует некоторую защиту их прав;
- автоматизм субсидиарной ответственности на самом деле является простым и известным механизмом, осуществление которого позволит судьям избегать длинных судопроизводств;
- в действительности будут исключены из каскада ответственности сервиспровайдеры и транспортеры (передатчики) информации, они освобождаются от любой редакционной ответственности за исключением случая, если суд докажет обратное.

Неудобства системы таковы:

- если сделать ответственным за распространение противозаконной информации заочно (за неимением выбора) хост-провайдера, есть риск нанести ущерб развитию Интернета. В большинстве случаев владельцы серверов не несут никакой редакционной ответственности по отношению к информации, размещаемой на их технической "площадке". Например, многие серверы, так называемые зеркала, заимствуют информацию, произведенную вне страны, порой даже на другом языке. Такие страницы информации не находятся под контролем владельцев сервера. Большой и существенный риск состоит в том, что часть работы в Сети оставит национальную территорию и переметнется на территории других государств;
- система субсидиарной юридической ответственности с предварительно устанавливаемыми ответственными лицами предполагает исчерпывающее знание об этих субъектах, об их функциях и действиях, т.е. то, что в Интернете до конца невозможно проверить (в том числе из-за высокой скорости процедуры);
- субсидиарная ответственность потребует предварительной фиксации сообщения (послания); в таком случае будет налицо формализм, который должен адаптироваться для открытых сетей (что противоречит его характеру сегодня);
- презумпция невиновности субъекта (лица) может быть поставлена под сомнение, что противоречит принципам построения нашей правовой системы.

Другое предложение состоит в том, чтобы применять к открытым информационнокоммуникационным сетям, таким, как Интернет, систему общей (неспециальной) юридической ответственности. Действительно, эти сети ввиду их специфичности (экстерриториальности, децентрализации среды и изменчивости роли ее участников, присутствии в различных секторах экономики) составляют новое информационное пространство, отличное от печати и аудиовизуального распространения. Для такой планетарной инфраструктуры, как Интернет, будет, возможно, нецелесообразным введение особенных юридических правил и процедур, так как противоправные деяния, совершенные в Сети, не только предусматривают наложение юридической ответственности на специалистов, но и касаются любого пользователя.

В этих случаях необходимо учитывать два предложения, которые будут обозначены в § 4 настоящей главы. Кроме того, в определенном порядке все субъекты (автор, издатель, распространитель, хост-провайдер, сервис-провайдер) могли бы преследоваться как главные авторы, соавторы или "сообщники", если, скажем, они сознательно поместили на публичное обозрение незаконную, противоправную информацию, нарушающую интересы граждан и общественный порядок. Соответствующие органы обязаны будут устанавливать их участие в правонарушении и анализировать как смягчающие, так и отягчающие обстоятельства применительно к каждому из участников Сети. Столь гибкое решение позволяет действительно устанавливать реальную ответственность каждого лица за совершение правонарушения. Оно исходит из принципа презумпции невиновности и будет доказывать виновное намерение субъекта. Такое решение соответствует, конечно, прагматическим и конкретным принципам функционирования Интернета.

Данная система юридической ответственности не будет накладывать на хостпровайдеров, иных распространителей информации обязательство следить априори за сообщениями, циркулирующими в Сети. Вместе с тем если окажется, что после уведомления надлежащих органов они сохранили доступ противозаконной "службы" к Сети и их виновное намерение будет доказано, то данные субъекты будут нести соответствующую ответственность.

Наряду с этим такая система сможет создать среди субъектов положение, согласно которому ни один из них, а также передатчики (транспортеры) не будут априори освобождены от любой ответственности. Такой подход не будет способствовать уходу операторов с национальной территории.

Учитывая идеи, упомянутые выше, кажется, что альтернатива будет носить скорее политический, нежели технический характер. На наш взгляд, предпочтительнее второе решение.

В этой сфере также важно развивать международно-правовое сотрудничество, в том числе и по линии судебных органов.

К тому же мнению пришли участники Римско-Лионской группы <1>. Министры внутренних дел стран - участниц "Большой восьмерки" отметили, что противодействие использованию сети Интернет в незаконных целях возможно только при активном международном сотрудничестве и выработке унифицированных международных подходов; необходимо убеждать государства в скорейшей ратификации Конвенции по борьбе с киберпреступностью; противодействие преступности в сфере высоких технологий возможно только при активном сотрудничестве с контент-провайдерами. Участники Римско-Лионской группы признают, что такое сотрудничество лишь первый шаг.

<1> Помимо Министров внутренних дел стран "Большой восьмерки" в Римско-Лионскую группу входят представители Австралии, Испании, Швейцарии.

Европейские эксперты в рамках работы ОБСЕ считают важным:

- 1) активно присоединяться и исполнять международные решения, в первую очередь Конвенцию по борьбе с киберпреступностью. Соблюдать резолюции Совета Европы и решения Интерпола по данному вопросу;
- 2) разработать кодексы поведения для провайдеров (Code of practice), а также правовые механизмы взаимодействия провайдеров с правоохранительными органами в сфере борьбы с киберпреступностью;

3) создать единый европейский и зональные центры по мониторингу соответствующей информации.

Как мы уже подчеркнули, международное частное право и международное уголовное право уже сегодня предлагают многочисленные решения по вопросу правового регулирования виртуального пространства, информации в Сети. Действительно, общие механизмы выдачи преступника иностранному государству и международной правовой помощи в сфере уголовного права уже сегодня могут применяться в отношении преступлений, совершенных в электронной среде Интернета (по Конвенции о киберпреступности).

Так, в Европе давно уже действуют соглашения о выдаче преступников иностранному государству. Некоторые из них Россия подписала и ратифицировала. Среди них, например, Европейская конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. <1>, Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. <2>. До недавних пор не существовало детального договора между Россией и США по данному вопросу. Действовало лишь Соглашение от 22 ноября 1935 г. <3>. Только 17 июня 1999 г. был подписан Договор между Российской Федерацией и США о взаимной правовой помощи по уголовным делам <4>. Развивая это сотрудничество, следует в ближайшее время подписать еще один специальный договор между Россией и США о взаимной выдаче преступников, который затрагивал бы и сферу Интернета. Это окажет положительное воздействие на рынок интернет-услуг, тем более что некоторые соглашения между государствами вполне состоятельны в вопросах коллизионного права в этой сфере. Например, Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам 1988 г. <5> предоставляет жертве клеветы широкий выбор гражданских процедур, которые позволяют ей защитить свои права. Исполнение судебных решений осуществляется автоматически в странах участницах данного Соглашения.

<1> Федеральный закон от 25 октября 1999 г. N 190-ФЗ "О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней" // СЗ РФ. 1999. N 43. Ст. 5129. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 9 марта 2000 г. Официальный перевод текста Конвенции на русский язык см.: СЗ РФ. 2000. N 23. Ст. 2348.

<2> Федеральный закон от 25 октября 1999 г. N 193-ФЗ "О ратификации Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней" // СЗ РФ. 1999. N 43. Ст. 5132. Конвенция и Дополнительный протокол к ней вступили в силу для Российской Федерации 9 марта 2000 года. Официальный перевод текста Конвенции и Дополнительного протокола к ней на русский язык см.: СЗ РФ. 5 июня 2000 г. N 23. Ст. 2349.

<3> Соглашение в форме обмена нотами между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о порядке исполнения судебных поручений (Москва, 22 ноября 1935 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. ІХ. М., 1938. С. 79 - 84.

<4> Федеральный закон от 3 ноября 2000 г. "О ратификации договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам" // СЗ РФ. 2000. N 45. Ст. 4401.

<5> Текст Конвенции опубликован: Международные конвенции о взаимодействии судов и судебно-правовом сотрудничестве по гражданским и коммерческим делам (Библиотечка журнала "Вестник ВАС РФ". Специальное приложение к N 10, октябрь 2000 г.). М., 2000. С. 29 - 64. Российская Федерация в настоящей Конвенции не участвует.

Российским юристам еще предстоит выработать свою точку зрения по проблеме юридической ответственности лиц, совершивших правонарушения виртуальном пространстве и в сфере компьютерной информации, анализируя гл. 28 УК РФ и другие национальные нормы права. Рекомендация Совета Европы от 11 сентября 1995 г. N R (95) 13 относительно проблем уголовных процедур, связанных с технологией обработки информации, могла бы послужить базой для такой правовой работы <1>. Следует подвергнуть всестороннему анализу этот нормативный акт в целях совершенствования отечественной правоприменительной практики в сетях. Вероятно, соответствующие законодательные изменения могли бы быть успешно внесены и в другие Скорейшее присоединение России международные акты. киберпреступности решило бы многие проблемы в сфере уголовного способствовало бы выработке понятийного аппарата теории права и государства. Тем более, как нам представляется, теперь это лишь вопрос времени <2>.

<2> Сначала Россия приняла решение подписать Конвенцию о киберпреступности с заявлением. Президент РФ подписал распоряжение от 15 ноября 2005 г. N 557-рп "О подписании Конвенции о киберпреступности" (СЗ РФ. 2005. N 47. Ст. 4929). Однако в марте 2008 г. Россия отказалась поставить свою подпись под этим документом. См.: распоряжение Президента РФ от 22 марта 2008 г. N 144-рп "О признании утратившим силу распоряжения Президента РФ от 15 ноября 2005 г. N 557-рп "О подписании Конвенции о киберпреступности".

§ 4. Совершенствование законодательства об ответственности в сфере борьбы с киберпреступностью

Сегодня как никогда ранее в интернет-праве актуальна проблема совершенствования законодательства в сфере борьбы с киберпреступностью. Это прежде всего обусловлено тем, что с первого дня существования всемирного виртуального пространства в него стали проникать правонарушители самых разных мастей, в том числе и злостные преступники.

Появляются новые формы и виды преступных посягательств в сфере высоких технологий. Преступники все чаще применяют системный подход к планированию своих действий, используют современные технологии и специальные средства, создают новейшие системы конспирации.

время преступность настоящее компьютерная превратилась целую криминальную отрасль, где действуют мошенники, взломщики-хакеры, рэкетиры, педофилы, сутенеры, торговцы людьми и наркотиками и многие другие нарушители законов. Хищения в особо крупных размерах также сегодня стали характерной чертой киберпространства. Первой серьезной попыткой наведения порядка в Интернете явилась специальная Конвенция по борьбе с киберпреступностью, подписанная в 2001 г. в Будапеште. Сегодня к этой Конвенции присоединилось более 40 участников, среди которых большинство стран ЕЭС (Литва, Латвия, Польша, Эстония, Чехия, Румыния), а также Япония, США, Украина, Республика Молдова, Армения, Азербайджан, ЮАР. Комитет ООН по демилитаризации и международной безопасности 2 ноября 2007 г. в Нью-Йорке принял специальную Резолюцию о борьбе с киберпреступностью, инициатором которой выступила Эстония. В Резолюции содержится призыв к мировому сообществу о скорейшей ратификации Конвенции и активном взаимодействии государств в данной сфере.

По данным Бюро специальных технических мероприятий МВД России, каждый год (начиная с 2005 г.) в нашей стране фиксируется порядка 15 тыс. преступлений в сфере высоких технологий. Для сравнения: в конце 1990-х гг. работники МВД фиксировали 10 -

<1> См. более подробно: Преступления в сфере компьютерной информации: квалификация и доказывание / Под ред. Ю.В. Гаврилина. М., 2003.

12 подобных преступлений в год, которые носили в основном хулиганский характер <1>. Ситуация с каждым годом становится более серьезной. Через Всемирную сеть ежегодно проходят финансовые операции на сумму порядка 3 трлн. долл. США.

<1> Cm.: http://www.itartass.ur.ru/news/?id=23911.

Представители американской ассоциации по защите авторских прав констатируют, что мировая промышленная индустрия из-за пиратов теряет от 200 млрд. до 250 млрд. долл. в год. Американская ассоциация кинематографистов определяет свой ущерб в размере 3 млрд. долл. США в год, а годовой ущерб всех американских производителей и правообладателей - в размере 30 - 35 млрд. долл. <1>. По данным IFPI <2>, звукозаписывающая индустрия оценивает свои ежегодные потери от пиратства примерно в 4,6 млрд. долл. США, в среднем один из трех компакт-дисков по всему миру является пиратским <3>.

Сегодня во всем мире, включая и Россию, правительства всерьез обеспокоены угрозой террористических актов, совершенных с использованием высоких технологий. Например, Япония уже второй год принимает специальную национальную программу по борьбе с компьютерной преступностью. Национальный альянс кибербезопасности образован в США <1>. В Великобритании в 2008 г. активно обсуждалось предложение о введении в правительстве специальной должности - министра по кибербезопасности.

<1> National Cyber Security Alliance (NCSA) // http://www.staysafeonline.org/index.html.

Следует отметить, что желание навести порядок в Интернете путем создания эффективного механизма регулирования посредством права существовало давно. Трагические события 11 сентября 2001 г. в США лишь ускорили разработку специальной конвенции на этот счет, работа над которой шла с 1999 г.

Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации предусматривает тесное сотрудничество правоохранительных органов стран Евросоюза, а также присоединившихся к этому документу государств. Появляется структура, часто называемая интернет-полицией. Каждый участник соглашения назначает свой контактный центр, работающий 24 часа в сутки в течение семи дней в неделю, чтобы обеспечить оказание неотложной помощи на стадии расследования или судебного разбирательства уголовных преступлений в сфере высоких технологий. Это касается также сбора доказательств в электронной форме по уголовным преступлениям. Такая помощь включает: оказание технической консультативной помощи; обеспечение сохранности данных; сбор доказательств, предоставление законной информации и установление нахождения подозреваемых лиц. Центр каждой страны располагает возможностями для оперативного обмена сообщениями с аналогичным центром другого государства (ст. 35 Конвенции).

Следует подчеркнуть, что Конвенция определяет четкие правила и нормы противодействия преступным посягательствам и устанавливает гарантии для граждан, согласно которым власти не имеют право без достаточных на то оснований вторгаться в их частную жизнь.

<1> См. подробнее: http://www.crime-research.ru/news/01.09.2006/2794.

<2> Международная федерация фонографической индустрии // http://www.ifpi.org.

<3> См.: Lessing L. Op. cit. P. 83 - 84. См. также: The Recording Industry Commercial Piracy Report 2006 // http://www.ifpi.org/content/library/piracy-report2006.pdf; Hunt B. Companies Warned on Music Piracy Risk // Financial Times. 2003. 14 Febr. P. 11.

Дебаты и обсуждения проекта Конвенции послужили основанием для принятия некоторыми странами национального законодательства, ужесточающего ответственность физических и юридических лиц в сфере высоких технологий. Не обошлось и без перегибов.

Сразу после 11 сентября 2001 г. в США появился Патриотический акт (Patriot Act). Данный документ, принятый практически единогласно Конгрессом, значительно облегчил деятельность специальных органов по перехвату информации. Большинство положений этого Акта не имело срока действия, однако некоторые его части были приняты лишь на время. Таких временных статей было 16. Основные споры сводились к тому, стоит ли эти временные положения продлевать. В первую очередь речь шла о статьях, которые давали возможность агентам ФБР, сотрудникам других специальных подразделений в короткие сроки вести прослушивание телефонных разговоров, просматривать электронную почту, получать информацию о банковских счетах и медицинских документах граждан. Многие члены Конгресса и правозащитники посчитали такие действия вторжением в частную жизнь американцев. Срок действия временных статей истекал 10 марта 2006 г. Вместе с тем Палата представителей Конгресса США в марте 2006 г. продлила срок действия основного антитеррористического закона этой страны.

Следует отметить, что в Конвенции о киберпреступности важное значение уделяется именно защите информации. Отныне по просьбе заинтересованных в преследовании лиц международная полиция сможет осуществлять расследование случаев взлома сервера или незаконного завладения информацией в любой стране мира, откуда бы ни исходило нападение хакеров. Это также касается борьбы с проявлениями нацизма и расизма в киберпространстве.

Однако неясно, какие теоретико-правовые и практические новеллы содержит этот документ и что дает он нам для борьбы с киберпреступностью? Что он вкладывает в понятие "преступление в Интернете"? Какие меры в будущем должна предпринять Россия для реализации положений Конвенции на своей территории?

Изучение показало, что Конвенция о киберпреступности дает характеристику исследуемых видов преступлений и вносит свою лепту в международную организованную борьбу с ними. Этот документ также дает примерную классификацию киберпреступлений.

Для этих целей в указанной Конвенции вводятся специальные понятия. В частности, понятие "компьютерная система" означает любое устройство или группу взаимосвязанных или смежных устройств, одно или более из которых действуя в соответствии с программой, осуществляет автоматизированную обработку данных. Понятие "компьютерные данные" подразумевает здесь любое представление фактов, информации или понятий в форме, подходящей для обработки в компьютерной системе, включая программы, способные "заставить" компьютерную систему выполнять ту или иную функцию.

Категория "поставщик услуг" означает любую государственную или частную структуру, которая обеспечивает пользователям ее услуг возможность обмена информацией посредством компьютерной системы, и любую другую структуру, осуществляющую обработку или хранение компьютерных данных от имени такой службы связи или пользователей такой службы. "Данные о потоках" означают любые компьютерные данные, относящиеся к передаче информации посредством компьютерной системы, которые генерируются компьютерной системой, являющейся составной частью соответствующей коммуникационной цепочки, и указывают на источник, назначение, маршрут, время, дату, размер, продолжительность или тип соответствующего сетевого сервиса.

В Конвенции о киберпреступности определяются также меры, которые следует предпринять на национальном уровне в отношении рассматриваемых преступлений в виртуальном пространстве. Это прежде всего меры материального уголовного права и

меры процессуального законодательства. Поэтому раздел I Конвенции посвящен материальному уголовному праву, а раздел II - процессуальному законодательству.

В первом случае рассматриваются преступления против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных данных и систем (подраздел 1 Конвенции). К ним, например, относится противозаконный доступ к информации в Интернете (ст. 2). В отношении подобных преступлений стороны принимают необходимые меры согласно их внутригосударственному праву. В случае преднамеренно осуществленного с использованием технических средств перехвата (без права на это) компьютерных данных стороны могут требовать, чтобы такое деяние считалось преступным, если оно было совершено со злым умыслом или в отношении компьютерной системы, соединенной с другой компьютерной системой (ст. 3).

Что касается воздействия на данные, то здесь каждое государство тоже обязано принимать законодательные меры, которые необходимы для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления преднамеренное повреждение, удаление, ухудшение качества, изменение или блокирование компьютерных данных без права на это. Каждое государство вправе зарезервировать за собой право квалифицировать в качестве уголовного преступления только те деяния, которые влекут за собой серьезный ущерб (ст. 4).

Воздействие на функционирование системы влечет принятие мер, которые могут быть необходимы для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления преднамеренное создание серьезных помех функционированию компьютерной системы путем ввода, передачи, повреждения, удаления, ухудшения качества, изменения или блокирования компьютерных данных (ст. 5).

Кроме того, запрещается противозаконное использование устройств взлома компьютерных программ и баз данных (ст. 6). Каждое государство, по Конвенции о киберпреступности, обязуется принять для квалификации в качестве уголовного преступления, согласно своему внутригосударственному праву, следующие деяния в случае их совершения преднамеренно и без права на это:

- а) производство, продажу, приобретение для использования, импорт, оптовую продажу или иные формы предоставления в пользование:
- устройств, включая компьютерные программы, разработанные или адаптированные для целей совершения какого-либо из правонарушений;
- компьютерных паролей, кодов доступа или иных аналогичных данных, с помощью которых может быть получен доступ к компьютерной системе в целом или любой ее части с намерением использовать их в целях совершения какого-либо из правонарушений;
- б) владение одним из указанных выше предметов с намерением использовать его для совершения каких-либо правонарушений. Любая сторона может требовать в соответствии с законом, чтобы условием наступления уголовной ответственности являлось владение несколькими такими предметами.

Уголовная ответственность исключается в тех случаях, когда производство, продажа, приобретение или иные формы предоставления в пользование или владение, упомянутые выше, не имеют целью совершение предусмотренных правонарушений, а связаны, например, с разрешенным испытанием или защитой компьютерной системы.

Надо отметить, что в Конвенции о киберпреступности детально представлены отдельные виды правонарушений, связанных с использованием компьютерных средств (подраздел 2 Конвенции).

Во-первых, это подлог с использованием компьютерных технологий (ст. 7). Каждая страна обязалась в связи с этим, согласно своему внутригосударственному праву, реагировать определенным образом (в случае совершения преднамеренно и без права на это) на ввод, изменение, стирание или блокирование компьютерных данных, влекущих за собой нарушение их аутентичности, с намерением, чтобы они рассматривались или использовались в юридических целях в качестве подлинных независимо от того,

поддаются ли эти данные непосредственному прочтению и являются ли они понятными. Страна может требовать для наступления уголовной ответственности наличия намерения совершить обман или аналогичного злого умысла.

Во-вторых, это мошенничество с использованием компьютерных технологий (ст. 8). В случае совершения этого преступления каждое государство принимает такие законодательные и иные меры, которые необходимы для того, чтобы квалифицировать в качестве уголовного преступления, согласно своему внутригосударственному праву (в случае совершения преднамеренно и без права на это), лишение другого лица его собственности путем любого ввода, изменения, удаления или блокирования компьютерных данных; любого вмешательства в функционирование компьютерной системы с мошенническим или бесчестным намерением неправомерного извлечения экономической выгоды для себя или для иного лица.

В-третьих, это правонарушения, связанные с детской порнографией (подраздел 3 Конвенции). Отмечается, что стороны согласно их внутригосударственному праву обязаны остро реагировать в случае совершения преднамеренно и без права на это следующих деяний: производство детской порнографической продукции в целях распространения через компьютерную систему; предложение или предоставление в пользование детской порнографии через компьютерную систему; распространение или передача детской порнографии через компьютерную систему; приобретение детской порнографии через компьютерную систему для себя или для другого лица; владение детской порнографией, находящейся в компьютерной системе или на носителях компьютерных данных (ст. 9).

При этом в понятие "детская порнография" Конвенцией о киберпреступности включаются порнографические материалы, изображающие следующее: участие несовершеннолетнего лица в откровенных сексуальных действиях; участие лица, кажущегося несовершеннолетним, в откровенных сексуальных действиях; реалистические изображения несовершеннолетнего лица, участвующего в откровенных сексуальных действиях. Одновременно указывается, что термин "несовершеннолетние" означает любое лицо, не достигшее 18-летнего возраста. Однако любая сторона может устанавливать свои возрастные пределы несовершеннолетия, но не ниже 16 лет.

Анализ показал, что значительное место в тексте Конвенции о киберпреступности отводится также правонарушениям, связанным с нарушением авторских и смежных прав (подраздел 4 Конвенции).

При этом сами составы преступлений в Конвенции не формулируются. Вместе с тем стороны обязаны принять собственные меры, которые будут необходимы для того, чтобы квалифицировать подобные действия в качестве уголовных преступлений согласно их внутригосударственному праву, во исполнение обязательств, взятых на себя по Международной конвенции об охране интересов артистов-исполнителей, производителей фонограмм и вещательных организаций (Римская конвенция 1961 г.), по Соглашению о торговых аспектах прав интеллектуальной собственности и по Договору ВОИС об исполнителях и фонограммах, когда такие действия совершены преднамеренно, в коммерческом масштабе и с помощью компьютерной системы.

Что касается санкций и мер, то указанная Конвенция устанавливает, что каждая сторона принимает меры, которые могут быть необходимы для обеспечения того, чтобы к лицам, совершившим уголовные преступления, были применены эффективные, соразмерные и справедливые меры наказания, включая лишение свободы. Каждая сторона гарантирует, что к юридическим лицам, считающимся ответственными, будут применены соответствующие меры наказания уголовного или неуголовного характера, включая штрафные санкции (ст. 13).

При этом сторона может сделать оговорку о сохранении за собой права применять требуемые меры только в отношении правонарушений или категорий правонарушений,

указанных в этой оговорке. Она рассматривает пути ограничения сферы действия такой оговорки, чтобы сделать возможным максимально широкое применение действенных мер.

В Конвенции о киберпреступности говорится также об оперативном обеспечении сохранности хранимых компьютерных данных (ст. 16). По этому требованию государства взяли на себя обязательства принимать необходимые меры к тому, чтобы компетентные органы имели возможность отдавать распоряжения или соответствующие указания об оперативном обеспечении сохранности конкретных компьютерных данных, включая данные о потоках информации, которые хранятся в Интернете (в частности, когда имеются основания полагать, что эти компьютерные данные особенно подвержены риску утраты или изменения).

Если какое-либо государство реализует положения, приведенные выше, посредством распоряжения тому или иному лицу об обеспечении сохранности конкретных хранимых компьютерных данных, находящихся во владении или под контролем этого лица, то оно принимает соответствующие меры с целью обязать указанное лицо хранить эти компьютерные данные и обеспечивать их целостность в течение необходимого периода времени, не превышающего 90 дней, с тем чтобы компетентные органы могли воспользоваться ими в случае необходимости. Государство может предусмотреть возможность последующего возобновления действия такого распоряжения. Оно обязано само обеспечивать сохранность данных, охранять конфиденциальность выполнения установленных процедур в течение срока, предусмотренного внутригосударственным правом.

Государства обязались предоставлять компетентным органам полномочия отдавать следующие распоряжения: лицу на его территории - о предъявлении конкретных компьютерных данных, находящихся во владении или под контролем этого лица, которые хранятся в компьютерной системе или на каком-либо носителе компьютерных данных; поставщику услуг, предлагающему свои услуги на его территории, - о предъявлении находящихся во владении или под контролем этого поставщика услуг сведений о его абонентах.

Конвенция о киберпреступности, в частности, допускает в необходимых случаях обыск и выемку хранимых компьютерных данных (ст. 19). В связи с этим устанавливается, что каждая договаривающаяся сторона принимает такие меры, которые могут потребоваться для предоставления ее компетентным органам полномочий на обыск или иной аналогичный доступ к компьютерным системам или их частям, а также хранящимся в них компьютерным данным и носителям компьютерных данных, на которых могут храниться искомые компьютерные данные на ее территории.

Каждая сторона получает право для предоставления ее компетентным органам полномочий требовать от любого лица, обладающего знаниями о функционировании соответствующей информационной системы или применяемых мерах защиты хранящихся там компьютерных данных, предоставления в разумных пределах необходимых сведений, которые позволяют осуществить указанные выше действия по обыску и выемке.

Если какая-либо сторона в силу устоявшихся принципов системы внутригосударственного права не может принять указанные выше меры, то вместо этого она может предпринять иные действия для обеспечения сбора или записи в режиме реального времени данных о потоках информации на ее территории путем применения технических средств на этой территории.

При этом допускается законный перехват данных (ст. 20, 21 Конвенции). В этом случае сторона предпринимает все необходимое, чтобы наделить компетентные органы следующими полномочиями: собирать или записывать данные с применением технических средств на своей территории; заставлять поставщика услуг (в пределах имеющихся у него технических возможностей) собирать или записывать данные с использованием технических средств на своей территории или сотрудничать с

компетентными органами и помогать им в сборе или записи в режиме реального времени данных о содержании указанных сообщений на собственной территории.

В Конвенции впервые решаются вопросы судебной юрисдикции, а также подсудности споров (ст. 22). Отмечается, что каждое государство делает все возможное для установления юрисдикции в отношении любого правонарушения, предусмотренного в Конвенции о киберпреступности, когда такое правонарушение совершено, в частности, на его территории; или на борту судна, плавающего под флагом этого государства; или на борту самолета, зарегистрированного согласно законам этого государства; или одним из его граждан, если это правонарушение является уголовно наказуемым в месте его совершения или совершено за пределами территориальной юрисдикции какого-либо государства.

Если на юрисдикцию в отношении предполагаемого правонарушения претендует более одного государства, заинтересованные стороны, по мере необходимости, проводят консультации с целью определить наиболее подходящую юрисдикцию для осуществления судебного преследования.

Констатируется, что государства, подписавшие Конвенцию о киберпреступности, осуществляют максимально широкое сотрудничество друг с другом путем применения соответствующих международных договоров о международном сотрудничестве по уголовным делам, согласованных договоренностей, опирающихся на единообразное или основанное на взаимности законодательство, а также норм внутригосударственного права в целях проведения расследований или судебного преследования в отношении уголовных преступлений, связанных с Интернетом, и сбора доказательств по уголовному преступлению в электронной форме.

Государства на взаимной основе оказывают друг другу по возможности максимальную правовую помощь в целях проведения расследований или судебного разбирательства в связи с уголовными преступлениями, связанными с компьютерными системами и данными, или сбора доказательств по уголовному преступлению в электронной форме.

Государство может в пределах норм своего внутригосударственного права направить без предварительного запроса другой стороне информацию, полученную в рамках своего собственного расследования, когда, по его мнению, раскрытие такой информации могло бы помочь получателю этой информации начать или провести расследование или судебное разбирательство в отношении уголовных преступлений, установленных Конвенцией. Прежде чем предоставить такую информацию, государство может просить о соблюдении ее конфиденциальности или поставить определенные условия для ее использования. Если получающая сторона не может выполнить такую просьбу, она уведомляет об этом своего партнера, который определяет затем, следует ли тем не менее предоставить такую информацию. Если получающая сторона принимает информацию на указанных условиях, они носят для нее обязательный характер.

Наряду с этим та или иная сторона может попросить другую дать указание (или сделать это иным образом) неотложно обеспечить сохранность данных, хранящихся в Сети, расположенной на территории этой другой стороны (ст. 29). В просьбе об обеспечении сохранности данных указываются орган, добивающийся обеспечения сохранности; правонарушение, которое подлежит расследованию или судебному разбирательству, и краткое изложение основных фактов; хранимые компьютерные данные, подлежащие сохранению, и их связь с указанным правонарушением; любая имеющаяся информация, идентифицирующая владельца данных или местоположение Сети; обоснование сохранности.

По получении такой просьбы соответствующая сторона принимает все надлежащие меры для неотложного обеспечения сохранности указанных данных в соответствии с внутригосударственным правом. Для удовлетворения указанной просьбы в качестве

условия не выдвигается требование о том, чтобы правонарушение квалифицировалось как уголовно наказуемое обеими сторонами.

В просьбе об обеспечении сохранности данных может быть отказано, если соответствующая просьба касается правонарушения, которое запрашиваемая страна квалифицирует как политическое преступление или правонарушение, связанное с политическим преступлением; или запрашиваемая страна полагает, что выполнение такой просьбы может нанести ущерб ее суверенитету, безопасности, общественному порядку и т.д.

В итоге вырисовывается цель Конвенции о киберпреступности - дополнить соответствующие многосторонние или двусторонние соглашения или договоренности между разными государствами, включая положения Европейской конвенции о выдаче, Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам, Дополнительного протокола к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам, открытого для подписания в Страсбурге 17 марта 1978 г. (СЕД N 99).

В случае возникновения спора между сторонами относительно толкования или применения Конвенции они стремятся к урегулированию спора путем переговоров или любыми другими мирными средствами по своему выбору, включая передачу этого спора с согласия заинтересованных сторон в арбитражный суд, решения которого имеют для сторон обязательную силу, или в Международный суд.

Стороны в соответствующих случаях периодически проводят консультации с целью содействовать эффективному применению Конвениии И выполнению киберпреступности, включая выявление любых относящихся к ней проблем, а также последствий любого заявления или оговорки; обмену информацией о важных изменениях политической или технической сферах, имеющих отношение киберпреступности, и сбору доказательств в электронной форме; рассмотрению возможных дополнений или поправок к указанной Конвенции.

Все это ставит перед Российской Федерацией задачу совершенствования законодательства в сфере борьбы с киберпреступлениями (в частности, в свете изложенной выше Конвенции о киберпреступности). Наличие в Уголовном кодексе РФ трех статей (ст. 272 - 274) о преступлениях в сфере компьютерной информации и отдельных записей в иных правовых актах об ответственности руководителей информационных систем, пользователей информации в Сети, провайдеров, СМИ и т.д. сегодня уже явно недостаточно. Необходимо разработать и принять специальный закон о борьбе с киберпреступностью в нашей стране, а также внести соответствующие дополнения в уже действующее законодательство. Причем все это должно быть увязано с Конвенцией о киберпреступности.

Базой для международного сотрудничества и выработки национального законодательства о противодействии киберпреступности выступает Соглашение между странами СНГ о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации. Оно предусматривает следующие формы сотрудничества в рамках СНГ:

- а) обмен информацией о готовящихся или совершенных преступлениях в сфере компьютерной информации и причастных к ним физических и юридических лицах; о способах совершения преступлений в сфере компьютерной информации; о формах и методах предупреждения, выявления, пресечения, раскрытия и расследования преступлений в данной сфере; о национальном законодательстве и международных договорах, регулирующих вопросы расследования преступлений в сфере компьютерной информации;
- б) исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий, а также процессуальных действий в соответствии с международными договорами о правовой помощи;

- в) планирование и проведение скоординированных мероприятий и операций по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации;
- г) оказание содействия в подготовке и повышении квалификации кадров, в том числе путем стажировки специалистов, организации конференций, семинаров и учебных курсов;
- д) создание информационных систем, обеспечивающих выполнение задач по предупреждению, выявлению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений в сфере компьютерной информации;
- е) проведение совместных научных исследований по представляющим взаимный интерес проблемам борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации;
- ж) обмен нормативными правовыми актами, научно-технической литературой по борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации и др.
- До принятия специального законодательства в сфере высоких технологий предлагается внести в Уголовный кодекс РФ следующие изменения и дополнения.
- 1. Часть 2 ст. 158 "Кража" УК РФ дополнить следующим квалифицирующим признаком:
- "д) с несанкционированным доступом к компьютерной системе и информационно-коммуникационным сетям, в том числе и Интернете," далее по тексту.
 - 2. Часть 2 ст. 159 "Мошенничество" УК РФ изложить в следующей редакции:
 - "2. Мошенничество, совершенное:
 - а) группой лиц по предварительному сговору;
- б) с несанкционированным доступом к компьютерной системе и информационно-коммуникационным сетям, в том числе и Интернете;
 - в) с причинением значительного ущерба гражданину" далее по тексту.
- 3. Часть 2 ст. 163 "Вымогательство" УК РФ дополнить следующим квалифицирующим признаком:
- "д) с несанкционированным доступом к компьютерной системе и информационно-коммуникационным сетям, в том числе и Интернете," далее по тексту.
- 4. Часть 1 ст. 183 "Незаконные получение и разглашение сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну" УК РФ изложить в следующей редакции:
- "1. Собирание сведений, составляющих коммерческую, налоговую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа или угроз, либо связанное с несанкционированным доступом в компьютерные системы либо информационно-коммуникационные сети, а равно иным незаконным способом" далее по тексту.

Статья примерно с таким же названием и содержанием содержится в УК Кыргызской Республики в гл. 22 "Преступления в сфере экономической деятельности" <1>.

<1> Статья 193. Незаконное получение информации, составляющей коммерческую или банковскую тайну.

Собирание сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну, путем похищения документов, подкупа и угроз в отношении лиц, владеющих коммерческой или банковской тайной, или их близких, перехвата информации в средствах связи, незаконного проникновения в компьютерную систему или сеть, использования специальных технических средств, а равно иным незаконным способом с целью разглашения либо использования этих сведений - наказывается штрафом в размере от пятидесяти до ста минимальных месячных заработных плат либо арестом на срок до шести месяцев.

5. Часть 2 ст. 205 "Терроризм" УК РФ дополнить следующим квалифицирующим признаком:

- "г) с несанкционированным доступом в компьютерные системы или информационно-коммуникационные сети, осуществляющие автоматизированное управление опасными технологическими производствами и предприятиями жизнеобеспечения с целью нарушения их функционирования и создания аварийной ситуации и угрозы техногенной катастрофы," далее по тексту.
- 6. Дополнить гл. 28 "Преступления в сфере компьютерной информации" УК РФ ст. 272.1.

"Статья 272.1. Неправомерное завладение компьютерной информацией.

1. Несанкционированное копирование либо иное неправомерное завладение информацией, хранящейся или обрабатывающейся в компьютерной системе, информационно-коммуникационной сети или на машинных носителях, либо перехват информации, передаваемой с использованием средств компьютерной связи, повлекшие причинение значительного ущерба, -

наказывается штрафом в размере до ста тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от двух до пяти месяцев, либо исправительными работами на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, совершенное в корыстных целях, либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо лицом с использованием своего служебного положения, а равно имеющим доступ к ЭВМ, системе ЭВМ, или их сети, а также в крупном размере, -

наказывается штрафом в размере от ста тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет, либо арестом на срок от трех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет, с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью сроком до пяти лет или без такового с конфискацией средств совершения преступления".

Статья с таким же названием существует в Уголовном кодексе Республики Беларусь (ст. 352 УК РБ), а также в Модельном уголовном кодексе для стран СНГ 1997 г. (ст. 289).

Параллельно с этим целесообразно также уточнить содержание юридической ответственности субъектов интернет-отношений (участников Сети).

Надо заметить, что проблема юридической ответственности за преступления в сфере высоких технологий остается особенно важной в связи с вступлением России в глобальные международные организации. Поэтому схема юридической ответственности субъектов интернет-отношений в этом контексте должна быть уточнена с учетом общих принципов приведения в действие уголовной ответственности. Исследуем смысл этих принципов.

В теории государства и права выделяются своеобразные защитные (охранительные) функции государства <1>. Среди таких внутренних охранительных функций можно отметить следующие: охрана прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного общественной безопасности, порядка И окружающей конституционного строя Российской Федерации OT преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений. Для осуществления этих задач Уголовный кодекс РФ в ст. 1 - 8 регламентирует основания и принципы уголовной ответственности, определяет, какие опасные для личности, общества или государства деяния признаются преступлениями, и устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений. Преступные деяния, а также их наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только Уголовным кодексом РФ. Применение уголовного закона по аналогии при этом не допускается. Основанием для уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом. Лица, совершившие преступления в сфере высоких технологий,

равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

<1> См. об этом: Теория государства и права / Под ред. А.И. Косарева. М., 2000. С. 76 - 84; Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. С. 61 - 77; Общая теория права / Под ред. А.С. Пиголкина. С. 55 - 68.

По общему правилу на субъект интернет-отношений (физическое лицо) накладывается юридическая ответственность, когда доказано, что он материально реализовал, выполнил акт поведения, запрещенный законом. Субъект рассматривается как непосредственный (материальный) автор определенных актов нарушения, которые он выполнил лично. Соответствующие органы должны в этом случае доказать не только реальность факта правонарушения, но и вину субъекта (лица), его совершившего. Субъект подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина. Объективное вменение (т.е. уголовная ответственность за невиновное причинение вреда) не допускается. Наказание и иные меры уголовноправового характера, применяемые к субъекту (лицу), совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Они не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства. Наказание не должно быть жестоким, оно должно быть неотвратимым.

В определенных случаях уголовный закон признает преступником лицо, которое не выполняло лично и непосредственно материальный акт правонарушения, но которое организовало его совершение или руководило его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими (ст. 33 УК РФ).

Учитывая вышеупомянутые принципы уголовной ответственности, представляется довольно сложным найти юридически правильное решение. Какая же система юридической ответственности будет наиболее приемлема в области Интернета? Прежде всего здесь необходимо использовать модели юридической ответственности, которые уже существуют в разных странах (табл. 2), но при этом следует иметь в виду два общих правила по данному вопросу.

Таблица 2

Ответственность за совершение преступлений в сфере компьютерной информации, предусмотренная уголовным законодательством в странах СНГ (на примере России, Республики Беларусь, Украины и Грузии)

Страна и	Название статьи	Название главы	Число
законодательство		или раздела	статей
		УК РФ	

Россия -	Статья 272. Неправомерный доступ	Глава 28	3
Уголовный кодекс	к компьютерной информации	"Преступления	
РФ от 13 июня	Статья 273. Создание,	в сфере	
1996 г.	использование и распространение	компьютерной	
	вредоносных программ для ЭВМ	информации"	
	Статья 274. Нарушение правил	(ст. 272 - 274)	
	эксплуатации ЭВМ,		
	системы ЭВМ или их сети		
Беларусь -	Статья 349. Несанкционированный	Глава 31	7
Уголовный кодекс	доступ к компьютерной информации	"Преступления	
Республики	Статья 350. Модификация	против	
Беларусь от	компьютерной информации	информационной	
9 июня 1999 г.	Статья 351. Компьютерный саботаж	безопасности"	
	Статья 352. Неправомерное	<1> (ct. 349	
	завладение компьютерной	- 355)	
	информацией		
	Статья 353. Изготовление либо		
	сбыт специальных средств для		
	получения неправомерного доступа		
	к компьютерной системе или сети		
	Статья 354. Разработка,		
	использование либо		
	распространение вредоносных		
	программ		
	Статья 355. Нарушение правил		
	эксплуатации компьютерной		
	системы или сети		

Украина -	Статья 361. Несанкционированное	Раздел XVI	6
Уголовный кодекс	вмешательство в работу	"Преступления	
Украины от	электронно-вычислительных машин	в сфере	
5 апреля 2001 г.	(компьютеров), автоматизированных	использования	
•	систем, компьютерных сетей или	электронно-	
	сетей электросвязи	вычислительных	
	Статья 361.1. Создание с целью	машин	
	использования, распространения	(компьютеров),	
	или сбыта вредных программных или	систем и	
	технических средств, а также их	компьютерных	
	распространение или сбыт	сетей" (ст.	
	Статья 361.2. Несанкционированные	361 - 363)	
	сбыт или распространение		
	информации с ограниченным		
	доступом, которая сохраняется		
	в электронно-вычислительных		
	машинах (компьютерах),		
	автоматизированных системах,		
	компьютерных сетях или на		
	носителях такой информации		
	Статья 362. Несанкционированные		
	действия с информацией, которая		
	обрабатывается в электронно-		
	вычислительных машинах		
	(компьютерах), автоматизированных		
	системах, компьютерных сетях или		
	сохраняется на носителях такой		
	информации, содеянные лицом,		
	которое имеет право доступа к ней		
	Статья 363. Нарушение правил		
	эксплуатации электронно-		
	вычислительных машин		
	(компьютеров), автоматизированных		
	систем, компьютерных сетей или		
	сетей электросвязи или порядка		
	или правил защиты информации,		
	которая в них обрабатывается		
	Статья 363.1. Препятствование		
	работе электронно-вычислительных		
	машин (компьютеров),		
	автоматизированных систем,		
	компьютерных сетей или сетей		
	электросвязи путем массового		
	распространения сообщений		
	электросвязи		

Грузия - Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 г.	Статья 284. Неправомерный доступ к компьютерной информации Статья 285. Создание, использование или распространение вредоносных программ для ЭВМ Статья 286. Нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети	Глава 35 "Компьютерные преступления" (ст. 284 - 286)	3
Модельный уголовный кодекс 1996 г. государств - участников СНГ	Статья 286. Несанкционированный доступ к компьютерной информации Статья 287. Модификация компьютерной информации Статья 288. Компьютерный саботаж Статья 289. Неправомерное завладение компьютерной информацией Статья 290. Изготовление и сбыт специальных средств для получения неправомерного доступа к компьютерной системе или сети Статья 291. Разработка, использование и распространение вредоносных программ Статья 292. Нарушение правил эксплуатации компьютерной системы или сети	Глава 30 "Преступления против информационной безопасности" (ст. 286 - 292)	7

Первое правило может быть выражено так: издатель - автор (создатель), размещающий информацию в Сети, физическое или юридическое лицо, в первую очередь признается ответственным за содержание такой информации. Таким образом, необходимо иметь возможность его идентифицировать. Это требование подтверждается ст. 10 Федерального закона "Об информации, информационных технологиях и о защите информации". Следует подчеркнуть, что Интернет не должен быть анонимной средой. интернет-отношений (участники электронной Субъекты среды) распространения, передатчики, транспортеры - обязаны идентифицировать личность (тождество) автора информации также и в случае возможного судопроизводства. Напротив, любой пользователь, который работает с какой-либо информацией в Сети, должен иметь возможность оставаться анонимным в этой среде, но при условии, что он имел право легального доступа к информации (логином и паролем прохода без идентификации личности).

Второе правило следующее: ответственность может быть наложена только за то, что субъект интернет-отношений (лицо) способен контролировать, а из этого вытекает освобождение от уголовной ответственности провайдера ввиду того, что его функции чисто технические, и он не осуществляет редакционного вмешательства и модификации информации (Принцип 6 Декларации о свободе обмена информацией в Интернете от 28 мая 2003 г.). Когда эти правила обозначены, следует признать систему общей (неспециальной) юридической ответственности в сфере Интернета наиболее приемлемой.

Глава 4. ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА

<1> Такое же название у гл. 12 УК Республики Таджикистан.

СУБЪЕКТОВ ИНТЕРНЕТ-ОТНОШЕНИЙ

§ 1. Правосознание субъектов интернет-отношений

Необходимо признать, что проблема правосознания субъектов интернет-отношений в общем-то обозначена в литературе по Интернету и праву. И сводится она в основном к осознанию права как явления, которым пользуются в виртуальной реальности и реальном пространстве провайдеры и пользователи <1>.

<1> См. об этом подробнее, например: Коммерческое (торговое) право / Под ред. Ю.Е. Булатецкого. С. 887 - 890.

Такую постановку этой важной и актуальной проблемы для интернет-права мы приветствуем и считаем, что ее нужно взять на вооружение и развивать не только с точки зрения какого-то одного направления Интернета (оказание информационных услуг, электронная коммерция, борьба с правонарушителями в виртуальном пространстве и др.), но и с общих позиций, прежде всего с позиции теории права и информационного права.

Сравнительный анализ российского и зарубежного законодательства показал, что понятие права и правосознание в сфере Интернета тесно связаны и взаимодействуют, например составляющие интернет-права правила поведения субъектов (участников) интернет-отношений, когда нормы права так или иначе регулируют сознательную деятельность в виртуальном пространстве разработчиков сетей, специалистов, производящих исходную информацию, провайдеров, потребителей данных и др. При этом данные нормы предписывают либо запрещают указанным субъектам совершать определенные операции, сделки, действия, например ст. 8 Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронных подписях (2001 г.).

В этом смысле нормы интернет-права реализуются в сетях, в виртуальном пространстве. И эти нормы считаются результативными лишь тогда, когда реализуются в практике работы Интернета и преломляются в сознании субъектов интернет-отношений, осознаются ими. При этом, как показывает проведенный нами в конце 2002 г. опрос 500 потребителей услуг Интернета из Москвы, Санкт-Петербурга и Минска по содержанию Конвенции о киберпреступности, отношение этих субъектов (потребителей) к положениям Конвенции различно <1>. Так, около 5% впервые слышат о Конвенции (из всех опрошенных); она воспринимается ими как должное - это показали 80,6% опрошенных из Москвы и Минска. Конвенция трактуется как правильный документ - это показали 3,3% москвичей и примерно столько же минчан; наоборот, Конвенцию оценили как слабый, неточный документ, требующий переработки, - 6% опрошенных в Санкт-Петербурге. Конвенция рассматривается как чуждый документ - это мнение остальных минчан, которые требуют усиления ответственности за совершение преступлений в Интернете. Большой разброс мнений свидетельствует о различных уровнях правосознания опрошенных потребителей соответствующей информации.

<1> Социологические исследования с участием диссертанта проводились в научноисследовательской части Российской правовой академии Министерства юстиции РФ с 2002 по 2003 г. Места проведения опроса - Москва, Санкт-Петербург, Минск. Исследуемая совокупность: экономически активные россияне и белорусы старше 18 лет, пользователи сети Интернет. Выборки: 500 респондентов. Вопрос: "Необходимо ли, по Вашему мнению, ратифицировать Конвенцию по борьбе с киберпреступностью?"

Однако, как видно из анализа, так или иначе нормы права (особенно касающиеся электронных сделок) остро воспринимаются сознанием субъектов интернет-отношений, которые связывают с ними свои суждения и оценки о правомерности либо неправомерности тех или иных действий в Интернете, о своих правах и обязанностях как

пользователей информации, о том, что является важным в праве, а что - второстепенным, и в конечном счете что есть право и Интернет как явления. Совокупность всех этих воззрений субъектов интернет-отношений (разработчиков, провайдеров, потребителей и др.), т.е. убеждений касательно правомерности и неправомерности поступков людей (и собственных тоже) в Интернете, их прав и обязанностей, а также справедливости или несправедливости тех или иных законов, хартий, конвенций и иных документов, и называется правосознанием в рассматриваемой области.

Как мы видим, возникновение и развитие интернет-права, как и права вообще, - это достаточно сложный процесс. С одной стороны, интернет-право не возникло на пустом месте. Оно связано с обществом, уровнем его развития, совершенствованием технологии Интернета, непосредственно самого права и его отраслей. Исходя из этого, интернетправо как комплексный межотраслевой институт регулирует соответствующие отношения в цифровой среде. С другой стороны, оно относится к области информационной политики, идеологии и связано с общепризнанными в обществе идеями, убеждениями и представлениями об Интернете и праве. В этом смысле нет и не может быть Интернета и права без правосознания указанных субъектов (участников интернет-отношений).

Будучи неразрывно соединено с интернет-правом, правосознание субъектов (как осознание ими указанных норм права) не менее тесно связано с моралью или нравственностью. Ведь оценка субъектами интернет-отношений тех или иных норм права, их частей (скажем, положений Закона "Об электронной цифровой подписи") в значительной степени является и оценкой моральной (нравственной). Можно сделать вывод, что правосознание субъектов интернет-отношений переплетается здесь с моралью (нравственностью) настолько тесно, что между ними порой трудно провести строгую границу, так как правовые и нравственные воззрения и убеждения указанных субъектов составляют часть общих информационных взглядов общества. Но далеко не все, как показывает анализ, нравственные воззрения субъектов интернет-отношений имеют правовой характер и относятся к их правосознанию (скажем, их понимание добросовестного провайдера, пользователя). Правосознание названных субъектов представляет собой совокупность лишь тех воззрений, в которых выражаются их отношения к действующему интернет-праву (национальному и зарубежному), оценка этого права.

Рассматриваемое правосознание является рычагом воздействия на поведение субъектов интернет-отношений, и между правосознанием и интернет-правом (как институтом) существует тесная связь. Эта связь, как показывает анализ, выражается в следующем.

- 1. Правосознание субъектов интернет-отношений зачастую является средством укрепления интернет-права. Рост уровня знания субъектами норм права, повышение уровня их правовой культуры в Интернете влияют на укрепление в обществе уважения к законам вообще и в частности к тем законам и иным актам, которые регулируют отношения в Интернете в сфере виртуального пространства.
- 2. Правосознание указанных субъектов является фактором правообразования в области Интернета, т.е. фактором разработки новых законов и иных актов в исследуемой сфере. Субъекты интернет-отношений, соблюдающие правовые правила поведения в виртуальном пространстве, выдвигают ряд требований к праву, которые получают реализацию в виде принятия новых актов, отмены или изменения старых, не соответствующих стандартам общемировой информатизации, компьютеризации и защиты информации. Например, по требованию Комитета Государственной Думы по информационной политике 21 октября 2000 г. проект Федерального закона "О праве на информацию" возвращен как недоработанный к процедуре первого чтения. По инициативе ряда министров Правительство РФ внесло 16 апреля 2001 г. в Государственную Думу на рассмотрение проект Федерального закона "Об электронном документе", принятия которого давно ждут все участники Интернета.

3. Правосознание субъектов интернет-отношений является серьезным фактором правильного применения норм права в виртуальном пространстве. Например, в интернет-отношениях важно правосознание именно представителей государственных органов и их руководителей. "Роль государственных органов здесь заключается в том, чтобы регулировать эти правоотношения в направлениях, строго обозначенных международной практикой и национальным законодательством" <1>. Не менее важно здесь и правосознание судей. Они, рассматривая интернет-споры между субъектами, обеспечивают правильное уяснение этими субъектами смысла соответствующих норм права, жизненное и справедливое их применение в Интернете.

<1> Коммерческое (торговое) право / Под ред. Ю.Е. Булатецкого. С. 888.

4. Правосознание указанных выше субъектов, в свою очередь, испытывает на себе влияние со стороны норм права. Известно, например, какое огромное воспитательное влияние в этом отношении на субъектов оказывают сегодня Будапештская конвенция о киберпреступности и Окинавская хартия глобального информационного общества, помогая работе в сетях.

Эти акты укрепляют в сознании субъектов интернет-отношений представления о законе в виртуальном пространстве, о равноправии сторон, о справедливости разрешения интернет-споров, о важности развития информационных технологий в современном мире.

Правосознание субъектов интернет-отношений есть также набор идей и взглядов о том, каким должно быть право виртуального пространства с точки зрения его справедливости, целесообразности, эффективности в утверждении ценностей, признанных в тех или иных государствах, и складывающихся на их основе оценок и чувств. Иными словами, правосознание субъектов интернет-отношений здесь предполагает не только знание ими права, но и определенное к нему отношение. В нем отражается одобрительное или негативное отношение к существующему интернет-праву.

Исходя из приведенных выше определений, правосознание субъектов интернетотношений можно охарактеризовать следующим образом.

- 1. Рассматриваемый вид правосознания выступает одной из форм общественного и правового сознания.
- 2. Это правосознание имеет свою логическую структуру и состоит из идей, теорий, чувств, настроений, эмоций субъектов интернет-отношений.
- 3. Его носителями являются разнообразные субъекты интернет-права (как индивидуальные, так и групповые).
- 4. Оно выступает внутренним каналом воздействия на поведение людей и ориентирует должным образом субъекты интернет-отношений в соответствующих ситуациях в виртуальном пространстве.

Структура правосознания субъектов интернет-отношений. Под структурой понимается внутреннее строение правосознания данных субъектов, взаимодействие его основных элементов и частей (а также связей), обеспечивающих его целостность. Если говорить о структуре правосознания субъектов интернет-отношений в целом, то она весьма неоднородна. Исходя из общих посылок теории права, здесь можно выделить правовую идеологию и правовую психологию.

Правовая идеология представляет собой совокупность идей, теорий, концепций, в которых выражается отношение субъектов интернет-отношений к праву. Это представления о том, как должно быть построено объективное право виртуального пространства с точки зрения определенной системы ценностей (скажем, российской или американской). Пласт правовой идеологии представляет собой систему устоявшихся правовых взглядов и точек зрения данных субъектов, базирующихся на определенных теоретических и научных познаниях.

Правовая идеология, кроме знания о праве, включает осознанное к нему отношение субъектов, выраженное либо в его одобрении, либо критике. В нормах интернет-права закрепляются универсальные общечеловеческие ценности: право на свободу труда, свободу слова и передвижения, информацию и т.д. На базе именно этих ценностей и формируются основополагающие идеи правосознания субъектов интернет-отношений.

Среди подобных идей, закрепляемых в правовой идеологии, можно выделить, например, идеи о правовом и информационном обществе и государстве, идеи защиты информации, идеи о недопустимости противопоставления законности, справедливости и целесообразности действий субъектов интернет-отношений по отношению друг к другу и др. Основные положения правовой идеологии находят закрепление в законах и иных правовых актах. Данные положения характеризуются известной стабильностью, так как для них установлен особый порядок изменения.

Правовая психология субъектов интернет-отношений в отличие от правовой идеологии проявляется в виде настроений и эмоций в виртуальном пространстве, в которых отражается отношение лиц как к действующему, так и к желаемому праву (например, в неприятии беззакония при заключении электронных сделок, в чувстве справедливости к своему контрагенту, в чувстве страха перед уголовным наказанием за мошенничество в Интернете и т.п.).

Правовые эмоции субъектов интернет-отношений формируются на основе определенных правовых оценок. Это означает, что если, скажем, та или иная норма интернет-права оценивается субъектами как справедливая и эффективная, то у них возникают положительные эмоции - удовлетворение, радость и т.д. Если же норма права заслуживает у них негативной оценки, то, напротив, возникают противоположные эмоции: досада, беспокойство, огорчение, неприятие и т.д. Итак, существование правовой психологии субъектов интернет-отношений связано с присущей человеческой психике способностью эмоционально реагировать на внешние явления.

Правовая психология характеризуется наличием более или менее стойких компонентов. Например, устойчивым является отрицательное отношение субъектов к компьютерным правонарушениям, связанным с вмешательством в частную жизнь граждан (пользователей). Активной и подвижной частью правовой психологии субъектов выступают их настроения, они всегда изменчивы - настроениями можно руководить, поскольку они поддаются идеологическому воздействию.

Правовые эмоции в значительной мере формируются под влиянием общения с другими людьми - субъектами интернет-отношений. Вступая в постоянные отношения через Интернет с той или иной социальной группой, совершенно очевидно, что субъект начинает думать и чувствовать несколько иначе, нежели бы это было вне связи с этой группой. Это легко доказать, исследуя отношения пользователей Интернета на вебфорумах, в чатах.

Две структурные части анализируемого вида правосознания (правовая психология и правовая идеология) оказывают друг на друга существенное влияние. Так, состояние здоровья и уровень профессиональных навыков субъекта интернет-отношений влияют на то, в какой мере он способен воздействовать на свои эмоции и чувства. Без эмоций и переживаний также не может протекать активная деятельность в виртуальном пространстве, в Интернете. Здесь огромное значение играет и мотивация. Правовая психология субъекта интернет-отношений во многом предопределяет выдвигаемые им теоретические установки и идеи.

Функции правосознания в области Интернета. Правосознание как одна из форм общественного сознания выполняет здесь ряд функций, которые носят общесоциальную, регулятивно-информационную направленность. Какие же это функции?

1. Прежде всего это чисто регулятивная функция, заключающаяся в том, что правосознание способно выступать регулятором интернет-отношений, быть внутренним

каналом воздействия через мотивацию, эмоции и сознание непосредственно на поведение субъектов, а также на интернет-отношения.

- 2. Информационно-коммуникативная функция, которая заключается в том, что правосознание является базой для социального взаимодействия между субъектами, обмена правовой и иной информацией, поддержания связей и контактов между субъектами интернет-отношений.
- 3. Познавательная функция правосознания состоит в возможности накопления, систематизации и обработки социально-правовой информации о существующем виртуальном пространстве, а также его последующего осмысления и анализа.
- 4. Оценочная функция заключается в возможности оценки как системы интернетправа, являющегося комплексным институтом и действующего в данное время на определенной территории, так и поведения разнообразных субъектов интернет-отношений с точки зрения правовой идеологии и психологии.
- 5. Прогностическая функция служит для обобщения и прогнозирования информации о настоящем и будущем развитии Интернета и права. В этом смысле правосознание это отношение не только к уже существующим, но и к будущим или желаемым идеям интернет-права.

Виды правосознания. По своему субъективному составу или носителям здесь различают индивидуальное, групповое и массовое правосознание.

Индивидуальное правосознание формируется у каждого субъекта интернетотношений самостоятельно. Как член общества он так или иначе включается в разнообразные правовые отношения. Можно выделить многочисленные каналы формирования индивидуального правосознания того или иного субъекта. Ими выступают разнообразные носители информации: законы, хартии, периодические издания, книги, рассказы, поучительные истории и т.п.

Индивидуальное и групповое правосознание взаимозависимы друг от друга и тесно переплетены. Групповое правосознание связано с восприятием правовой действительности отдельных групп субъектов интернет-отношений, слоев общества, профессиональных сообществ Интернета. Такие взгляды и представления об интернетправе и законности отдельных групп субъектов часто не совпадают. Так, например, правосознание субъектов интернет-отношений - студентов может существенно отличаться от правосознания иных субъектов, скажем, сотрудников МВД России, работающих в Интернете.

Массовое правосознание формируется в процессе осуществления непосредственных и представительных форм обмена информацией в Интернете, различных голосований по каким-то вопросам, протестов и т.д.

Среди видов правосознания можно выделить следующие: обыденное, профессиональное и научное.

Обыденное правосознание представляет собой отношение субъектов интернетотношений к праву, его оценки на уровне устоявшихся стереотипов, слухов, штампов в виртуальном пространстве. Оно не требует наличия специальных знаний и юридического образования.

Профессиональный уровень - это иной более высокий уровень правосознания. Его носителями выступают прежде всего юристы, практики, а также государственные служащие и должностные лица, работающие в сети Интернет и решающие конкретные правовые задачи (судьи, прокуроры, следователи, нотариусы и т.д.). Разумеется, их представления об эффективности и недостатках правового регулирования интернетотношений существенно отличаются от представлений обывателей.

Научное правосознание связано с глубоким теоретическим изучением состояния существующей системы взаимоотношений Интернета и права, анализом тенденций их последующего развития и возможных изменений в правовой сфере. В научном правосознании преобладает научно-информационный пласт, который включает в себя как

общетеоретические знания, так и знания отраслевых юридических наук (и, прежде всего, международного частного права, информационного права).

По своей направленности правосознание субъектов интернет-отношений может быть адекватным, перспективным (т.е. обращенным в будущее), а также ретроспективным (т.е. обращенным в прошлое). В понимании этими субъектами права может преобладать как сознательный, так и бессознательный элемент. Анализ подтверждает, что все формы правосознания находятся в тесной взаимосвязи, дополняют и конкретизируют друг друга, но в то же время имеют присущие только им характерные особенности.

Деформации правосознания. Если говорить о деформациях правосознания субъектов интернет-отношений, то они представляют собой существенные его искажения этими субъектами, влекущие, как правило, определенные негативные последствия. Среди видов деформации правосознания здесь можно выделить: правовой нигилизм, правовой инфантилизм, правовой фетишизм и "перерожденное" сознание.

Правовой нигилизм представляет собой особый вид деформации правосознания субъектов, характеризующийся пренебрежительным и отрицательным их отношением к праву, его социальной ценности. Это может находить свое выражение в прямых умышленных нарушениях нормативных правовых актов в Сети, а также в таких нарушениях основных прав и свобод человека и гражданина в Интернете, как право на свободу слова, информацию, право на труд, свободу передвижения, защиту чести и достоинства, охрану частной жизни и т.д.

Правовой нигилизм может проявляться в скептическом отношении субъектов интернет-отношений к праву. Причем такое отношение может как носить ярко выраженные черты, так и облекаться в завуалированные формы. Так, согласно данным социологического опроса, около 20,2% из 500 опрошенных москвичей с пренебрежением относятся к разрабатываемым новым актам для Интернета, открыто игнорируют в Сети права своих партнеров.

Правовой инфантилизм - это отсутствие или недостаточность правовых знаний у субъектов рассматриваемых отношений при наличии у них излишней уверенности в достаточности таких знаний или самоуверенности в своей хорошей юридической подготовке при заключении электронных сделок, оказании финансовых услуг в Интернете и др. Такая форма деформации правосознания во многом является следствием отсутствия должной юридической подготовки и необходимого материального и иного обеспечения. Так, около 6,1% из 500 опрошенных москвичей плохо знают свои права и обязанности в сфере интернет-услуг, однако не все сознаются в этом.

Под правовым фетишизмом понимается такая форма искажения правосознания субъектов, которая заключается в чрезмерном преувеличении роли юридических средств в процессе решения возникающих задач в Интернете. Интернет-право и юридическая техника рассматриваются в этом случае как панацея от всех бед в Интернете и универсальное средство решения стоящих перед субъектами интернет-отношений проблем. Так, на это указали некоторые опрошенные работники органов московской милиции (40 из 500), которые пользуются компьютерами и Интернетом.

Однако самой опасной деформацией правосознания субъектов является его перерождение в преступную форму, когда имеется преступный умысел субъекта интернет-отношения, который уже не в состоянии не совершать то или иное правонарушение. Столь крайняя форма деформации, как показало исследование, выступает сегодня антиподом законности в исследуемой области и порождает немало преступных проявлений в сфере Интернета. Так, при анализе деятельности 500 пользователей Интернета из Москвы и Санкт-Петербурга выявлено, что в этих городах почти ежедневно пользователи Сети совершают умышленные хищения информации, действия, нарушающие авторские и смежные права, мошенничества и обманы (23,3%). Некоторые угрожают партнерам расправой - избиением (7,0%). В связи с этим остро встает задача разработки методических рекомендаций по предупреждению и искоренению

этих негативных проявлений и повышения уровня правосознания всех субъектов отношений, работающих в Интернете.

На наш взгляд, полезно было бы создать при Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ (при участии Министерства юстиции РФ) совещательный орган наблюдения за поведением в Сети субъектов интернет-отношений - Комитет по оказанию онлайн-услуг и предупреждению правонарушений, возложив на него совокупность следующих функций: наблюдение за деятельностью указанных субъектов; анализ и оценка среды, в которой они работают; рассмотрение споров между субъектами (и в отношении спорных сайтов); осуществление необходимых примирительных процедур в связи с последними; организация учебы субъектов интернет-отношений в области права и правового воспитания; предупреждение хищений информации, мошенничеств, обманов в сетях. Совещательный орган подобного свойства мог быть сформирован и в недрах Обшественной палаты РФ <1>.

<1> Такое мнение неоднократно высказывалось автором в СМИ. См., например: http://www.svoboda.org/programs/HR/2006/HR.010306.asp.

Наряду с этим необходимо повысить эффективность системы контроля за тем, что делается в Интернете, т.е. организовать наблюдение всех заинтересованных государственных органов и участников за поведением субъектов, организаций и учреждений в сетях. Нужно способствовать дальнейшему развитию самоконтроля участников интернет-отношений на всех уровнях.

Эти и другие меры будут способствовать повышению уровня правосознания субъектов (участников) интернет-отношений.

§ 2. Правовая культура субъектов интернет-отношений

Предпринятый анализ показал, что правовая культура, как и правосознание, играет большую роль в сфере Интернета. Она является основной составляющей в деятельности субъектов интернет-отношений и важным явлением всей общественной и информационной жизни общества, формирует восприятие субъектом интернет-отношений правовых явлений, определяет их роль и место в информационной жизни, а также в виртуальном пространстве. Правовая культура здесь является производной от человеческой культуры в целом.

В свете этого человеческую культуру можно рассматривать, с одной стороны, как процесс информационной деятельности, а с другой - как совокупность предметов и результатов такой деятельности людей на протяжении всего существования человеческого общества. Под человеческой культурой можно понимать совокупность всех благ, созданных именно человеком, в противовес тому, что создала и создает природа. Правовая культура является неотъемлемой составной частью общей культуры общества наряду с культурой материальной и духовной. Однако для того, чтобы уяснить содержание правовой культуры субъектов интернет-отношений, необходимо сначала раскрыть ее понятие, содержание и структуру.

Ясно, что любая культура есть органическое единство элементов сознания и реального поведения. Они представляют собой укоренившиеся в сознании и поведении, хорошо усвоенные повторяющиеся поведенческие акты. Поэтому правовую культуру субъектов интернет-отношений можно определить как совокупность стереотипов правового сознания и поведения, присущих данным субъектам (как некой социальной общности). Это также совокупность определенных социальных явлений и ценностей, которые могут быть восприняты и истолкованы субъектами интернет-отношений как правовые правила, установки и состояния, подлежащие анализу и использованию в виртуальном пространстве. Использование здесь правил, установок и состояний

выступает как составной компонент правовой культуры; без этого использования последняя не жизнеспособна.

Так, при подходе к правовой культуре с точки зрения повышения значимости различных субъектов в сети Интернет целесообразно обратить внимание на ее содержание. Правовая культура субъектов интернет-отношений предстает как часть правовой культуры информационного общества, которая характеризуется уровнем правосознания, правопорядка и законности во всех сферах общественной жизни, в том числе и в информационной сфере, включая Интернет.

Исходя из сказанного, правовая культура - это совокупность положительных качественных проявлений информационно-правовой деятельности субъектов интернетотношений, воплотившая передовые и признанные правовые идеи, правила и установки права. Ее составными частями выступают компоненты, характеризующие позитивную правовую реальность в Интернете. Правовая культура здесь пронизывает все интернетправо.

Вместе с тем правовая культура в Интернете немыслима без субъектов, их информационно-правовой и иной деятельности, передовых взглядов и суждений об Интернете и праве. Она выступает как общественное и информационное явление, имеющее благородные юридические цели в Интернете и охватывающее совокупность наиболее ценных частей системы права с ее структурными и функциональными проявлениями и поступательным развитием.

При этом здесь важно сделать акцент на предназначении юридических структур - прогрессивном развитии указанных субъектов, Интернета и информационного общества в целом. Правовая культура субъектов интернет-отношений может быть всесторонне осмыслена лишь в общем контексте прогрессивного развития общества, права и Интернета. Подлинная правовая культура рассматриваемых субъектов "повисает в воздухе" без преемственности всего того лучшего и прогрессивного в общественных и интернет-отношениях, что было накоплено во всем мире.

Правовая культура данных субъектов, будучи частью правовой культуры общества и зависимой от последней, отражает степень и характер становления и развития субъектов в том или ином обществе и в сфере Интернета, так или иначе обеспечивающих социализацию субъектов и их правомерную информационную и иную деятельность в сетях, в виртуальном пространстве. Эта деятельность способна соответствовать прогрессивным движениям общества, права и Интернета; и при этом одновременно происходит постоянное правовое обогащение как субъектов, так и взаимодействующих с ними партнеров. Она выступает в виде определенного состояния правовой образованности субъектов интернет-отношений, обладает общими и специфическими свойствами по отношению к правосознанию данных субъектов, зависит от их правового восприятия.

В этом контексте правовая культура субъектов интернет-отношений предстает как специфическое правовое начало и прогрессивное правовое состояние информационного общества с его целями, структурой. В то же время она выступает в качестве уровня и характеристики правового развития самих субъектов, работающих в сфере Интернета и применяющих нормы права и иные правовые предписания.

Правовая культура субъектов предполагает их интуитивное правовое сознание в действии применительно к Интернету и нормам права. Она есть не просто деятельность, а деятельность творческая, т.е. соответствующая прогрессивным достижениям того или иного общества, Интернета и права, благодаря чему, собственно, и происходит постоянное обогащение субъектов.

Правовую культуру субъектов интернет-отношений можно рассматривать и как элемент общечеловеческих, информационных ценностей, как важнейший результат прогрессивного развития того или иного общества, Интернета и права. Она может исследоваться также как неотъемлемая часть правового информационного государства.

Изучение показало, что структура правовой культуры субъектов интернетотношений весьма многопланова. В связи с этим целесообразно говорить о различных ее проявлениях: содержательных, функциональных, правотворческих, правоприменительных в сетях и т.д. Содержание же правовой культуры субъектов интернет-отношений будет в этом случае составлять общеизвестные категории - право (в том числе интернет-право), правосознание самих субъектов, законность, правопорядок в сетях, эффективность работы субъектов по оказанию электронных юридических услуг, заключению электронных сделок и т.д.

Как степень развития индивида правовая культура субъектов интернет-отношений проявляется в их правовой подготовленности к работе в Интернете, восприятию и использованию в виртуальном пространстве прогрессивных законов, правовых идей и установок, в умении и навыках пользования международным законодательством, а также в грамотных оценках собственных знаний права и юридических действий в виртуальной среде. С этих позиций правовая культура поведения субъектов характеризуется наличием должных ориентаций.

Однако здесь в ходе оценки (и самооценки) правовой культуры субъектов интернетотношений важно учитывать уровень и глубину познания законов и иных актов, касающихся правового регулирования Интернета и виртуального пространства, умение грамотно владеть этими законами и актами. На наш взгляд, в интернет-праве, как и при анализе правосознания, можно выделить обыденный, профессиональный и общетеоретический уровни правовой культуры субъектов интернет-отношений.

В частности, обыденный уровень правовой культуры ограничен повседневной либо эпизодической работой субъектов в Сети, которая так или иначе предполагает наряду с чисто информационными, техническими и иными функциями соприкосновение с нормами интернет-права. Этот вид культуры порой поверхностный, когда субъекты на обыденном уровне осознают правовые предписания, применяют их в Сети, используют при решении правовых задач, выражают по отношению к ним свои эмоции и т.д.

Профессиональный уровень правовой культуры субъектов интернет-отношений складывается у определенных субъектов (т.е. у юристов, адвокатов, судей, прокуроров, нотариусов и др.), которые должны работать в Интернете профессионально и использовать в цифровой среде соответствующие нормы права. Этим субъектам соответствует более высокая степень понимания и применения права в сфере Интернета.

Теоретический уровень связан с работой в виртуальном пространстве научных работников, включая исследователей-правоведов, которые наряду с решением своих задач в Сети оперируют в виртуальном пространстве научными категориями о праве, об ответственности субъектов, об интернет-обязательствах и спорах, об оценке эффективности информационно-правовой деятельности и др.

Содержание правовой культуры здесь определяется специальным механизмом, требующим анализа фактического и правового поведения в Интернете субъектов; отношения последних к тем нормам права, которыми им приходится пользоваться; характеристик привычек субъектов интернет-отношений к правомерному и неправомерному поведению, а также изучения активности субъектов в виртуальном пространстве и вне его.

Обладая определенным уровнем правовой культуры, тот или иной субъект интернетотношений в состоянии правомерно и свободно ориентироваться в Сети, при этом он обязан признавать все требования законов и иных актов, регулирующих область Интернета. В современных условиях это весьма важно, поскольку под прикрытием разговоров о свободе слова, информационного обмена во Всемирной паутине зачастую грубо нарушаются законы разных стран, совершаются другие преступления. В связи с этим правовая культура в данной сфере (как и правосознание) призвана выполнять ряд полезных профилактических и значимых функций. Исходя из анализа литературы по теории права и правовым аспектам Интернета <1>, среди этих функций можно назвать следующие:

- <1> См.: Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы; Бачило И.Л. Информационное право; Венгеров А.Б. Теория государства и права; Морозов А.В. Интернет и проблемы правовой информатизации; Наумов В.Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики и др.
- преобразующая (связана с созданием в Интернете самими субъектами правовых и нравственных условий для более глубокого познания Сети, ее совершенствования и развития);
- праворегулирующая (субъекты интернет-отношений, работая в Сети и используя нормы права, делают все возможное, чтобы их деятельность была четкой, слаженной и упорядоченной);
- ценностно-правовая (при ее реализации субъектами нормы права, правовое поведение партнеров, отношение к ним с позиций норм и др. выступают объектами оценки):
- правосоциализаторская (изучается через призму формирования правовых качеств субъектов интернет-отношений в процессе правовоспитательной работы с ними, корректировки социально-правового поведения в виртуальном пространстве);
- коммуникативная (исследуется через коммуникации, связи, общение, контакты субъектов интернет-отношений друг с другом в виртуальном пространстве);
- прогностическая (охватывает все юридические шаги субъектов в Интернете, которые поддаются планированию, прогнозу и коррекции на базе последнего).

В связи с изложенным важно также подчеркнуть, что содержание правовой культуры субъектов интернет-отношений характеризуются еще и следующими моментами.

- 1. Существенной частью правовой культуры субъектов, как мы уже отмечали ранее, является правосознание. Оно охватывает преобладающие в Интернете типичные представления о разных правовых явлениях: нормах, принципах, системе права, правоотношениях и т.д. Такие представления пока, к сожалению, не носят систематизированный характер, часто основываются не на знаниях, а на ощущениях. Источниками их формирования является чаще всего непроверенная информация. Вот почему эти представления нельзя отождествлять с объективными знаниями.
- 2. Правовая культура характеризуется не только представлениями. В нее входят также ценности и ценностные ориентации субъектов интернет-отношений. Важную роль в ее характеристике играют правовые установки субъектов, которые помогают переводу представлений и ценностей в реальную жизнь или практику субъектов в Интернете. Это, например, установка на получение в ходе заключения договора купли-продажи в Интернете достоверной правовой информации, или, напротив, полностью негативная установка по поводу целесообразности ее получения, или установка на активное или пассивное участие через Интернет в предпринимательской деятельности (оказание банковских услуг).
- 3. Структура правовой культуры включает, на наш взгляд, важный элемент поведение субъектов интернет-отношений. В реальном Интернете правовая культура предстает в виде образцов знаний норм права, их оценок, стереотипов правомерного поведения. Однако, как показало исследование, в последнее время она чаще всего проявляется в виде правового нигилизма, неправомерного и "бескультурного" поведения. В связи с этим показательны результаты проведенного нами в Москве в 2002 г. исследования относительно правовой культуры пользователей Интернета среди 700 студентов экономических факультетов государственных и коммерческих вузов. Почти 70,2% опрошенных имеют самое общее, отрывочное представление о гражданском, финансовом, административном и информационном праве и не желают исполнять нормы

права в Интернете, а 16% полагают, что в этой сфере легко можно обойтись и без законов, поскольку они пользуются в виртуальном пространстве своими знаниями и чувствами. Около 10% не имеют никакого представления об Интернете, о возможностях правового регулирования виртуального пространства и в разное время совершали те или иные правонарушения. Примерно 27,2% студентов предлагают разработать и принять специальные законы, направленные на поддержание высоких культурно-правовых стандартов в Интернете.

Эти и другие обстоятельства заставляют серьезно задуматься о повышении правосознания и правовой культуры субъектов интернет-отношений. На наш взгляд, целесообразно разработать специальную программу, в которой необходимо предусмотреть меры по улучшению обучения субъектов интернет-отношений, повышению уровня их правовой образованности и культуры. Наряду с этим желательно подготовить национальный кодекс по поддержанию необходимых культурно-правовых стандартов в Интернете.

Говоря о таком кодексе, необходимо отметить, что он, по нашему мнению, должен состоять из четырех разделов <1>.

<1> Надо заметить, что почти аналогичный национальный кодекс деятельности в области информатики и телекоммуникаций, принятый в нашей стране, состоит из шести разделов. См. об этом: Рассолов М.М. Информационное право. С. 296 - 298.

В первом разделе должно быть отражено, что принимаемая редакция национального кодекса следует прочно установившейся в Российской Федерации политике по поддержанию высоких культурно-правовых стандартов в Интернете с помощью различных методов и средств регулирования и урегулирования, действует на основе российского и зарубежного законодательства. Этот кодекс станет средством самодисциплины, а также будет использоваться судами различных инстанций в качестве источника необходимой информации и путеводителя при принятии решений по интернетспорам.

Во втором разделе необходимо зафиксировать, что указанный кодекс: а) распространяется на все виды интернет-отношений; б) устанавливает стандарты культурно-правового поведения различных субъектов в Интернете; в) подразумевает следование субъектов интернет-отношений букве и духу закона; г) допускает оперирование законной, пристойной, честной и правдивой информацией; д) требует осуществления всех операций по оказанию услуг, заключению и исполнению сделок в Интернете с чувством ответственности перед обществом и людьми, на основе добросовестности, морали, нравственности, общепринятых в законной предпринимательской деятельности.

В третьем разделе целесообразно отразить, что, следуя высоким культурно-правовым стандартам, выработанным мировой и российской практикой регулирования Интернета, Российская Федерация принимает на себя следующие бессрочные обязательства:

- признавать и использовать в Сети действующие нормы национального российского и международного права, регулирующие Интернет и иные отношения;
- всегда вести себя в Интернете согласно общепринятым нормам международного и национального права;
- не производить, не копировать и не использовать программные и технические средства информатики и телекоммуникаций без разрешения (лицензии) собственника (изготовителя) или правообладателя и не приобретать их на незаконных основаниях;
- не нарушать законодательство об охране интеллектуальной собственности и признанные нормы авторского права на программные средства и базы данных;
- не нарушать тайны передачи сообщения, не практиковать вскрытие информационных систем и сетей передачи данных;

- не использовать наименования и аббревиатуры других фирм, компаний и организаций без их согласия;
- не извлекать прибыль от использования товарного знака, символа или продукции, принадлежащих другой фирме;
- не допускать нарушений в ходе заключения и исполнения электронных сделок в Интернете;
- не совершать преступлений против конфиденциальности, целостности и доступности коммуникационных систем и данных;
 - не совершать мошенничеств с использованием компьютерных технологий;
 - не допускать в Сети правонарушений, связанных с детской порнографией, и др.

В четвертом разделе, на наш взгляд, важно установить, что ответственность за нарушение правил поведения, изложенных в указанном кодексе, несут все субъекты интернет-отношений в соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, а также международным частным и публичным правом. Что касается эффективности данного документа, то в соответствии с четвертым разделом кодекса могли бы составляться так называемые топ-листы, в которых фиксировались бы злостные правонарушители. Эти списки были бы общедоступны, в том числе публиковались регулярно в Интернете; они сыграли бы неоценимую роль в развитии электронной торговли, так как способствовали бы повышению уровня доверия покупателей.

Кодекс должен быть открыт для добровольного присоединения любого юридического или физического лица, работающего в Интернете. Министерство связи и массовых коммуникаций $P\Phi$ выступает в качестве депозитария документов кодекса, подписанных юридическими и физическими лицами.

Министерство связи и массовых коммуникаций РФ организует общественное обсуждение и обнародование случаев нарушения культурно-правовых норм, установленных кодексом. Это Министерство может способствовать рассмотрению конфликтов и споров сторон в третейских судах.

Разработка и применение положений этого кодекса на практике сможет, как мы считаем, значительно повысить уровень правовой культуры субъектов интернетотношений и в целом упорядочить отношения, регулируемые интернет-правом в России и других странах.

Заключение

Таким образом, мы рассмотрели достаточно широкий круг теоретических и правовых проблем современного интернет-права, и в частности, понятие, признаки и особенности этого нового направления правовых знаний, а также интернет-отношения в современном обществе, методы и средства их регулирования. Охарактеризовали общую концепцию Интернета в свете теории права, исследовали понятие, черты и формы проявления права в виртуальном пространстве, а также проанализировали особенности правового регулирования ответственности в Интернете и проблемы правосознания и правовой культуры субъектов интернет-отношений. Однако изложенным, на наш взгляд, современного интернет-права, исчерпывается проблематика информатизация, которая открывает многим государствам "возможности в развитии цифровых систем передачи информации... и создает объективные предпосылки для организации значительно большего количества видов связи в рамках мировой информационной Сети" <1>. И здесь перед интернет-правом возникают задачи дальнейшего углубленного исследования общей концепции внедрения Интернета в правотворческую и правоприменительную деятельность субъектов, в сферу реализации функций законности, регулирования и саморегулирования сетей, изучения проблем заключения и исполнения договоров через Интернет, характеристик электронных сделок, электронного документооборота, интернет-услуг, споров и т.д. Особо остро встает задача разработки теории права виртуального пространства (в связи с реальной теорией права), т.е. более детального изучения сущности и содержания этого права, анализа системы права виртуального пространства, ее нормативов, интернет-споров, правового воздействия, ответственности субъектов.

<1> Курушин В.Д., Минаев В.А. Указ. соч. С. 16.

Причем это исследование должно учитывать и разнообразные научные разработки по проблемам использования кибернетики, математических и технических средств и методов, которые начиная с 60-х гг. XX в. проводились в СССР, а потом в России, других странах СНГ и дальнего зарубежья <1>.

<1> См. об этих разработках, например: Керимов Д.А. Кибернетика и право // Советское государство и право. 1962. N 11. C. 98 - 104; Кнапп В.О. Возможности использования кибернетических методов в праве. М., 1965; Правовая информация / Отв. ред. А.Ф. Шебанов, А.Р. Шляхов, С.С. Москвин. М., 1974; Правовая кибернетика / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1970; Основы правовой кибернетики / Под ред. Н.С. Полевого, А.Р. Шляхова. М., 1977; Основы применения кибернетики в правоведении / Под ред. Н.С. Полевого, Н.В. Витрука. М., 1977; Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М., 1988; Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления: Теоретические вопросы. М., 1978; Katsh M.E. Ор. cit.; Higgins J. Op. cit. P. 21; Baillet F. Op. cit.; Feral-Schuhl Ch. Op. cit.; Huet J., Maisl H. Op. cit.; Bertrand A., Piette-Coudol Th. Op. cit.

Актуально в этом свете изучение проблем правового регулирования интернетотношений и дальнейшего развития законодательства, используемого различными субъектами права в виртуальном пространстве.

Что касается последней позиции, то она широко обсуждается в литературе, но изучение указанных проблем далеко не завершено и остро нуждается в дальнейшей разработке <1>. И это касается, на наш взгляд, новых законов, иных актов, относящихся к сфере Интернета, виртуального пространства и поведения субъектов интернет-отношений.

<1> См.: Бачило И.Л. Актуальные проблемы информационного права. С. 3 - 7; Савельев Д.А. Международно-правовые принципы глобального информационного общества // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. С. 95 - 97. Терешенко Л.К. Указ. соч. С. 32 - 37. Курушин В.Л.

28 - 29 ноября 2000 г. С. 95 - 97; Терещенко Л.К. Указ. соч. С. 32 - 37; Курушин В.Д., Минаев В.А. Указ. соч. С. 21 - 47; Наумов В.Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики. С. 9 - 23.

Полезность изучения перспектив развития интернет-права очевидна, особенно если ее анализируют в более общем контексте с позиции теории права и экономической науки. Так, Дон Тэпскот, исследующий электронную (цифровую) экономику, считает, что человечество окажется на "новом этапе понимания Сети, который на пути к тому, чтобы породить новую экономику, новые общественные (политические) отношения и новое общество" <1>. На наш взгляд, Интернет будет решительным инструментом превращения (трансформации), предсказанного Доном Тэпскотом.

<1> Tapscott Don. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. McGraw-Hill, 1996. P. 2.

Процессы правообразования в виртуальном пространстве будут окончательно определены конкретными действиями и решениями, принятыми как участниками Сети, так и государствами. Такие процессы выработки правил поведения наблюдаются уже

сегодня в различных инстанциях Интернета, в общественных и государственных органах, которые изучают результаты этого нового средства технологии.

В документе ООН "Повестка дня на XXI век" <1> провозглашено, что для вхождения человечества в новую эру процветания и справедливости необходимы демократические преобразования на всех уровнях общественных и властных структур мирового сообщества.

<1> Документ ООН "Повестка дня на XXI век" (принят Конференцией ООН по окружающей среде и развитию. Рио-де-Жанейро, 3 - 14 июня 1992 г.) // http://www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21.

Информатизация является первичным непременным условием перехода мирового сообщества, включая и Россию, в новое качество, когда в силу демократических преобразований, социального и научно-технического прогресса становится возможным свободное творческое развитие личности и, как следствие, эффективно используются потенциальные возможности каждого человека.

Основным направлением развития единого мирового информационного сообщества, в том числе и в России, является обеспечение перехода человеческой цивилизации от информационного к информационно-ноосферному обществу, а затем и к информационно-космическому сообществу - Вселенским информационным цивилизациям. Интернет и право, несомненно, призваны сыграть в этом крайне важную и ответственную роль.

Список литературы

1. Нормативные материалы на русском языке

Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений. Парижский акт от 24 июля 1971 г. (с изм. от 1979 г.) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 500 - 530.

Венская конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров от 11 апреля 1980 г. // Вестник ВАС РФ. 1994. N 1.

Всемирная конвенция об авторском праве, подписанная в Женеве в 1952 г. // СПП СССР. Отд. 2. 1973. N 24. Ст. 139.

Гаагская конвенция о праве, применимом к договорам международной куплипродажи товаров от 22 декабря 1986 г. // Розенберг М.Г. Контракт международной куплипродажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 209 - 220.

Декларация прав и свобод человека и гражданина, одобренная Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. // Ведомости РСФСР. 1991. N 52. Ст. 1865.

Декларация о свободе обмена информацией в Интернете, принята на 840 заседании Комитета министров Совета Европы 28 мая 2003 г. // Council of Europe: https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=37031&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=F FBB55&BackColorLogged=FFAC75.

Декларация о правах человека и верховенстве права в информационном обществе, принята Комитетом министров Совета Европы 13 мая 2005 г. Программа ЮНЕСКО "Информация для всех" в России // http://www.ifap.ru/ofdocs/eu/dhrrlis.pdf.

Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, от 24 октября 1970 г. // Международное публичное право: Сб. документов / Сост. К.А. Бекяшев, А.Г. Ходаков. В 2 т. М.: БЕК, 1996. Т. 2. С. 2 - 8.

Договор ВОИС по авторским правам от 20 декабря 1996 г. // Шамраев А.В. Правовое регулирование информационных технологий (Анализ проблемы и основные документы). М.: Статут; Интертех; Изд. группа "БДЦ-пресс", 2003. С. 215 - 220.

Договор ВОИС по исполнениям и фонограммам от 20 декабря 1996 г. // Там же. С. 220 - 227.

Договор о патентной кооперации от 19 июня 1970 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 34. М., 1980. С. 55 - 89.

Дополнительный протокол к Европейской конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам, открытый для подписания в Страсбурге 17 марта 1978 г. (СЕД N 99) // СЗ РФ. 2000. N 23. Ст. 2349.

Директива 2000/31/ЕС о некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в том числе электронной коммерции, на внутреннем рынке (вступила в силу 8 июня 2000 г.) // Шамраев А.В. Правовое регулирование информационных технологий (Анализ проблемы и основные документы). М.: Статут; Интертех; Изд. группа "БДЦпресс", 2003. С. 317 - 327.

Евразийская патентная конвенция от 9 сентября 1994 г. // СЗ РФ. 1996. N 20. Ст. 2323.

Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // СЗ РФ. 2001. N 2. Ст. 163.

Конвенция о выдаче от 13 декабря 1957 г. // СЗ РФ. 2000. N 23. Ст. 2348.

Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. (СЕД N 30) // СЗ РФ. 2000. N 23. Ст. 2349.

Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе от 1 августа 1975 г. // Действующее международное право / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. В 3 т. М.: МНИМП, 1996. Т. 1. С. 73 - 79.

Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм от 29 октября 1971 г. // БМД. 1999. N 8. C. 3 - 7.

Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах от 23 ноября 2005 г. // Организация Объединенных Наций (http://www.un.org/russian/documen/convents/elect com.html).

Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 20 октября 1961 г. // Бюллетень международных договоров. 2005. N 7. C. 11 - 20.

Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации от 23 ноября 2001 г. (ETS N 185) // Справочная правовая система "Гарант".

Конвенция единого мирового локально-распределенного информационно-сотового общества от 26 ноября 1992 г. // Стояние за истину (http://www.zaistinu.ru/old/econtrol/INN/il20410-01.shtml).

Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам от 16 сентября 1988 г. // Международные конвенции о взаимодействии судов и судебно-правовом сотрудничестве по гражданским и коммерческим делам. 2000. Спец. прил. к N 10. М.: ЮРИТ-Вестник, 2000 (Библиотечка журнала "Вестник ВАС РФ"). С. 29 - 64.

Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // БВС РФ. 1994. N 12. C. 5 - 11.

Международный кодекс рекламной практики Международной торговой палаты от 2 декабря $1986 \, \text{г.} \, // \, 3$ акон. $1996. \, \text{N} \, 12. \, \text{C.} \, 54$ - 57.

Окинавская хартия глобального информационного общества от 22 июля 2000 г. // Дипломатический вестник. 2000. N 8. C. 51 - 56.

Парижская конвенция по охране промышленной собственности от 20 марта 1883 г. // СПП СССР. 1965. N 4. Ст. 23.

Документ ООН "Повестка дня на XXI век", принят Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро 3 - 14 июня 1992 г. // Организация Объединенных Наций. Это ваш мир (http://www.un.org/russian/conferen/wssd/agenda21).

Резолюция 11-го Российского интернет-форума (РИФ-2007) от 6 апреля 2007 г. // РИФ: Российский интернет-форум (http://2007.rif.ru/files/resolution.pdf).

Рекомендация Совета Европы N R (89) 9 о преступлениях, связанных с компьютером, от 13 сентября 1989 г. // Council of Europe (https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec(89)9&Language=lanEnglish&Ver=original&Site=C M&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75).

Рекомендация Совета Европы N R (95) 11 относительно отбора, обработки, представления и архивации судебных решений в правовых информационно-поисковых системах от 11 сентября 1995 г. // HRI.RU: электронная библиотека международных документов по правам человека (http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=131).

Рекомендация Совета Европы N R (95) 12 относительно управления системой уголовного правосудия от 11 сентября 1995 г. // HRI.RU: электронная библиотека международных документов по правам человека (http://www.hri.ru/docs/?content=doc&id=128).

Рекомендация Совета Европы N R (95) 13 относительно проблем уголовных процедур, связанных с технологией обработки информации, от 11 сентября 1995 г. // Council of Europe (https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=538299&Site=COE&BackColorInternet=DBDCF2&Back ColorIntranet=FDC864&BackColorLogged=FDC864).

Рекомендация Совета Европы N R (2004) 11 о правовых, эксплуатационных и технических стандартах электронного голосования от 30 сентября 2004 г. // Council of Europe

(https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?Ref=Rec(2004)11&Language=lanFrench&Ver=original&Site =CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75)

Рекомендация Совета Европы N R (2004) 15 по электронному управлению от 15 декабря 2004 г. // Council of Europe (https://wcd.coe.int/ViewDoc.jsp?id=802793&Site=CM&BackColorInternet=9999CC&BackColorIntranet=FFBB55&BackColorLogged=FFAC75).

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронной торговле от 21 июня 1996 г. // Комиссия ООН по праву международной торговли: Ежегодник. 1996. Т. 27. Нью-Йорк: ООН, 1998. С. 319 - 323.

Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных подписях от 5 июля 2001 г. // ЮНСИТРАЛ: Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли (http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/electcom/ml-elecsig-r.pdf).

Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Международное право в документах / Сост. Н.Т. Блатова. М.: Юрид. лит., 1982. С. 196 - 228.

Соглашение об обмене информацией в области внешнеэкономической деятельности от 24 сентября 1993 г. // Бюллетень международных договоров. 1994. N 1.

Соглашением между Правительством Российской Федерации и Европейским сообществом о сотрудничестве в области науки и технологий от 16 ноября 2000 г. // Бюллетень международных договоров. 2001. N 11. C. 68 - 76.

Соглашение между странами СНГ о сотрудничестве в области информации от 9 октября 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. N 10.

Соглашение между странами СНГ о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации от 1 июня 2001 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав Правительств СНГ "Содружество". 2001. N 1(37). С. 138 - 145.

Соглашение между Правительством Российской Федерации и Кабинетом Министров Республики Беларусь об обмене правовой информацией от 17 февраля 1995 г. // Бюллетень международных договоров. 1995. N 6.

Соглашение о межгосударственном обмене научно-технической информацией от 26 июня 1992 г. // Бюллетень международных договоров. 1993. N 6. C. 33 - 35.

Соглашение о свободном доступе и порядке обмена открытой научно-технической информацией государств - участников СНГ от 11 сентября 1998 г. // Бюллетень международных договоров. 2008. N 3. C. 26 - 32.

Соглашение между странами СНГ о сотрудничестве в области распространения знаний и образования взрослых от 17 января 1997 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав Правительств СНГ "Содружество". 1997. N 1.

Соглашение между странами СНГ о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. // Информационный вестник Совета глав государств и Совета глав Правительств СНГ "Содружество". 1992. N 4

Соглашение в форме обмена нотами между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о порядке исполнения судебных поручений от 22 ноября 1935 г. // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. IX. М., 1938. С. 79 - 84

Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 дек.

Гражданский кодекс Российской Федерации, часть первая: Федеральный закон от 30 ноября $1994 \, \Gamma$. N 51-ФЗ // СЗ РФ. $1994 \, N$ 32. Ст. $3301 \, M$

Гражданский кодекс Российской Федерации, часть четвертая: Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. N 230-Ф3 // СЗ РФ. 2006. N 52. Ч. 1. Ст. 5496.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. N 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. N 1. Ч. 1. Ст. 1.

Налоговый кодекс Российской Федерации, часть первая: Федеральный закон от 31 июля 1998 г. N 146- Φ 3 // C3 P Φ . 1998. N 31. Ct. 3824.

Воздушный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 19 марта 1997 г. N $60-\Phi3$ // C3 P Φ . 1997. N 12. Ст. 1383.

Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. N 63-Ф3 // СЗ РФ. 1996. N 25. Ст. 2954.

Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. N 4462-1 // Ведомости РФ. 1993. N 10. Ст. 357.

Национальный кодекс деятельности в области информатики и телекоммуникации // Копылов В.А. Информационное право. М.: Юристъ, 1997. С. 306 - 308.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 9 сентября 2000 г. N Пр-1895 // Российская газета. 2000. 28 сент.

Об арбитражных судах в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. N 1-ФКЗ // СЗ РФ. 1995. N 18. Ст. 1589.

Патентный закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. N 3517-1 // Ведомости РФ. 1992. N 42. Ст. 2319.

О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных: Закон РФ от 23 сентября 1992 г. N 3523-1 // Ведомости РФ. 1992. N 42. Ст. 2325.

О правовой охране топологий интегральных микросхем: Закон РФ от 23 сентября $1992 \, \text{г.} \, \text{N} \, 3526\text{-}1 \, // \, \text{Ведомости РФ}. \, 1992. \, \text{N} \, 42. \, \text{Ст.} \, 2328.$

О товарных знаках, знаках обслуживания и наименованиях мест происхождения товаров: Закон РФ от 23 сентября 1992 г. N 3520-1 // Ведомости РФ. 1992. N 42. Ст. 2322.

О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. N 2124-1 // Ведомости РФ. 1992. N 7. Ст. 300.

О защите прав потребителей: Закон РФ от 7 февраля 1992 г. N 2300-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. N 15. Ст. 766.

Об авторском праве и смежных правах: Закон РФ от 9 июля 1993 г. N 5351-1 // Ведомости РФ. 1993. N 32. Cт. 1242.

О бухгалтерском учете: Федеральный закон от 21 ноября 1996 г. N 129-ФЗ // СЗ РФ. 1996. N 48. Ст. 5369.

О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. N 162-ФЗ // СЗ РФ. 2003. N 50. Ст. 4848.

О государственной автоматизированной системе Российской Федерации "Выборы": Федеральный закон от 10 января 2003 г. N 20-ФЗ // СЗ РФ. 2003. N 2. Ст. 172.

О государственном языке Российской Федерации: Федеральный закон от 1 июня 2005 г. N 53-Ф3 // C3 РФ. 2005. N 23. Ст. 2199.

О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 8 августа 2001 г. N 128-ФЗ // СЗ РФ. 2001. N 33. Ч. 1. Ст. 3430.

О персональных данных: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 152-ФЗ // СЗ РФ. 2006. N 31. Ч. 1. Ст. 3451.

О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. N 35-ФЗ // СЗ РФ. 2006. N 11. Ст. 1146.

О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля $2002 \, \Gamma$. N $114-\Phi 3$ // C3 P Φ . 2002. N 30. CT. 3031.

О ратификации договора между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о взаимной правовой помощи по уголовным делам: Федеральный закон от 3 ноября 2000 г. N 133-Ф3 // СЗ РФ. 2000. N 45. Ст. 4401.

О ратификации Европейской конвенции о взаимной помощи по уголовным делам и Дополнительного протокола к ней: Федеральный закон от 25 октября 1999 г. N 193-ФЗ // C3 PФ. 1999. N 43. Ct. 5132.

О ратификации Европейской конвенции о выдаче, Дополнительного протокола и Второго дополнительного протокола к ней: Федеральный закон от 25 октября 1999 г. N 190-ФЗ // СЗ РФ. 1999. N 43. Ст. 5129.

О ратификации Конвенций по морскому праву: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 октября 1960 г. // Ведомости СССР. 1960. N 42. Ст. 390.

О рекламе: Федеральный закон от 13 марта 2006 г. N 38-ФЗ // СЗ РФ. 2006. N 12. Ст. 1232.

О рекламе: Федеральный закон от 18 июля 1995 г. N 108-ФЗ // СЗ РФ. 1995. N 30. Ст. 2864.

О связи: Федеральный закон от 7 июля 2003 г. N 126-ФЗ // СЗ РФ. 2003. N 28. Ст. 2895.

O связи: Федеральный закон от 16 февраля 1995 г. N 15-ФЗ // СЗ РФ. 1995. N 8. Ст. 600.

О техническом регулировании: Федеральный закон от 27 декабря 2002 г. N 184-Ф3 // C3 РФ. 2002. N 52. Ч. 1. Ст. 5140.

О третейских судах в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. N 102-Ф3 // СЗ РФ. 2002. N 30. Ст. 3019.

Об архивном деле в Российской Федерации: Федеральный закон от 22 октября 2004 г. N 125-Ф3 //С3 РФ. 2004. N 43. Ст. 4169.

Об информации, информатизации и защите информации: Федеральный закон от 20 февраля 1995 г. N 24-ФЗ // СЗ РФ. 1995. N 8. Ст. 609.

Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 г. N 149-Ф3 // C3 РФ. 2006. N 31. Ч. 1. Ст. 3448.

Об обязательном экземпляре документов: Федеральный закон от 29 декабря 1994 г. N 77- Φ 3 // C3 P Φ . 1995. N 1. Ct. 1.

Об участии в международном информационном обмене: Федеральный закон от 5 июня $1996 \, \Gamma$. N 85-ФЗ // СЗ РФ. $1996 \, N$ 28. Ст. $3347 \, M$

Об электронной цифровой подписи: Федеральный закон от 10 января 2002 г. N 1-Ф3 // C3 РФ. 2002. N 2. $C\tau$. 157.

О предоставлении электронных финансовых услуг: проект Федерального закона N 6932-3.

О сделках, совершаемых с помощью электронных средств: проект Федерального закона N 27813-3 // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М., 2000. С. 17 - 26.

Об Интернете: проект модельного закона государств - участников СНГ // Лента. Ру (http://lenta.ru/articles/2008/01/29/project).

Об электронной торговле: проект Федерального закона N 310163-4.

О совершенствовании деятельности в области информатизации органов государственной власти Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 февраля 1994 г. N 361 // САПП РФ. 1994. N 9. Ст. 699.

Об основах государственной политики в сфере информатизации: Указ Президента РФ от 20 января 1994 г. N 170 // САПП РФ. 1994. N 4. Ст. 305.

О Министерстве связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 2 июня 2008 г. N 418 // C3 РФ. 2008. N 23. Ст. 2708.

Вопросы Министерства культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 6 апреля 2004 г. N 157 // C3 РФ. 2004. N 15. Ст. 1449.

О лицензировании деятельности по разработке и (или) производству средств защиты конфиденциальной информации: Постановление Правительства РФ от 31 августа 2006 г. N 532 // C3 РФ. 2006. N 36. Ст. 3837.

О Министерстве культуры Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29 мая 2008 г. N 406 // СЗ РФ. 2008. N 22. Ст. 2583.

О присоединении Российской Федерации к международной Конвенции об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций: Постановление Правительства РФ от 20 декабря 2002 г. N 908 // C3 РФ. 2002. N 52. Ч. II. Ст. 5217.

О Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций: Постановление Правительства РФ от 2 июня 2008 г. N 419 // C3 РФ. 2008. N 23. Ст. 2709.

О присоединении Российской Федерации к Бернской конвенции об охране литературных и художественных произведений в редакции 1971 года, Всемирной конвенции об авторском праве в редакции 1971 года и Дополнительным протоколам 1 и 2, Конвенции 1971 года об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм: Постановление Правительства РФ от 3 ноября 1994 г. N 1224 // C3 РФ. 1994. N 29. Ст. 3046.

Об утверждении Перечня наименований услуг связи, вносимых в лицензии, и Перечней лицензионных условий: Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2005 г. N 87 // C3 РФ. 2005. N 9. Ст. 719.

Об утверждении Положения о Министерстве информационных технологий и связи Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 26 июня 2004 г. N 311 // C3 РФ. 2004. N 27. Ст. 2774.

Об утверждении Положения о Министерстве по связи и информатизации Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 28 марта 2000 г. N 265 // C3 РФ. 2000. N 14. Ст. 1498.

Об утверждении Правил продажи товаров дистанционным способом: Постановление Правительства РФ от 27 сентября 2007 г. N 612 // C3 РФ. 2007. N 41. Ст. 4894.

О Федеральной целевой программе "Электронная Россия (2002 - 2010 годы)": Постановление Правительства РФ от 28 января 2002 г. N 65 // C3 РФ. 2002. N 5. Ст. 531.

О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторских и смежных правах: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 июня 2006 г. N 15 // ВВС РФ. 2006. N 8.

О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. N 3 // BBC РФ. 2005. N 4.

Об утверждении Перечня выходных сведений, размещаемых в непериодических печатных изданиях: Приказ Мининформпечати России от 28 июня 1993 г. N 127 // БНА. 1993. N 11.

Об утверждении Правил взаимодействия операторов связи с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: Постановление Правительства РФ от 27 августа 2005 г. N 538 // СЗ РФ. 2005. N 36. Ст. 3704.

Об утверждении Порядка представления налоговой декларации в электронном виде по телекоммуникационным каналам связи: Приказ МНС России от 2 апреля 2002 г. N БГ-3-32/169 // БНА. 2002. N 21.

Концепция использования информационных технологий в деятельности федеральных органов государственной власти до 2010 года, одобрена распоряжением Правительства РФ от 27 сентября 2004 г. N 1244-р // СЗ РФ. 2004. N 40. Ст. 3981.

О подписании Европейской конвенции о трансграничном телевидении: распоряжение Правительства РФ от 26 июля 2006 г. N 1060-р // C3 РФ. 2006. N 31. Ч. II. Ст. 3529.

О подписании Конвенции Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах: распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2006 г. N 1821-р // СЗ РФ. 2007. N 1. Ч. II. Ст. 346.

О подписании Конвенции о киберпреступности: распоряжение Президента РФ от 15 ноября 2005 г. N 557-рп // СЗ РФ. 2005. N 47. Ст. 4929.

О гарантиях доступности информации о деятельности органов государственной власти города Москвы: Закон города Москвы от 31 марта 2004 г. N 20 // Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2004. 7 мая. N 27.

О создании общественно-государственного объединения "Ассоциация документальной электросвязи": распоряжение Правительства РФ от 19 января 2000 г. N 77-р // СЗ РФ. 2000. N 5. Ст. 554.

ГОСТ 7.4-95 "Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Выходные сведения". М.: ИПК "Изд-во стандартов", 2003.

ГОСТ 7.83-2001 "Электронные издания. Основные виды и выходные сведения". М.: ИПК "Изд-во стандартов", 2002.

ГОСТ Р 52292-2004 "Информационная технология. Электронный обмен информацией. Термины и определения". М.: ИПК "Изд-во стандартов", 2005.

Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники: Инструктивные указания Госарбитража СССР от 29 июня 1979 г. N И-1-4 // Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража СССР. 1983. С. 47.

Перечень регулярной обязательной информации для размещения федеральными органами исполнительной власти в российском сегменте сети Интернет от 27 июня 2001 г. N МК-П44-11243 // Право и Интернет: http://russianlaw.net/law/laws/t28.htm.

Регламент и тарифы на услуги по регистрации доменов второго уровня в зоне .RU // Координационный центр национального домена сети Интернет (http://www.cctld.ru/ru/doc/acting/?id21=21&i21=9).

Рекомендации по организации деятельности лиц в сфере интернет-коммерции в Российской Федерации. Проект // РФК: Финансовые коммуникации (http://www.rfc.ru/duma/recomic.doc).

Совместное информационное письмо Союза операторов Интернета и Российского НИИ развития общественных связей от 12 марта 2000 г. // INFOART.RU (http://scripts.online.ru/it/news/00/03/13 706.htm).

Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением Закона Российской Федерации "Об авторском праве и смежных правах": информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 сентября 1999 г. N 47 // Вестник ВАС РФ. 1999. N 11.

Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением законодательства о рекламе: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 декабря 1998 г. N 37 // Вестник ВАС РФ. 1999. N 2.

Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, утверждена Президентом РФ 7 февраля 2008 г. // Российская газета. 2008. 16 февр.

2. Нормативные материалы на иностранных языках

Act (1998:112) on Responsibility for Electronic Bulletin Boards // PEOPLE.DSV.SU.SE (http://dsv.su.se/jpalme/society/swedish-bbs-act.html).

Communication Decency Act // Aufderheide P.A. Communications Policy and the Public Interest: The Telecommunications Act of 1996. N.Y.: The Guilford Press, 1999.

Digital Millenium Copyright Act (DMCA) // Wilbur M.K. DMCA: The Digital Millenium Copyright Act. Lincoln (Nebraska): Writers Club Press, 2001.

Defamation Act // Sandford C., Boyle F. Defamation Act 1996: The New Law (Impact Series). Newcastle upon Tyne: Northumbria Law Press, 1997.

Patriot Act United States of America (Act of 2001) // Epic.org: Electronic Privacy Information Center (http://www.epic.org/privacy/terrorism/hr3162.html).

Rapport du groupe preside par Mileo Thierry: Les reseaux de la societe de l'information. P.: Editions - ASPE, 1996.

Rapport du groupe preside par Lasserre Bruno: L'Etat et les technologies de l'information. Vers une administration a acces pluriel. P.: La documentation française, 2000.

Reglement (CE) N 44/2001 du Conseil du 22 decembre 2000 concernant la competence judiciaire, la reconnaissance et l'execution des decisions en matiere civile et commerciale // Official Journal L 012. 2001. 16 Jan. P. 1 - 23.

Акт о совершенствовании системы кибербезопасности США (CSEA) // Cyber security enhancement act of 2001: Hearing. Washington: GPO, 2002.

Немецкий Закон о защите данных в сфере телеинформатики Mediendienstestaatsvertrag (MDStV) // netlaw.de: STROMER RECHTSAN WALTE (http://netlaw.de/gesetze/mdstv.htm).

Немецкий Закон о защите данных в сфере телеинформатики Teledienstedatenschutzgesetz - TDDSG // http://www.kanzlei.de/iukdg 2.htm.

Решение Новозеландского Верховного суда от 5 июня 1998 г. N CP147/98 ("Oggi") // Aardvark Daily (http://aardvark.co.nz/n357.htm).

Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Соглашение ТРИПС) // International Investment Instruments: A Compendium. Vol. I. N.Y.; Geneva: United Nations, 1996. P. 337 - 371.

Французский Закон о свободе прессы от 29 июля 1881 г. // La loi de 1881 a l'aube du III millenaire. Revue thematique de droit de la communication LEGICOM. N 28. P.: Victoires Editions, 2003.

3. Научная литература на русском языке

Авакьян С.А. Государственно-правовые нормы и обычаи: соотношение и регулятивная деятельность Советов // Советское государство и право. 1978. N 8. C. 12 - 20.

Алексеев С.С. Проблемы теории права: Основные вопросы общей теории социалистического права. Курс лекций: В 2 т. Т. 1. Свердловск, 1972.

Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1993.

Алексеев С.С. Теория права. М.: БЕК, 1995.

Алексеев С.С. Частное право. М.: Статут, 1999.

Алексеев С.С. Общая теория права: Учебник. 2-е изд. М.: ТК "Велби"; Проспект, 2008.

Англо-русский словарь / В.Д. Аракин, З.С. Выгодская, Н.Н. Ильина. 13-е изд. М.: Рус. яз., 1990.

Бабкин С.А. Общественные отношения, регулируемые правом интеллектуальной собственности // Интеллектуальная собственность в сети Интернет. М.: АО "Центр ЮрИнфоР", 2005. С. 7 - 74.

Баршев В. Интернет-соблазны: Наш бизнес в Сети растет, но на Западе он растет еще быстрее // Российская бизнес-газета (http://www.rg.ru/2004/12/15/internet-biznes.html).

Батурин Ю.М. "Компьютерное преступление" - что за термином? // Право и информатика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 89 - 99.

Батурин Ю.М. Проблемы компьютерного права. М.: Юрид. лит., 1991.

Бачило И.Л. Актуальные проблемы информационного права // НТИ (Теоретические проблемы информационного права). 2001. N 9. C. 3 - 7.

Бачило И.Л. Информационное право. М.: Юринформцентр, 2001.

Бачило И.Л. Информационное право. Роль и место в системе права Российской Федерации // Государство и право. 2001. N 2. C. 5 - 14.

Бачило И.Л. Информация как предмет правоотношений // НТИ (Теоретические проблемы информационного права). 1997. N 9. C. 17 - 25.

Бачило И.Л. Свободный доступ к информации и Интернет // Информационное общество. 2000. Вып. 4. С. 42 - 44.

Богдановская И.Ю. Правовое регулирование электронной коммерции // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М.: РАГС, 2000. С. 37 - 38.

Богуславский М.М. Международное частное право: Учебник. М.: Юристь, 2002.

Булатецкий Ю.Е. Правовое обеспечение электронной торговли // Коммерческое (торговое) право / Под ред. Ю.Е. Булатецкого. М.: ИД "ФБК-ПРЕСС", 2002. С. 880 - 934.

Бунимович Н.Т. и др. Краткий словарь современных понятий и терминов / Сост. и общ. ред. В.А. Макаренко. 2-е изд. М.: Республика, 1995.

Васильев Г.В., Забегалин Д.А. Правовое регулирование электронного бизнеса в России и за рубежом // Электронный бизнес и реклама в Интернете. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008. С. 106 - 114.

Венгеров А.Б. Категория "информация" в понятийном аппарате юридической науки // Советское государство и право. 1977. N 10. C. 70 - 78.

Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления (Теоретические вопросы). М.: Юрид. лит., 1978.

Венгеров А.Б. Сущность и содержание, понятие и определение права // Теория государства и права. М.: Юриспруденция, 1999. С. 315 - 336.

Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Юриспруденция, 1999.

Венгеров А.Б. Теория государства и права: В 2 ч. М.: Юристъ, 1996. Ч. II: Теория права. Т. 1.

В России растет число киберпреступлений - МВД России // ИТАР-ТАСС УРАЛ (http://www.itartass.ur.ru/news/?id=23911).

Гаврилов О.А. Математические методы и модели в социально-правовом исследовании. М.: Наука, 1980.

Гаврилов О.А. Основы правовой информатики: Учеб. пособие. М.: Академ. прав.; Ун-т при Ин-те государства и права РАН, 1998.

Тенин М. Интернет и СМИ - общие вопросы необходимости регистрации и налогообложения сетевых СМИ // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М.: РАГС, 2000. С. 44 - 46.

Голоскоков Л.В. Теория сетевого права / Под ред. А.В. Малько. СПб.: Изд-во Р. Асланова "Юридический центр Пресс", 2006.

Доклад Генерального директора ЮНЕСКО относительно проекта Хартии о сохранении цифрового наследия (Париж, 9 апреля 2002 г.) // Информация для всех (http://www.ifap.ru/events/ev0203c.htm).

Ефремов А.А. Правовые аспекты применения информационных технологий при осуществлении правосудия в Российской Федерации // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М.: РАГС, 2000. С. 55 - 58.

Ефремов Н.В. Опыт саморегулирования в Интернете // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М.: РАГС, 2000. С. 58 - 61.

Интернет: Социоантропологический аспект / И.П. Аносов и др. М.: Скрипторий, 2002.

Информационное право: Учебник / Под ред. Б.Н. Топорнина. 2-е изд. СПб.: Изд-во Р. Асланова "Юридический центр Пресс", 2005.

Йирка К.А. Компьютерные технологии на службе у правового государства: средства связи и исследования / Пер. с англ. А. Резникова. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 2000.

Керимов Д.А. Кибернетика и право // Советское государство и право. 1962. N 11. C. 98 - 104.

Кнапп В.О. Возможности использования кибернетических методов в праве. Пер. с чешск. М.: Прогресс, 1965.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. 2-е изд. М.: Юрид. фирма "КОНТРАКТ"; ИНФРА-М, 2003.

Копылов В.А. Интернет и право // НТИ (Теоретические проблемы информационного права). 2001. N 9. C. 8 - 16.

Копылов В.А. Информационное право. М.: Юристь, 1997.

Кортиков А.М., Носова И.А. Вы создали сайт. Как его защитить? (Защита объектов интеллектуальной собственности, созданных при разработке сайта) // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М., 2000. С. 64 - 67.

Крысин Л.П. Толковый словарь иностранных слов. 4-е изд. М.: Рус. яз., 2002.

Кудрявцев В.Н. Уголовная юстиция как система // Правовая кибернетика. М.: Наука, 1973. С. 7 - 21.

Кудрявцев Ю.В. Избыточность правовой информации // Советское государство и право. 1978. N 12. C. 53 - 60.

Кудрявцев Ю.В. Ценность правовой информации // Правоведение. 1977. N 1. C. 45 - 51.

Курушин В.Д., Минаев В.А. Компьютерные преступления и информационная безопасность. М.: Новый юрист, 1998.

Кутафин О.Е., Копылов В.А. Проблемы становления информационного права в России // НТИ (Теоретические проблемы информационного права). 1999. N 8. C. 16 - 26.

Леанович Е.Б. Проблемы правового регулирования интернет-отношений с иностранным элементом // Право и Интернет (http://www.russianlaw.net/law/doc/a102.htm).

Лессиг Л. Свободная культура. Пер. с англ. М.: Прагматика культуры, 2007.

Лукьянов А.А. Основные концепции интернет-права // Информационное право. 2007. N 3.

Малько А.В. Проблемы льгот и поощрений в праве // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Юристь, 2002. С. 390 - 409.

Малько А.В. Проблемы правовых средств // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Юристь, 2002. С. 354 - 372.

Мальцев Г.В. Понимание права: Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999.

Мальцев Г.В. Развитие управления и право: взгляд в будущее // Влияние научнотехнического прогресса на юридическую жизнь. М.: Юрид. лит., 1988. С. 43 - 57.

Мальцев Г.В. Формы раннего права и государства // Проблемы общей теории права и государства. М.: Норма, 2006. С. 102 - 135.

Мартемьянов В.С. Хозяйственное право: В 2 т. М.: БЕК, 1994. T. 2. C. 1 - 30.

Марченко М.Н. Является ли судебная практика источником российского права? // Проблемы теории государства и права / Под ред. М.Н. Марченко. М.: Юристъ, 2002. С. 529 - 546.

Мещенков В. Основные юридические проблемы при оказании рекламных и маркетинговых услуг в Интернете // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М.: РАГС, 2000. С. 70 - 72

Мининформсвязи насчитало в России 17 миллионов компьютеров // CITCITY (http://www.citcity.ru/11478).

Морозов А.В. Интернет и проблемы правовой информатизации // Парламентские слушания в Государственной Думе. 17 декабря 1996 г. М., 1996.

Морозов А.В. Система правовой информатизации Минюста России. М.: Триумф, 1999.

Наумов В.Б. Суверенные сети // Компьютерра. 1999. N 43. C. 22 - 23.

Некрасов Я. Выборы по карточкам // Огонек (http://www.ogoniok.ru/4920/20).

Новый англо-русский словарь / Сост. В.К. Мюллер и др. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1996.

Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М.: Юристь, 1994.

Общая теория права / Под ред. А.С. Пиголкина. М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1996. С. 384.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999.

Основы правовой кибернетики: Учеб. пособие / Под ред. Н.С. Полевого, А.Р. Шляхова. М.: Изд-во МГУ, 1977.

Основы применения кибернетики в правоведении / Под ред. Н.С. Полевого, Н.В. Витрука. М.: Юрид. лит., 1977.

Пешин Н.Л. Правовые проблемы применения компьютерных технологий в системе российского права // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М., 2000. С. 88 - 92.

Подшибихин Л.И. Некоторые проблемы правовой охраны объектов авторского права и смежных прав в Интернете // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М., 2000. С. 93 - 94.

Попондопуло В.Ф. Правовой режим предпринимательства. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994.

Правовая информация / Отв. ред. А.Ф. Шебанов, А.Р. Шляхов, С.С. Москвин. М.: Наука, 1974.

Правовая кибернетика / Отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1970.

Преступления в сфере компьютерной информации: квалификация и доказывание: Учеб. пособие / Под ред. Ю.В. Таврилина. М.: Юрид. ин-т МВД РФ, 2003.

Преступность и коррупция: современные российские реалии / Под ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Сарат. центр по исслед. проблем организ. преступности и коррупции; Сателлит, 2003.

Проблемы общей теории права и государства / Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М.: Норма, 2008.

Просвирнин Ю.Г. Информационное законодательство: современное состояние и пути совершенствования. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000.

Протасов В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства. М.: Новый юрист, 1999.

Протасов В.Н. Что и как регулирует право: Учеб. пособие. М.: Юристь, 1995.

Радченко М.Ю., Горбунов В.П. Цифровое право будущего // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М., 2000. С. 47 - 53.

Рамазанов А.Т. Информатизация правовой сферы. М.: Эконом. образование, 2000.

Рассолов И.М. Предмет коммерческого права. Взаимосвязь гражданского и коммерческого права // Коммерческое право: Учеб. пособие / Под ред. М.М. Рассолова. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. С. 3 - 28.

Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М.: Норма, 2003.

Рассолов И.М. Интернет-право. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2004.

Рассолов И.М. Общественные отношения // Машкин Н.А., Рассолов И.М. Обществознание: Учеб. пособие. М.: Норма, 2001. С. 11 - 15.

Рассолов И.М. Проблемы интернет-права в юридической науке // Социальноэкономические исследования. 2006. N 2(4). C. 125 - 139.

Рассолов М.М. Проблемы теории государства и права. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2007.

Рассолов М.М. Информационное право: Анализ и решение практических задач. М., 1998.

Рассолов М.М. Информационное право. М.: Юристь, 1999.

Рассолов М.М. Управление, информация и право. М.: Мысль, 1983.

Рассолов М.М. Элементы правовой кибернетики. М.: Академия МВД СССР, 1976.

Рейман Л.Д. Информационное общество и роль телекоммуникаций в его становлении // Вопросы философии. 2001. N 3. C. 3 - 9.

Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешения споров. М.: Междунар. центр фин.-эконом. развития, 1996.

Российские хакеры ответили по-английски // Коммерсантъ-власть. 2006. 9 окт.

Русский толковый словарь / В.В. Лопатин, Л.Е. Лопатина. М.: Эксмо, 2005.

Савельев Д.А. Международно-правовые принципы глобального информационного общества // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М., 2000. С. 95 - 97.

Сборник методических материалов по курсам "Теория государства и права" и "Проблемы теории государства и права" / Сост. М.М. Рассолов. М.: РПА МЮ РФ, 2002.

Сдача отчетности по электронной почте // FD.ru (http://www.fd.ru/article/5629.html).

Семилетов С.И. Информация как особый нематериальный объект права // Государство и право. 2000. N 5. C. 67 - 74.

Сергеев С. Америка ловит пиратов в России // Центр исследования компьютерной преступности (http://www.crtme-research.ra/news/01.09.2006/2794).

Словарь иностранных слов. 14-е изд. М.: Рус. яз., 1987.

Словарь иностранных слов и выражений / Сост. Е.С. Зенович. М.: Олимп АСТ-ЛТД, 1997.

Солдатов А.С. Право как инструмент социального управления. М.: РПА МЮ РФ, 2002.

Тедеев А.А. Информационное право (право Интернета): Учеб. пособие. М.: Эксмо, 2005.

Телекоммуникации и право: Вопросы стратегии / Под ред. Ю.М. Батурина. М.: Центр "Право и СМИ", 2000.

Теория государства и права / Под ред. А.И. Косарева. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2000.

Теория государства и права / Под ред. В.К. Бабаева. М.: Юристъ, 2006.

Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997.

Терещенко Л.К. Правовые проблемы использования Интернета в России // Журнал российского права. 1999. N 7-8. C. 32 - 37.

Тимофеев Д.А. Предпринимательская деятельность в сети Интернет: общие проблемы правового регулирования // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М., 2000. С. 117 - 119.

Толковый словарь иностранных слов в русском языке / Сост. Т.Н. Носик, В.А. Суханова. Смоленск: Русич, 2001.

Трофимова Г.Н. Как обозначить принадлежность к Интернету // Мир русского слова. 2001. N 4. C. 73 - 75.

Трунк А. Использование современных коммуникационных технологий в юриспруденции // Государство и право. 2001. N 3. C. 108 - 111.

Фалалеев М. Нургалиев почистит Интернет: МВД предложило повысить ответственность владельцев сайтов за распространение незаконной информации // Российская газета. 2006. 1 нояб.

Федотов М.А. Киберпространство как сфера обитания права // Бюллетень по авторскому праву. 1999. Т. XXXII. N 1. C. 21 - 30.

Чибинев В.М., Кузьмин А.П. Перспективы правового регулирования интернетотношений // Информационное право. 2006. N 3.

Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М.: Наука, 1988.

Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005.

Шамраев А.В. Правовое регулирование информационных технологий. Анализ проблемы и основные документы. М.: Статут; Интертех; Изд. группа "БДЦ-пресс", 2003.

Юридический энциклопедический словарь / Под ред. А.Я. Сухарева. М.: Сов. энциклопедия, 1984.

Якушев М.В. Интернет и право: новые проблемы, подходы, решения // Третья Всероссийская конференция "Право и Интернет: теория и практика", 28 - 29 ноября 2000 г. Сб. докладов. М., 2000. С. 132 - 133.

4. Научная литература на иностранных языках

Baillet F. Internet: le droit du cybercommerce. Issy-les-Moulineaux: Strategies, 2000.

Bertrand A., Piette-Coudol Th. Internet et le droit. P.: Presses Universitaires de France, 1999.

Chamoux J.-P. Droit de la communication. P.: Presses Universitaires de France, 1994.

Feral-Schuhl Ch. Cyberdroit. Le droit a l'epreuve de l'internet. P.: Dunod, 2000.

Gibson W. Neuromancer. N.Y.: Berkeley Publishing Group, 1984.

Goldsmith J., Lessig L. Grounding the Virtual Magistrate // http://www.lessig.org/content/articles/works/magi-strate.html.

Greenleaf G. An Endnote on Regulating Cyberspace: Architecture Vs Law? // University of NSW: Law Journal (http://www.austlii.edu.au/au/journals/UNSWLJ/1998/52.html).

Johnson D.R., Post D.G. Law and Borders - The Rise of Law in Cyberspace // Cyberspace Law Institute (http://www.cli.org/X0025 LBFIN.html).

Johnson D.R., Post D.G. And How Shall the Net Be Governed? A Meditation on the Relative Virtues of Decentralized, Emergent Law // Cyberspace Law Institute (http://www.cli.org/emdraft.html).

Huet J., Maisl H. Droit de l'Informatique et des Telecommunications. P.: Litec, 1989.

Higgins J. Net Profit - How to Use the Internet to Improve Your Business. Auckland, Nouvelle-Zelande: Penguin Books Ltd, 1997.

Katsh M.E. Law in Digital World. Oxford: Oxford University Press, 1995.

Le commerce electronique: aspects juridiques sous la direction de Alain Bensoussan. P.: HERMES, 1998.

Lessig L. Reading the Constitution in Cyberspace // Emory Law (http://www.law.emory.edu/ELJ/volumes/sum96/lessig.html).

Lessig L. The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach // Berkman: The Berkman Center for Internet & Society at Harvard Law School (http://cyber.law.harvard.edu/home/uploads/199/1999-05.pdf).

Menthe D. Jurisdiction in Cyberspace: A Theory of International Spaces // Michigan Telecommunications and Technology Law Review (http://www.mttlr.org/volfour/menthe art.html).

Post D.G. Anarchy, State, and the Internet: An Essay on Law-Making in Cyberspace // Temple University (http://www.temple.edu/lawschool/dpost/Anarchy.pdf).

Sandford C., Boyle F. Defamation Act 1996: The New Law (Impact Series). Newcastle upon Tyne, 1997 (http://www.opsi.gov.uk/acts/acts1996/1996031.htm).

Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. N.Y.: McGraw-Hill, 1996.

Wilbur M.K. DMCA: The Digital Millenium Copyright Act. Lincoln (Nebraska), 2001 (http://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf).

5. Диссертации и авторефераты

Венгеров А.Б. Право и информация в условиях автоматизации управления. Теоретические проблемы: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1975.

Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: Дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

Грибанов Д.В. Правовое регулирование кибернетического пространства как совокупности информационных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003.

Макарова Е.М. Проблемы правового регулирования использования Интернета в предпринимательской деятельности: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Полякова Т.А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

Попондопуло В.Ф. Проблемы правового режима предпринимательства: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1994.

Просвирник Ю.Г. Теоретико-правовые аспекты информатизации в современном российском государстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

Пушкин Д.С. Интернет и противоправные деяния (Теоретический аспект): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

- Глава 1. Интернет-право как область научного знания
 - § 1. Киберпространство и позитивное право
 - § 2. Основные подходы к пониманию интернет-права
 - § 3. Интернет-право как новое научное направление и межотраслевой институт права
 - § 4. Источники интернет-права
 - § 5. Характеристика отношений, регулируемых интернет-правом
 - § 6. Методы и средства регулирования интернет-отношений
 - § 7. Место интернет-права в системе права и в системе юридических наук
- Глава 2. Интернет и право виртуального пространства: вопросы теории и практики
 - § 1. Общая концепция Интернета в свете теории права
 - § 2. "Дерево целей" в Интернете
 - § 3. Сущность интернет-права
 - § 4. Возможные модели регулирования в Интернете
 - § 5. Интернет как объект правового регулирования
 - § 6. Форум прав в Интернете и решение актуальных проблем регулирования интернет-отношений
 - § 7. Право виртуального пространства: понятие, основные черты и формы проявления
- Глава 3. Теоретические проблемы ответственности по интернет-праву
 - § 1. Понятия киберпреступления и юридической ответственности в интернет-праве
 - § 2. Особенности отдельных правонарушений в киберпространстве (распространение экстремистских материалов в Интернете; клевета в Интернете; незаконное распространение порнографических материалов в Интернете; нарушение правил интернет-торговли; нарушение авторских и смежных прав в Сети)

Распространение экстремистских материалов в Интернете

Клевета в Интернете

Незаконное распространение порнографических материалов в Интернете

Нарушение правил интернет-торговли

Нарушение авторских и смежных прав в Сети

- § 3. Совершенствование законодательства об ответственности за качество информации, распространяемой во всемирной сети Интернет
- § 4. Совершенствование законодательства об ответственности в сфере борьбы с киберпреступностью
- Глава 4. Правосознание и правовая культура субъектов интернет-отношений
 - § 1. Правосознание субъектов интернет-отношений

Структура правосознания субъектов интернет-отношений

Функции правосознания в области Интернета

Виды правосознания

Деформации правосознания

§ 2. Правовая культура субъектов интернет-отношений

Заключение

Список литературы

- 1. Нормативные материалы на русском языке
- 2. Нормативные материалы на иностранных языках
- 3. Научная литература на русском языке
- 4. Научная литература на иностранных языках
- 5. Диссертации и авторефераты

THE BOOK IS MADE BY AXL-ROSE@YA.RU